Юрий Доброправов

Акробат

Дилогия в одном томе

- Акробат
- Звездный меч

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первые годы после распада СССР. Ветеран афганской войны знакомится со странным человеком. В результате этого герой попадает в другой мир, где его ждут приключения, опасности, предательства и настоящая любовь.

- Юрий Николаевич Добронравов
  - Акробат
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Эпилог
  - Звездный меч
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Эпилог

Юрий Николаевич Добронравов
Акробат. Дилогия (СИ)

Акробат

Глава 1
Знакомство

Раздолбанный троллейбус маршрута N 47 под завязку набитый нервными озлобленными людьми периодически проваливался в дорожные колдобины, вызывая очередной всплеск головной боли. Даже если прислонить голову к холодному стеклу, это мало помогало. Не помогали и противные брызги мелкого дождя, влетающие в вагон через открытую форточку, которую так и не удалось закрыть еще, наверное, с самого лета. В карман тоже лезть не имело смысла — последняя таблетка «Пенталгина» была проглочена еще два часа назад, но сколь-нибудь заметного облегчения не принесла. Алексей Корогод стоял возле окна, сжатый со всех сторон своими сотрудниками — работниками машиностроительного завода. Рабочие не получали зарплаты месяца четыре, и это обстоятельство не добавляло им дружелюбия. Время от времени до Лехи долетала ругань и угрозы, упреки за отдавленные ноги и грубые требования освободить двери и позволить выйти.

Задняя дверь, не выдержав напора осаждающих ее снаружи и обороняющих изнутри, поклацала пускателями и отказалась повиноваться кому бы то ни было. В том числе и водителю. Народ, чертыхаясь, потянулся через весь вагон к средней, еще работающей двери. Лешка с тоской думал, что скоро и ему нужно будет расталкивать людей, пробираясь к выходу. Но самое неприятное ждало впереди — нелегкий и скорее всего бесполезный разговор с бывшей женой. Безусловно, Светка не согласится и на этот вариант размена квартиры, как и на все предыдущие. Все кончится скандалом, истерикой, может быть, как и прошлый раз, дракой со Штырем — теперешним сожителем Светланы.

— Для кого-то жизнь — зебра — полоса черная, полоса белая. У меня же, кажется, не зебра, а таблица настройки цветного телевизора на экране черно-белого. Никаких оттенков, никаких цветов, только мрачная серость. Полоса белая, серая, темно-серая, темнее, еще темнее, еще…И в перспективе белизны, вроде бы не ожидается, скорее, сплошная чернота. Прямо зло берет! — думал Лешка, стиснутый со всех сторон, как килька в консервной банке. Настроение, как и у всех окружающих, было ни к черту. Да еще эта боль…

Когда же началась эта беспросветная «зебра»? Нужно бы разобраться, вспомнить, но, чем больше думаешь и вспоминаешь,

тем сильнее заводишься, психуешь. В результате — головная боль… Эти мысли… Лезут и лезут в голову, не дают спать по ночам, а днем вводят в какое-то заторможенное состояние. Никуда от них не деться, не прогнать, не отвлечься… Самому противно, никогда раньше не возникала эта проклятая жалость к самому себе.

Конечно, можно винить военкома, который вместо спортроты отправил Алешку в Афган. Но, ведь, сам виноват, не нужно было бить фэйс его родичу. Подумаешь, приставал к Светке, оскорблял, матерился! Мало ли других хамов, так нет, выбрал именно этого — «такого дяди племянника»!

А ведь он был уверен, что и в армии будет продолжать спортивную карьеру. Его друзья-соратники по рингу призвавшись, продолжали выступать за СКА или «Динамо», некоторые даже стали мастерами спорта. Он же спортом занимался с детства. Боксер-разрядник, призер Украины среди юниоров. Тренер, как в воду глядел, когда говорил, что после армии, если не попадет в спортивную часть, то как спортсмен погибнет (впрочем, он чуть не погиб не только, как спортсмен). О том, чтобы отмазать своего воспитанника и речи быть не могло. Тогда служили буквально все. Даже физические недостатки не давали возможности отсидеться «на гражданке». Хоть в богом и начальством забытом стройотряде, но, будь добр, отслужи. Не мудрено, страна вела войну. Войну тихую, не рекламируемую, но самую настоящую. А Лешка, в общем-то и не возражал. Армия — так армия, Афган — так Афган. Против была мама. (И откуда только узнала. Где придется служить, Лешка не говорил. Не иначе «друзья» постарались). И против был тренер. Но уговорить комиссию отправить своего воспитанника в спортроту тренеру не удалось, уж очень влиятельным был районный военком.

— Это и хорошо, что он перспективный спортсмен и боксер. А кого прикажете на войну посылать, скрипачей, что ли? Или вы считаете, что Родину защищать должны только рабочие и колхозники?

— А ваши дети, господа кабинетные офицеры, тоже у черта на куличках, в Афганистане Родину защищают? — тренер никого и ничего не боялся, тот еще был боец, никогда от драки не уходил! Но его выгнали из кабинета, пообещав выгнать и с работы.

Или душманы виноваты? Или война, наконец? Как ни странно, в настоящее время к «духам» Алексей особой ненависти не испытывал. Они на него должны быть в гораздо большей обиде. Конечно, жаль, что тебя подранили буквально за считанные дни, до начала вывода войск из страны, но такова она,

солдатская судьбина. Что же касается войны, так, оглянувшись назад, понимаешь, что это было лучшее твое время, не смотря на боль, жажду, страх и ненависть. Вернуться бы туда, в Герат, к опасностям, риску, к верным друзьям, которые всегда прикроют спину и никогда не предадут. Эх, не судьба. «Ладно, прекрати, Алекс, ныть! Хватит, наконец, себя жалеть»

Что-то давило на затылок, какое-то неясное чувство дискомфорта или опасности.

«И что он уставился на меня, этот недомерок, будто череп сверлит глазами! Совсем нервы расшатались. Подумаешь, смотрит какой-то придурок. Рожа, почему-то кажется знакомой. Где-то видел или похож на кого-то? Ну и пусть себе…»

Светка… Да, безусловно, жениться до армии не следовало, но ведь любовь зла! И потом, не известно, как бы все сложилось, вернись Алексей домой здоровый. Маму тоже было жалко оставлять одну. Она тогда еще не совсем оправилась после смерти отца. Даже ссоры с невесткой — это лучше, чем одинокие вечера в пустой квартире перед опостылевшим телевизором. Так, по крайней мере, тогда он думал. Справедливости ради, нужно признать, что маму в могилу свели волнения, связанные с его ранением, а вовсе не скандалы со Светланой. А ее измены…, об этом мама даже не догадывалась.

Кто превратил его жизнь в этот мрачный телеэкран? Он сам, судьба, случай?

«Почему я вообще его заметил? Он еле виден из-за гораздо более крупных мужчин и габаритных женщин, заполнивших каждый свободный кубический сантиметр троллейбуса».

Даже то, что Светлана предпочла ему другого можно, в принципе, понять и как-то оправдать. Другое дело — квартирный вопрос. В свое время, чтобы не быть свидетелем Светкиного романа, Леха переселился в заводское общежитие. Временно, пока не удастся разменять квартиру. Но статус-кво, по—видимому, вполне устраивает его бывшую супругу. Не то, чтобы она была против — на словах, нет, но уже несколько месяцев отвергает любые варианты обмена, которые находит Алексей. Светке подавай отдельную однокомнатную квартиру в центре. А как разменять двухкомнатную «хрущевку» на окраине города на квартиру в центре для Светланы, да и себя не забыть, хоть комнатенку, только свою, без соседа-пьяницы, как в общаге, в данный момент. Даже если учесть, что рыночные отношения уже начали вторгаться в жизнь бывших советских граждан, и квартиру теперь можно купить или обменять с доплатой, Лешке это ничего не давало — таких денег у него просто не было.

Сегодня Светка наверняка отвергнет очередной вариант

обмена. Все снова закончилось скандалом. Так стоит ли вообще лишний раз мотать себе нервы и окончательно портить и без того плохое настроение? На это у него просто нет сил. Пожалуй, лучше поехать домой. Ха, домой! В общагу. Ну, пусть, в общагу, только бы не пробираться через весь троллейбус по ногам других пассажиров, не расталкивать и не протискиваться между спин и задниц, выслушивая упреки, а иногда и откровенные оскорбления в свой адрес. Как-никак, до общаги еще ехать и ехать, колымага успеет опустеть. А там, по пути надо бы зайти в аптеку, купить обезболивающее и наглотавшись «колес» завалиться в койку, с головой накрывшись одеялом.

Но и к его остановке троллейбус подкатил все еще набитый битком. С трудом выбравшись из него и наслушавшись всевозможных «комплиментов» в свой адрес, Алексей поспешил в ближайшую аптеку. Впрочем, «поспешил»— это, пожалуй, громко сказано. Каждый шаг отражался в голове вспышкой боли, боли до тошноты, почти до обморока. Только остатки былой силы воли заставляли делать очередной шаг. Невольно закрадывалась мысль: «Когда, наконец, все кончится?». Эта боль… Она не спроста. Терпеть ее становится все невыносимее. Не всегда помогают и обезболивающие препараты. Может быть, финал уже близок? Как ни странно, мысли о смерти не пугали Алексея. Он не очень-то боялся ее в Афгане, а уж здесь и вовсе перестал. Что он теряет? Жизнь? Такая жизнь не многого стоит. Жалкое существование на нищенскую пенсию. Нелюбимая (а последнее время, почти неоплачиваемая) работа. Две бранзулетки на груди вместо жизни, достойной человека, отдавшего Родине свое здоровье на войне. Впрочем, и той Родины уже нет. В новой стране в почете совсем другие патриоты. А ты, кто ты такой? Кто тебя просил воевать за коммунистические идеи? Кто тебя посылал на эту войну? И кому ты, вообще, нужен в этом мире? Самые близкие люди покоятся на городском кладбище. Любимая женщина предпочла другого. Если тебя не станет, многие вздохнут с облегчением. Кому-то достанется твоя квартира, кто-то сэкономит пенсионные деньги, кто-то просто позлорадствует, вспомнив старые обиды. А! Пропади оно все пропадом! Может стоит пустить себе пулю в висок? Кого-то это очень бы устроило. Но нет, черта с два! Не дождетесь! Я еще пока жив и сдаваться не привык. Мы еще «пабэгаэм»!

— Молодой человек, можно вас на минутку? — прозвучало за спиной.

Коротышка из троллейбуса. Что ему нужно, черт побери! Не случайно, выходит, пялился.

— Извини, парень, мне сейчас не до тебя. Попробуй с кем-

нибудь другим.

— Нет— нет, я не свидетель Иеговы! Но я хотел бы с вами поговорить, мне нужна помощь — настаивал незнакомец.

— От меня-то помощь? — усмехнулся Алексей — Да я зарплаты уже полгода не видел.

— Опять вы меня не так поняли. Мне не нужны ваши деньги, наоборот, я сам готов заплатить. Давайте посидим в кафе, поговорим. Я вас надолго не задержу.

— Извини, парень, не могу, спешу. Мне в аптеку надо. Я в данный момент не совсем здоров. Так что — не до тебя, — Алексей отвернулся от незнакомца, давая понять, что разговор окончен.

— А разве она работает? По-моему, там переучет — раздался за спиной голос собеседника.

Леха посмотрел в сторону аптеки. С этого расстояния разобрать, что за табличка висит на двери было невозможно, но женщина, которая, подергав ручку недовольно спускалась со ступенек, была видна отчетливо.

— Кстати, лучшее средство от головы…

— Знаю, — не то буркнул, не то подумал Лешка, — гильотина.

«А кто говорил о больной голове? Или уже на моем воспаленном лбу написано?»

— Ну почему, гильотина? — удивился незнакомец, — Коньяк, хороший коньяк. Поверьте голова сразу успокоится. Я угощаю.

Больше сопротивляться настойчивым просьбам коротышки не было сил. К тому же, вкуса коньяка Леха уже и не помнил. А вспомнить вдруг почему-то захотелось.

— Ладно, уговорил. Только, сам понимаешь, с меня взятки гладки.

— Само-собой, само-собой — засуетился незнакомец и, подхватив Леху под руку — пока не передумал, — потащил его к ближайшему заведению.

Кафешка была, в общем-то, не из дешевых. На стоянке перед входом стояли красивые машины, посетители были неплохо одеты. Алексей в своих потертых, но что гораздо хуже, не «фирмовых» джинсах и старом свитере выглядел явно посторонним. Но зато его спутник был здесь, судя по всему, завсегдатаем.

Сделав заказ официантке, незнакомец, взглянув на Леху, вдруг заволновался:

— Что, так плохо?

— Считай, что угадал. Зачем я, по-твоему, в аптеку шел? Вот что, парень, давай побыстрее и покороче. Сам видишь, мне не до

разговоров.

— Я, наверное, смогу вам помочь и без аптеки. Разрешите? — с этими словами коротышка быстро встал со своего места и забежал за спину Алексея. — Только не волнуйтесь и расслабьтесь. — Руки незнакомца легли на его голову. Вырваться Лешка не успел, а в следующее мгновение вырываться уже пропало желание. От рук незнакомца исходили волны теплой энергии, которые буквально парализовали его, прогнали из головы все мысли и воспоминания. Наверное, это можно было бы назвать нирваной, или, по-современному, кайфом. Но вдруг все изменилось. От рук в голову пошла нарастающая вибрация, которую приятной назвать уже было нельзя, скорее — наоборот. Алексей вцепился руками в столешницу, пытаясь вырваться, но, вместо этого его усилия привели к тому, что он попросту отключился.

— Все в порядке, все в порядке. Человек не пьян, ему просто плохо стало. Где наш коньяк? Обсуживать быстрее нужно! — услышал он, будто издалека, голос своего спутника — Выпейте, Алеша, легче станет

Разве я говорил ему свое имя? — подумал Алексей, глотая довольно приятный коньяк.

— Слушай, доктор хренов, ты что чудишь, убить меня хочешь? — с трудом пролепетал он, открывая глаза — Я тебе не подопытный кролик, я, ведь, и зашибить могу!

— Как голова-то? — вместо ответа спросил коротышка.

А, действительно, как голова? Боли, вроде бы, нет, но в голове тяжесть, будто туда свинца налили. Знакомое ощущение, так бывает, когда сбиваешь боль крепкой дозой обезболивающих препаратов. Впрочем, как бы то ни было, стало легче.

— Я говорил, что помогу, а тяжесть пройдет чуть позже.

Мысли он, что ли читает, — подумал Алексей и, к своему удивлению, услышал:

— Есть немного, — улыбнулся собеседник.

— Ну, ладно, помог — спасибо. И все-таки, Доктор, что тебе от меня нужно? — Алексей не скрывал раздражения, стресс даром не прошел, до предела взвинтив нервы.

— Успокойтесь, сейчас станет легче. Еще по граммульке? За здоровье! Теперь слушать можете? Постарайтесь не удивляться и не перебивать. Так вот, мне надо вернуться домой, и вы, Алеша, должны и можете мне помочь. Ну, я же просил, не перебивайте, если хотите побыстрее от меня отделаться! — в голосе собеседника вдруг появилась властность и сила, просительные интонации исчезли полностью — Мой дом — это другой мир, находящийся за многие световые годы отсюда. И попасть туда я

смогу только с помощью сильного экстрасенса. Вы для этого вполне подходите. Поможете мне войти в резонанс с канвой и пройти через каверну.

— Все! Хватит мне мозги пудрить. За угощение — благодарю, но в дальнейшем, чтобы не было неприятностей, держись, Док, от меня подальше.

— Попрошу все-таки выслушать меня до конца! — сказал Док так решительно, что Алексей, сам тому удивившись, снова опустился на стул, — Если вы согласитесь мне помочь — получите это прямо сейчас и столько же непосредственно перед телепортацией — Док положил перед Лешкой приоткрытый конверт, из которого выглядывали зеленые купюры.

— Здесь две с половиной. Не стоит демонстрировать деньги всему кафе — сказал Док, когда Леха взял конверт в руки.

— Настоящие?

— Обижаешь! — усмехнулся Док, — Эксклюзивная авторская работа — всю ночь рисовал!

«Тыкает — отметил про себя Леха — что же, он прав, он меня уже купил. Хотя, и я его, вроде, не на «вы». Ладно, потерпим, по теперешним временам такие «шабашки» упускать не желательно. Нужно, конечно, все обдумать, в чем здесь подстава, но побороться за эти «бабки» стоит».

— Ну, допустим, я постараюсь помочь, но я никакой не экстрасенс. Не замечал за собой ничего подобного. Тебе бы, Док, к Кашпировскому там, к Чумаку, или еще к кому-нибудь. Них сей час ого-го сколько!

— Не каждый, называющий себя екстрасенсом, таковым является на самом деле. А, что касается тебя, покопайся в памяти: не было ли случая, когда ты доверился интуиции или внутреннему голосу и это тебе существенно помогло?

Они сидели в засаде уже четвертый день, и скоро их мучения должны были закончиться. Уже прошли разведчики — сперва старик с ребенком на ослике, потом группа моджахедов, тщательно осмотревших ущелье. По всем признакам, караван был уже на подходе. Взвод выдвинулся на позиции, ребята залегли, оборудовав каждый себе огневую точку. Алексей удобно устроился, постелив на каменистый грунт бушлат — и мягко, и тепло. Узкая щель между двумя валунами служила неплохой бойницей. И в тот момент, когда караван уже показался в ущелье, когда осторожные взгляды «духов» обшаривали нависающие над ними скалы, бушлат стал буквально жечь тело Алексея. Так жечь, что он вынужден был поменять позицию. Оглянувшись на взводного, он увидел его характерные жесты — тот грозил

кулаком и, как рыба, открывал рот, пытаясь что-то сказать. Что именно сказать — было вполне понятно и без слов. Но в следующее мгновение голос у взводного прорезался:

— Взвод, ого-о-онь!

Бой был скоротечный, не продолжался и полутора минут. Свою задачу Алексей выполнил — расстрелял душмана, ехавшего на первом верблюде со станковым пулеметом на специальном седле.

— Мужики, «Стингеры» — взять, остальное — уничтожить, и — маршбросок в точку эвакуации. Бегом! — рявкнул взводный.

Когда за спиной запылали, облитые бензином трупы людей и животных, Алексей наклонился за своим бушлатом. Наклонился и обмер: в самом центре бушлата, там, где должна была располагаться его, Лехина, спина зияла огромная дыра от пули, выпущенной из крупнокалиберного пулемета.

— Вспомнил? — спросил Док, хотя, наверное, ответ уже знал. — Это твой «конек» — ты умеешь предугадывать будущее.

— Ну а ты чужие мысли читаешь? — хмыкнул Леха — Без спроса.

— И читаю, и общаться могу. Без слов. — Док сделал вид, что не замечает сарказма собеседника — Ладно, мне тоже некогда. Хочешь мне помочь — встречаемся сегодня в 21–00 здесь, на остановке. Ну, а на нет — и суда нет. Оставляй конверт и прощай.

— Да подожди ты. Допустим, я соглашусь, что я должен делать?

— Поедешь со мной за город, не далеко, а там я расскажу, что нужно делать. Гарантирую, что это не больно, не тяжело и не опасно.

— Раз это так легко, за что такие деньги? И почему ты, такой экстрасенс, не можешь обойтись без меня? — не унимался Алексей.

— У нас ваши деньги хождения не имеют, потому там мне они попросту не нужны. А что касается твоего второго вопроса, скажу: я пришел сюда, чтобы найти волновую линзу, но найти ее не удалось, а без нее у меня не хватит сил войти в резонанс с «канвой». А совместными усилиями нам это удастся. Если ты откажешься, придется искать кого-то другого, а это — время. К тому же, не так много на свете способных людей, — Док приблизил свое лицо к лицу Алешки, — соглашайся, не пожалеешь. Это твой шанс.

— Ладно. Будь — что будет. Ради таких бабок рискну. Хотя мне это не нравится.

— Прекрасно! — Док протянул Алексею руку, — Значит, до вечера. Я побежал, а ты, Алеша, отдыхай. Можешь еще заказать

себе коньяка или пива, за все заплачено.

Док исчез за стеклянной дверью, а Леха, попивая коньяк, пытался разобраться в ситуации.

«Безусловно, — думал он — здесь какая-то подстава, но какая? Последнее время развелось чертова уйма всяких «лохотронов». Разнокалиберное жулье пытается объегорить ближнего, не гнушаясь и последним ломаным грошом, выдуренным у голодающей пенсионерки. Но, в этом случае, ему самому вручили изрядную сумму. Значит, дивиденды должны быть много крупнее. Что на кону? Жизнь, свобода? Возможно, его пытаются выманить за город и там убить. Вопрос: кому это выгодно? Штырю, сожителю Светланы — наверняка. Как — никак, в результате он получит квартиру Алексея в полное свое распоряжение. Но квартира стоит шесть, максимум семь тысяч зеленью, давать жертве большую часть этих денег только, чтобы заманить в ловушку — не рентабельно. Штырь и за меньшую сумму пойдет на все, а за такие бабки и мать родную продаст. Нет, не его почерк. Другая версия — выманить его из общаги. Опять-таки, зачем? Если Кирюхе — его соседу — нужно привести свою подружку, он не церемонится, говорит прямо, мол, сосед, не заваливай раньше такого-то часа. К тому же, Кирилл и доллара в руках никогда не держал, не то, что такую сумму. Версия ограбления комнаты в отсутствие Алексея тоже не выдерживает критики — все ценности оттуда были соседом вывезены и сданы на пункт приемки стеклотары еще два дня назад. Наиболее вероятно, что Леху хотят заманить на место преступления и замарать по уши, чтобы не отвертелся и сел вместо кого-то.

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал он неизвестным врагам — Не зря Док говорил, что я могу доверять своей интуиции. «Пабэгаэм», — как говаривал в «учебке» перед марш-броском его армейский начальник сержант Гоги Каталадзе. Но, для начала, нужно проверить доллары, не подсунул ли Док ему фальшивку.

В двух остановках отсюда находился пункт обмена валюты, в котором работала Светланина подружка Наташка. К ней-то и решил обратиться Алексей по этому щекотливому вопросу.

— Ой! Ты же знаешь, нам просто так запрещено проверять. Только если мы у тебя покупаем, — закудахтала Натали — Я могу с работы вылететь.

— Успокойся — сказал Леха — Мы, ведь, друзья, или как? А друзья должны помогать друг другу. Я продам тебе сотку, а остальные ты проверишь. Идет?

— Ладно, давай свои баксы — согласилась, наконец, Натка — Ого, где это тебе столько перепало, убил кого-то, что ли?

— Ну, почему обязательно убил? Будто нельзя, просто, по-человечески, ограбить или ранить, но не смертельно?

— Шутник несчастный, забирай свои деньги. Настоящие они. — Наташка подала ему в окно кассы конверт. — Стой, куда побежал? А этим, что, уже брезгуешь? — и она выложила на стойку изрядную пачку купоно-карбованцев.

Теперь, когда деньги оказались настоящими, наиболее вероятной стала казаться последняя версия. Что же, нужно предпринять хоть какой-нибудь контрход. Все, что пришло на ум Алексею в этой ситуации — это пойти к нотариусу и заверить его подписью запечатанный конверт. В конверт вложить записку, описывающую события сегодняшнего вечера и свою версию дальнейшего развития событий.

Примостившись за столом в почтовом отделении, Алексей задумался. Если описать все так, как рассказал новый знакомый — обеспечить себе койко-место в психиатрической клинике. Это будет не алиби, а скорее, улика. Психопат, что-то там такое учудил и пытается заморочить голову органам нелепой версией о пришельцах и экстрасенсах. Нет, нужно аккуратней. Ни слова о запредельном и паранормальном. Только реальность и ее толкование. Опять-таки, с точки зрения диалектического материализма. Попросили, мол, помочь, что делать не сказали, но заплатить обещали.

Частный нотариус поначалу стал расспрашивать, что, да как, утверждая, что подобные услуги в компетенцию нотариата не входят. Но, когда появились деньги, все быстро уладилось, вопросы отпали сами собой.

Вернувшись в общежитие, Леха сразу же пошел в комнату коменданта. Комендантом была тетя Вера — Вера Владимировна Колесникова — близкая подруга его матери и единственный «блат», который Леха нажил к двадцати пяти годам. Именно тетя Вера устроила его в общежитие без прописки, пока он не решит свои жилищные проблемы.

— Что случилось, Алеша? — Вера Владимировна не на шутку испугалась, выслушав его просьбу. Ему долго пришлось ее успокаивать, уверять, что ему ничего не грозит, пока комендантша, наконец, согласилась подержать конверты у себя. А потом, если вдруг что-либо, не дай бог, случится, или он не заберет конверты назад, один из них отнести в милицию, а второй взять себе. Сувенир на память.

— Ну, с земными делами, вроде бы, закончил, теперь подумаем о делах космических — пробурчал себе под нос Алексей, растянувшись на кровати, не раздеваясь. А чего раздеваться — до 21–00 осталось всего-ничего.

Глава 2
Урок физики для начинающих экстрасенсов

Начало ноября на юге Украины — не самое приятное время. Золотая осень отошла в прошлое, ее место заняла пасмурная, дождливая пора. Непонятная погода, то-ли туман, то-ли мелкий дождь, непонятная температура — вроде и не холодно, но налетит порыв ветра и пронизывает насквозь. От быстрой ходьбы Алексей вспотел и то расстегивал куртку, то снова ее застегивал, когда ветер напоминал о себе неожиданным порывом, заставляя зубы стучать друг о друга.

Они уже минут двадцать шли по пустому шоссе неизвестно куда. Впрочем, неизвестно куда было только Лешке. Новый знакомый же шел размеренным шагом и, казалось, не испытывал никакого дискомфорта от противной погоды и неровного асфальта и луж под ногами. Таксист наотрез отказался везти их дальше поста ГАИ. Не помогли ни обещания «двойного счетчика» ни заверения, что они не бандюганы…

— Нет, ребята, и не уговаривайте. Машина у меня не дешевая, а жизнь еще дороже. На трассе сейчас опасно, а вы — бог вас знает, кто вы такие. Может, мне ваши деньги боком выйдут — это было сказано после экстренного торможения непосредственно перед постом. Делать было нечего, они вылезли из машины, и пошли пешком по пустынной трассе. Водителя можно было понять — последнее время было совершено несколько жестоких преступлений против таксистов и дальнобойщиков. Поэтому, ночью на трассе редко можно было встретить машину. Даже видавшие виды водители дальнего следования предпочитали парковать свои фуры возле постов ГАИ — все-таки безопаснее, чем ехать ночью по пустой темной трассе.

— Док, ты бы объяснил, куда мы идем, а главное, зачем? Что ты там болтал про экстрасенсов, линзы и другие миры? Серьезно, а то чувствую себя дураком, и мне это не нравится. Возьму и пошлю тебя ко всем чертям, развернусь и домой пойду, — бурчал Алексей, не скрывая раздражения.

— На, остынь, — попутчик протянул ему бутылку минералки, — Чтобы на все твои вопросы ответить нужно много времени. К тому же, ты уверен, что поймешь? Как у тебя с теоретической физикой?

— Ну, так же как и с практической… Не очень. Но постарайся, как-нибудь попонятней. А насчет времени, у нас, что

его нет? — сказал Алексей, делая большой глоток из бутылки — Говори. Все же веселее будет топать.

— Ликбез, стало быть? Ладно, слушай, но не перебивай и не удивляйся. То, что мир построен из атомов, объяснять не нужно? Уже легче. — Док явно иронизировал, подшучивал над Лехой. — Из чего состоят атомы — тоже знаешь? Из элементарных частиц? Прекрасно! Пять баллов! Ученые же — народ дотошный, им интересно узнать из чего состоят эти самые элементарные частицы — составные части атомов — нуклоны и электроны. А все для того, чтобы понять, как оно устроено, мироздание. Ибо, чем больше знаешь, тем больше шансов для человечества выжить в дальнейшем.

Так вот, оказалось, что элементарные частицы — совсем не элементарные, а сложные, состоящие из других частиц, которые, в свою очередь, тоже не простые. И, вообще, атом или какой-нибудь мезон — отнюдь не орех. Орех расколешь — снаружи скорлупа, внутри ядро, кожура. С частицами все иначе: представь — стукнул ты молотком по ореху, а он раскололся на два точно таких же ореха. Абсурд? Но в микромире такое случается. Очень «не элементарные» они, эти элементарные частицы. Всегда будет актуален вопрос: какие бы мелкие и еще более мелкие и мельчайшие частицы мы не кололи в своих циклотронах и колайдерах — из чего состоят осколки? Идти по этому пути — никогда не дойти до конца, ибо, как говаривали ваши классики, материя бесконечна.

Ирония в голосе Дока постепенно пропала, его речь становилась все более эмоциональной. Было заметно, что тема его самого интересует, и рассказывать о микромире он готов долго.

— Теоретики же подошли с другой стороны, — продолжал Док — Была выдвинута гипотеза строения материи, которая со временем получила математическое обоснование и превратилась в теорию — единую теорию поля, как ее называют у вас. Чем, собственно, теория отличается от гипотезы? И та и другая есть, в определенной степени, предположение, и совсем не факт, что предположение верное. Но теория, опираясь на математические выкладки, позволяет сделать определенные выводы. Если эти выводы объясняют какие-либо аспекты науки или явления природы — теория имеет право на жизнь. А эта теория объясняет очень многое, в том числе и телепортацию, мгновенное перемещение в пространстве. Суть теории рассказать?

— Валяй, что еще делать? Анекдотов, наверное, не знаешь, — Алексей поймал себя на мысли, что тоже заинтересовался, и хотя понимал не много из того, что говорил Док, пытался вникнуть в

заумные выкладки собеседника. Раньше его ничто подобное не интересовало, почему же заинтересовало сейчас? Может быть виной всему голова? Впервые за три года она не болела, ну, скажем, почти не болела. Тяжесть была, но разве это сравнится с тем адом, в котором Алексей жил последнее время. Раз уж Док сумел обуздать боль одним прикосновением рук, значит, в его словах есть резон, стоит, наверное, его послушать.

— Ну, раз интересно, продолжу, все равно, идти еще далековато. А, чтобы лучше понимал, я, пожалуй, буду пояснять на примерах.

Так вот, предположим, у нас есть микроскоп с неограниченной степенью увеличения. Наводим его на пустоту, вакуум. Что мы увидим? Ничего? Не угадал. Мы увидим сетку, которую образовали волновые колебания всевозможных полей — электрических, магнитных, гравитационных, реликтовых излучений первичного взрыва и еще очень многих полей, пока не известных вашим ученым. А в узлах этой сетки, там, где волны накладываются друг на друга, образуются частицы, которые затем образуют более сложные частицы, затем атомы, молекулы… Волны есть категория энергетическая, частицы — вещественная, а так как вещество и энергия есть две ипостаси одного бога — материи, теория хорошо вписывается в закон превращения материи. Вещество сгорает — выделяет энергию, а в этой сетке вещество образуется из энергии. Вот она вселенская красота! Смысл всего сущего в мире.

Какой-то физик-острослов назвал эту субстанцию канвой. И, в общем-то, он был близок к истине. Если включить воображение и «присмотреться», окажется, что вся вселенная — есть сплошная сетка, сотканная из волн. На этой канве вышито все, что находится во вселенной, в том числе и мы с тобой. Наведем наш гипотетический микроскоп на нашу, допустим, руку и увидим ту же канву, разве что, узелков будет больше. Конечно, наш участок канвы будет отличаться от базовой, поскольку наши клетки тоже накладывают на общую сетку свое излучение. По нашему телу «бродят» биотоки, атомы ДНК, индивидуальные для каждого организма, тоже «светят» по-своему. И тут мы подходим к теоретическому обоснованию экстрасенсорики. Если удастся привести канву своего организма в состояние более или менее близкое состоянию резонанса с вселенской, базовой канвой, это даст человеку поистине сверхчеловеческие, божественные, я бы сказал, возможности. Это и телепатия, и интуиция, и возможность врачевания, и перемещение в пространстве, наконец.

— Ну, и как привести в это состояние? Техника какая-нибудь нужна? — сказал Леха, сам, удивляясь своей заинтересованности.

— Мозг человеческий — вот самая лучшая техника. Нейроны сами генерируют поля, и другие клетки организма подчиняются их командам. Но не все, далеко не все умеют пользоваться этим мощнейшим инструментом. И уровень развития цивилизации здесь не играет никакой роли. Роль играет, в какой-то мере, сама планета с ее полями. Но все равно, толпами экстрасенсы не ходят нигде. Хотя, если посмотреть ваше телевидение… — усмехнулся Док.

— Но не будем отвлекаться. В нашем более развитом обществе талантливых людей не больше, чем в вашем. И в землях диких племен таких уникумов не меньше, чем в сверхсовременных мегаполисах. В отношении к общему числу населения, конечно. А отношение это — единицы на миллионы. Потому-то я и обратился к тебе. Хоть ты и не догадывался об этом до сего дня, но у тебя серьезные задатки. Может, стоит их развивать? Но это уже без меня. Что же касается техники, типа линзы, например, она только немного помогает. Сильному экстрасенсу никакая техника не нужна вовсе. Ну как, что-нибудь понятно из того, что я сейчас тебе растолковывал? — Док не останавливаясь, повернул к Алексею голову.

— В общих чертах. А еще пару вопросов можно?

— Тебе что, самому полетать захотелось? Учти, это всего лишь теория. Даже и не теория, так, поверхностный и очень упрощенный обзор. Практика — на много сложнее. Впрочем, давай свои вопросы, только скорее, мы уже почти пришли. — Я то, уложусь, ты бы уложился со своими ответами. Итак, вопрос первый: раз ты такой сильный экстрасенс, зачем мы премся за тридевять земель по этой пахоте? На башмаках уже пуд грязи! Неужели нельзя было стартовать откуда-нибудь, где ходит общественный транспорт?

— Потерпи. Тут мне придется рассказать про каверну. Ладно, слушай — вздохнув сказал Док, видно, его и самого уже немного утомила эта лекция. — Чтобы достичь состояния резонанса нужно немало психической энергии. Мозг наш — конечно, инструмент замечательный, но и его возможности не безграничны даже у очень сильных экстрасенсов. Войти в резонанс гораздо легче там, где напряженность полей канвы существенно ниже, чем в остальном пространстве. Представь, что ты муравей и ползешь по длинному скомканному рулону шерсти.

— Почему шерсти? — удивился Алексей.

— Не перебивай! Так вот, ты — муравей, ползешь по рулону шерсти, причем по лицевой стороне ткани. А тебе нужно, как на грех, на изнаночную. И ползти тебе до самого края рулона, перелезть через него, а потом еще вернуться по изнаночной

стороне рулона в нужную точку — жизни твоей, муравьиной, не хватит! И вдруг ты видишь прямо перед собой личинку моли, которая уже проела дырку вглубь рулона. Понял, почему шерсть? Ты лезешь вслед за молью и оказываешься на нужной тебе стороне ткани. До нужной точки — рукой подать.

Пространство — та же ткань, и также скомкана планетами, галактиками, туманностями. И эти же объекты создали во вселенной зоны с аномально низкой напряженностью полей канвы — мы называем эти зоны кавернами. Как я уже говорил, в каверне легче войти в резонанс. Фактически, мы можем перемещаться в пространстве только в пределах каверны. К счастью, она достаточно широка — приблизительно парсек-полтора в диаметре и, какой она длины, мы пока не знаем. Не исключено, что и не узнаем никогда. Но и в пределах самой каверны напряженность полей не одинакова. Поэтому, если возможности ограниченны, приходится искать наиболее удобные точки для телепортации. К одной из них мы сейчас и идем. Конечно, будь у меня волновая линза, я обошелся бы и без тебя и без этой прогулки. Еще вопросы?

— Вопрос последний. Ты — пришелец, существо, живущее на другой планете. Почему же ты внешне практически не отличаешься от нас — людей? — этот вопрос должен поставить Дока в тупик. Хоть и складно заливает, разум Алексея отказывался принять версию этого «профессора».

— Зря ты пытаешься меня оскорбить. Я человек, у меня и ДНК такая же, как у тебя. В основном. На нескольких планетах, расположенных за сотни тысяч световых лет друг от друга живут люди — потомки великой расы, некогда населявшую планету-мать. Я уважаю вашего Дарвина и его теорию происхождения видов, но в отношении человека на Земле — он не прав. Земля была заселена, и даже не один раз. Люди пришли на вашу планету не так давно. По астрономическим меркам, конечно.

И не только на Землю. В культуре обитателей многих планет присутствует свой миф об Атлантиде. Это не просто красивая сказка, это воспоминание о давно исчезнувшей прародине, откуда все мы когда-то вышли.

— Разве Атлантида не остров, погибший в результате землетрясения или наводнения — Крит, там, минойская культура, я читал что-то подобное… Давно.

«Этак он объяснит все на свете — подумал Алексей — и, все-таки странно, что от таких умных, пожалуй, даже заумных речей до сих пор не болит голова. Странный все-таки парень».

— Сам подумай — не унимался Док, — Об атлантах говорят, как об учителях, владевших великими знаниями, то есть людях

цивилизованных. А может ли на планете существовать всего один цивилизованный народ с его средствами связи, флотом, авиацией, общественным устройством, наконец, в то время как остальные дубинами мамонтов лупят? Разве цивилизация не есть достижение всех жителей планеты, живущих в тесном контакте друг с другом? Нет. Увы, Атлантида никогда не располагалась на Земле. Как, впрочем, и на других подобных планетах. А на Земле жили атланты — переселенцы с гибнущей планеты-Матери. Они, к сожалению, вскоре выродились, потеряли или позабыли большую часть своих великих знаний, но память о первых землянах осталась в легендах и мифах.

— А что до внешнего вида меня и моих соплеменников, то скажу следующее: человек может комфортно существовать в очень узком промежутке температуры, атмосферы, гравитации. В пределах Великой Каверны огромное множество планет, но на большинстве из них человек существовать не может. Наши пращуры выбрали для расселения наиболее подходящие, близкие по своим характеристикам планете-Матери. Потому я не очень отличаюсь от твоих земляков. Впрочем, если от этого тебе будет легче, скажу, что на некоторых планетах люди очень отличаются от землян, так их изменили внешние условия среды обитания.

— Стоп, ни слова больше. Пришли. — Док остановился, как вкопанный — Я хочу, перед тем, как мы навсегда расстанемся, Алеша, сказать тебе еще одну вещь. Сейчас ты мне поможешь, но одновременно поможешь и себе. Любой контакт с канвой, я имею в виду резонанс, нормализует канву самого организма, улучшая ее, приближая к параметрам канвы базовой. Твои способности усилятся. Ты станешь более сильным экстрасенсом, не удивляйся этому. Летать по космосу, может, и не сможешь, но кое-что сможешь делать лучше, чем раньше. Ну, например, сможешь больше доверять своей интуиции. И просто здоровье улучшится — физические данные, выносливость, скорость реакции, умственные способности. Это мой тебе подарок за твою помощь. Живи и радуйся, это главное. А деньги…, деньги тоже не помешают, если они имеют для тебя значение. «Еще бы не имели!» — подумал Алексей, а вслух спросил — Где это мы?

— Посреди поля, просто распаханного поля. Но здесь находится одна из паранормальных зон, как у вас их называют. Смотри, Алеша, видишь, это — курганы. Здесь, в древности, хоронили своих жрецов древние обитатели Земли. Здесь отправлялись обряды поклонения богам, приносились им жертвы. Скажу больше, это место — ворота, вернее, одни из ворот, через которые на Землю когда-то пришел человек. Через эти ворота уйду и я. Все, хватит вопросов, теперь слушай меня и делай, так

как я скажу.

— Слушаю и повинуюсь — Алексей сделал «под козырек»— Но, подожди, послушай, я ведь даже не знаю твоего имени. Как тебя зовут? А то я все: «Док да Док»…

— Пусть будет Док, не возражаю, тем более, что уже поздно знакомиться, пора прощаться. Все, молчи и смотри на горизонт.

«Ты должен постараться увидеть на горизонте звезду — услышал Алексей. Хотя, нет, не услышал. Уши не слышали ничего, слова Дока звучали где-то в глубине мозга. — Видишь ее? Постарайся мысленно приблизить ее. Старайся, старайся, Алеша! Приближай ее, тяни на себя».

Это оказалось совсем не легко. Алексей ощущал колоссальное напряжение и усталость. Он, будто руками, тянул звезду на себя, полностью войдя в роль, ни грамма не сомневаясь в целесообразности своих действий. Постепенно звезда приблизилась и превратилась в светящийся обруч. К своему удивлению, он увидел внутри обруча странную картину: красноватую каменистую равнину, пыль, поднятую ветром, дерево на переднем плане. Странное дерево без листьев, будто каменное. Во всяком случае, ни одна из его не поземному вывернутых веток не шевелилась на ветру. Вдруг, рядом с деревом он увидел человеческую фигуру. Человек обернулся и помахал рукой. Ему, Алексею. Это был Док. В следующее мгновение удерживать обруч не хватило сил. Почти моментально он вырвался из рук (хотя, из рук ли?), превратился снова в светящуюся точку и пропал, словно его никогда не было…

Леха тряхнул головой, прогоняя наваждение. Он оглянулся вокруг — ничего и никого рядом.

— Док — заорал Алексей, — Док, ты где?! — ответом была только тишина и темнота.

«Удивительный сон — подумал он — жаль далеко топать до спальни. Что все это может значить, я, пожалуй, никогда не пойму. Лучше об этом помалкивать. И, вообще, забыть. Прощай, Док»

Он поглубже засунул руки в карманы куртки и пошел в сторону шоссе, время от времени, отряхивая с ботинок липкий украинский чернозем.

Глава 3
Побег

Приближение очередного Нового года, к сожалению, не радовало жителей Днепрозаводска, так как в былые времена. Ощущение праздника, знакомое с давних времен, почему-то не наступало. Город не сиял былыми огнями иллюминации, больше того, иной раз полностью погружался в темноту. Жизнь становилась все тяжелее, заводы — основные, пока, кормильцы населения, работали все хуже и хуже. И зарплату выплачивали все реже. Немногие предприятия, где зарплату платили более или менее регулярно, рабочих сокращали, а из тех, кто не попал под сокращение, буквально вили веревки, цепляясь к самым незначительным нарушениям, пытаясь найти повод, чтобы поменьше заплатить или выставить человека за ворота. Не лучше дела обстояли и в, так называемых, малых предприятиях. Там рабочим тоже платили не очень охотно по той причине, что хозяевам просто не хотелось расставаться с денежками. «Кому на Руси было жить хорошо», так это торгашам и спекулянтам всех мастей и просто бандитам. Повылазив из тюрем и лежбищ, они правили бал, сдирая последние копейки со своих менее удачливых соотечественников, привыкших по старинке зарабатывать на жизнь своими руками и головой. Наиболее инициативные и деятельные люди обратили свои взоры в сторону заграницы. Хотя эта категория была несколько лучше обеспечена, особой радости не было и у них — и работа челнока, и работа «заробитчанына» за границей была непривычной, неквалифицированной и нелегкой. Она приносила какие-то деньги, но не удовлетворение. Тоска и безнадега властвовали в Украине.

Среди этой безысходности Алексей был исключением. Уже около месяца он жил в атмосфере праздника, наслаждался этой нелегкой жизнью. А всего то и нужно было для счастья — чтобы не болела голова. Головная боль исчезла без следа и не напоминала о себе с того самого вечера, когда он встретил этого странного человека — Дока. Алексей часто с благодарностью вспоминал своего исцелителя. Интересно, куда он тогда пропал? Неужели и правда, улетел в другой мир? Что он такое рассказывал? Каверна, канва… Наверное стоит выкроить пару деньков да посидеть в библиотеке. Серьезные труды ему, конечно, не осилить. Но в старых журналах советской эпохи, таких, как «Знание — сила» или «Техника — молодежи», печаталось немало

научно-популярных статей, из которых можно почерпнуть кое-что полезное. Может быть, удастся найти сумасшедшую идею, которая прольет свет на то, что с ним произошло. Но, как бы то ни было, дай ему, боже, этому неожиданному помощнику.

Старые привычки постепенно возвращались к Алексею. Под кроватью снова появились поначалу гантели, а вскоре и двухпудовая гиря. Теперь он стал вставать на час раньше и «тягал железо», чем очень раздражал своего соседа.

— Ну, ты задрал, Жаботинский! Я из-за тебя не высыпаюсь. Вот возьму, когда тебя не будет, и отнесу твои гири на точку — и на пойло, и на закусь хватит, — скавчал по утрам Киря, натягивая на голову одеяло.

— Отнеси, отнеси! Во-первых, не допрешь, надорвешься, во-вторых, я тебя буду по утрам под потолок подбрасывать вместо гантелей — смеялся Леха и убегал на спортплощадку рядом расположенной школы.

Побегав вволю и покрутив «солнышко» на турнике, он отправлялся на работу — стоять у турникета и проверять пропуска у работяг, спешащих через проходную. Эта работа никогда не устраивала его, но, увы, Алексей ничего больше не умел. После ранения он вернулся из госпиталя с группой инвалидности, и эта работа — единственное, что он смог получить. Была еще пенсия, не очень большая, но выручала, особенно, если учесть то, как выплачивалась зарплата. Теперь ситуация в корне изменилась. Он полностью вылечился. Летом будет очередная комиссия. Группу, наверное, снимут, а с ней и пенсия помашет ручкой. Но, даже если не помашет, стоять у турникета на проходной и в дальнейшем? Боже, сохрани! Нужно что-то думать, определяться в этой жизни.

Да, были деньги, которые дал Док, но на них у Алексея были свои планы. Его знакомые из кожи вон лезли, чтобы раздобыть стартовый капитал и начать свое дело. Самые популярные «дела» в эти годы были коммерция и рэкет. Но, ни тем, ни другим Леха заниматься не хотел. Ну, не было у него тяги к торговле, а вымогательство он и вовсе считал для себя неприемлемым — урок и бандюганов он ненавидел с тех пор, как, еще до армии ему крепко досталось от шайки мерзавцев — дружков «такого дяди племянника». Даже разряд по боксу и навыки карате не помогли против шести человек. Хоть и сумел отмахаться, но ножевое ранение спины заживало долго и мучительно. Особенно жаль было пропущенных соревнований, там у него были очень неплохие перспективы. Да бог с ним, с бизнесом. Алексей теперь частенько подумывал о будущем. И приходил к не очень утешительным выводам. В сущности, он хотел бы заниматься

спортом, но, увы, время упущено. В двадцать пять лет восстановить былые навыки сложно. Конечно, не обязательно выступать самому. Можно тренировать «молодняк» или работать в спорткомитете, организовывать соревнования и т. п. Не мешало бы об этом поговорить с тренером. Он обязательно поможет. Вот только не интересно это. Нет азарта, запаха пота и крови. Не выделяется адреналин. Ладно, время пока терпит, как говорил великий Штирлиц. Успеется.

Еще он не отказался бы от военной карьеры. Но в документах сведения о ранениях не вычеркнешь — он списан под чистую. Последнее время стали приходить сведения о войне, которую ведут соседи на своих южных границах. Его дружок по Афгану, Денис Чупраков писал, что согласился на службу по контракту. Ему здорово досталось на Кавказе, ранили в плечо, когда они окружили банду наемников. Что же, солдат удачи — тоже работа, особенно для человека с таким авантюрным складом характера, как у него. Да вот беда, в Российскую армию не возьмут, а воевать на стороне этих абреков — душа не лежит. Мало он их перебил на войне! Да и как воевать против Дениса? Впрочем, стоит, неверное, вспомнить и Гогу. У него мать — чеченка. На чьей он стороне? Не придется ли целиться в своего первого сержанта? Нет, в эту свару лучше не лезть. Ладно, проехали! В конце концов, он молодой и теперь здоровый мужик найдет себе применение. А деньги нужно использовать на решение жилищного вопроса. До поры до времени, пусть полежат в тайнике, и сосед не доберется, и, при необходимости, можно быстро достать, когда придет время покупать квартиру.

Тем более что и личная жизнь Алексея вышла из фазы застоя. Впервые после армии он завел любовную интрижку. Стал встречаться со своей сотрудницей — бойкой разведенкой Ниночкой. Ниночка была старше Лехи лет на пять, у нее был восьмилетний сын и старенькая мама, жившая с ними в маленькой однокомнатной квартирке. Особых планов друг относительно друга любовники не строили, а пока просто развлекались. Ниночка не считала Лешку перспективным кандидатом в мужья — ни кола, ни двора, да еще и инвалид, хотя и симпатичный. Он же, в свою очередь, даже не был официально разведен, чего там думать о новой семье, да еще с таким-то довеском. Может быть, потом что-нибудь серьезное из этих встреч и вышло бы, но пока, никто из любовников эту тему не поднимал. Все и так было замечательно. Вот только бытовые условия серьезно осложняли их отношения. Приходилось то выгонять Кирюху из комнаты, то отправляться в гости к Ниночкиным подругам.

— Хватит — решил в один прекрасный день Алексей — Надо что-то решать. Я что, бомж бездомный? Достаточно проявил благородства в отношении этой шлендры! Нужно и о себе подумать.

С этой мыслью он позвонил как-то вечером в двери своей бывшей квартиры, где в данный момент проживала Светлана, его, пока, официальная жена со своим другом — Штырем. Как на самом деле звали Штыря, Лешка точно не знал, да, в общем-то, его это и не интересовало — Штырь так Штырь — детей с ним не крестить. Как-то Светка его называла, но как — не отложилось в памяти.

Дверь приоткрылась, и в проеме показалось остроносое личико Светкиного сожителя. Увидев Алексея, он, не говоря тому ни слова, повернулся спиной и ушел в комнату, бросив на ходу в сторону кухни: «К тебе».

Леха не стал раздеваться, но туфли, все-таки снял. Светлана всегда была чистюлей. В их первый год совместной жизни она заставляла Лешку мыть полы каждую неделю. В квартире и теперь чисто. Интересно, кто сейчас полы моет? Неужели Штырь? Сомнительно.

— А, это ты? — равнодушно пробормотала Светка, приподнимая голову от разделочной доски. — Хорошо выглядишь.

Алексею показалось, что вторую часть фразы она произнесла, не так равнодушно, с легким удивлением. Он повернулся к висящему на стене зеркалу. Есть чему удивляться! Из зеркала на него смотрел пышущий здоровьем мужчина. Совсем не тот доходяга, смотревший в это самое зеркало всего месяц назад. Морозный воздух нагнал на лицо румянец, скулы еще недавно обтянутые кожей стали не так заметны, исчезла болезненная впалость щек — лицо здорово округлилось. Да и вообще, видно было, что Алексей поправился, набрал вес, но не жирку поднакопил, а нарастил мышечную массу.

— Ну что тебе опять? — раздраженно пробурчала Света.

— Две новости, и обе хорошие. С какой начать?

— Говори, давай, не выделывайся. — Светлана не поднимала головы от стола, всем своим видом давая понять, что ей некогда, и Лешка — визитер в этом доме нежеланный.

— Ну, во-первых, я назначаю тебе свидание. В следующую среду в здании райсуда, комната номер 28, в15-30, — с ехидной улыбочкой произнес Алексей.

— Это еще зачем? — удивленно спросила Светка.

— Развестись нам пора. Давно, — улыбочка исчезла. Теперь он говорил вполне серьезно, — У тебя уже семья, да и мне нужно

свою жизнь устраивать. Детей у нас нет, весь развод — пустая формальность. Я у ребят, которые разводились, спрашивал. Так вот, они говорят, вся процедура, я имею в виду беседу с судьей, занимает минут пять. Потом, через десять дней дадут на руки постановление — и мы вольные птицы! Придешь?

— Ладно, приду, если тебе не все равно. Еще что-нибудь?

— Да, еще кое-что — Алексей полез в карман и протянул Светлане исписанный тетрадочный листок, — Вот, выбирай, три варианта. То, что ты и хотела — центр, до главной улицы — пять, максимум десять минут пешком. Третьи-четвертые этажи. Все квартиры с телефонами. Позвони, съезди посмотри, выбери. Какая понравится — твоя будет.

— А на эту что, уже покупателя нашел? — спросила его бывшая.

— Здесь буду жить я. Тебе квартиру я куплю с условием, что вы отсюда съедете.

— У тебя что, деньги завелись? — удивилась Светка, — Ах, да, Натка что-то такое говорила… А чего ты сам не хочешь в центре жить, а нам бы оставил эту хату, нас, все-таки, двое, а ты — один.

— Нет уж, дудки! Это моя квартира! — жестко процедил Алешка сквозь зубы, — Здесь я родился, здесь вырос, родителей отсюда вынес. Короче, если не будешь дурой, согласишься на один из вариантов, а нет…

Он не успел договорить, дверь в комнату открылась, и на кухню выскочил Штырь, — видно, подслушивал, сволочь, под дверью.

— Чувачек — с улыбкой от уха до уха вскричал он, — Так это же деловой разговор! Слушай, давай по семь капель, и поговорим в спокойной обстановке, за столом, сидя. Что за разговор, стоя в дверях, не раздевшись?

— Я все уже сказал — проговорил, не оборачиваясь к Штырю, Алексей, — И с чего ты решил, что я с тобой пить буду?

— Ну, не хочешь — как хочешь, мне больше достанется, — Штырь продолжал излучать дружелюбие, — Послушай, мы на твою квартиру не претендуем. Твоя — так твоя. Я уже давно присмотрел домик на Заливе. На кой бес нужна эта скворечня, даже и в центре. Мы и бабло почти собрали, восемь штук осталось — и дом наш. Но надо спешить — в марте барыга — хозяин хаты — дергает в свою обетованную. Чего тебе возиться, оформлять, покупать, мы сами все сделаем. Ты даешь бабки — и весной квартира твоя!

— Ха-ха, Штырь, ты что, думаешь, я полный идиот? — Алексей с трудом сдерживал злость, — Квартира стоит шесть

максимум семь тысяч. К тому же Светке — не тебе, Светке, — принадлежит только половина ее, а это всего три — три с половиной. Соглашайся, Светик, пока я не передумал. Я предлагаю тебе квартиру за четыре с половиной тысячи баксов, но при условии, что ты не будешь ломаться и упираться.

— Ну, я же о том и говорю, чувачек, чего тебе покупать эту хату, давай нам четыре с половиной и к весне заезжай сюда на здоровье — не унимался Штырь.

— Уговорил — Леха решил прекратить этот пустопорожний разговор — Я вам бабки выложу хоть завтра. Но только после того, как сегодня Света принесет мне паспорт, где будет стоять печать, подтверждающая, что она выписалась, а в дверь будет врезан мой замок. Расписка, заверенная нотариусом, что Светик на эту квартиру не претендует, тоже не помешает. В противном случае я подаю в суд, а там уже, как карта ляжет — домик то наш старенький, оценивать квартирку будут по остаточной стоимости. Смотри, дорогая, чтобы после всех моих тебе выплат, на троллейбусный билет хватило. Короче, решайте, на все про все вам — месяц. Потом подаю в суд. Все, счастливо оставаться.

— Чувачек, подожди, поговорим. Нам же где-то жить надо, пока дом не освободится. И бабки нужно скорее…

Алексей не слушал, что там молол Штырь, просто обулся и закрыл за собой дверь. Спускаясь по лестнице, он нехотя признался себе, что побаивается этого гада. Ощущение было примерно такое, как тогда, в ущелье.

Напротив троллейбусной остановки располагалась автостоянка. Днепрозаводск — конечно, не глухая провинция, но все-таки не столица. В начале девяностых иномарок на улицах города было пока немного. Они еще были объектом повышенного интереса со стороны автолюбителей, в том числе и потенциальных, «безлошадных». Вот и сейчас люди с любопытством посматривали через дорогу на стоянку.

В первом ряду стоял видавший виды «Форд-Гранада», изрядно потрепанный, со следами аварий на зашпаклеванных бортах, лет пятнадцати-двадцати от роду, однако — иномарка! Рядом присоседился «Бумер». В него вложили, очевидно, немало средств и труда. Машина выглядела, как новенькая, сверкала свежей краской, хотя модель была далеко не последняя — начало восьмидесятых, не позже. Но всеобщее внимание, безусловно, привлекал внедорожник «Джип-Чероки», слепивший глаза блеском хромированной решетки радиатора. Эта машина была явно «с иголочки», новехонькая.

— Гляди, Митрич, какой танк! Лукомского тачка, — рядом с

Алексеем стояли двое рабочих и пялились на шикарную машину.

— И где только деньги берут люди! — ответил Митрич.

— А то ты не знаешь! Воруют. Его уже и прокуратура тягала, и, говорят, даже СБУ занималась — от всех откупился. А пришел к нему наш сварной Жилин, просил денег на операцию жене, в счет долга по зарплате — так отказал, скотина! — собеседник зло сплюнул на тротуар.

— Да, — вздохнул Митрич, — пока наше руководство ездит на таких машинах — не видать нам зарплаты, как своих ушей.

Но внимание Алексея привлекли не эти игрушки, а совсем незаметная «копейка», стоявшая во втором ряду, старая, грязная, непонятного темного цвета. Почему-то, именно она внушала ему опасения. Но почему — он сам себе объяснить не мог. Скорее всего, дело было в интуиции, как знать…

Забравшись на заднюю площадку троллейбуса, Леха через головы более удачливых пассажиров, расположившихся возле окон, тем не менее, смог заметить, что грязно-темная копейка вырулила со стоянки и, не спеша, поехала за троллейбусом. На каждой остановке машина притормаживала, не доезжая нескольких десятков метров до троллейбуса, но стоило тому продолжить движение, копейка следовала дальше. Все это

очень напоминало слежку, и интуиция неоднозначно намекала за кем. Когда Алексей доехал до своей остановки, копейка остановилась и дальше за троллейбусом не поехала, а продолжала стоять невдалеке, пока он не скрылся в дверях общаги. Судя по всему, пасли именно его. Конечно, это нужно было еще проверить, прежде чем принимать контрмеры.

Три дня подряд Леха прятался от грязной машины. Он уходил с работы позже обычного, не доезжал до своей остановки, ехал на другом троллейбусе в другую сторону — отделаться от копейки не удавалось. Сомнений не оставалось — Штырь, очевидно, нанял киллеров. Пока они изучали распорядок жизни Алексея, но скоро, наверняка, перейдут непосредственно к выполнению заказа. Действуют, черти, грамотно, если бы не его чутье, слежку было бы заметить весьма не просто. Что делать? Как защититься?

Наверное, нужно обратиться в милицию. Нужно, но есть одно «но». Милиции Алексей не доверял, а после случая с Залыгой, он этих ребят и вовсе невзлюбил.

Вася Залыга был самым безответным мужиком, из тех, кого знал Алексей. Для всех, даже для людей гораздо более молодых, чем он, Залыга, в свои пятьдесят пять лет был Васей, Васечкой. В меру пьющий, задерганный начальством, запуганный женой и замученный бытом, он никому, наверное, за всю свою жизнь, не

сказал слова против. Над ним все подшучивали, но беззлобно, как говорится, любя.

Около года назад, накануне 8-го марта, на заводе, наконец, дали зарплату. Впервые за последние три месяца. На радостях работяги раздобыли спецсырье и отметили это событие. И как только Вася «под шафэ» вышел за проходную, как попал в объятия милицейского патруля. Милицию тоже можно понять. На подходе женский день, нужно, ведь, жен поздравлять. А тут машзаводу получку, наконец, дали. Наверное, у ребят в тот день был неплохой улов! Что касается Васи, в вытрезвитель его не отправили, пожалели, но получку забрали всю до копейки. После этого домой к жене Вася идти побоялся. Он вернулся на завод и повесился в слесарке. Записки он не оставил, к радости патрульных, которые весело встретили Международный женский день в кругу своих любимых.

И, все-таки, в милицию обратиться нужно, а что он мог еще предпринять? Оружия у Алексея не было, а если бы и было, неизвестно, как будут действовать киллеры — застрелят издалека, расстреляют в упор или подрежут в подворотне. Лучше было бы последнее — при его навыках рукопашного боя, Леха вполне справился бы с двумя или даже с тремя убийцами. А если у них пистолет или обрез? Тут не помешал бы нож. Нет, нож при себе держать нельзя. Мало его обыскивали менты, когда он шел после вечерней смены домой? Денег у Алексея, как у Васечки, не забирали по причине почти полного отсутствия таковых, а нашли бы нож, что было бы? Тюрьма не тюрьма, но неприятности были бы. Впрочем, зачем обязательно нож? Если заточить пару-тройку электродов отбиться можно и от вооруженных пистолетами бандитов.

Лешка часто вспоминал своего инструктора по рукопашному бою майора Щеглова, в учебной части под Ташкентом, куда его направили перед тем, как послать в Афган. Майор был во всех отношениях выдающейся личностью. Он в совершенстве владел приемами рукопашного боя, многими восточными единоборствами, занимался йогой, увлекался философскими учениями. У Алексея с майором отношения сложились явно не уставные. Скорее это была дружба, непродолжительная, мимолетная, но все-таки крепкая мужская дружба.

В спортзале инструктор по очереди вызывал салаг на спарринг и укладывал на лопатки в течение пары секунд. Всех, но не курсанта Корогода. С Алексеем они дрались несколько минут. Верткий и имеющий разряд по боксу курсант успешно оборонялся и даже провел пару встречных ударов. Майору Щеглову пришлось крепко попотеть, прежде, чем ему удалось сбить курсанта с ног

особо хитрым приемом. После этого он стал заниматься с Лешкой индивидуально. Это была жестокая наука уничтожения людей. Снять часового, всадив под лопатку нож, или сломав шею молниеносным движением так, что тот и пикнуть не успевал, стрелять по-македонски, с двух рук одновременно, бросать в противника все, что может нанести травму — ножи, саперные лопатки, гранаты и даже камни. А по вечерам, за чаем, майор рассказывал Лехе совсем невероятные истории. Оказывается, опытный йог умеет останавливать свое сердце на несколько секунд и потом запускать «моторчик» снова, а японские самураи умели освобождаться от наручников, растянув кисть руки в суставах. И это были не байки. Честно признавшись, что разобрать руку и снять наручники у него не получилось, остановку сердца Щеглов своему ученику продемонстрировал. Целых пять секунд сердце инструктора не билось.

— Не советую повторять, — сказал майор — Но, может быть, нечто подобное когда-нибудь спасет твою жизнь.

Останавливать сердце Алексею не пришлось, но остальные навыки, привитые майором, не раз выручали его в критических ситуациях там, на войне.

Да, об электродах стоит подумать. Если потренироваться и вспомнить молодость, он сможет метров с пяти-шести вогнать заостренный электрод противнику в глаз или в горло. А если все-таки снайперская винтовка? Нет, нужно идти в милицию. И чем скорее, тем лучше. Дело даже не в том, что противники могут оказаться хитрее и сильнее. При любом раскладе в проигрыше будет именно он. Если убьют его — тогда и говорить не о чем. А если он прикончит или покалечит кого-то из нападавших? Его сразу же обвинят во всех тяжких, и оправданий не станут слушать. Сможет ли он, простой работяга доказать в суде свою невиновность? Чтобы это сделать, деньжат Дока, пожалуй, не хватит. Оппоненты же, наоборот, найдут возможность надавить на судей или подкупить их. И выяснится, что киллеры — добрейшей души люди, которых обидел матерый убийца с боевым опытом горячих точек и надломленной психикой. В этом случае, визит в милицию необходим — какая-никакая, а все-таки перестраховка. Мол, я вас предупреждал.

Вечером того же дня Алексей написал заявление и понес его в райотдел милиции, соблюдая все меры предосторожности в отношении своих преследователей. Открыв дверь в кабинет дежурного офицера, он понял, что пришел не вовремя. Полный старлей кушал бутерброд и смотрел телевизор. Отрываться от любимых занятий ему явно не хотелось. Он тяжело вздохнул и пробежал глазами Лешкино заявление.

— Так, так. Начальнику РОВД…, от Корогода Алексея Николаевича, проживающего…, так, так…, — бубнил под нос офицер, — Машина, ВАЗ…, номер…,цвет… так, так, понятно. А документы твои можно посмотреть?

— Пенсионер, значит, — сказал он, рассматривая пенсионное удостоверение Алексея, — Такой пышущий здоровьем мужик и, вдруг, пенсионер! Где книжечку купил-то?

— Я — участник боевых действий в Афганистане, — постарался сказать Алексей официальным тоном, — И пенсионер по ранению.

— В голову, судя по всему, — усмехнулся лейтенант, — Раненные в ноги или руки такие бумаженции не приносят.

— Вообще-то, я сюда за помощью пришел, а не для того, чтобы выслушивать оскорбления. Зарегистрируйте заявление в официальном порядке. Это — ваша работа. До свидания.

— Погоди, не психуй. Конечно, зарегистрирую. Посиди в коридоре, мне срочно позвонить нужно. Я позову, и все оформим, — офицер неожиданно сменил тон на более дружелюбный.

Говорил старлей по телефону довольно долго. Алексей успел вспотеть в теплом вестибюле, а в кабинет все не приглашали. Только минут через пятнадцать-двадцать, когда в кабинет лейтенанта вошел патрульный, Леха через дверной проем увидел, что тот снова смотрит телик.

— Можно, — спросил он, снова заходя в кабинет.

Странно, но дружелюбный тон лейтенанта куда-то испарился. Он долго с недовольным видом записывал анкетные данные, которые Лешка и так указал в заявлении. Потом, посмотрев на часы, сказал:

— Так ты считаешь, что тебя кто-то заказал? Думаешь, кто-то не пожалеет и рваного купона, чтобы отправить тебе на тот свет? Ты кто такой? Депутат, крутой бизнесмен, комиссар Каттани — борец с мафией? Кому ты нужен, голь перекатная, чтобы платить за тебя наемным убийцам?

— У меня есть квартира, не знаете, что ли, сколько людей в том же Питере из-за квартир убили? Телевизор-то смотрите? — сказал Алексей уже в дверях, кивнув на полочку с теликом.

— Ты, я вижу, Невзорова насмотрелся? Да твоя халупа по цене и рядом с питерскими квартирами не стояла! То столица, а не дыра «нэзалэжна»! И что нам прикажешь делать — арестовать их, пытать? Доказательства у тебя есть?

— Могли бы проверить у них документы, заглянуть в багажник — глядишь, и вспугнули бы. Вы это, по-моему, умеете делать неплохо.

— Ты еще учить нас будешь, как работать! — лицо старлея покрылось пунцовыми пятнами, — Да мы тут…

Алексей захлопнул дверь и вышел из кабинета. Помощи здесь, очевидно, ждать не приходится. «Завтра же попрошу у ребят электроды, — подумал он. — Если я уже не опоздал». На другой стороне улицы прогревала мотор старая копейка.

«Вот, дьявол, выследили. А я думал, что оторвался от преследователей. Странно»

Леха вскочил в подошедший троллейбус, хотя тот двигался совсем в другую сторону от его общежития. Копейка какое-то время двигалась за ним, но в центре города он ее уже не увидел. «Может, испугались и отцепились?» — подумал он. Но надеждам сбыться было не суждено. Погуляв по городу и возвращаясь домой, он заметил знакомую машину недалеко от нужной ему остановки. Стояла копейка таким образом, что обойти ее было сложно. «Пристрелят именно сейчас — понял Алексей, — Мой визит в ментовку только заставил их действовать решительнее. Нет, нужно ехать дальше. Выйду на следующей остановке и проберусь дворами».

Был уже поздний вечер — около десяти часов. К сожалению, троллейбус в это время был почти пуст и неплохо освещен. При наличии бинокля заметить Лешку в салоне не составляло труда. Машина тронулась с места и поехала за троллейбусом. Он неплохо знал этот район. Было одно место, где можно было оторваться от преследователей: возле следующей остановки располагался проход между двумя девятиэтажками. Машина там пройти не могла — посреди узкой дорожки была вкопана железобетонная балка. На нее-то и рассчитывал Леха.

Как только троллейбус остановился, и открылись двери, он метнулся из салона, едва не сбив с ног крупную даму с авоськами в обеих руках. Не обращая внимания на вопли тетки, Алексей, бросился в нужном направлении. За спиной взвыла стареньким мотором копейка, раздался лязг металла — машина на форсаже рванула через бордюр на тротуар, гремя глушителем по плитам порибрика. Свою порцию ругательств от мадам с авоськами, наверное, получили и киллеры, но его, в данный момент это не интересовало. «А ребята пошли ва-банк» — подумал он. Алексей в одно мгновение добежал до железобетонного надолба, но машина все-таки ехала быстрее. Сзади раздался визг тормозов, хлопанье дверей и стук каблуков.

— Стой, мылыцыя! — закричал один из преследователей с явным кавказским акцентом.

«Как же, милиция, — подумал Леха, — но в логике им не откажешь. Если добропорядочные граждане подножку не

подставят, то уж в ментовку не позвонят точно. А эти сейчас палить начнут».

И верно, за спиной послышались негромкие хлопки выстрелов пистолетов с глушителями, а над головой засвистели пули. «Знакомый звук», — подумал он.

Несмотря на то, что Алексей бежал, часто меняя направление и темп, две пули попали в левое бедро и плечо, тоже левое, почти одновременно, сбив его с ног. «Встать, скорее встать, иначе подбегут, контрольный в голову — и конец. Вставай же, ну быстрее!» Усилием воли он заставил себя подняться и побежать дальше. Только куда бежать? Впереди пустырь, не будь пули в ноге, за несколько секунд пересек бы его и скрылся за железнодорожной веткой в лесопосадке. Но, хромая, ему не уйти — догонят. Инстинктивно Алексей повернул направо и побежал в сторону гаражей. Железные гаражи, установленные самовольно, могли послужить неплохим лабиринтом, где, может быть, удалось бы оторваться или спрятаться, если повезет. Но сегодня удача явно отвернулась от Алексея. Протиснувшись в промежуток между двумя железными коробками, он понял, что погиб. Гаражи примыкали к высокой кирпичной стене, которую ему с его ранениями не перелезть.

Потом он часто пытался разобраться в том, что же произошло. Почему он ни секунды не колебался, даже не пытался осознать происходящее? Ведь надо быть полным идиотом, чтобы сделать то, что сделал он. Конечно, выбора не было, сзади уже отчетливо слышался стук ботинок его убийц, и все-таки…

На сером фоне грязной стены Алексей увидел маленькое светящееся пятно и, не раздумывая, прыгнул головой вперед, как прыгают на морском пляже в набегающую волну прибоя. Как он и ожидал, удара о стену не было. На встречу Лехе летел светящийся обруч, в котором светилось желтоватое небо и красновато-коричневая почва. Когда он поднял голову после не очень мягкого падения, первое, и, пожалуй, последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание — было дерево, голое, без единого листа, со странно, не по-земному вывернутыми ветками.

Глава 4
Чужой

Первое, что он увидел, когда очнулся, были глаза. Большие серые глаза с длинными ресницами. Ресницы сделали два взмаха, будто птица взмахнула крыльями, и отдалились. Алексей увидел лицо. Лицо молодой девушки. Да нет, лицо девочки, которую и подростком можно назвать с большой натяжкой. На вид ей было лет тринадцать-четырнадцать, а может быть и того меньше. Худенькая и миниатюрная — совсем ребенок. Это впечатление дополняла прическа на голове девочки — все ее светлые волосики были собраны в многочисленные косички, торчащие в разные стороны. Девочка крикнула что-то непонятное и убежала.

Алексей приподнял голову и осмотрелся. Он лежал на каких-то тряпках, может быть мешках, набитых соломой, находящихся в движущейся повозке. Повозка мерно покачивалась и скрипела своими колесами. Мотора слышно не было, вместо этого были звуки явно животного происхождения — фырканье, хрюканье, мычание. Леха попытался приподняться, но боль в плече и ноге заставила его отказаться от этой попытки. Он повертел головой и осмотрелся. Увидеть почти ничего не удалось — грязный тент над головой и только где-то в ногах светлел проем — часть полога была откинута.

Вскоре девочка вернулась, но не одна, а с пожилым мужчиной. Он посмотрел на Алексея и что-то произнес. Леха ничего не понял из слов старика, но по интонации, выражению лица и жестам догадался, что от него хотят. Вероятно, желают знать, кто он такой и откуда взялся. Отвечать было бесполезно, его все равно не поймут. К тому же Алексей был еще очень слаб, да и боль продолжала его мучить, потому он только покачал головой и закрыл глаза. Нужно было о многом подумать, разобраться, где он, черт побери, очутился, кто эти люди. Наверное, он в Афганистане. Его подранили душманы и взяли в плен. Теперь везут в свой аул. Что-то будет дальше? Пытки, жестокая средневековая казнь? Он спецназовец, десантник. Таким от духов пощады ждать не приходится. Стоп, какой Афган? Он давно не десантник, отвоевался, несколько лет, как вернулся домой. Почему же тогда все болит, будто изрешетили всего? Кажется, память постепенно возвращается… Да, вспоминается: он бежал, за ним гнались двое подонков, пытались его укокошить. Как же он оказался в повозке?

Нужно попытаться вспомнить все, что произошло за

последнее время. В него, безусловно, стреляли. Стреляли и попали. И судя по боли, два раза — в плечо и в ногу. Он побежал за гаражи, может быть, там потерял сознание. И там его подобрали эти цыгане? Целый табор с гужевым транспортом, со скотом, со своим скарбом в промышленном центре? Черт те что! А может, его все-таки убили и эти видения — результат умирания мозга? А может это сон, и стоит ущипнуть себя… Какой сон, какое там, ущипнуть! Раны болят так, что сомнений никаких быть не может — он пока еще жив и не спит.

Стоп! Вспомнил! Светящийся обруч, удар о твердый грунт, странное дерево. Это действительно происходило с ним, или это галлюцинации, вызванные болевым шоком? Неужели Док говорил правду? Чушь! Бред! Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Если такое допустить, то он, Лешка Корогод, оказался за тысячи световых лет от Земли, в совершенно чужом мире. Да нет, чепуха. Даже Док не мог самостоятельно войти в резонанс с канвой («Иш ты, такие термины запомнил!»), попросил помощи у него, Алексея. А может быть он действительно сильный экстрасенс? В критической ситуации он сумел проявить свои способности и спастись? Как бы то ни было, поверить в это можно, только получив неопровержимые доказательства. Что же, он проверит, сумеет проверить, по крайней мере, постарается. Когда отдохнет, когда немного поспит.

Проснулся Леха, когда повозка уже не ехала. Он приподнял голову. Светлого пятна в ногах уже не было — наступила ночь, и табор остановился на ночлег. Он попробовал встать. Тело отозвалось болью, но болью терпимой. На четвереньках он подполз к краю повозки, отодвинул полог и осторожно спустился на землю, стараясь не очень нагружать раненную ногу и плечо. Картина, которую он увидел, его не впечатлила. Ночь, несколько повозок, поставленных в каре, неяркий костерок и люди, сидящие вокруг него. Ничего экстраординарного, ничего неземного. Прежде всего, Алексей похромал за воз, чтобы не справлять нужду на глазах сидящих у костра людей. Но не успел он сделать и двух шагов, как подбежала уже знакомая девчонка и попыталась вернуть его назад в повозку. С большим трудом Лешке удалось объяснить жестами, чтобы его некоторое время не беспокоили, но девчонка не ушла, а продолжала стоять у него за спиной до тех пор, пока не завершился процесс. Это раздражало Алексея, но он был бессилен, что-либо сделать и смирился. Как только он закончил свои дела, девочка подошла, обняла его за талию, заставила на себя опереться и потащила в сторону лагеря.

И тут он поднял голову к небу. То, что он увидел, заставило его остановиться и открыть рот от удивления. В звездах Алексей

более или менее разбирался — ориентирование по звездам входило в программу выживания, которую ему вдолбили, как «Отче наш» в учебке. Но теперь он не видел, ни Медведиц с Полярной звездой, ни Кассиопеи, ни вообще, чего-либо знакомого. Созвездий южного полушария, известных ему по литературе, тоже не было. Вместо этого в небе мерцали россыпи совершенно незнакомых звезд, почти в зените, светила бледным желтым светом неяркая небольшая луна и над горизонтом сиял узкий месяц. Мир с двумя лунами! Ай да Док, оказывается, не врал, сукин сын!

Ощущение было такое, будто по голове мешком с песком грохнули. Леха, будто в тумане, позволил девчонке отвести себя в повозку и уложить отдыхать. Она чуть позже вернулась и накормила его каким-то варевом и снова ушла к своим спутникам. Наверное, варево содержало снотворное, потому что Алексей сразу же заснул и проснулся только на другой день. Повозка снова неторопливо тряслась по каменистой дороге, скрипя своими колесами.

Тем не менее, эта спокойная музыка дороги почему-то внушала тревогу. Внутренний голос снова предупреждал об опасности. Неожиданно в повозку влетела его нянька и, размахивая своими косичками, развила бурную деятельность. Она перевернула мешки с травой и столкнула Лешку прямо на голые доски дна телеги. Хотя он и не протестовал, девочка закрыла ему рот ладошкой и указала пальцем куда-то за спину. Потом она накрыла его мешками, полностью лишив возможности что-либо видеть. И повозка снова двинулась по дороге.

Что происходит снаружи? Оставалось только слушать. Послышался давно забытый звук — цокот копыт. Его Алексей последний раз он слышал в Афганистане. Там всадников он встречал часто. Но в их промышленном регионе лошади — редкость, а верховые и вовсе нонсенс. Разве, что в цирке можно увидеть. Очевидно, табор нагнал отряд всадников. Они остановили повозки и стали о чем-то говорить с его спутниками. При этом разговор шел на повышенных тонах. Всадники что-то кричали, приказывали, ругались, а знакомый уже Алексею старик — разговаривал с всадниками только он — говорил с заискивающей, просительной интонацией, явно пытался угодить нежданным гостям. Через несколько минут ругань всадников, и цокот копыт стали удаляться, а повозки снова двинулись по дороге. А вскоре девчонка извлекла его из-под мешков, и путешествие продолжилось

Но, после всего происшедшего валяться пластом в повозке Леха уже не мог. Он поднялся и перебрался на облучок, поближе

к своей сиделке. Та начала бурно протестовать, пытаясь вернуть своего пациента на место, совершенно не обращая внимания на отрицательные жесты последнего, а может быть, не понимая их смысла. Наконец Леха просто зажал девчонке рот рукой и отпустил только тогда, когда понял, что она готова хоть немного помолчать и послушать.

— Алексей, Леша — он ткнул несколько раз указательным пальцем себя в грудь, — а ты? Тебя как зовут? — на этот раз указательный палец указал на девочку.

— Ли-а — удивленно произнесла та. Наверное, девочка удивилась, что ее пациент говорит совсем не так, как ее спутники, но, кажется, она его поняла.

— Лия так Лия, вот и познакомились — для уверенности Алексей повторил манипуляции указательным пальцем, произнося несколько раз подряд: «Алексей — Лия, Лия — Алексей».

— Теперь, дорогая Лия, ты будешь учить меня языку, — сказал Леха, сам не очень-то веря в успех своего предприятия.

Дело в том, что иностранные языки, и, в частности, немецкий всегда были мучением для Алексея и головной болью для его родителей и педагогов. Яков Эммануилович, преподаватель немецкого (а в параллельных классах и английского с французским), заслуженный учитель УССР, среди учеников которого были гении, поступившие на факультеты иняза нескольких университетов страны и даже в небезизввестеный МГИМО, часто говаривал ему с глазу на глаз: «Увы, Алеша, твердость твоей тройки обусловлена только твердостью твоих кулаков. Не расстраивать же лучшего спортсмена школы перед ответственными соревнованиями. История и физрук мне этого не простят». Если другие предметы Лешка еще мог подтянуть, выучить, зазубрить, наконец, то с немецким проблемы были постоянно. К своим достижениям в языкознании он мог причислить разве что умение объясниться с афганскими базарными торговцами, с помощью разговорника. Да и то, зачастую торговцы говорили на русском языке лучше, чем Леха на фарси.

Но сейчас он чувствовал — что-то изменилось. Память стала работать, как магнитофон — что ни услышишь, откладывалось в ней, запоминалось «всерьез и надолго». Наверное, это было то, о чем предупреждал Док — результат контакта с канвой. Иначе, откуда могли взяться такие способности? Алексей вспомнил давно забытые детали из своей прошлой жизни, в частности то, что Штыря Светка когда-то в его присутствии назвала Костиком. Вспомнил имена всех соседей по палате в Ташкентском

госпитале. Даже тех, из реанимации, которых и знать то не мог, так как лежал без сознания. Всплыла в памяти фамилия соседа по парте, которого еще в первом классе перевели в другую школу.

Теперь, сидя на облучке, Леха начал со своей нянькой увлекательную игру. Он показывал пальцем на предмет, а Лия называла его по-своему. Он моментально запомнил названия немногих окружающих его предметов — гора, пропасть, воз, лошадь (или не лошадь, странная скотина горбатая и низкорослая, с ушами, как у свиньи и тупой мордой), дорога, небо. С существительными проблем почти не возникало, труднее было связать слова в предложения глаголами и другими частями речи. Но гораздо хуже дело обстояло с произношением. Повторить то, что произносила Лия, стоило больших трудов. Алексею, чтобы вымолвить иное слово приходилось корчить такие рожи, так выворачивать губы, что хохотушка-учительница от смеха чуть с повозки не падала.

Однако игра неожиданно оборвалась. Прибежал худосочный мальчишка примерно Лииного возраста или чуть старше, которого та назвала Котом, и что-то закричал, показывая куда-то в конец каравана. Некоторые слова Леха понял, остальное сообразил — дорога, солдаты, опасность. Лия сразу забеспокоилась и попыталась затолкать его в повозку, но он настоял на своем — спрыгнул на землю и, морщась от боли, стал подниматься вверх по склону. Немного поднявшись, он повернулся и стал показывать знаками попутчикам, чтобы не останавливались, а продолжали движение. Караван пошел дальше, а Алексей, вскарабкавшись еще немного выше, залег на узком уступе за чахлыми кустиками какого-то растения.

Повозки не спеша, двигались по дороге, пока не скрылись за поворотом. А минут через десять мимо него проскакала кавалькада — человек пятнадцать всадников, двигающихся легкой рысью. Алексей невольно залюбовался этим зрелищем — красивые настоящие кони, не какие-то чудища, как у его спутников, поджарые, рослые и тонконогие, всадники в железных кирасах и шлемах с плюмажем, при мечах и копьях, ни дать, ни взять — мушкетеры короля или гвардейцы кардинала. Красиво! Красиво, но опасно. Почему эти люди возвращаются? Можно предположить, что, расспросив путников, солдаты доложили об этом своему начальству, а того не устроили результаты, и оно потребовало произвести более тщательный досмотр каравана. Логично. Тем более что вот и оно — начальство. По дороге легким аллюром двигалась еще одна группа всадников. Четыре человека. Особенно выделялся всадник на белом коне, ехавший чуть впереди. Высокий, он очень прямо держался в седле, не

наклоняясь к гриве коня. Его плечи и голову покрывал красный плащ с капюшоном. Лица Алексей не увидел — его закрывало забрало из белого блестящего металла. Забрало было выполнено в виде человеческого лица. Вместе с такой же блестящей кирасой оно создавало впечатление, что на коне восседает железный человек. Или, если учесть благородный блеск металла, — серебряный. Алексей так его для себя и обозначил. От этого всадника буквально исходили флюиды опасности. Интуиция почти кричала, орала открытым текстом, что с этим человеком судьба сведет его еще не раз, и что эти встречи принесут несчастье им обоим.

Леха пролежал на уступчике больше часа, пока, наконец, кавалькада проскакала мимо него в противоположном направлении. Спустившись на дорогу, он нерешительности присел на придорожный камень. Куда идти? Ковылять за караваном? А в праве ли он возвращаться к спасшим его людям? Ведь солдаты искали, судя по всему, именно его, Алексея. Интересно, кому он успел наступить на мозоль в этом мире, какие законы нарушил? А если бы его нашли, то, что сделали бы с путниками, укрывавшими чужака? Хороша благодарность за спасение! А какова альтернатива? Попытаться одному выжить в чужом мире? Опытные путешественники, отправляясь в экспедиции в малоисследованные области Земли, всегда брали с собой местных проводников. Без них любое путешествие было обречено на провал. Много ли шансов у европейца выжить в одиночку где-нибудь в австралийском буше или джунглях Южной Америки? То-то и оно, а тут не Земля — другая планета.

Но его раздумья были прерваны самым бесцеремонным образом. Из-за поворота дороги выбежала Лия и, не обращая внимания на возражения, потащила Леху к каравану.

Уже почти неделю Алексей путешествовал с табором. За это время, с помощью своей няньки, которая теперь стала еще и его учительницей, он сносно освоил язык, по крайней мере, мог как-то объясняться с окружающими. Немного узнал о месте своего пребывания — планета называлась Нола. Это слово в переводе на русский не означало ничего оригинального — почва, твердь под ногами, — так же, что и Земля. Да и было ли это названием планеты? Не исключено, что аборигены думали, что их Нола лежит на трех китах или на чем-то подобном. Кое-что выяснил и о своих спутниках. Все они — большая семья, включая дальних родственников и приемных детей. К таковым Лия причисляла, наверное, и Алексея, хотя и сама была в какой-то степени приемышем — караванщики взяли ее к себе после того, как

умерла мать Лии — дальняя родственница уже знакомого Лешке старика по имени или прозвищу Отец. Отец был хозяином и главой этой компании. Семья путешествовала по стране с длинным названием, дословно — Земля, Окруженная Горами И Омываемая Морем, а проще — Межгорье. В настоящее время табор, если можно так выразиться, гастролировал в горной части страны. Горы назывались Лестница К Богам, и наверное точнее названия придумать было невозможно. Они представляли собой несколько плато огромной площади, расположенных одно над другим — ну, прямо гигантские ступени. Впрочем, горы имели еще одно название, а именно — Соленые. Почему их так странно называли, Алексей понять не смог.

Эти места были заселены в основном скотоводами. Народ этот был небогатый, но довольно щедрый и не избалованный зрелищами. Кроме того, и товары ремесленников здесь были редкостью. Так что путешествие себя оправдывало, не смотря на встречи с патрульными разъездами королевских солдат, которых желательно было чем-либо одарить. По словам его спутников, солдат здесь поприбавилось после того, как новый король построил в горах свою резиденцию, вернее, перестроил древний полуразвалившийся замок. До этого, впрочем, было еще хуже, так как, был риск нарваться на отряд кочевников или местную банду лихих людей. А те были куда страшнее! Уж лучше расстаться с частью выручки и вина, чем потерять свободу или, того хуже, голову в стычке с бандитами.

Кочуя по дорогам между городами и селами, люди приторговывали разными товарами, а так же развлекали публику — среди членов семьи были музыканты, певцы, циркачи. Лия, например, умела неплохо танцевать на канате.

Большинство членов семьи составляли женщины. Мужчин, кроме уже знакомых Алексею Отца и Кота, было еще человек пять или шесть. В основном это были немолодые и не очень здоровые люди. И это было одной из причин, почему Лешку не выдали солдатам — жизнь семьи легкой назвать было нельзя. На него рассчитывали, как на рабочую силу, и Леха старался чем мог, быть полезным, помогая по хозяйству — колол дрова, измельчал горючий камень — что-то на подобие сланца или низкокалорийного угля, носил воду для стирки и приготовления пищи… Однако вскоре он заметил, что чем больше он помогает женщинам по хозяйству, тем раздражительнее становится Лия. Судя по всему, выходив Алексея, она считала, что имеет на него какие-то особые права. Она постоянно крутилась возле него, мешая работать, приставала с разговорами в самое неподходящее время. Впрочем, разговоры с ней были для Лешки весьма

полезны. От нее он узнал много нового о семье Отца, об обычаях народа, среди которого ему пришлось волей случая оказаться.

Как оказалось, люди общались друг с другом не посредством имен, а с помощью кличек. Что-то подобное, кажется, имело место и у древних славян, если Лешка правильно запомнил лекцию школьной исторички. И Лия — это не настоящее имя девочки.

— А что означает — Алексей? — спросила как-то она, оттащив за руку от котла, под который Лешка подкладывал дрова и сланец, помогая прачкам.

— Да бог его знает, что оно означает, — без задней мысли ответил Леха, — может, отец с матерью и знали, да мне не сказали.

— Что? Ты назвал мне имя, которое тебе дали родители?!

— Ну да. А что такого? Чего ты так испугалась?

— Идем, — Лия потянула его за руку к повозке, служившей походным зверинцем. — Вот, смотри — это ли-а, — она показала на клетку с маленьким подвижным зверьком похожим то-ли на белку, то-ли на горностая.

— Я на нее похожа. Я тоже маленькая, но ловкая и сильная. А он — Кот, потому что хорошо поет — Лия указала на мальчишку, вечно крутившегося возле нее и бросавшего злобные взгляды на Алексея. — А там — Отец. Он заботится обо всех нас, как родитель. Зная наши имена, можно о нас много чего понять — какие мы, что умеем, что любим. Но никто кроме родителей не знает настоящего имени ребенка, того, что дала ему матушка при рождении. Потому что, если кто-то злой узнает его имя, он сможет принести тому много несчастий. Злой человек наложит проклятье на человека и при этом назовет его настоящее имя — все! Смерть и окончание рода. Жених с невестой откроют друг другу свои имена только перед самой свадьбой. А может быть, ты хочешь на мне жениться? — она с любопытством заглянула ему в глаза.

— Такая возможность не исключена, если Кот меня не убьет, — усмехнулся Алексей, — Но тебе, наверное, еще надо подрасти. Что же касается несчастий, меня все всю жизнь называли Алешей. А уж как проклинали! О-го-го! И ничего, живу пока еще.

— Я уже взрослая! — с обидой тряхнула косичками Лия — А ты, не знаю, откуда ты пришел, но советую поскорее придумать себе имя, здесь без него пропадешь. — Она повернулась и демонстративно подошла к Коту.

— Лия, подожди. Ты что обиделась? Я, наверное, не так выразился. — Алексей хотел ее догнать, но чья-то рука крепко

схватила его за локоть.

— Не спеши, парень. Ты уже вычухался, да и говорить научился, самое время нам с тобой побеседовать. Пошли. — Отец повел его к своей повозке.

Старик уселся на низенькую скамеечку, опершись спиной о колесо. Лешке была предложена кожаная подушка. Жена Отца — немолодая сухощавая женщина по прозвищу Стряпуха, поднесла каждому по чашке терпкого местного винца, которое Алексею совсем не нравилось. Но обижать хозяев он не хотел, поэтому, стараясь не кривиться, стал потягивать содержимое чашки мелкими глотками, и слушать, что скажет Отец.

— Ну, парень, рассказывай, откуда ты взялся? — сказал старик, уставившись на Леху щелочками глаз.

— Наверное, вы это знаете лучше меня. Я совсем не помню, как оказался в вашей телеге — откровенничать Алексею не хотелось, пусть уж лучше Отец расскажет побольше.

— Не притворяйся. Мы действительно нашли тебя, истекающего кровью возле каменного дерева. Но как ты там очутился? Вот это ты мне расскажи.

— Вряд ли я смогу объяснить. Меня чуть не убили, я убегал, кружилась голова, потом упал… Подняться уже не смог… Больше ничего не помню — Леха, как мог, пытался уйти от ответа на прямой вопрос, потому что, расскажи он правду, его сразу приняли бы за психа или, что еще хуже, за колдуна.

— Ты откуда убегал? — не унимался Отец, — Из земель кочевников? Может ты сам кочевник? Да нет, не похож, вроде бы. Те — кривоногие, черноволосые, плоскомордые. И вообще, коротышки. Ты не такой. Но может быть, это они тебя подранили? Опять-таки, нет. У них вот такие наконечники для стрел — Он полез за пазуху, достал маленький мешочек, похожий на кисет и вытряхнул на ладонь бронзовые ромбики длиной с фалангу пальца. — А вот что мы вытащили из твоих ран. Даже не знаю, из какого лука можно выпустить стрелы с этими тупыми наконечниками, чтобы нанести такие глубокие раны, как у тебя. И как крепить их к древкам стрел? Не можешь сказать? А может, не хочешь?

Отец протянул Алексею руку и положил ему на ладонь два медных цилиндрика. Леха покатал их на ладони. Две пули калибра девять миллиметров от «Макарова» или чего похлеще.

— Вы делали мне операцию? Вытащили из моего тела пу… эти штуки? Я никогда не забуду вашей доброты. Я умею быть благодарным.

— Лучшая благодарность — это доверие, а ты нам не доверяешь, — скуластое морщинистое лицо Отца выражало

искреннее огорчение, — Мы спрятали тебя от солдат, а ты не откровенен. Зачем ты пришел? Хочешь убить короля Луэла?

— Я? Убить короля? — удивился Леха, — Что за чепуха?! Да я в глаза никогда не видел короля, ни вашего, ни какого-либо другого. Зачем мне его убивать?

— Хочешь сказать, что там, откуда ты пришел, нет королей? — от удивления узкие глаза Отца несколько округлились.

— Ну, есть маленькие царьки, по крайней мере, они себя таковыми считают, но короля у нас давно не было.

— Но кто же управляет страной, армией, вами?

— Желающих хватает — вздохнул Алексей, — Прямо, отбою нет!

— Ты рассказываешь странные вещи. Разве можно успешно управлять страной, когда много правителей? — удивление Отца грозило зашкалить.

— Кого это интересует! Набить бы мошну, оторвать бы кусок пожирнее! Если бы я хотел кого-то убить — так уж кого-нибудь из них, а не вашего, этого…, как там его…?

— Так почему ты их не убьешь? — то-ли в шутку, то-ли всерьез спросил Отец.

— А! Пустая трата сил и средств. Убьешь одного мерзавца, глядь — а на его месте сидит уже другой, еще хуже прежнего. Это все равно, что с драконом воевать: сколько голов не руби — все новые и новые вырастают.

— Где ты видел таких тварей? — к удивлению Отца теперь примешалась еще и опаска.

— Да нет, это легенды. У вас должно быть другие сказки — Леха допил вино и поставил чашку на землю. То же самое минутой раньше сделал и его собеседник.

— Ладно, парень, слушай, что скажу, — Отец вытер обветренные губы ладонью, — Видно, ничего от тебя не добьешься. Что же, не хочешь, не говори. Но я советую тебе остаться с нами. И тебе в одиночку не выжить, и нам лишний мужик не помешает. В моей семье мало мужчин, а я отвечаю за безопасность женщин и детей. А ты с виду крепкий. Ты что умеешь делать, чем раньше занимался?

— Ничего особенного делать не умею, — пожал плечами Лешка. Не рассказывать же старику, что год до армии учился на оператора волочильного стана. Во-первых, собеседник не поймет, о чем речь, во-вторых, он и сам-то этот стан смутно представлял. За тренировками и соревнованиями учиться было некогда.

— Разве что, воевать… Я был солдатом.

— Ты дезертир?

— Да нет, я свое честно отвоевал.

— Прекрасно, значит, сумеешь постоять за семью, за свою жену, да и за себя. Мне такие — во! — как нужны! А там, глядишь, еще чему-нибудь научишься. Солдатам Луэла мы тебя не выдадим — мы с властью добровольно не сотрудничаем. То, что ты чужой, меня не волнует — будешь наш, тем более, что Лиа на тебя глаз положила. Поженим вас, дети пойдут, жизнь продолжится.

— Лия? Да она еще сама совсем ребенок, куда ей детей заводить! — вскричал Леха.

— Наши женщины рано выходят замуж. Созрела — пусть работает на семью, мужа кормит, детей рожает. Выживать-то, как-то надо! Или ты начнешь мне сейчас говорить про любовь? Не нужно. Мне, с вершины моих лет, видно лучше, чем вам, молодым. Семья — это любовь, дети — это любовь, жизнь — это любовь. Ну как, решил? Остаешься с нами?

— Да, особенно, выбора-то нет, — вздохнул Алексей, — Останусь пока, а там видно будет.

— Ну и прекрасно! Эй, Стряпуха, тащи еще вина — Отец потирал руки от удовольствия.

— Подожди, Отец, я вина уже не хочу. Спасибо, конечно, но мне уже хватит — постарался повежливее отказаться Лешка, — Ты мне лучше ответь на такой вопрос: ведь солдаты искали меня? Иначе, с чего бы это девочка меня стала прятать на дне телеги? Что им от меня нужно? Чем я перед ними провинился?

— Хм, дело вот в чем, — Отец наморщил лоб, подбирая нужные слова, — король Луэл XI — он не настоящий, не потомственный. Он пришелец неизвестно откуда. Чужой, вроде тебя. Он и его верный пес — Серебряный появились здесь несколько лет назад. Поначалу пришелец подружился с нашим королем Конартом XVI, стал его советником и первым министром. Но потом рассорились, даже до войны дошло. Чужак захватил власть, убил законного короля Конарта XVI, назвался Луэлом XI, и стал править страной. Потому-то его народ не любит, хотя, надо признать, что делает он многое правильно. Но Луэл боится. Чего — никто не знает. Говорят, было пророчество, что тирана убьет его же земляк, тоже пришелец. Так это или не так, но Луэл построил себе замок в горах и постоянно патрулирует горные перевалы. То-ли чужаков перехватывает, то-ли кочевников отгоняет. Я, признаться, думал, что ты земляк нашего короля. В тебе тоже очень много странного — неизвестно как оказался посреди каменной пустыни, да еще с такими ранами, что и десяти шагов не пройти, и говорить очень быстро научился, и выздоровел на удивление быстро, одежда на тебе

была удивительная, со странными застежками, вроде железных сороконожек. Да и на нас ты не похож — высокий, коротковолосый, и лицо какое-то не наше, и сложен как-то не так… Ладно, пусть боги решат твою судьбу, я же все сказал. Иди, тебя Лиа ждет.

— Подожди, — вдруг вспомнил Отец, — можно тебя попросить о чем-то? Слушай, подари мне свою куртку. Я такой удивительной кожи в жизни не видывал — снаружи вроде бы кожа животного, а посмотришь с изнанки — ткань. Где водятся такие странные звери, которые дают такие замечательные шкуры?

— Ради бога, она твоя, но только не надевай ее, когда рядом посторонние люди. Дойдет слух до солдат — будут неприятности, — сказал Алексей и направился к другим членам семьи помогать оборудовать стоянку.

Этим вечером планировалось выступление в довольно крупном поселении, и путешественники готовились к этому мероприятию еще с утра. Устанавливалась невысокая трапеция, на которой Лия должна была танцевать… На прилавках возле возов раскладывался товар, накрывалась циновками импровизированная сцена,

Алексей подошел к Лие и попытался ей помочь, но куда там! Девчонка отобрала у него молоток и с приторной улыбочкой протянула инструмент Коту. Увы, у того ничего не получилось. Изрядно удивленный благосклонностью Лии, он смотрел больше на нее, чем на колышек, который нужно было забить в землю. Результат не заставил себя ждать. Кот попал себе молотком по пальцу и завопил, полностью оправдывая свое прозвище. Лия бросилась оказывать ему медицинскую помощь, а Лешка, посмеиваясь в ладонь, чтобы никто не видел, принялся устанавливать трапецию самостоятельно.

Работа была уже почти закончена, когда его кто-то бесцеремонно толкнул в спину. Обернувшись, Леха, прежде всего, увидел шляпу. Шляпа была с широкими полями и высокой тульей, вся украшенная перьями, кокардами, цепочками. Алексею пришлось немного наклониться, чтобы заглянуть под это произведение шляпного искусства. Из-под полей на него уставились маленькие злые глазки, расположенные на мясистом красном лице. Картину дополняли длинные усы, торчащие из-под тоже красного картофелеобразного носа. Все это могло быть смешным, если бы не стальная кираса, защищающая внушительный живот незваного гостя и сияющие как солнце начищенные сапоги со шпорами.

«Черт побери — подумал Алексей — вот паршивка, так запудрила мозги, что забыл об опасности, потерял чувство

реальности. Надо же, проворонить появление солдат! Ну, держись, старик, что-то теперь будет?»

— Эй ты, деревенщина, подойди, тебя господин требует — сказал краснорожий солдат и указал на трех всадников, спешившихся и стоящих неподалеку.

«Ну, нарвался, сам Серебряный собственной персоной» — Алексей, стараясь не выдавать волнение, подошел к всадникам и учтиво поклонился.

— Слушаю вас, господин, вы хотели меня о чем-то спросить? Я весь к вашим услугам, — он сыпал словами специально, полагая, что его примут за аборигена, раз уж он так хорошо говорит на местном языке.

— Ты кто такой? — голос у Серебряного был такой тихий, с придыхом, со странным клекотом, в нем чувствовалась угроза, — я тебя раньше не видел.

— Я — член этой семьи. Вы меня, наверное, просто не заметили, я лично, вас помню. Прошлый раз вы уже обыскивали наши повозки, это было примерно с неделю назад.

— Верно. Но тебя я не видел. Ты кто такой, что ты тут делаешь?

— Я — артист, развлекаю народ. Они мне за это платят.

— Артист, говоришь? И каков же ты артист, чем удивляешь публику? Может, и меня удивишь? — маска скрывала выражение лица, но в голосе Серебряного явно проглядывала ирония.

— Я, вообще-то, акробат. Если господин желает, я готов продемонстрировать прямо сейчас.

«Что я плету — подумал Алексей — то, что я собрался ему показывать — гимнастика, а не акробатика. Но слово — не воробей, отступать поздно. Да и знает ли этот индюк разницу? Вперед, Алекс, понаглее, авось прорвемся».

Он подошел к только что установленной трапеции, подпрыгнул и повис на перекладине. Единственное, что он умел делать — это комплекс упражнений, освоенный в армии — подъем переворотом, выход силой и в довершение — «солнышко». Крутясь на турнике, Леха еще раз убедился, что он не на Земле — упражнения получались легко, даже больное плечо не подвело. Сила тяжести была несколько меньше, и это облегчало работу. Впрочем, не обошлось и без накладок — трапеция для него была низковата, и ему, вместо того, чтобы тянуть носки, приходилось немного сгибать ноги в коленях. Сделав около десятка оборотов вокруг поперечины, он легко соскочил и с поклоном подошел к Серебряному.

— Ха, Акробат, да такие фокусы у меня любой солдат сделает! — рявкнул Серебряный уже значительно громче.

— И он? — улыбнулся Алексей, кивнув в сторону Красномордого.

— Скотина, как ты смеешь оскорблять королевских солдат?! Ты не показал мне ничего необычного, а еще называешь себя артистом. Собирайся, поедешь с нами.

— Позвольте, господин, я ведь только спросил и никого не хотел обидеть, и потом, посмотрите, этим людям понравилось — Лешка повернулся к стоящим невдалеке улюлюкающим от радости зевакам, — Да, к тому же, выступление-то будет позже. Если я покажу сейчас все, что умею, кто придет смотреть вечером? Как вы думаете, захотят они платить, если уже и так все видели?

— И правда, господин, не забирайте его сейчас, пусть парень выступит вечером — из-за спины Алексея вынырнул Отец, — Мы люди небогатые и лишний медячок для нас — благо.

— Ты уверен, что он что-то заработает? Я лично думаю, что он не артист, а самозванец, к тому же преступник.

— Нет, нет, господин, он не преступник, он непременно заработает, — замотал головой Отец.

— Ладно — смилостивился Серебряный, — посмотрим, что он вечером покажет. Акробат, ха-ха! Эй, солдат, останешься здесь, посмотришь, как этот Акробат выступит. Смотри, чтобы не сбежал, а мы позже подтянемся. По коням!

Всадники, кроме солдата, оставленного Серебряным, неторопливо сели на своих лошадей и легкой рысью поехали проч. Тощий и длинный служивый расседлал своего гнедого, расстелил попону на траве и улегся с блаженным выражением лица. Видно, ему изрядно надоела скачка по горам, и час-другой отдыха для него был весьма желанным. Стряпуха поднесла ему кувшин вина и тарелку с жареным мясом.

— Уходить тебе надо, — послышался за спиной шепот Отца, — Тебя пока не тронули только потому, что их мало. Боятся они тебя, не знают, чего от тебя можно ожидать. Но они вернутся с подмогой. Я сейчас велю всем переодеваться, а ты вылезешь с другой стороны воза, переберешься через кусты, а там тропинка. Побежишь по ней до ущелья и дальше, дальше, пока не будешь очень далеко. Только смотри, за ущельем развилка, так ты держись правее. Побежишь по левой дорожке — плохо, она ведет на верхнее плато. Там не выживешь, там холодно и жрать нечего. Ну, давай, Лиа уже собирает тебя в дорогу.

— Внимание всем, — захлопал в ладоши Отец, — Скоро вечер, через час здесь будет публика. Поэтому всем мыться, переодеваться и готовиться к выступлению. Можно немного отдохнуть, но через час, чтобы все были как штык. Ясно?

Алексей полез в повозку. Там на мешках с травой сидела Лия и держала в руках сверток.

— Переодевайся, быстро — она протянула Лехе одежду — кожаную куртку, такие же брюки и сапоги с высокими голенищами, — в горах холодно, особенно ночью.

— Ну, ты хоть отвернись, бесстыдница, — улыбнулся он, облачаясь в новую одежу, — Ну вот и все, сестренка. Пора нам прощаться. Спасибо тебе за все. Я тебе по гроб жизни благодарен, никогда не забуду. — Алешка взял Лию за плечи, привлек к себе и поцеловал в лоб, откинув рукой ее надоедливые торчащие косички.

— Что, так и уйдешь? — глаза Лии были явно на мокром месте, — Зачем же ты мне свое настоящее имя назвал? Нет, Алеша, теперь мы с тобой жених и невеста. А мое имя — Нарайя, так меня назвала покойная матушка. Это одно из имен Богини Матери.

— А мне имя Лия больше нравится. Почти так же звали одну принцессу звездного королевства, красивую и такую же смелую и ловкую, как ты.

— Ты ее любишь? Она твоя суженная? — кажется, девочка готова была разрыдаться.

— Что ты, малышка, это сказка. И принцесса ненастоящая, сказочная. Ну, да все равно, жаль, не придется тебя так называть. Прости, сестренка, но тебе лучше меня забыть. Мне спокойно жить не дадут, я и на тебя навлеку несчастья.

— Я не боюсь, возьми меня с собой, нам все равно суждено быть вместе. — Лия, как маленький ребенок вцепилась в Алешку и не давала вылезти из повозки.

— Лия, успокойся. Сейчас прискачут солдаты и меня схватят. С твоей помощью, между прочим. То-то, Отец доволен будет! И прекрати реветь, ты меня уже насквозь промочила.

— Ладно, беги, но сперва пообещай, что мы с тобой еще увидимся. Поклянись!

— Чтоб мне пропасть! Ну, все, прощай, не грусти, — Алексей приподнял тент и выскользнул из повозки.

— Стой, забыл мешок, — раздался шепот Лии. Он обернулся, взял мешок, еще раз чмокнул девочку в щечку и побежал в сторону кустов.

Отец правильно объяснил дорогу. Действительно, шагов через сто тропа стала углубляться в ущелье.

— А вот и наш Акробат собственной персоной! — почему-то ни этот голос, ни сам факт появления в ущелье Серебряного не явились неожиданностью для Алексея. Он догадывался об опасности, да выбора не было. — Сбежать хотел? Не стоит бить

ноги, мы тебя отвезем. Иди сюда и не дергайся. Солдаты, вяжите его покрепче.

Алексей медленно пошел навстречу засаде, подняв руки вверх. К нему уже спешили Красномордый и его напарник. Как только они подошли поближе, Лешка резко опустил довольно увесистый мешок на голову Красномордого, который уже сменил свою замечательную шляпу на медную каску. Звук получился на удивление звонким, солдат, сделав пару неуверенных шагов назад, как подкошенный упал на землю. Его товарищ схватился за рукоять меча, но Алексей не дал ему выхватить оружие. Подпрыгнув, он ударил солдата ногой в грудь. Хотя кираса и спасла от удара, но своей массой Леха сбил противника с ног. Гремя железом, солдат упал, ударившись шлемом о камни, да так и остался лежать. Зато у Серебряного меч был уже в руках, и он уже готовился нанести удар. Уворачиваясь от клинка, Алексей буквально распластался по земле, и когда меч просвистел над его головой, сбил своего врага с ног резкой подсечкой. Серебряный оказался достойным соперником, он вскочил всего на мгновение позже своего оппонента, но тому этого мига хватило, чтобы ударить врага ногой в блестящее забрало шлема. От этого удара офицер покатился по камням, а его меч зазвенел у ног Алексея.

Леха поднял трофей — какое-никакое, а оружие, но применить его не пришлось. Серебряный валялся без движения в нескольких шагах от него, второй солдат, держась за голову, медленно поднимался на ноги, но опасности, очевидно, не представлял. Красномордый же сверкал пятками, причем, в буквальном смысле этого слова — шпоры на его замечательных сапогах, задевая о камни, высекали снопы искр. Зрелище само по себе достаточно комичное, но Лешке в данный момент смеяться было некогда.

Он подобрал свой мешок и побежал по ущелью. Невдалеке были привязаны лошади побежденных солдат, но он не рискнул воспользоваться столь экзотическим видом транспорта. Через пару километров ущелье закончилось, и обнаружилась та самая развилка, о которой предупреждал Отец. В глубине души, удивляясь принятому решению, но без капли сомнения он повернул налево и побежал, преодолевая длинный и крутой подъем.

Глава 5
Один в чужом мире

Алексей поднялся на ноги и осмотрелся. Он бежал почти всю ночь, и только перед рассветом усталость дала о себе знать. Заснул прямо на голых камнях, подложив под голову свой вещмешок. После такого «мягкого» и к тому же холодного ночлега теперь ныло все тело, но сон был на удивление продолжительным. Видимо, сказалась усталость трудного марш-броска. Светило стояло высоко, хотя определять время по нему он бы не рискнул. Окружающий пейзаж не радовал ни разнообразием, ни красками. Плоская красновато-серая равнина без намека на зелень растительности простиралась далеко вперед, до самого горизонта. Слева вдали, как стеной, она ограничивалась высокими отвесными скалами, вершины которых закрывали неприветливые свинцово-фиолетовые тучи. Судя по всему, там начиналась еще одна, может быть и не последняя «ступенька к богам». Тогда справа, вероятно, должен быть обрыв, а под ним более низко лежащее плато.

Алексей пошел вперед, придерживаясь в то же время правого направления, и действительно, вскоре оказался на краю обрыва. Отсюда вид был гораздо более привлекательный. Под ним расстилалась зеленая равнина, были заметны рощи невысоких деревьев и кустарников, поблескивали небольшие озерца. Но все это располагалось примерно на полкилометра ниже, а обрыв был очень крутой. Спуститься не представлялось возможным. Кроме того, была еще одна причина, из-за которой Алексей не спешил осуществлять траверсирование на нижнее плато. Несмотря на легкую дымку, ему удалось разглядеть всадников, скачущих по равнине. Теперь это была не плотная группа, а развернутый в шеренгу строй. Кавалеристы явно прочесывали местность. Кого они искали — догадаться не трудно. Леха еще раз мысленно поблагодарил свой внутренний голос. Что было бы с ним, послушайся он Отца?

Ну, да бог с ними, с солдатами! Врядли они сейчас догадываются, что объект их охоты совсем не там, где его ищут. Когда же поймут, скорее всего, не станут подниматься на верхнее плато, а блокируют тропы, ведущие вниз. Тропу у развилки, должно быть, уже перекрыли. Но, как бы то ни было, непосредственной опасности пока нет. Значит можно поесть и топать дальше, куда-то кривая вывезет. Интересно, что там Лилек в мешок положила?

Первым из мешка был извлечен плащ. Длинный, с капюшоном, пошитый из плотной грубой ткани, фактурой похожей на мешковину, разрисованный странными непонятными узорами в сине-бело-коричневых тонах, наверное, очень теплый. Весьма полезная вещь, если учесть, как Алексей замерз этой ночью. И почему раньше не сообразил в мешке покопаться! Следующим на свет божий появился котелок. Странная посудина, выдолбленная из камня, а может быть, слеплена из местной глины. Крепкая и тяжелая. Вот что, оказывается, так смачно лязгнуло о каску Красномордого! Куча вам пардонов от меня, герр зольдад. Это было не очень приятно, особенно, если учесть, что котелок был заполнен всевозможными мешочками и сверточками со съестными припасами. Кусок копченого мяса, круглые хлебные лепешки, сухие и твердые, как камень, какие-то крупы, коренья, клубни, листья и в конце — глиняная бутылка вина. Вернее, то, что от нее осталось. Бедняжка, очевидно, тоже участвовала в боевых действиях против Красномордого и пала смертью храбрых. О кислом винце Леха не очень жалел, хуже было то, что его запахом пропиталось теперь все содержимое мешка. Ну что же, если экономить, продуктов хватит на несколько дней, потом нужно будет что-то думать, то-ли охотиться, то-ли воровать. Хотя нет, вот в маленьком кожаном мешочке несколько медных монеток. Милая девочка, этим менестрелям монетки достаются нелегко. Воровство, стало быть, отменяется, остается вопрос: у кого купить. Вокруг одни камни, люди где-то внизу. Придется спускаться, чтобы не сдохнуть с голоду.

В одном из сверточков Лешка обнаружил странный розовый камень. Только лизнув его, он понял, что это каменная соль. Дитя цивилизации, Алексей видел соль только в виде порошка. Лия позаботилась обо всем, ничего не забыла, не положила только двух вещей — спичек и ножа. На счет спичек Леха не волновался. Под ногами полно камней, из которых можно высечь искры, сухой мох и чахлая травка тоже имеются. Так что, огонь добыть не проблема, другое дело — чем его поддерживать, что в нем палить. На многие километры вокруг ни единого деревца или кустика. Впрочем, одно дерево он увидеть успел. Оно было очень похоже на то, которое он видел в момент перехода. Теперь, рассмотрев его поближе, Алексей понял, почему оно казалось странным. Его ветви не колыхались от ветра потому, что были каменными. Отломать ветвь не получилось, но удалось отбить булыжником. Отломанная ветка не кололась на щепки, а рассыпалась щебенкой. Наверное, при жизни дерево напиталось водой с растворенными солями. И не мудрено. Вода в ручьях,

которая, по идее, должна была быть чистой, как слеза, так как текла с высокогорных ледников, на вкус оказалась солоноватой и довольно противной. Вот оказывается почему горы называли Солеными. После смерти более мягкие ткани дерева разложились или выветрились, остался только каменный остов. Интересно, сколько тысяч лет назад это растение имело зеленую крону? К сожалению, для костра оно не подходило.

А вот нож бы не помешал. Но в этом обществе металлургия, вероятно, еще только начинает развиваться, и железо пока очень дорогое. Единственный нож, который Алексей видел у своих спутников, висел на поясе Отца. Он был очень старый, изрядно сточенный, но Отец им очень дорожил и никогда с ним не расставался. Очевидно, другого ножа просто не было.

Зато у него был трофей. Алексей поднял меч с земли и принялся разглядывать.

Сразу видно — вещь дорогая. Неизвестный мастер вложил в нее много труда и фантазии. Прямой обоюдоострый клинок длиной около метра, шириной у рукояти миллиметров двадцать пять — тридцать сужался к острию и плавно сходил на нет. Посредине лезвия с обоих сторон проходила борозда шириной миллиметров пятнадцать и глубиной около одного. Вся она была разрисована мелкими непонятными значками, похожими на сломанные спички с головками. Особенно красива была рукоять. По задумке творца, она была, как будто образована двумя змеями, которые заползли на меч с разных сторон. Их хвосты играли роль гарды, тела обвивались вокруг меча и формировали рукоять. Заканчивалась рукоятка набалдашником из голов змеек, сцепившихся пастями то-ли в смертельном бою, то-ли в страстном поцелуе. Змеи были, скорее всего, серебряными или посеребренными, как и доспехи их владельца, с глазами из довольно крупных прозрачных зеленых камней. Сама рукоять была с секретом — если открутить набалдашник, то внутри нее располагалась полость — своеобразный тайничок, в настоящее время пустой. Обнаружен тайничок был случайно. Наверное, падая на землю, Серебрянный ударил рукоять о камень, и головы змей на какие-то доли миллиметра сместились относительно тел. А иначе Лешке и в голову не пришло бы крутить рукоятку — настолько точно были подогнаны друг к другу ее части. Да, красивая вещь, но абсолютно бесполезная. Фехтовать Алексей умел только на автоматах с примкнутыми штыками. На шпагах же последний раз дрался в бытность свою ребенком, после очередного просмотра «Трех мушкетеров». Да и приметная штука, этот меч, с ней можно засветиться. Лучше ее сломать — покороче будет, спрятать можно от чужих глаз. И обломок использовать,

как нож. А ножом владеть — не мечем махать, этому его в свое время хорошо научили.

Лешка засунул острие меча между двумя валунами и нажал на рукоятку. Но не тут то было. Меч согнулся в кольцо, но ломаться и не думал. Конечно, при желании Леха бы добился своего, но второй раз просто не поднялась рука уничтожить это чудо. «Ладно — подумал он, — живи пока. Есть не просишь, и весишь не много».

Изрядно потрудившись, отрезая мечем кусок мяса, и, размочив лепешку в воде из ручья, он немного утолил голод. Теперь на повестке дня встал ключевой вопрос русской интеллигенции: «Что делать?» Алексей принял решение идти дальше, придерживаясь обрыва, чтобы при первой возможности спуститься на нижнее плато. Сложив оставшиеся припасы в мешок, он завернул меч в плащ и засунул сверток за лямки. Нормально, не мешает. Ну, вперед, и с песней!

Уже две недели, если не больше, Алексей скитался в этих горах. Еды почти не осталось, по крайней мере, такой, которую можно есть сухим пайком, без огня. Он отмерял ногами километров, наверное, полтораста, или около того, но спуститься вниз, пока не получалось. Одну тропинку Леха все же обнаружил, но что-то подсказало ему, что лучше поискать другой вариант. За последнее время это «что-то» столько раз давало дельные советы и даже спасало ему жизнь, что Алексей доверял ему беспрекословно. И он пошел дальше.

Накануне вечером он наткнулся на огромный провал, образованный оползнем или землетрясением, а, может быть, и тем и другим одновременно. Обход его занял бы несколько дней, но этих дней у него не было. Выбирать не приходилось, нужно идти «ва-банк». Под ногами застыла бурная в прошлом каменная река, срывающаяся в пропасть. Величественная картина внушала оторопь, однако, обрыв в этом месте был существенно ниже и заканчивался столь же огромной каменной осыпью.

Весь день Алексей преодолевал каменные завалы и к наступлению темноты спустился, наконец, к обрыву. Утром предстоит карабкаться вниз по почти отвесной стене. Хорошо, что почти, все же легче. Альпинизмом он никогда не занимался. Даже в армии лазать по скалам доводилось не часто, а такую стену вблизи он вообще видел впервые. Но назад пути уже не было. Нужно отдохнуть перед трудным завтрашним днем. Алексей и так чересчур экономил еду и поэтому несколько ослабел от истощения. А завтра силы ох как понадобятся! Он поплотнее завернулся в плащ и уставился взглядом в горизонт. Ну, появись, появись же знакомая звездочка! Ведь уже один раз получилось,

почему же теперь ничего не выходит? Каждый вечер перед сном он пытался войти в резонанс, но безрезультатно. Не мудрено, даже Доку не удалось в одиночку покинуть Землю, пришлось обращаться за помощью к нему, Лехе. Но ведь сам то он смог осуществить переход. И притом, в одиночку! Тогда получилось потому, что ему реально угрожала смерть, и организм на подсознательном, даже на субэлементарном уровне мобилизовал все ресурсы, направив их на спасение, на достижение резонанса с канвой, благо, опыт уже имелся. Почему же не получается сейчас? Смерть не угрожает? Трудно сказать… Или здесь канва другая, не такая, как возле каменного дерева? Что такое говорил Док по этому поводу?

Был бы рядом он, наверняка бы помог вернуться домой. Но где он, этот Док? Вроде бы Алексей тогда видел его под странным деревом, значит он где-то здесь. С другой стороны, стоит вспомнить его рассказы о циклотронах и единой теории поля. Где они, циклотроны? Здесь какие-то средневековые рыцари в броне и на лошадях гасают по горам и почему-то ловят его. Может быть, эта планета для Дока — перевалочный пункт? Может, отсюда ему легче двигаться дальше? Если это так, то лучший выход для Алексея — сорваться завтра со скалы и свернуть себе шею. Лучше об этом не думать. Нужно принять, как постулат, что его «благодетель» находится на этой планете и попытаться его найти. Иначе, не будет цели, а без цели пропадет само желание бороться за жизнь.

Где же искать Дока, кем он может быть в этом мире? Скорее всего, врачом. Его, Алексея он, по крайней мере, вылечил неплохо. Что же, если удастся завтра выжить на стене, нужно попытаться адаптироваться к этому миру, к его порядкам, замаскироваться, превратиться в аборигена и искать, искать Дока. В противном случае не видать ему Земли, как своих ушей. А пока, спать, нужно спать. Чтобы завтра не сорваться, чтобы вернуться домой. Спать, раз, два, три …

Он поднял голову и посмотрел на то, что совершил сегодня. Снизу стена выглядела ужасно, даже не верилось, что здесь можно спуститься вниз, особенно без навыков скалолазания. А на деле оказалось, что не так страшен черт, как его малюют. Обрыв был испещрен многочисленными трещинами, удобными для спуска, порожками и уступчиками, на которых можно было постоять и даже посидеть, переводя дух. Меньшая против земной сила тяжести тоже помогала Алексею. Особенно, когда приходилось висеть на одной руке или даже на пальцах. Правда, без неприятностей не обошлось. Уже в самом конце спуска, перед самой осыпью Лешка поспешил и плохо проверил камень, на

который пришлось опереться. Камень вывалился из стены, и Алексей проехался по склону метра три-четыре, изрядно ободрав себе живот и колени, прежде, чем ему удалось зацепиться за другой, более надежный выступ. Но все уже позади. Он выполнил то, что задумал.

Алексей натаскал сухого хвороста, которого здесь внизу было сколько угодно. Два камня, ударившись один о другой, высекли искры на кусочек сухого мха, и скоро небольшой костер запылал. Невдалеке было озерцо, что при наличии котелка и огня обещало горячую пищу — впервые за много дней. Крупы было достаточно, соль тоже была. Мясо же пришло само. Когда Алексей шел к озеру, он, очевидно, потревожил местную обитательницу. Небольшая серая змея вцепилась ему в голенище сапога, но, к счастью, не смогла прокусить. Леха оказался более удачливым охотником, и скоро змейка уже была обезглавлена и выпотрошена.

Впрочем, приготовить кулеш оказалось не так то просто. Каменный котелок никак не хотел разогреваться на костре. Пришлось подойти к проблеме с другой стороны. попутно с котелком Лешка разогрел и несколько камней, которые затем были брошены в посудину. Они довели воду до кипения, а там и котелок в конце концов нагрелся.

Голодная смерть теперь, во всяком случае, уже не грозила. Дичи было много, и она была непуганная. Всегда можно было разжиться едой, разорив несколько птичьих гнезд. Если же птички организовывали сопротивление и, собравшись в стаю, начинали пикировать на непрошенного гостя, камнями можно было сбить одну-двух. Не курятина, конечно, но вполне съедобное, хотя и жестковатое, мясо,

В ручьях и озерцах можно было наколоть на острогу довольно крупную рыбу. А если не повезет — можно перебиться улитками, змеями, лягушками, на худой конец — здесь перебирать харчами не приходилось..

Впрочем, в чужом мире приходилось держать ухо востро. Кроме солдат, опасность представляли и другие местные обитатели.

Как-то, во время рыбалки Леху атаковало какое-то чудище, похожее на короткомордого крокодила, сверху покрытого костяной броней. Только великолепная реакция спасла Алексея. Буквально в самый последний момент он умудрился вогнать свою острогу в открытую пасть монстра и броситься наутек. Чудище тоже удрало на середину озера. С высокого камня на берегу озера Алексей наблюдал, как к раненому чудовищу с торчащей из пасти острогой медленно сплывались его родственники, собирающиеся,

судя по всему, справить поминки по собрату. Причем, основным блюдом на поминках как раз и должен был быть новопреставленный.

Короткомордая тварь, живущая в озере, была совсем не единственной обитательницей этих мест. Несколько раз Леха видел краем глаза, но не успевал разглядеть довольно крупных зверей. Но они, очевидно, чувствовали в нем чужое и непонятное существо и старались обойти пришельца стороной. Гораздо большие неприятности доставляли мелкие обитатели планеты. От комаров буквально не было спасения. Но хуже их укусов было то, что они привнесли в организм Алексея какую-то инфекцию. Два дня он провалялся возле костра, завернувшись в плащ, мучимый ознобом и лихорадкой. Сил хватало только на то, чтобы подбросить в огонь заранее заготовленный хворост.

В другой раз какие-то мелкие клещики вызвали лишаи и язвы по всему телу. Алексей помнил прочитанные в детстве фантастические рассказы, в которых писатели предрекали гибель человечества от неизлечимых инопланетных болезней. Надо признать, что, вспоминая эти истории, он чувствовал неприятный холодок, пробегающий по коже. Но, к счастью, эти страхи оказались преувеличенными. В конце концов, организм приспособился к чужой жизни и переборол все эти напасти. В Афганистане еле справился с гепатитом, печень долго хандрила, а тут прошли хвори, будто и не было. Интересно! Не иначе, каверна постаралась.

По мере спуска вниз стали встречаться признаки наличия местных жителей. Самих людей Алексей пока не видел. Вдалеке паслись стада каких-то животных, то-ли овец, то-ли коз. Он решил держаться от них подальше. Наверняка, солдаты здесь уже были и предупредили пастухов о подозрительном человеке, который может спуститься с гор. А стоит только один раз взглянуть на заросшего мужика в грязной изношенной одежде, чтобы понять — это преступник, которого ищут солдаты. По той же причине Леха обходил тридцатой дорогой небольшие поселения в пять-семь домишек, понимая в то же время, что эта игра в прятки долго продолжаться не может. Еда уже закончилась, с дичью было все труднее и труднее. Видно, местные жители тоже охотились, а с ними было трудно конкурировать.

Поэтому Алексей обрадовался, когда увидел внизу довольно крупное селение. Как и во всех горных селах, домишки были разбросаны хаотично по склонам горы — люди строились в наиболее удобных, с их точки зрения, местах. Домов было около тридцати, они прятались за склонами и среди садов, так что, точно сосчитать их было сложно. В центре села Алексей увидел

торговые ряды. Может быть, утром там можно будет купить еду. Кроме того, он разглядел довольно широкую дорогу, ведущую из села вниз и еще несколько дорожек поуже. Безусловно, это селение является центром окрестных сел, и появление здесь незнакомого человека не должно вызвать переполоха.

На деле же получилось еще лучше любых предположений. Когда Алексей пришел утром на центральную площадь, там вовсю шумел базар. Вся площадь была заставлена возами, на деревянных прилавках не было свободного места, отовсюду слышались зазывные голоса торговцев и словесные перепалки торгующихся.

Потолкавшись среди людей, Алексей был приятно удивлен ценами на еду. Набив мешок лепешками, крупой и копченым мясом, и не потратив и половины Лииных медяков, он решил привести себя в порядок. Бойкая торговка лепешками, чем-то напоминающая Ниночку, разве что, пообъемистее, многообещающе подморгнув, показала дорогу к дому брадобрея.

Брадобрей, как оказалось, выполнял целый комплекс услуг, в том числе и развлекал клиента приятной беседой. Причем, эта услуга была обязательной, и отказаться от нее не было никакой возможности.

— Заходите, заходите, молодой господин, — затараторил брадобрей, едва Леха переступил порог его домика. — Сразу видно, вы много путешествовали и вам нужно помыться и отдохнуть. У брадобрея Балагура вы найдете то, что вам нужно. Не хотите ли помыться? В горячей воде! Прекрасно! Эй, ты, сюда скорее, — крикнул он служанке, — Платье молодого господина выстирать, высушить, заштопать!

Пока Алексей отпаривался в деревянной кадушке, куда время от времени та же служанка подливала горячую воду, Балагур скоблил ему лицо куском вулканического стекла и не замолкал ни на секунду.

— Волосы оставим длинными, молодой господин?

— С чего бы это? Покороче давай.

— Ну, как же, молодой господин, длинные волосы — привилегия дворянства. Стоит на вас глянуть — ни каких сомнений, дворянин. И стать, один рост чего стоит, и лицо благородное. И при мече, опять-таки.

— Ах, вот ты о чем! Да нет, Балагур, ты ошибся. Меч не мой, я всего лишь сын кузнеца, несу меч заказчику. Правда, пришлось тикать от худых людей, прятаться от них в горах, но спасся и меч сберег.

— Хорошо, хорошо, средней длины, как у купцов, не под корень же, как у крестьян? Поверьте, все будет сделано в лучшем

виде, молодой господин останется доволен. Вы думаете, я просто сельский брадобрей? А у меня в свое время брились такие люди… о-го-го! Сам владетель провинции — господин Краса-и-Доблесть по дороге к королю Конарту приводил себя в порядок у папаши Балагура. Великий человек! Но не мешало бы ему быть еще и щедрым. Заплатил, меньше, чем пастух, приведший стадо с летних пастбищ, — не унимался брадобрей.

— Пусть будут средней длины, — вздохнул Алексей. Поняв, что словесный поток Балагура все равно не остановить, он решил кое о чем расспросить брадобрея, обратив его болтовню себе на пользу. — Послушай, милейший. Год назад у нас гостил доктор. Он тогда очень помог моему отцу. А сейчас батьке снова плохо. Он послал меня найти этого доктора, только вот беда, ни имени его не помнит, ни где живет. Может, ты чего подскажешь?

— Доктор! Знает ли молодой господин, сколько берут за прием эти доктора? Здесь у людей таких денег просто нет. Здесь народ небогатый. Если нужно пустить кровь или зуб вырвать — милости прошу ко мне, а если что-то другое — на краю деревни живет семья ведуний — мать, бабка и внучка, они хорошо лечат. А вашего доктора нужно в городе искать, может в Луэлресте, или еще где… Может быть, знахарь подойдет? Неужели, обязательно доктор?

— А какая разница, знахарь или доктор? Лишь бы вылечил.

— Ну, доктора — они ученые. Университеты заканчивали, как и священники, кстати.

— Университеты? — Лешка не смог скрыть удивления.

— Чего удивляетесь? Да, в столицах есть пара заведений. Учат богатых выпоротков, кхе, — кхе, — то есть отпрысков, — хохотнул Балагур, — Простым людям это удовольствие не по карману. Да и зачем им это образование? Философия там, житие богов, медицина, опять-таки… Если человек даром божественным отмечен — сам найдет свое место в жизни. А дурак — он и с образованием — дурак. Лучше сходите к ведуньям, они скорее помогут, чем эти книжники. Да и дешевле обойдется. Намного.

Перед уходом от брадобрея, взглянув в маленький кусочек зеркала, нашедшийся у Балагура, Алексей не скрывал удовлетворения. Вид у него был вполне приличный. Лицо гладко выбрито (вот уж чего не ожидал от куска обсидиана), волосы аккуратно пострижены и причесаны, одежда не новая, но чистая и заштопанная. А главное, вокруг полно точно таких же обывателей, среди которых затеряться — раз плюнуть. Ничего, что на это мероприятие ушли почти все оставшиеся медяки, оно того стоит. Теперь можно идти по городам, искать Дока. Но, наверное, все-таки стоит заглянуть к семейке знахарок. Может,

знают что-нибудь о его знакомом?

Но визит ничего, кроме разочарования не принес. Женщины почему-то не захотели с ним даже разговаривать. Внучка, носатая и худая, будто узница концлагеря дама средних лет, оглядев Лешку с головы до ног, не говоря ни слова, скрылась в глубине дома. Вместо нее на подворье вышло две старухи, ни дать не взять, бабки-Ёжки. Кто из них был матерью, а кто бабкой с первого взгляда определить было нелегко. Одна из них проскрипела, указывая на гостя суковатой клюкой:

— Зачем пришел? Ты ни чем не болен. Уходи.

— Дамы, дамы, кто так гостя встречает? Я может, и не болен, но моему отцу нужна помощь. Я хочу у вас спросить, не знаете ли вы одного человека, врача или знахаря. Он недавно лечил отца и помог…

— Уходи, — повторила старуха, сверкнув злыми глазками, — Твоему отцу никто не сможет помочь. И ты это знаешь.

Откровенно говоря, Алексею и самому расхотелось продолжать эту беседу. Такое впечатление, что эта карга тебя насквозь видит. Будто рентгеном светит. Ну, что же, видно на этой планете много всяких ясновидящих и ведьм. А, стало быть, и Док может находиться здесь. Нужно только не сдаваться и искать, искать. Чтобы вернуться домой, в неуютный, смертельно опасный, но все же, свой мир.

Леха пошел по широкой дороге, ведущей из села вниз. Хорошо бы прибиться к каким-нибудь путникам, меньше шансов нарваться на конный разъезд. Но на дороге, как на грех, никого не наблюдалось.

Глава 6
Бои за жизнь…

Бойкая торговка лепешками вздыхала и бросала взгляды, томные на Алексея и недовольно-раздраженные на своего толстого и немолодого мужа. Тот же, не обращал на женушку никакого внимания, и управлял своими такими же толстыми волами с сосредоточенностью Айртона Сенны на трассе в Монако. Увы, супруги ехали не далеко, и вскоре Алексею пришлось с ними попрощаться. Толстые волы повернули направо, а ему пришлось снова идти пешком прямо и вниз, в направлении долины. Больше желающих подвезти странника не находилось. Оно и понятно, денег-то не было ни гроша, а подвозить кого-то даром — дураков нет. И не только дураков. Дорога была пуста, и повозки, и пешие путники встречались Лешке редко. Правда, и солдат в пути он не встретил ни разу, что не могло не радовать. Только через три дня Алексея догнал обоз из трех повозок. В каждой из них лежала большая бочка. Поначалу Леха подумал, что это пожарная команда едет на пожар. Но оказалось, в бочках было вино, а погонщики — виноторговцы, которые хотели продать свою продукцию в столице.

— Доброе утро, молодой господин, — обратился к Алексею старший из торговцев — невысокий коренастый мужичок лет пятидесяти, лысый и бородатый, — Не устали ноги бить, может, подъедете с нами?

С удовольствием согласившись, Лешка уселся на замыкающей повозке и разговорился с погонщиком. Оказывается, на первых двух телегах ехали отец и сын по прозвищу Медведи, а замыкающим возом правил их будущий зять, которого все звали Гулякой. Сказать по правде, Алексей поначалу принял его за младшего сына, настолько он был похож на остальную семейку — невысокий, коренастый, бородатый и уже начинающий лысеть. Парень оказался очень разговорчивым, наверное, долгая дорога в одиночку на возе дала о себе знать.

— Не ко времени едем, не сезон вином торговать, да что делать? — начал свою речь Гуляка, как только Алексей устроился на возу. — Поспешили мы с Ягодкой — это дочка Медведя, младшая. Да нет, я не жалею, и она девка справная, красивая даже, их поля Ягодка! Ха-ха — Гуляка громко рассмеялся, поняв смысл случайно получившегося каламбура. — Да и семья у них не бедная — винной ягодой целый склон занят. Вот только позже надо было бы свадьбу играть. Эх, нельзя — живот будет виден.

Как ни крути — убытки. Позже поехали бы, и спрос больше, и народу на тракте больше было бы, глядишь, дешевле обошлось бы через лес проехать.

— Что значит, «дешевле обошлось бы», ну-ка, рассказывай! — заинтересовался Алексей. Его сразу насторожило гостеприимство его попутчиков, особенно, если учесть первое впечатление о Медведях, которое редко обманывало Леху последнее время. Семейка — типичные скопидомы, за медяк удавятся, а тут вдруг приглашают за просто так довезти до столицы. Странно…

— Будто сам не знаешь. Ехать нам — через лес, а в лесу — лихие люди. Раньше банда большая была, так она редко грабила. Все больше денежки за проезд через лес взимала. Но недавно Луэл последний, как там его…, со своими солдатами лес прочесал, банду разогнал, главарей и тех, кого поймал — на деревьях развесил. Лучше стало? Нет! Оставшиеся в живых разбойнички все равно грабят в лесу. Правда, их мало, но если нарваться, могут убить и весь товар забрать. Было бы нас побольше, может и не тронули бы. Или договорились бы с ними, заплатили бы там деньгу какую. Но даже с тобой нас мало, поэтому попробуем ночью прошмыгнуть, авось не увидят.

— Ах, вот оно что? Так меня, благодаря вам еще и зарезать могут? Ну, хитрецы!

— Да не бойся, прорвемся! С тобой нас четверо, да и мужики мы не хилые. Думаю, до потасовки не дойдет. Ну, раскошелимся чуть-чуть, да и дальше поедем.

— А раскошеливаться неохота, так ведь?

— Да, по мне, так ничего страшного, за все нужно платить. А родственнички мои будущие очень расстроятся. Жадные, до ужаса!

— Ну-ну, — подумал Алексей, — Использовать меня решили. Посмотрим, посмотрим…

Уже вечерело, когда телеги остановились на привал. В этом месте дорога шла под гору и скрывалась в лесном массиве. Торговцы, с опаской поглядывая на лес, поели на скорую руку и принялись готовиться к ночному переходу. На ноги лошадей стали надевать мешки с травой, чтобы заглушить топот копыт, оси колес обильно поливались дегтем. Когда все было закончено и виноделы присели отдохнуть перед дорогой, Алексей подошел к старшему из Медведей.

— Слушай, дядя, я так понимаю, что ты не зря меня пригласил в попутчики?

— Что, уже Гуляка растрепался? — недовольно проворчал старик, сощурив пуговки-глазки.

— Я, что, вчера на свет появился? Короче, дядя, тебе нужна

защита — я помогу. Но, сам понимаешь, дело это опасное. Даром я рисковать жизнью не буду. Как прорвемся — ты мне заплатишь.

— Это за что же? Проспишь в телеге, бандитов мы, может, и не встретим, а я — плати?

— Нет, конечно. При таком раскладе, не платишь. Но если мне придется вступить с ними в конфликт и, благодаря мне, ты сэкономишь деньги — изволь, раскошелься.

— Ладно, будь по-твоему. Ну, все, хватит болтать. Пора двигать. Откусите себе языки, чтобы ни звука! Ты, как, кстати, тебя? Акробат? Давай, Акробат, на последнюю телегу к Гуляке. Да смотри в оба, чтобы сзади не напали.

До леса ехали в полной темноте и тишине. Но когда дорога нырнула в лесной массив, из-за облаков, как на грех, появилась одна из лун. Повисла в зените, прямо над головами испуганных путников. Сразу стало чуть светлее. К тому же, мешки на ногах лошадей начали рваться, и, нет-нет, да и цокнет подкова о камень. Лешка вслушивался в шорохи леса и до поры, до времени не слышал ничего подозрительного. Но вот вдруг он явственно услышал какой-то шорох. Этот шорох не вписывался в общую картину звуков ночного леса.

— Вот оно, — понял Алексей. Он осторожно снял сапоги, притронулся рукой к плечу Гуляки. Когда тот обернулся, Леха приложил палец к губам и неслышно сполз с телеги. Скатившись в придорожную канаву, он быстро, передвигаясь по-пластунски, скрылся в лесу.

Алексей спрятался в кустах и стал ждать. Это занятие много времени не заняло. Вскоре из ночной тьмы вынырнули две фигуры. Рассмотреть их было трудно, но то, что они были вооружены, одна — дубиной, а вторая — копьем, это Леха разглядел.

— Понятно, — подумал он, — или разведка, или резерв для удара с тыла. В любом случае, есть шанс расколоть Мишек на бабки.

Алексей углубился в лес и побыстрее пошел вперед, стараясь обогнать крадущиеся темные фигуры. Голые ступни чувствовали каждую неровность почвы, каждую ветку, которая могла предательски затрещать под ногой. Сделав изрядный крюк, он снова вышел к дороге и прислушался. На тракте был слышен негромкий шум движущихся телег, а невдалеке за спиной нет-нет, да и хрустнет ветка под ногами неосторожных преследователей.

Леха осмотрелся. Выходило, что разбойники не должны были пройти мимо дерева, под которым он в данный момент стоял. Уж больно удобный наблюдательный пункт для осмотра дороги. Он наклонился, пошарил рукой по земле, подобрал пару камешков,

сунул их в карман — пригодятся. Затем, как дикая кошка, быстро и неслышно, заскочил на дерево и затаился в листве.

Разбойнички не заставили себя ждать — появились вскоре и застыли под деревом, вглядываясь в ночь. Удобный момент для атаки, но один из бандитов держал свое копье острием вверх, чего доброго, прыгая, как раз на острие и наколешься. Вот камешки и пригодились. Алексей достал один и бросил его за спины разбойникам. Звук удара камешка о землю так перепугал бандитов, что они подскочили на месте и повернулись в сторону звука, направив туда свое оружие. Этого Лешка только и ждал. Он прыгнул на разбойников и массой своего тела сбил их с ног. Двух ударов после этого оказалось достаточно, чтобы отправить обоих в глубокий нокаут. Он поднялся с земли, взял бандитов за шиворот и уволок глубже в лес. Там Алексей связал их спина к спине веревками из их же штанов, заткнул рты кляпами из их же сорочек и стал производить личный досмотр.

— Это я неплохо зашел! — хмыкнул он, доставая два довольно тугих кошелька, — Пожалуй, бог с ними, денежками Мишек, обойдусь, пожалуй. Ну, отдыхайте, ребята, за вами скоро придут ваши товарищи, так что, не скучайте.

Подняв с земли копье и дубину, Алексей поспешил догонять караван. Но долго идти ему не пришлось. Обоз стоял на дороге, а возле головной телеги застыла группа людей. Он счел за лучшее подойти к ним со стороны леса, и сделать это, как можно более неожиданно. Оба Медведя и Гуляка, сжав в руках заостренные колья, стояли с решимостью обреченных, впившись глазами в своих противников, только изредка оглядываясь себе за спину. Очевидно, надеялись на него, Акробата. Их противников было пять человек, и вооружены они были получше. У двоих были копья, один держал в руках дубинку, еще один был вооружен большим, как у мясника ножом, а последний, скорее всего, главарь, направил на торговцев кривой меч. Разбойники тоже поглядывали за спины караванщиков, ожидая своих товарищей из засады. Напряженное молчание висело в воздухе.

— Боги вам в помощь, господа! Простите, что прерываю вашу содержательную беседу. — Алексей, неожиданно появившись за спинами разбойников, все же очень рисковал. Если бы бандиты не растерялись и сразу бросились бы на него — пришлось бы «делать ноги». Но те были так ошарашены его появлением, что, будто окаменели и смотрели, раскрыв рты, то на торговцев, то на Алексея.

— Что вы хотите, господа разбойнички, от этих бедняков? Денег у них — кот наплакал, вино — кислятина, много выпьете — не опьянеете, а только пронесет. У меня к вам деловое

предложение: вы их пропускаете, а я дам вам вот это. Смотрите, какая булава, — он подбросил дубину в воздух. Завертевшись пропеллером над головой, дубинка опустилась точно в руку Алексея, — Как сбалансирована, какая удобная, просто чудо — он снова подбросил дубинку вверх, на этот раз из-за спины. — И шипы на ней медные, представляете, как приятно получить такой штукой по макушке? А вот еще копье, тоже не дешевое, я скажу. Один бронзовый наконечник чего стоит! Ну что, господа разбойнички, меняемся?

Не говоря ни слова, главарь засунул меч в ножны, подошел к Алексею и забрал у него оружие. Остальные члены банды так же молча прошествовали мимо него и скрылись в лесу.

— Господа разбойники, — крикнул им в след Леха, — Если возьмете чуть правее, найдете тех остолопов, которые посеяли свои игрушки. Они вас уже заждались!

— Что стоите, как окаменевшие? — умудрился шепотом рявкнуть старший Медведь, — Скорее, хода отсюда!

Алексей разлегся на телеге Гуляки и закрыл глаза. Торговцы в панике гнали лошадей, стараясь быстрее покинуть проклятое место, но он был спокоен — на сегодня лимит приключений исчерпан.

Телеги медленно в предрассветном тумане переползали длинный и узкий каменный мост через реку Великая. Река и правда, была широкая и здесь, в среднем течении довольно бурная. Алексей уткнулся носом в мешок, старательно делая вид, что спит, даже старался похрапывать в нужный момент. На мосту было полно солдат. Они не только стояли на въезде и выезде, но и прохаживались по пролетам, заглядывая в телеги и возы пересекающих мост людей.

— Вон там, Акробат, в десяти минутах ходьбы будет постоялый двор папаши Пузана, — сказал Гуляка, когда обоз благополучно переехал мост и остановился на развилке дорог, — вполне сносный ночлег, и чисто, и кормежка ничего, и цены божеские. А по вечерам еще и развлечения бывают, тебе понравится. Я и сам тут всегда останавливался, но сейчас придется спать возле товара, пока не распродадимся.

— Подожди, Акробат, на вот тебе от меня лично, — Гуляка достал из-под сена бурдюк литров на десять, — Это не кислое вино, не думай, для себя держал.

— Да брось ты, не принимай на свой счет то, что я бандюгам говорил, это я для острастки, — Алексей поплескал Гуляку по плечу.

— Бери, бери, не обижай, родич-то мой будущий с тобой

хорошо рассчитался, не обидел?

— Хоть бы дотащить, как бы карман не порвался, — усмехнулся Леха.

— То-то и оно. Жлобы еще те! Иш, как смотрят, им уже моего вина жалко. И зачем я с этой Ягодкой связался, теперь мучайся всю жизнь. Ладно, Акробат, спасибо тебе еще раз. Помогут боги — еще увидимся. — Гуляка махнул на прощанье рукой, сел в телегу и стегнул лошадей. Обоз медленно поехал по пыльной дороге в сторону города, носившего название, как недавно выяснил Алексей, Луэлрэст — Королевский Город. Леха же закинул за плечо мешок и бурдюк и пошел в направлении, указанном Гулякой, по проулку, застроенному маленькими одноэтажными домиками, стены которых были сложены, в основном, из кусков гранита. Через несколько минут он действительно, как и предупреждал Гуляка, вышел к постоялому двору — двухэтажному строению, огороженному живой изгородью из колючих кустов.

Пройдя через широкий двор, Алексей нырнул в низковатый дверной проем и оказался в просторном помещении, заставленном длинными дощатыми столами и лавками возле них. Это напомнило Лехе армейскую столовую. В глубине зала находилась стойка, откуда, судя по всему, производилась раздача еды, а за ней стоял маленький кругленький человечек. Лешка еще раз убедился в удобстве присвоения имен в этой стране — не нужно было спрашивать, кто тут Пузан, и так было ясно с первого взгляда.

— Что желает молодой господин? — спросил Пузан, не отрываясь от работы — он протирал глиняную посуду. Все оформление свелось к оплате за три дня вперед и выбору комнаты. Алексей остановил свой выбор на крошечной, но отдельной комнатенке. Из мебели в ней была только кровать — больше ничего и не вместилось бы. Но именно это обстоятельство было решающим — он не спал на кровати со времени своего появления в этом мире.

Выпроводив Пузана, который не прочь был пообщаться с новым клиентом, Леха забросил вещмешок под кровать и отхлебнул изрядный глоток из бурдюка. Гуляка не обманул — вино было приятное, крепкое, сладкое и ароматное, хотя и вкус и аромат его были непривычны для землянина. Когда в голове зашумело, Алексей разделся, залез под одеяло и проспал сном младенца, без сновидений, до середины дня. За последнее время этот сон в кровати, на подушке и под одеялом было самым приятным ощущением на его памяти.

Когда он проснулся светило уже начало клониться к закату.

Алексей решил, не откладывая в долгий ящик, начать выполнять свой план по поиску Дока. Спустившись в зал, он первым делом расспросил Пузана, как найти в городе врача.

— Молодой господин настолько богат? Я знаю хорошего знахаря, он же и костоправ. Его можно увидеть здесь, вечером. А к настоящим врачам с дипломами ни я, ни мои клиенты не обращаются, — пробурчал хозяин, обиженно надув пухлые щеки, — Впрочем, как хотите. В городе практикуют человека три-четыре, лечат знать и богатеев. Найдете их по вывеске. Интересная такая вывеска — стеклянный флакончик с привязанным к нему дли-и-инным ярлычком. Длинным, наверное, чтобы сумма счета вместилась. Не опаздывайте к ужину, молодой господин, сегодня здесь будет интересно, — бросил он вдогонку, все так же, не отрываясь от своих стаканов.

Алексей любил гулять по новым для него городам. В свое время он достаточно поколесил в составе юношеской команды по городам Союза. И везде старался выкроить время для пешеходной прогулки по незнакомым улицам. Особенно ему нравились города, где сохранился дух старины, чего, кстати, не было в его родном Днепрозаводске — «городе нового, социалистического типа». Деревянные дома и многочисленные церквушки Серпухова, костелы Каунаса, замки Выборга и кофейни Львова — все это вызывало у него трепетный интерес, будто на машине времени путешествуешь. Луэлрест в этом отношении полностью оправдал его ожидания. Странный город, хаотично застроенный маленькими одноэтажными домиками, так, что определить, где какая улица не представлялось возможным. Кое-где домишки расступались, а вместо них появлялись ограды крупных усадеб, с дворцами, прятавшимися где-то в глубине садов. Наверное, если бы не отличная память, Леха давно заблудился в этом лабиринте улочек и переулочков. Но, идя по наитию, он вскоре вышел на базарную площадь. Несмотря на отнюдь не ранний час, рынок гудел вовсю. Алексей увидел возы Медведей, но подходить не стал. Во-первых, там бойко шла торговля, а во-вторых, ему было бы неприятно, если бы торговцы подумали, что он хочет еще что-то у них выклянчить за счет былых заслуг.

Как успел заметить Алексей, если хочешь что-либо узнать, лучше всего обращаться к женщинам-торговкам бальзаковского возраста. Вот и сейчас он подошел к полненькой торговке фруктами, купил у нее какой то плод и стал есть его, не отходя от прилавка.

— Откуда ты такой взялся, деревенщина, — засмеялась продавщица, — Это благородный фрукт, господские повара покупают его, как приправу, а ты так лопаешь!

— Ай-ай, мадам, простите, засмотрелся на ваши прелести и даже не заметил, что купил, — сказал Леха тоном престарелого сердцееда со стажем, — Скажите, прелестное создание, я не умру? Или умру здесь, у ваших ног?

Поболтав с красоткой с четверть часа, он выяснил все, что хотел — как пройти на центральную площадь, как найти там лекарей. И даже то, чем особенно не интересовался — как и когда лучше прийти к дому самой красотки.

Центральная площадь находилась в двух шагах от площади базарной. Это была типичная площадь средневекового города, даже не верилось, что это не Земля. Нечто подобное Алексей видел в Праге или Таллине, только там современность наложила все-таки свой отпечаток асфальтовыми тротуарами и неоновыми огнями, здесь же все было в первозданном виде. Площадь была вымощена гранитным булыжником, окружали ее двух— и трехэтажные здания незнакомого Алексею архитектурного стиля, украшенные замысловатым декором. На одном конце ее поднималось здание с многочисленными башенками, статуями и помпезной отделкой — очевидно, храм.

О религии аборигенов Алексей уже немного узнал. Хотя так и не понял, были ли они язычниками или монотеистами. С одной стороны богов было немало, хватало на все случаи жизни. С другой — все молитвы адресовались одному главному богу, именно от него зависело, помогут тебе остальные его родственники или нет. И это в какой-то степени напоминало земные религии с одним богом в главной роли. Но в отличие от землян, местные жители верили и поклонялись всей божественной семье скопом, выделяя, разве что, верховное божество. Как будто боги — народ-покровитель, заботящийся о своих слабых и беззащитных детях. Может быть, эти мифы были осколками воспоминаний о народе планеты-матери, о которой упоминал Док. В общем, то Леха не очень вникал в эти тонкости — он с детства был атеистом. Хотя… Когда над тобой свистят пули, а под гусеницами брони в любую минуту может рвануть фугас, когда рядом с везущей тебя «вертушкой» взрывается зенитный снаряд… Невольно с благодарностью вспоминается бабушка, окрестившая тебя в маленькой сельской церквушке, вдали от парт-, комс— и прочих «-оргов». Бывало, что нательному крестику доверяешь больше, чем бронежилету, а иконка над приборной панелью внушает больше доверия, чем легированная сталь, окружающая тебя со всех сторон.

Напротив храма находилось довольно строгий, но тоже отнюдь не бедно оформленный дом с широким парадным входом. Алексею подумалось, что это, скорее всего, здание

градоуправления — мэрия, магистратура или что-либо в этом роде.

В одном из боковых зданий он обнаружил дверь, над которой висела характерная вывеска — пузырек с рецептом. Войдя в нее, Алексей попал в освещенную лампадами приемную, совершенно пустую в данный момент. Он толкнул следующую дверь и очутился в кабинете врача. За столом сидел и курил нечто, вроде кальяна человек, одетый в бархат. Волна разочарования накатила на Алексея — это был не Док. Человек был не молод, седой и лысоватый, с роскошными бакенбардами, переходящими в пышные усищи, с округлым брюшком, обтянутым шелковой кружевной сорочкой.

— Прошу вас, заходите, молодой человек, — произнес лекарь, — Рассказывайте, что вас беспокоит.

— Прошу меня простить, — постарался, как можно вежливее изъясняться Алексей, — Боюсь, что я ошибся. Я ищу другого врача.

— Поверьте, молодой человек, лучшего врача в этом городе вы не найдете.

— Скромно, — подумал Леха, а вслух сказал, — Не в этом дело, уважаемый. Просто у меня нет денег, чтобы оплатить ваши услуги. Тот врач, что мне нужен, кое-чем нам обязан. Год назад он гостил у нас и очень помог моему отцу. Теперь отцу снова стало худо, и он послал меня найти того врача. Повторяю, он нам обязан, поэтому поможет беднякам. Увы, я не знаю ни его имени, ни, где его искать. Может быть, вы его знаете? Ему на вид лет, около…, ну, ненамного старше меня. Роста, примерно, вот такого, — Алексей показал рукой рост Дока. Лицо треугольной формы, волосы черные, короткие, лоб высокий, глаза близко посаженные, темно-коричневые, брови дугообразные, высокие, нос прямой, губы средней толщины, короткие борода и усы.

— Господин из службы безопасности короля?

— С чего вы взяли?

— Уж больно правильно человека описываете. Навыки есть? «Да, перегнул, пожалуй, — подумал Лешка. — Осторожнее нужно».

— Я всего лишь сын своего отца, которому нужна помощь. Так вам известен этот врач, может, знали его раньше, когда учились?

— Увы, ничем помочь не могу, — врач сделал большую затяжку.

— Что же, прошу простить, до свидания. — Алексей направился к двери, но услышал за спиной голос лекаря.

— Молодой человек, вы ничего не забыли?

— Я? Что вы имеете в виду? — удивился Леха.

— Ну, как же, — обиженно произнес врач, — Мое время, знаете ли, стоит немало. Не мешало бы заплатить.

— Насколько мне известно, — сказал Алексей, — в отношении меня вы свои профессиональные знания не использовали, а по другому вопросу — не помогли. За что же платить?

— Молодой человек, пока вы отнимали мое драгоценное время, я мог принять какого-нибудь влиятельного больного и заработать немалую сумму денег.

— Кого принять, разрешите спросить? — Алексей распахнул дверь в приемную, — Что-то не вижу никого. Ну, да ладно, не будем ссориться. Вот, возьмите, господин лекарь, простите, что мало. Я предупреждал, человек я не богатый, чем, как говорится, могу… — он положил на стол перед врачом несколько медяков и вышел из кабинета.

— Вот сукин сын, крохобор чертов, — думал Леха, пересекая площадь, — Надо бы ему в дюндель, да скандалы не нужны. Но еще пара таких визитов, и жрать будет нечего.

На другой стороне площади находился кабинет еще одного эскулапа. Но прием его закончился как раз в тот момент, когда Алексей заглянул к нему.

— Нет, нет, молодой человек, на сегодня — ик…ик… — все. Я очень устал, — сказал он заплетающимся языком, икая и шмыгая мясистым красным носом, отчего сразу стала понятна причина его усталости.

— Ну и ладно, — подумал тот. Эскулап тоже не был Доком.

Побродив часок по площади и, поняв, что сегодня остальных врачей искать бессмысленно, Леха задумался. Куда податься, назад к Пузану или к торговке фруктами? Все же усталость многодневных скитаний взяла свое. Он решил вернуться на постоялый двор, хорошо поужинать и завалиться спать. А дамочка никуда не денется, уж больно горячо приглашала.

Когда он зашел в обеденный зал постоялого двора, там уже было полно людей. Заказав ужин, Алексей еле нашел свободное место за длинным столом. Служанка поставила перед ним какую-то размазню с большим куском мяса, овощи и кувшин вина. Взяла она за это столько, что Леха не удержал вздоха, вспоминая свою щедрость в кабинете врача. Так мысленно проклиная жадного лекаря, он принялся за еду. Не особенно обращая внимание на вкус, Леха проглотил содержимое обеих тарелок, но не смог не скривиться, хлебнув вина. «Уж лучше бы захватил с собой Гулякин бурдючок» — подумал он.

— Господину не нравится вино? — послышался откуда-то

сбоку скрипучий голосок, — Может господин угостит человека, у которого нет денег даже на эту кислятину?

Алексей повернул голову. Рядом с ним сидел худой невысокий человечек средних лет, неряшливо одетый, растрепанный и небритый, и просительно заглядывал в глаза взглядом голодной бродячей собаки. Леха подумал, что на Земле таких называли бы бомжами или алкашами, но здесь ценности другие — кто его знает, что за человек. Он налил до краев глиняный стакан и подвинул соседу.

— Благодарю, молодой господин, да помогут вам боги, — рассыпался в благодарностях попрошайка, но пить, почему-то не спешил.

— Чего не пьешь-то, брезгуешь из моего стакана? — удивился Алексей.

— Что вы, что вы, господин, как можно. Просто жду самого интересного. Сейчас должно начаться.

— И что же должно начаться?

— Как, что, молодой господин?! Кулачные бои, разумеется, — человечек пододвинулся к Алексею и затараторил без умолку, — Вы, господин, тут, наверное, впервые? Так смотрите, сегодня будут драться между собой лучшие бойцы города. А мы будем делать ставки на победителя. Можно выиграть кучу денег. У вас есть деньги на ставки? Я вам подскажу, на кого ставить. Вы обязательно выиграете. Обещаю. Я в мордобое очень хорошо разбираюсь. Но, я надеюсь, когда выиграете, меня не забудете?

Хотя Алексей чувствовал себя усталым, любопытство пересилило, и он остался посмотреть зрелище. Действительно, не прошло и четверти часа, как все пришло в движение. Добровольные помощники кинулись расчищать середину зала, сдвигая столы к стенам. Какие-то люди бегали между столиками и перешептывались друг с другом. Наконец, в центр зала вышел глашатай и объявил, что первыми драться будут Волк и Булыжник.

— Неинтересно, — сказал попрошайка, — победит Булыжник, он явный фаворит. Но, если есть деньги, можно на этом что-то выиграть. Правда, не много. — Он достал несколько медяков и протянул человеку, собирающему деньги на ставки.

— А на вино, стало быть, нет? — усмехнулся Алексей.

— Вот выиграю, будет и на вино. И тебя, господин, угощу, — собеседник ни мало не смутился, — А ты почему не ставишь?

Выиграл он всего один медяк сверх своей ставки, и был очень доволен. На радостях продолжал жужжать на ухо Алексею на кого следует, а на кого не следует ставить.

— Ну, тут все понятно, Дубина и Танцор, — зашептал он, —

Танцор боец никудышный, считанные разы здесь выигрывал, зато Дубина — о-го-го! Любому зубы пересчитает. Жаль, много выиграть тут не удастся. — Он снова начал доставать монетки и ставить на Дубину.

— Ну, чего ты сидишь, господин, чего не играешь. Это, ведь, так интересно, и деньги-то лишними не бывают.

— Ладно, уговорил, — не выдержал натиска Леха. — Эй, парень, иди-ка сюда. Все — на Танцора, — он бросил на поднос сборщика ставок все имеющиеся у него медяки.

— С ума сошел, — чуть ли не за руку схватил его сосед, — Ну, парень, ты — дурак. Плакали твои денежки.

— Может, и плакали, — подумал Алексей, — а может, и нет.

В это время в центре зала Дубина так зарядил с левой Танцору, что тот отлетел к самой стойке. Хорошо еще, что удар пришелся в плече. Попади Дубина Танцору в голову, того бы уже уносили ногами вперед. Как-то, к месту вдруг вспомнился анекдот, в котором внутренний голос потешался над своим хозяином: «Объегорил, объегорил!».

Дубина, очевидно, решил долго с соперником не тянуть и со всех ног кинулся к стойке, занося для удара огромный правый кулак. Да, вот беда, то-ли ногу подвернул, то-ли просто споткнулся. Как бы то ни было, амбал проехал подбородком по полу и остановился у самых ног Танцора. Сразу стало понятно, за что тот получил свое прозвище. Он исполнил такой танец на туше Дубины, что того вскоре пришлось отливать водой. Победа была полной. Дубину отволокли к стене, и там им занялся костоправ, тот, наверное, о котором говорил Пузан.

— Как, как ты мог знать? — задыхаясь от удивления и огорчения, прохрипел сосед. — Я все деньги проиграл, все до медяка! Ты, наверное, колдун? Ничего себе, сколько отхватил! А мне теперь что делать? — он ныл все громче и громче, казалось, еще немного и перейдет на крик.

— Заткнись, придурок, чего разорался? Будешь меня оскорблять, в ухо получишь. Я не колдун. На, вот, получи и угомонись. — Алексей, сгребая деньги с подноса, сунул несколько медяков своему собеседнику. Но тот и не думал затыкаться, а продолжал ныть и причитать.

— Ты мне эти гроши суешь, а у самого карманы отрываются от меди! Колдун проклятый! Я тебе советовал на Дубину ставить, и сам поставил. А ты знал, знал, — не прекращались стенания соседа.

«Мало мне неприятностей с Серебряным и его ребятами, так еще и в колдовстве обвинят! — подумал Лешка, — Вдруг у них своя инквизиция есть. Чего доброго, на костре сожгут!»

— Да, успокойся ты, наконец! Не колдун я. Просто сам немного умею кулаками махать. Не слепой, слава богу…богам. Вижу, кто чего стоит. Твой Дубина неповоротливый бык, а Танцор — ловкий, верткий, потому и победил.

— Раз ты такой умный, скажи, кто сейчас победит?

В это время в центр зала вышли два борца — Костолом и Бешенный, как сказал глашатай. Одного взгляда на них хватило, чтобы понять: более легкий Бешенный не сможет одолеть толстого и тяжелого, похожего больше на сумоиста, чем на боксера, Костолома.

— Костолом, пожалуй, поколотит соперника, — сказал Алексей.

— Это называется — попасть пальцем в небо, — проворчал сосед, — Да Костолома еще никто никогда здесь не побеждал. Он самый лучший. Видишь, видишь, что делается?

Костолом, действительно, быстро справился со своим оппонентом, придавив его брюхом к стойке (благо, та оказалась крепкой) и отправив в нокаут мощными тяжелыми ударами.

— А! Что я говорил? Не надо быть колдуном, чтобы предугадать его победу.

— Ты хочешь сказать, что Костолом непобедимый боец? Не сказал бы, — этот нытик уже завел Алексея до такой степени, что остановиться тому было сложно.

— Что? Это ты так о Костоломе? Да ты и трех минут не сможешь против него не продержаться! — снова начал повышать голос человечек, — Пари! Давай заключим пари на все твои деньги: простоишь против него хотя бы три минуты — я поверю, что ты не колдун. Пойдем к хозяину, оформим пари, если не обмочился!

— Ну, достал, сукин сын! Черт с тобой, пошли, надеюсь после этого ты заткнешься, — сказал Алексей, понимая, что ему не оставляют выбора: или светиться в драке, или этот алкоголик разорется на всю Ивановскую и, чего доброго, привлечет внимание соглядатаев короля.

— А, господин Хвост С Проседью! Что это вас привело в наше скромное заведение? — спросил Пузан, не скрывая издевки, когда человечек и Алексей подошли к стойке.

— Пузан, этот парень хочет сразиться с Костоломом.

— Ему, что, жить надоело? — хозяин поглядел на Леху, как на сумасшедшего.

— Его дело, его дело, — затрещал человечек со странным именем Хвост С Проседью, — Не отговаривай его, Пузан, лучше будь свидетелем пари.

— Ладно, как скажете, господа. На что спорите?

— На все его деньги.

— Выкладывай, парень, — Пузан указал на стойку.

— Вот мои деньги, — сказал Леха, высыпая на стойку медяки, — Но минуточку, а что этот Хвост поставит?

— Он прав, Хвост С Проседью, что ставишь? — спросил Пузан.

— Я? Мне-то, зачем ставить? Все равно он проиграет.

— Так дела не делаются, — сказал хозяин, — Забирай парень свои деньги.

— Нет, — вцепился в руки Алексея Хвост С Проседью, — Я ставлю себя.

— На кой ты мне? — удивился Леха, — Был бы женщиной, молодой, к тому же, тогда другое дело, а так…Что он мелет, Пузан?

— Если ты выиграешь пари, он будет твоим рабом в течение нескольких дней.

— Одного, — поправил человечек.

— Что? — удивился Алексей, — За такую сумму? Десять!

После длительных торгов сошлись на пяти днях. После этого Пузан принялся раскладывать Лехины медяки по кучкам.

— Десять монет — твоя ставка на бой. Выиграешь — получишь их назад. Их и десять монет Костолома, а проиграешь — денежки его. Две монеты — налог заведению. Остается восемьдесят две монеты — ставка пари. Из них восемь — налог. Понятно? Если все понятно — иди, Хвост С Проседью, договаривайся с Костоломом.

— Пузан, в двух словах, какие правила? — спросил Алексей, когда человечек побежал вглубь зала.

— Э, да ты и правил не знаешь? На что ты рассчитываешь? На быструю смерть? А правила таковы, что нет никаких правил. Бей его, пока он в сознании, чем хочешь — руками, ногами, головой. Ну, и сам не плачь, если что. Вот у меня песочные часики. Три раза переверну, а ты еще не упадешь — господин Хвост и так далее, твой раб. Не простоишь — деньги уходят к нему. Как тебя объявлять, парень? Вернулся Хвост С Проседью очень расстроенный.

— Тают мои денежки. Негодник, этот Костолом. Устал, видете-ли, двадцать монет требует. Грабеж!

— Выступают Акробат и Костолом, — звучным голосом объявил глашатай.

Алексей снял куртку и рубаху, как того требовали правила, которые все-таки были. Со стороны зрителей послышалось одобрительное повизгивание женских голосов. Очевидно, на немногочисленных зрительниц произвела впечатление его

рельефная мускулатура. Зато, когда, сметая на своем пути лавки и столы, на импровизированный ринг вырвался Костолом, колотя себя кулачищами в грудь и дико нечленораздельно горланя, уже весь зал восхищенно завопил.

Леха оценивающим взглядом оглядел своего противника. Высокий, узкий в плечах и широкий в бедрах, очень тяжелый, скорее толстый, чем мускулистый. Врядли от такого можно ждать высокой скорости движения, ударов и реакции. Массивная голова с тяжелым подбородком, наверняка, неплохо держит удар. Техники — никакой, но массой задавить сможет. На дистанции его не удержать — руки длинные, как у павиана. Одна надежда — провалить и наказать за это.

Костолом, занеся правую руку далеко за спину, бросился на Алексея. Его массивный кулак полетел по длинной дуге в сторону Лехиной головы, не встретив сопротивления, пронесся над ней и своей массой развернул само тело, чуть ли не на пол-оборота. Алексей тут же сократил дистанцию и вогнал три удара в область печени соперника. Увы, это не произвело ожидаемого впечатления — толстый слой жира полностью погасил энергию ударов, как бронежилет гасит энергию пули. Лешка увернувшись от удара вдогонку, отскочил и принялся танцевать вокруг Костолома, пару раз достав его хлесткими встречными ударами в голову. Так как руки не были защищены перчатками, то костяшки Лехиных кулаков нанесли серьезные травмы лицу соперника, но не поколебали его боевого духа. Он, и правда, хорошо держал удар. Костолом, решив, что понял тактику противника, теперь, раскинув в стороны руки, пытался догнать Алексея, поймать его в охапку и задавить его массой своего тела.

Леха взглянул в сторону стойки. Пузан перевернул часики и показал ему три пальца. Ну, пари почти выиграл, теперь не проиграть бы саму жизнь. Если Костолом его поймает — быть беде. И бегать долго от соперника нельзя, без перерывов между раундами он драться не привык, может не хватить выносливости. Пожалуй, стоит изменить тактику. Не удивляйтесь, мосье Костолом.

После очередного пропущенного джеба Костолом взревел и кинулся на Алексея, не заботясь о защите, пытаясь любой ценой попасть в того своими пудовыми кулаками. Но на этот раз Леха не стал уворачиваться, а, разбросав блоками руки противника, резко сократил дистанцию. Кулаки Костолома летали где-то за спиной Алексея, тот же, почти прижавшись к туше врага, в ближнем бою, до которого, надо сказать, всегда был большим охотником, нанес целую серию ударов. Два крепких апперкота в подбородок и сильнейший прямой на отходе все-таки потрясли

противника до такой степени, что он остановился посреди площадки, опустив руки и шатаясь. На Костолома было страшно смотреть — лицо представляло собой сплошное кровавое месиво, глаза закатились, но он, тем не менее, стоял и не падал. «Еще, чего доброго, очухается, — подумал Леха, — Ну, раз не запрещено…».

Он отступил на несколько шагов и с разгона, подпрыгнув, ударил Костолома двумя ногами в грудь. От этого удара соперник отлетел к стене, по пути сметая столы и скамьи с публикой. Подняться он уже не смог. Или не захотел.

— Ну, парень, удивил, браво, — Пузан почти прыгал от радости, потрясая объемистым брюшком — Никогда не видел такого боя! Как ты его! Молодец! Хвост С Проседью же стоял, как в воду опущенный, чуть не плакал.

— Дружище, чего такой кислый? Мы победили, радуйся.

— Он не только пари проиграл, — встрял разговор Пузан, — он все деньги на Костолома поставил.

— Ладно, не грусти. Пузан, принеси-ка нам своего вина. Пошли, выпьем.

Даже после стакана вина настроение Хвоста С Проседью не улучшилось. Он сидел понурый и молчаливый. По большому счету, Алексею было начхать на этого алкоголика, можно было послать его подальше и отправиться отдыхать. Но эмоции переполняли его. Еще бы, последний раз Алексей дрался на ринге перед призывом. Он тогда проиграл в полуфинале, но проиграл достойному сопернику. Говорят, этот парень сейчас дерется где-то в Германии на профессиональном ринге. Лехина карьера, увы, окончилась. И вот теперь снова крики публики, какой-никакой, но ринг, и противник не из слабых. Но и он, молодец! Ничего из техники и тактики не забыл, провел хороший бой. Естественно хотелось немного расслабиться, снять стресс, поговорить с кем-нибудь. Что же делать, если из собеседников под рукой только этот замухрышка? Леха попивал винцо и пытался растормошить соседа. Получалось плохо, и он уже собирался подняться из-за стола, когда какая-то мысль озарила лицо собеседника.

— Послушай, хозяин. Ведь ты теперь мой хозяин, — человечек схватил Алексея за рукав, — Послушай, у меня идея. Заведение Пузана — дешевка. А вот в порту есть кабак, где ставки повыше. Там можно заработать гораздо больше. Там ставки принимают серебряниками, и выигрыши соответствующие. А бойцы не лучше. Ты их всех — одной левой. Я могу договориться, я везде вхож. Но ты со мной поделишься. Как, согласен?

— Врядли я смогу наскрести двенадцать серебряников на ставку. Да и не для того я сюда приехал, чтобы кулаками махать.

Мне одного человека нужно найти.

— Не переживай, хозяин, я найду тебе кого угодно. Я здесь всех знаю. Но ведь деньги тебе-то все равно нужны? А серебро Пузан тебе займет. Он теперь для тебя что хочешь сделает. Так я подсуечусь? Сгоняю в порт, разузнаю, когда там дерутся, кто, какие ставки.

— Хорошо, суетись, на здоровье, — зевнув, пробормотал Алексей, — Кстати, что за странное имя у тебя, я его и произнести-то не могу.

— А ты думал, я всю жизнь отираюсь в дешевых кабаках, делаю мелкие ставки да подталкивая на пари разных сопляков?

— Вроде меня? — усмехнулся Леха.

— Прости, хозяин, я не тебя имел в виду, — залебезил Хвост С Проседью, — Так вот, я в свое время был очень уважаемым человеком — сборщиком податей в приморском городе Дилес. У меня был большой дом с видом на море. У меня была молодая красивая жена. Меня очень уважали, даже любили. Благодарные торговцы и ремесленники подарили мне на юбилей шапку из меха горной куницы. Знаешь, у горной куницы очень красивый черный мех. Но особенно ценный мех — это когда мех с проседью. Шапка была очень красивая — круглая такая, а по бокам свисали куньи хвосты. Но мне она не понравилась — мех был без проседи. Тогда торговцы сшили мне другую, из меха с проседью. Я ехал в своем экипаже, а народ вокруг шептался: «Смотрите, едет господин Хвост С Проседью — богатый и уважаемый человек, слуга нашего короля Конарта XVI».

— А до такой жизни как докатился? — спросил Алексей.

— Зависть людская. Оклеветали, оболгали! Доложили узурпатору, будто я не все деньги в казну отдаю.

— А ты все отдавал?

— Издеваешься, хозяин? Зря. Я тебе вот что скажу: ни один сборщик все деньги не отдает. Иначе он просто дурак. И я себя не обижал, оставлял немного. Не больше, чем другие сборщики. Не намного больше, — вздохнул бывший сборщик податей.

— Понятно. И что дальше? — сказал Леха, подливая вино собеседнику.

— С должности выгнали, дом забрали, все деньги жена стащила и удрала с любовником. Меня в тюрьму не посадили, но кнутом высекли. От прошлой жизни осталось только мое красивое имя, я им горжусь, я его люблю, — собеседник выпрямился, будто под гимн. Гордость из него так и перла.

— Красивое имя, но мне его не произнести — очень длинное. Я тебя буду звать сокращенно — Прохвостом. По-моему, это имя как раз для тебя, — усмехнулся Леха.

— Почему, Прохвостом? — удивился тот.

— Хвост С Проседью, Проседь С Хвостом, какая разница, короче и удобнее.

— Я не согласен. Называй меня полностью, — запротестовал Прохвост.

— Согласен ты или нет, а я твое полное имя произнести не смогу. Я твой хозяин, как могу, так и зову, — сказал, как отрезал Алексей. — Ты лучше скажи, не знаешь случайно одного человека? Он, скорее всего, врач.

— Настоящий или знахарь? — все еще обиженно пробормотал Прохвост.

— А боги его знают, но меня вылечил хорошо, — и Алексей принялся описывать собеседнику внешний вид Дока.

— Вроде бы видел похожего, то-ли в Замостье, то-ли в Северном пригороде, — наморщил лоб Прохвост, — В центре такого точно нет, там два врача всю практику держат. Гонорары у них огромные. В Холмах знахарей-мужчин нет, одни женщины. Ладно, подсуечусь, разузнаю. В порт пойду, заодно и о врачах поспрашиваю, — Слушай, — вдруг встрепенулся Прохвост, — А ты, случайно, мечем, не владеешь? Не дворянин ли?

— Да нет, а почему ты спрашиваешь? — у Лехи мелькнуло подозрение.

— Тут, в Южном пригороде один постоялый дворик есть. Так вот, там дворянчики на мечах дерутся. Как у Пузана на кулаках, так там на мечах. Ставки у них знаешь какие? Только золотом принимают.

— Интересно, — пробормотал Алексей, — Места им мало, что-ли? Чего в кабак переться?

— Раньше так и было. Дрались где хотели, рубили и резали друг друга по поводу и без. Но Луэл это прекратил. Дуэли запретил. Теперь солдаты увидят где-нибудь драчунов с мечами — сразу же на ближайших деревьях их и развешают, не смотря на то, что знатные. Но узурпатор оставил несколько заведений, где можно подраться за денежки — и казне прибыль, и фехтовать дворяне не разучатся. И лекарь присмотрит, помощь окажет. Убитых почти не бывает — до первой крови дерутся. Если бы ты умел мечем владеть, ох и обогатились бы мы!.. Я хотел сказать: ты, господин. Так есть у тебя меч? Фехтовать умеешь?

— Увы, — помотал головой Алексей, потягивая свое вино, — Не умею. И меча нет.

— Жалко, вообще-то, ты с твоими данными мог бы быстро научиться. Но где взять меч? Покупать — нет смысла, он такой дорогой, что во век не окупится. А занять, — ни один дворянин свой меч не одолжит, разве что, за очень большие деньги, что, в

принципе, то же самое.

— Ничем помочь не могу, — буркнул Леха, — Ладно, я устал и хочу спать.

Алексей поднялся и отправился к себе, думая о том, что Прохвост не такой и простак. Чего он хотел добиться своим последним предложением, очередной раз подтолкнуть сопляка на пари или разузнать о мече Серебряного? Как бы то ни было, с Прохвостом нужно держать ухо востро. Тот еще фрукт.

Глава 7
…и смерть

Четвертый день подряд Алексей шатался по городу, пытаясь найти Дока. Он обошел Замостье, Холмы, сегодня прогулялся по Северному пригороду. Посетил трех дипломированных врачей и столько же недипломированных, подпольных, называемых здесь знахарями. Дока среди этих людей не было. Больше того, его никто из врачевателей не знал. Ни знахари, ни настоящие врачи не вспомнили человека с его приметами. Кстати, Леха обнаружил неплохой повод для посещения дипломированных врачей. Почти каждый из них был по совместительству и фармацевтом — сам готовил лекарства для своих больных. Среди прочих лекарств они изготавливали настойки на спирту, вернее на крепком самогоне и охотно продавали больным и просто жаждущим. Дело в том, что по королевскому указу строго запрещалось производить и продавать крепкие спиртные напитки. Другое дело — лекарства. Кто же — в том числе и король — откажет человеку в стремлении вылечиться! Поэтому к эскулапам можно было прийти и, пожаловавшись на здоровье, попросить фирменной настойки. Иной раз врач инструктировал пациента, как правильно принимать снадобье, показывая, как истинный ученый, это на самом себе. При этом обычно завязывался разговор, вспоминался знакомый врач, который тоже неплохо лечил головную боль. А не знает ли уважаемый доктор этого своего коллегу? Имя не запомнилось, но внешность в памяти осталась. Не знаете? Жаль. И так далее. В любом случае это обходилось дешевле визита к лекарю-жлобу с Центральной площади и, к тому же, не вызывало подозрений.

Светило уже закатилось, и н странный город поглотила темнота. Улицы почти не освещались, только кое-где над лавочкой или пивной светилась слабенькая коптилка, да на перекрестках изредка попадался зажженный фонарь. За несколько кварталов от постоялого двора Алексей увидел щуплую фигурку, прислонившуюся к фонарному столбу.

«Начинается, — подумал он, — господин Прохвост собственной персоной. Наверное, хочет втравить меня в очередной мордобой. Нет, дорогой, только не сегодня».

— Гляди-ка, вот так встреча! Уж не меня ли дожидаешься? Да еще и с моими вещами, — Алексей только сейчас заметил, что Прохвост держит в руках его вещмешок и бурдюк, подаренный Гулякой, — Откуда они у тебя? Украл, что ли?

— Вот еще! — оскорбился тот, — Украл! Его спасаешь, а он тебя же и оскорбляет. Вещи мне Пузан дал, сказал, чтобы я тебя нашел и предупредил. На постоялый двор тебе возвращаться нельзя — там солдаты, тебя ищут.

— А чего они от меня хотят, — попытался разыграть неведение Леха, — Чем это я провинился?

— Тебе лучше знать, а если не знаешь — вот, возьми, прочти. Это они принесли, да еще содрали с Пузана за бумагу, чернила и работу писаря.

Алексей повертел в руке бумагу, исписанную непонятными знаками. Поднес к слабому свету светильника на столбе, с делал вид, что пытается прочесть. Говорить-то он научился свободно, а вот читать-писать, стыдно признаться, не умел до сих пор. Не было, как-то повода. Да и необходимости тоже.

— Прохвост, ты бы мне рассказал вкратце, о чем тут речь — сказал он, возвращая бумагу своему собеседнику, — Темно, плохо видно.

— Ясно. Твое счастье, господин, что раб у тебя грамотный. Видишь, там коптилка горит? Плохой кабак, притон бандитский. Сам бы в жизни туда в жизни бы не зашел, но с тобой — не страшно.

Согнувшись в три погибели, они через низкую дверь протиснулись в полутемное помещение. Алексей сразу почувствовал на себе недружелюбные, и даже враждебные взгляды. Посадив Прохвоста за свободный стол в самом темном углу, он подошел к стойке.

— Хозяин, свечу на тот стол. И два пустых стакана. Желательно чистых.

— Здесь не посудная лавка. Здесь вином торгуют.

— Вот тебе за вино, — Алексей выложил медяки на стол, — Но свою кислятину оставь себе. Иначе вылью на пол. Быстрее, стаканы и свечу. И скажи своим завсегдатаям, чтобы нас не беспокоили, если не хочешь здесь разгрома.

Когда хозяин принес зажженную свечу, Прохвост принялся разбирать написанное. Ему листовка тоже давалась нелегко. То-ли почерк военного писаря был неразборчивым, то-ли бывший королевский налоговый инспектор немного подзабыл грамоту, но чтение несколько затянулось.

— Так, так, разыскивается опасный преступник. Ага, кхе-кхе, вот… зовут Акробат. Высокий, короткие волосы. Выглядит на восемь-десять лет.

— Чего-чего? — удивленно переспросил Леха и только потом сообразил, что ничего не знает о продолжительности местного года, смене сезонов и календаре вообще.

— Что тебя удивляет? Так, не перебивай. Телосложение у тебя, здесь написано, худощавое. Они тебя, наверное, раздетым не видели. Особая примета — шрам на правой стороне лба. Тянется под волосы. Есть у тебя? Я не заметил. Глаза коричневые, правильно. Нос. Написано, что кривоватый, наверное, сломан. Не мудрено, при твоем-то умении кулаками махать. Тут еще написано, что ты разыскиваешь какого-то врача. Я никому этого не говорил. Кто мог такое сообщить солдатам? Дальше… Вооружен мечем с серебряной рукояткой. А говорил, что меча у тебя нет, что фехтовать не умеешь. То-то я смотрю, интересный сверточек к мешочку привязан. За помощь в поимке, между прочим, назначена награда.

— Много?

— Немало. Ценит тебя наш король Луэл.

— Что же вы с Пузаном ушами хлопали? Такие деньги сами в руки плыли!

— Плохо ты о нас думаешь, хозяин, — вздохнул Прохвост, — Пузана ты покорил своим умением драться, а он скорее разорится, чем предаст человека, который ему нравится.

— Ну, а ты? — усмехнулся Алексей.

— Я? — задумался собеседник, — Луэл забрал у меня мою жизнь. Мой дом, мое положение, мою жену, наконец. Оставил мне только имя. Да и его я, кажется, потерял. Я не собираюсь помогать его людям, даже за все деньги мира.

— Ну, спасибо, дружище. Пей, это, вроде бы, вино неплохое. Один человек подарил. — Леха налил Прохвосту полный стакан вина из бурдюка. — И что, по-твоему, мне теперь делать? Куда податься?

— Выбираться тебе из города нужно, и побыстрее, хозяин.

— Среди ночи-то? Я и днем в этом городе пару раз заблудился, а в темноте…

— Я все тебе расскажу, — Прохвост придвинулся вплотную к Лехе и зашептал ему на ухо, — Здесь недалеко переулок есть, я покажу. По нему пойдешь все прямо и прямо, пока не перейдешь по мостку через речушку. Это ты попадешь в Южный пригород. Снова идешь прямо. Впрочем, прямо или криво, все равно к лесу выйдешь. Вдоль леса— дорога. По ней пойдешь налево — выйдешь на тракт, который тянется вдоль Великой. А направо — попадешь на тракт, ведущий на восток.

— И куда же лучше идти?

— Я бы советовал на восток. Там леса, в лесах лихие люди. Воры, дезертиры, беглые каторжане, бывшие солдаты Конарта. Прибейся к ним, может, тебя и не скоро поймают. Затеряться легко. Но только и с ними держи ухо востро. Продадут ни за

понюшку табака. Особенно, если пронюхают, какая за твою голову назначена награда.

— Прохвост, я ведь тебе говорил, мне нужно одного человека найти. Врача. Как выйти к большим городам, можешь объяснить?

— Если я нарисую на бумаге план Межгорья, ты поймешь? — Прохвост с сомнением взглянул на Алексея.

— А ты, что, можешь карту нарисовать? Ну, даешь! Валяй, рисуй, разберусь, как-нибудь. Эй, хозяин, чернила и перо! Мигом!

Все присутствующие повернулись к ним, злобно стреляя глазами, но все на том и кончилось. В драку никто не полез. Видно, тоже в какой-то степени были экстрасенсами — предвидели, чем это для них кончится. Хозяин принес чернильницу и гусиное перо.

— Вот, смотри, — Прохвост перевернул листовку, принесенную солдатами, и провел извилистую дугообразную линию, — это горы, а это море, — он соединил концы дуги еще одной извилистой линией. — Вот она, наша страна, а это река Великая, — новая линия соединила горы и побережье.

— Вдоль этой реки идет тракт, здесь Луэлрэст. Здесь, здесь, здесь большие города, в которых ты можешь найти своего врача, — Титес, Конартрэст и другие. Я понятно объясняю? На западе тоже города, но небольшие. Хотя, врачи есть и там. Лечат местных богатых фермеров. На востоке городов немного, большей частью, прибрежные рыбацкие деревушки. Из крупных, разве, что Саур. Да и то сказать, какой он крупный? Так, тоже деревня, разве что, чуть побольше. А вдали от моря — все леса да болота, речушки небольшие. Ни проехать, ни пройти. Зато и спрятаться легко. Хотя, от узурпатора спрятаться… Хитер, сволочь. Я понятно нарисовал? Ну, а раз все понял, не будем терять время. Пора сматываться, хозяин. Патрули по городу шастают.

Возле поворота в переулок, ведущий в Южный пригород, прощаясь с Алексеем, Прохвост прослезился.

— Не долго ты побыл моим господином, Акробат, а я к тебе так привязался!

— Не надейся, ты мне еще и дня полностью не отслужил. За то, что предупредил, пару дней тебе, так и быть, прощу. Но три дня ты мне еще остаешься должен. Понадобишься — найду. Смотри, Прохвост, карточный долг — долг чести! — усмехнулся Алексей, понимая, что, скорее всего он больше не увидит этого тщедушного человечка, жулика и прохиндея, который, тем не менее, имел свои принципы и понятие о порядочности. Но все, же Лешка не мог отказать себе в удовольствии немного поиздеваться над ним. — Ну, все, прощай и забудь, что меня видел, Хвост С Проседью.

Забросив за спину свои пожитки, Алексей пробирался узкими переулками Южного пригорода, все замедляя и замедляя шаг. Не нужно было быть экстрасенсом, чтобы в душу закралось сомнение: правильно ли он делает, покидая город. Кажется, он чуть не попался на известный охотничий прием — зверя окружают и гонят, а тот, спасаясь от шумной опасности, бежит прямиком на стрелков. Что ему угрожает в городе? Народу много, и народ все разный. Полно пришлых людей, как в любой столице. Со всего Межгорья, и даже из недружественных государств. Здесь и низкорослые смуглые жители высокогорных плато, одетые, несмотря на теплую погоду, в свои теплые сине-бело-коричневые плащи. Мирные представители воинственных кочевых племен, торгующие на местных базарах кожей, мясом и теми же плащами. Рыбаки с островов, наоборот, высокие и светловолосые. Хотя, о цвете их волос можно судить только по усам и бороде. Их макушки закрывали шапчонки в виде перевернутого ведерка с кокардой. От них Алексей мало чем отличается. Особенно, если и самому напялить на голову нечто подобное. Сошел бы за торговца рыбой. А почему бы и нет? Документов никаких у горожан нет, проверять нечего. Имена — выбирай, какое заблагорассудится, хоть Фомой назовись, хоть Еремой. А то и люди постараются — сами придумают тебе прозвище. Ты, к примеру, себя Львом считаешь, а для окружающих ты — Трепач, потому что много болтаешь. По приметам, описанным в листовке, опознать его будет трудно — волосы отросли, короткими уже не назовешь, появились усы и бородка. Не то, чтобы Алексей изменил внешность в целях маскировки. Просто в этом мире, где железо ценилось, чуть ли не на уровне серебра, а качественная сталь и того дороже, обзавестись бритвой было дорогим удовольствием. Каждое же утро посещать брадобрея — никаких денег не хватит. Тем более, что местные цирюльники за свою работу требовали гораздо больше, чем Балагур — парикмахер из предгорного поселка. Да, изменился он здорово. Так что, пока лучше не суетиться. Нужно затеряться среди местных жителей, лечь на дно и отсидеться, пока не уляжется шум. А уйти сейчас — нарваться на патрули на трактах, как пить дать! Нет, спешить не стоит. Кстати, вот, кажется, какое-то заведение — можно посидеть, все хорошенько лишний раз обдумать, поесть, а может и ночлег здесь найдется. Но, подойдя к калитке, Алексей был остановлен местным вышибалой.

— Куда прешь? Поворачивай отсюда!

— Что, даже пожрать не дадите? Я за себя всегда заплачу! — Алексей не на шутку разозлился, но сдержал себя — скандал сейчас совсем не нужен, — Трактир это или не трактир?

— Трактир, трактир, но сегодня здесь господа дворяне гуляют. Так что приходи в другой раз.

— А может, я тоже дворянин, — усмехнулся Леха. Так хотелось позлить этого толстого индюка, хотя это и бесполезно.

— Ты — дворянин? Посмотри на себя, деревенщина. Одет как пастух — ни тебе бархата, ни кружев. А волосы твои где? У господ дворян они до плеч свисают, а у тебя? Еле макушку прикрывают. Коня твоего я что-то не вижу. А меч? Где твой меч? — швейцар с притворной улыбочкой стал осматривать Алексея, как вдруг его тон переменился — он увидел сверток, заткнутый за лямки вещмешка.

— Прошу прощения, молодой господин, проходите, пожалуйста. Вам всегда здесь рады.

Пройдя через калитку, Алексей сразу сообразил, что попал в то самое заведение, о котором говорил Прохвост. Столы здесь стояли прямо во дворе вдоль решетчатого деревянного забора, оплетенного каким-то вьющимся растением. Свободных мест не наблюдалось — за столами сидела разодетая публика, совсем не тот контингент, что у папаши Пузана. Яркие бархатные камзолы, пышные кружева, плюмажи — не мудрено, что привратник не хотел его пускать, уж очень вид Алексея контрастировал с остальными посетителями заведения. В центре двора два человека отчаянно рубились на мечах, а зрители приветствовали каждый более или менее удачный выпад восторженными криками, аплодисментами и стуком глиняных стаканов о столы..

Кое-как присоседившись на краю стола в самом дальнем углу, он заказал ужин. Принесенная официантом еда Лехе совсем не понравилась. Овощи были какими то безвкусными, мясо — пережаренное и недосоленное. Вино и вовсе никуда не годилось — отвратительная кислятина, недалеко ушедшая от уксуса. Сразу было понятно, что кухня — отнюдь не основная статья дохода этого заведения. Люди здесь искали нечто совсем другое.

Выплеснув вино на землю и, наполнив стакан из бурдюка, Алексей стал наблюдать за происходящим в центре двора. Бой уже закончился. Один из драчунов получил ранение, и над ним колдовал лекарь. Леха присмотрелся: лекарь — явно не Док. Высокий и худой старик с лицом, похожим на лошадиную морду и длинными седыми волосами, которые спутанными космами свисали из-под широкополой шляпы, украшенной перьями. Глашатай, между тем объявлял новую пару бойцов. Официант, минуту назад принесший Лехе ужин, теперь бегал между столов с черной доской и мелом, собирая ставки. Ставки были немалые — Алексей впервые, хотя и издали увидел золотые монеты. У него таких не было, и поэтому оставалось только молча сидеть и

смотреть на зрелище. Собеседников, даже таких попрошаек, как Прохвост, здесь не нашлось. Соседи по столу, презрительно оглядев Леху, отодвинулись, предоставив ему больше свободного пространства. Поскучав немного, Алексей поймал за рукав пробегавшего мимо официанта и стал выяснять на счет ночлега.

— Прошу прощения, господин, но мест нет — много приезжих. А общий зал мы держим для раненых — так господину лекарю удобнее, — протараторил в спешке подавальщик, пытаясь высвободить рукав из цепких рук докучливого посетителя, — попытайтесь найти ночлег в соседних домах.

— Ну да, пустит меня кто-нибудь среди ночи! — вздохнул Леха.

— Господин Владетель Элма и господин Разящая Молния! — прокричал глашатай. Последние его слова потонули в овациях, очевидно, что господин Разящая Молния был очень популярен. Алексей, уже пробираясь к выходу, остановился и решил посмотреть этот бой. Любопытно было узнать, за что так любят этого фехтовальщика.

Оказалось, любят не зря. Господин Владетель Элма, совсем еще мальчишка, не успел и пару раз махнуть своим похожим на ятаган мечем, как получил легкое ранение в плечо. Удар господина Разящая Молния был настолько стремителен, что зрители взвыли от восторга. Как не удивительно, но исходом боя был доволен и господин Владетель. Он улыбался, когда врач бинтовал ему плечо. Теперь он поедет домой и у себя в Элме будет с гордостью рассказывать, что получил это тяжелое ранение в трудном для обоих фехтовальщиков бою с самим господином Разящая Молния. И сам победитель наслаждался своей победой — он крутился на арене и посылал во все стороны воздушные поцелуи.

— Слава господину Разящая Молния — первому мечу королевства! — кричала публика.

Довольный победитель уселся в кресло, оперев руку на воткнутый в землю меч. Еще долго довольная улыбка не сходила с его лица.

«Азартен Парамоша, — подумал Алексей, — Гордыня так и прет. Побеждать любит, славу любит. Интересно, стоит об этом подумать». Какая-то мыслишка начала шевелиться в голове, возможно, она скоро превратится в идею. Но сейчас об этом думать не хотелось. Сейчас нужно было думать о ночлеге. Он вышел из калитки и повернул назад к центру города, к дому прелестной торговки фруктами. Судя по времени, ее муженек уже должен мирно дремать на кухне возле жбанчика с вином.

Два месяца прошло с тех пор, как Алексей впервые увидел поединки на мечах в заведении под названием «Приют усталого странника». За это время мысль, пришедшая в голову, превратилась в четкий план, который уже начал осуществляться. Первым делом была проведена разведка. Алексей поселился поблизости постоялого двора. Он снял флигель у немолодой супружеской пары, очень обидев при этом прелестную торговку фруктами. Но сделать это было необходимо, хотя бы потому, что дом торговки находился в очень уж людном месте. Возле базара всегда шаталось множество любопытных, которые так и норовили выяснить, что за квартиранта пустила в дом жена Ворчуна (такая кличка была у мужа торговки). Немало здесь прохаживалось и солдат. Да и не высыпался Леха на этой квартире, дамочка была еще та… И почему-то вспоминалась девочка, которая плакала, провожая его в путь, там, в горах. Ощущение было такое, будто он ее предал. А ведь, скорее всего он Лию никогда больше не увидит. Странно, он что, об этом жалеет? Жалеет или не жалеет, но он почувствовал облегчение, поселившись в Южном пригороде. Это давало возможность часто бывать в «Приюте…». И потребовало определенных затрат, причем, не малых. Пришлось приодеться в бархат. Одежду Леха купил у старьевщика, но все равно она влетела ему в копеечку. К тому же он вынужден был потратиться и на маскировку меча. Его оружие самим внешним видом очень отличалось от мечей завсегдатаев заведения. У тех мечи были самой вычурной формы — изогнутые плавно, и под углом, зигзагообразные, со всевозможными видами заточки. А уж об эфесах и говорить нечего. Короче, что ни меч, то произведение искусства. Меч Серебрянного, изящный в своей простоте, спутать с другим подобным оружием было очень сложно. А это опасно. Вдруг кто-нибудь узнает пропавший у сановника клинок. У того же старьевщика были приобретены старые кожаные ножны. Красивую рукоятку из благородного старинного серебра пришлось закрасить «золотой» краской и обмотать цветным шнурком с кисточками. Письмена на клинке Леха тоже замазал краской, на этот раз красной, под цвет крови. Большие изумруды были аккуратно извлечены из глазниц змей. Получилось аляповато и вульгарно, но это было именно то, чего он и добивался

Разряженный как попугай в малиновый камзол и желтые панталоны (а как еще назвать эти нелепые штанишки?), ботфорты и в заштопанную рубаху с застиранным кружевным жабо Алексей почти каждый день отирался в кабаке. У него завелись знакомые среди дворян, которые теперь принимали его за своего. Как-никак, он дворянин, хоть и бедный. Среди завсегдатаев оказалось

немало разговорчивых людей. Благодаря им Алексей собрал довольно много интересующей его информации.

В частности, он узнал, что бои устраиваются на законном основании, по королевскому указу. Каждый дуэлянт платит определенный процент заведению и государственной казне. Бои ведутся до первой крови, и за этим строго следит хозяин, распорядитель (он же глашатай) и врач. Некоторые горячие головы выясняют здесь свои личные отношения с помощью оружия. Эти хотят драться до смерти одного из противников, но получается редко. Обычно кто-либо из драчунов получал ранение, и бой тут же прекращался. Впрочем, смертельные случаи бывают. За последние полгода таковых было два. Их, обычно, старались замять и скрыть от властей. Те же, в свою очередь, смотрели на это сквозь пальцы. А надо признать, что видно через пальцы не очень хорошо, особенно, если пальцы сжимают монеты. Победитель не преследовался, более того, ему негласно, в качестве трофея доставался меч противника.

Разузнал Алексей и о господине Разящая Молния. Информация была противоречивой. По одной версии сей рыцарь служил Конарту XVI и участвовал в роковом сражении с узурпатором. Полк, которым командовал Разящая Молния, атаковал левое крыло армии будущего короля Луэла XI, и пришлось бы тому плохо, не примени он свое ужасное оружие. Весь полк был уничтожен, а обожженного Разящую Молнию вынес с поля боя обезумевший конь в горящей попоне. Чудом оставшись в живых, герой, отлежавшись, скрылся в лесах и стал бороться против тирана партизанскими методами. Когда же Луэл XI объявил амнистию всем сторонникам Конарта XVI, господин Разящая Молния вернулся к мирной жизни, стал обучать молодых дворян искусству фехтования.

По другой версии Молния был дезертиром и долго скрывался в лесах, являясь главарем крупной банды, которая воевала не столько с войсками узурпатора, сколько грабила торговцев и прочих путников. Там-то он и сколотил свое состояние. После разгрома банды ему с помощью этих денег удалось избежать ответственности и отойти от дел. Теперь он, действительно, обучает молодежь драться на мечах, получая за это по десять золотников за бой, разъезжая по стране и посещая заведения типа «Приюта усталого странника».

Алексею более правдоподобной казалась вторая версия. Хотя бы потому, что на лице и руках господина Разящая Молния не было следов ожогов. Судя же по весу кошельков, доставшихся Лешке в лесу, сколотить состояние грабежом было вполне реально.

Алексей узнал так же, что этот рыцарь приезжал в «Приют…» примерно раз в два-три месяца и останавливался в одном и том же номере. Обычно его сопровождали кучер и лакей, они же — телохранители. С собой компания всегда возила окованный медью сундучок, вероятно, с деньгами. Леха даже сумел остановиться в номере Разящей Молнии и как следует там осмотреться.

Все складывалось неплохо, но… Ох уж это «но»! По наметившемуся плану необходимо было скрестить свой меч с мечом господина Разящая Молния. В своей прежней жизни Алексей десять раз подумал бы, прежде чем выйти на ринг в спарринге против такого быстрого бойца. А ведь драться придется не на кулаках. Чем-чем, а вот фехтованием он не занимался никогда. Даже посещая секции восточных единоборств, Леха абсолютно не интересовался упражнениями с мечами, нунчаками и прочими японскими боевыми атрибутами, отдавая предпочтение приемам чисто рукопашного боя. Правда, он чувствовал, что после перехода его физические данные и скорость реакции возросли многократно. Теперь на ринге он, пожалуй, не побоялся бы самого Тайсона, а с большинством дворян — посетителей «Приюта…» справился бы и голыми руками. Даже сам Молния не казался ему таким уж молниеносным и непобедимым. Но технику владения мечем все-таки освоить необходимо. Иначе весь план не стоит выеденного яйца. Но как овладеть этой техникой? Не инструктора же нанимать. И без того денег имеется в обрез. А если самому? При его теперешней памяти, наверное, нетрудно будет вспомнить и повторить кое-какие приемы, виденные раньше.

Алексей отправился в лес, подальше от посторонних глаз, выбрал более или менее ровную прогалину и начал свои тренировки. Он вспоминал все, что мог — краем глаза виденные репортажи программы «Новости спорта», где показывали соревнования по фехтованию, просмотренные когда-то боевики, типа «Трех мушкетеров», «Крестоносцев», всякие совсем низкопробные китайские поделки, на подобие «Пьяного меча» или, что-то в этом роде. Пришлось вспомнить и уроки своего тренера по карате, в свое время откровенно пропущенные мимо ушей. Слава богу, память работала, как хороший видеомагнитофон, даже с функцией стоп-кадра. Когда на полянке не осталось ни одного целого деревца, когда у него стало получаться с первого удара разрубывать на лету крупных насекомых — ос или шершней, Леха решил, что, пожалуй, готов составить достойную конкуренцию господину Разящая Молния. Его меч двигался мгновенно, неуловимо для глаза, а отразить

удар — это уже вопрос скорости реакции. И вообще, на основании своего многолетнего спортивного и боевого опыта, Алексей давно пришел к выводу, что в единоборствах побеждает боец, который быстрее двигается, уворачивается от противника и раньше противника наносит удары. Конечно и техника, и выносливость, и сила играют важную роль, но без скорости реакции выдающимся спортсменом не стать никогда.

Безусловно, его бои на поляне были не более, чем виртуальными, этакими боями с тенью, аналогами компьютерных игр. Желательно проверить свое искусство в реальном бою. Но Алексей откинул эту мысль: во-первых, двенадцати золотников у него не было, во-вторых, лишний раз светиться не стоило. Оставалось только надеяться на свою удачу.

Сегодня наступило время, когда необходимо было подключить помощника. Пожалуй, лучше Прохвоста подельника не сыскать. Да другого все равно не было. Алексей нашел его у папаши Пузана, Прохвост занимался те же чем и раньше — клянчил выпивку и делал небольшие ставки.

— О, великие боги! Акробат, я думал, ты давно удрал из города, — воскликнул Прохвост, — Тебе не дорога твоя голова?

— Тихо, не ори. Пошли, выйдем, разговор есть.

— Разговор у него есть! — всплеснул тот руками, — Да солдаты с ног сбились, тебя разыскивая. С тобой и я вляпаюсь в историю, а мне еще моя жизнь дорога.

— Это ты жизнью называешь, жулик ты несчастный? Если мне поможешь, снова будешь жить по-человечески.

— Да я и так не жалуюсь. Ты меня отвлек. А я, между прочим, сделал верную ставку. Сегодня у меня будет и ночлег, и ужин, да и на вино хватит.

— На кого поставил? — улыбнулся Леха, — На Борова? Проиграет. Уже проиграл.

— Что?! — взвился Прохвост и кинулся назад в заведение. Через пару минут он удрученный вышел к Алексею.

— Все-то ты знаешь, — сказал он чуть не плача, — От таких как ты нужно держаться подальше.

— Не выйдет, — сказал Алексей, — ты мой раб. Не будешь помогать — убью, и точка. Ты моя собственность, что хочу, то и делаю.

— Я твой раб только на три дня. Ты не имеешь права меня убивать, — испугался Прохвост.

— В течение трех дней — имею. А потом, если захочешь, можешь воскреснуть, — хохотнул Лешка.

— Ладно, твоя взяла, говори, что нужно делать.

— Так-то лучше. Пойдем, посидим где-нибудь, где потише.

Они снова сели за стол в неприветливом бандитском притоне. Снова хмурые посетители бросали на них неприязненные взгляды. Алексей их не боялся, солдаты же сами опасались заходить в подобные места.

— Сможешь найти покупателя? — он раскрыл ладонь и показал Прохвосту большие зеленые камни, извлеченные из рукоятки меча, — Сколько могут они, по-твоему, стоить?

— Ого! — глаза жулика сразу загорелись, — Откуда они у тебя? Меча не пожалел? Сколько стоят? Пожалуй, около пары грандов выручить можно. Через скупщика краденного. У приличного ювелира можно и большим разжиться, но тебе это вряд ли подойдет.

— Что такое гранд? Это много или мало?

— Гранд — большая золотая монета. Это очень много, — вздохнул Прохвост, — Даже за половину этой монеты я смог бы купить себе домик в селе и немного земли. И зажил бы, не шатаясь по кабакам в надежде выиграть несколько медяков и купить себе ужин да ночлег.

— Сможешь найти покупателя?

— Ну, есть один на примете.

— Хорошо. Сегодня же пойдешь к нему и продашь камушки. Только я хочу тебе кое-что объяснить, — Алексей положил свою руку на шею Прохвоста и слегка придавил ее. — Если наше дело выгорит, ты в обиде не будешь. Но если, как задумал, попытаешься меня обмануть… Ты меня знаешь, я тебя насквозь вижу. Дело я затеял серьезное, а денег у нас — в обрез. Попытаешься что-то спереть — убью. Понял? Так сколько камушки стоят?

— Ладно, ладно, Акробат, никто тебя обманывать не собирается.

— Тем лучше, — сказал Алексей, — Эй, хозяин, принеси бумагу перо и чернила. Пиши, Прохвост. Это список того, что тебе нужно будет купить.

— Конь и седло к нему? Зачем? Знаешь, сколько это будет стоить?

— Без коня не обойтись. Конь нужен скаковой, как у дворян, но, как бы это выразиться, смирный, не норовистый. Я не умею скакать верхом, а времени учиться — нет. Сможешь такого выбрать?

— Постараюсь.

— И еще. У меня умер брат. Но я не знаю, где может быть его тело. Не подскажешь? — спросил Алексей.

— У тебя умер брат? Я не знал, какое горе! — хотел было запричитать Прохвост, но Алексей успел зажать ему рот, —

Молчу, молчу. А неопознанные трупы свозят в храмы. Над ними там проводят обряды, а потом, если не находятся родственники, хоронят при храме на кладбище.

— Поищешь моего брата.

— Да я его в глаза не видел! Как я его узнаю? — удивился Прохвост.

— Очень просто, — Леха похлопал собеседника по плечу, — Он такого же роста и примерно такого же возраста, как и я. Остальное не имеет значения. Все это нужно сделать в течение завтрашнего дня. Уяснил? И еще одно. Покажи, как пишется мое имя.

Прохвост начал вырисовывать на бумаге какие-то крючки и закорючки, а Алексей думал, что осилить науку местного письма будет сложнее, чем выучить китайские иероглифы.

День спустя Алексей скучал в кустах возле дороги и ожидал Прохвоста. Стояла теплая погода, и он загорал, лежа на своем плаще и наблюдал за проезжающим транспортом. Проехало несколько телег с поклажей, запряженных горбатыми низкорослыми лошадками, такими, как в караване Отца. Еще пара возов, которые тащили волы. Проскакали и солдаты на своих конях-красавцах. Прохвосту пора бы уже и появиться. Но проходило время, проезжали телеги, а его раба на них не было. Он успел отдохнуть после земляных работ, и уже откровенно заскучал, ожидая своего порученца. Теперь скука постепенно переходила в беспокойство. Не смылся бы этот сукин сын вместе с камушками.

Но вот из-за поворота показалась повозка, запряженная высокой серой лошадью. Лошадь была явно не тягловая, скорее скаковая. В худшем случае, такая могла в свое время тянуть какое-нибудь ландо или карету, но не эту старую скрипучую крестьянскую телегу. На телеге восседал Прохвост и оглядывал лес. Заметив знаки Алексея, он свернул на лесную тропинку. Леха подошел к телеге, но садиться в нее не стал, а пошел рядом — на дне лежал предмет, завернутый в мешковину. Сомнений не было — Прохвост выполнил свое задание. Предмет в кузове — труп.

— Стоп, приехали. Ну, посмотрим, что ты приволок, — сказал он, когда телега, свернув в лес, дотащилась до вырытой в овраге ямы.

Алексей откинул мешковину и глянул на покойного. Долговязый и тощий, пролежал, наверное, в покойницкой немало времени. Совершенно лысый и безбородый, и это добавляет проблем.

— Твой братец, господин Акробат? Другого длинного не было, — сказал Прохвост.

— Мой. Помоги снять и дотащить до могилы.

— Еще чего! Я к покойникам боюсь даже прикасаться. Я монахам заплатил целый серебряник, чтобы они его завернули и в телегу положили, — замахал руками раб, — Акробат, мне нужно телегу им вернуть, спешу я. Сам его хорони.

— Да валяй, боги тебя хранят! Остальное купил? Ну, молодец. Эй, не так быстро, сдачу-то, верни, — сказал Лешка.

— Вот, это все, — Прохвост протянул горсть монет разного достоинства.

— Все?

Вздохнув, слуга порылся по карманам и высыпал на ладонь Лехе еще несколько серебряников и медных монет.

— Вот жулик! Ладно, проваливай. Встречаемся возле «Приюта усталого странника» завтра вечером. Не опаздывать.

Когда телега с Прохвостом скрылась за деревьями, Алексей развернул мешковину. Лохмотья, которые были на мертвеце, он срезал мечом и отбросил в сторону. Теперь оставалось самое неприятное — одеть труп в более приличную одежду. Не то, чтобы он боялся покойников. Там, на войне ему доводилось и выносить на себе из боя погибших товарищей, иногда собирая их буквально по кускам. Приходилось и собственноручно отправлять к аллаху врагов. Но прошло уже немало времени с тех пор, ощущения подзабылись, да и парень был явно не первой свежести — окоченел и попахивал. Штаны и сапоги оделись более или менее легко, но натянуть рубаху на задеревеневший труп было делом нелегким. В конце концов, это удалось, хотя рубаха и порвалась в двух местах.

— Ну, прости, дружище, — вздохнул Алексей. Он поднял меч и вонзил в грудь мертвеца. Жутковатый треск ломаемых ребер заставил его скривиться. Кажется, он успел немного размякнуть и стать сентиментальным за время мирного существования. Некогда расслабляться. Еще столько нужно сделать, а времени совсем нет. Он вытащил из мешка глиняную бутылку и вылил содержимое на пробитую мечом рубаху покойного. Свиная кровь была темно-бордового цвета. В этой ситуации это значения не имело, но на будущее не годится — кровь из свежей раны имеет ярко красный цвет. Нужно решать и эту проблему. Завернув труп в мешковину, Лешка, по возможности аккуратно, опустил его в яму и засыпал землей. Затем замаскировал могилу ветками и положил под них табличку со своим именем. Кто его знает, куда нужно воткнуть табличку, по местным-то обычаям — в ноги или в изголовье, пусть лучше сверху валяется. Осталось избавиться от тряпья, снятого с покойника, и одно дело сделано.

Вечером следующего дня Алексей и Прохвост встретились

возле ворот «Приюта усталого странника». Увидев Леху, слуга раскрыл рот от удивления.

— Хозяин, что за маскарад? Тебя не узнать! С бородой и усами ты выглядел солиднее, зря сбрил. И волосы зря перекрасил. Пегий, какой то, стал.

— Молчи! Я тебя предупреждал, ни одного лишнего слова! Идем.

— На лошадку не сядешь? Она смирная. Вернее это конь. Хорош?

— Потом, — Леха с опаской посмотрел на животное, — Заведешь его во двор и привяжешь. Я уеду на этой скотине.

Они прошли в трактир и присели за дальний стол. Народу в заведении уже было полно, но кресло, на котором обычно сидел господин Разящая Молния, хоть и стояло на привычном месте, пока пустовало. То, что «первый меч королевства» уже приехал, Алексей знал точно — его кучер сидел недалеко от них, уплетал за обе щеки мясо и дудлил вино. Наконец появился и сам рыцарь со своим лакеем. Господин уселся в свое кресло, а слуга стал у него за спиной.

В центре двора уже начался поединок, привлекший к себе внимание публики. Алексей наклонился к Прохвосту и прошептал ему на ухо:

— Я отлучусь, а ты закажи вина и еды. Да внимательно следи за всем, что происходит, потом мне расскажешь.

Он поднялся из-за стола и, стараясь не привлекать к себе внимания, прокрался в здание, где располагались контора, кухня и на втором этаже — жилые помещения. Проскользнув мимо официанта, он поднялся по лестнице и очутился в длинном темном коридоре второго этажа. Как он и предполагал, здесь было совершенно безлюдно — все постояльцы смотрели поединки. Леха подошел к комнате господина Молнии. Не зря он пару недель назад переночевал в ней. Теперь у него были копии ключей и от входной двери и от укромного тайничка под полом. Проскользнув в комнату, Лешка хотел было заползти под кровать, где собственно и располагался тайник, но выяснилось, что достаточно просто наклониться. Ленивый лакей не стал утруждать себя ползанием на брюхе и просто задвинул окованный медью сундучок под кровать, не опустив его в подполье. Святая простота! Никого не опасаются. Алексей поколдовал над простеньким замочком, и вскоре внутренности сундучка предстали перед ним во всей своей красе. Сверху находился деревянный ящичек, разделенный перегородками на несколько отделений. Одно из них было заполнено большими золотыми монетами, лежащими ребром вплотную друг к дружке. Вот они

какие — гранды! Монета величиной с советский пятачок, только более толстая. На одной стороне какие-то непонятные иероглифы или цифры. На аверсе же портрет. Кто это? Луэл или кто-то из предыдущих? Их здесь штук сто двадцать — сто тридцать, если не больше. Кроме того, в других отделениях лежали мелкие золотники и крупные серебряные монеты, названий которых Лешка не знал. Подняв ящичек, он обнаружил под ним еще монеты, на этот раз россыпью — мелкие серебряники и медь. Что же, клиент вполне платежеспособен. Увидев такое количество монет, Алексей с трудом поборол соблазн прихватить сундучок и «сделать ноги». Конечно, одна проблема решилась бы, но не только, ведь, ради денег затеял Леха эту аферу. Все-таки двенадцать золотников он переложил в свой карман и аккуратно запер сундучок. Коридор по-прежнему был пуст, и Алексей без приключений прошел к своему месту за столом рядом с Прохвостом.

— Ну, рассказывай.

— А что рассказывать? Все, как и до твоего ухода.

— Господин Разящая Молния дрался, его кто-нибудь вызывал?

— Ого, Акробат, на кого замахнулся! — в голосе Прохвоста слышались нотки удивления и страха, — Нет, он пока ни с кем не дрался. Уж не хочешь ли ты его вызвать? Не делай этого, хозяин. Он тебя просто убьет.

— Не ной. Я уже слышал от тебя то же самое, когда собирался драться с Костоломом. Сейчас я тебе расскажу, что нужно сделать, а ты выполнишь это именно так, как я скажу. Никаких отклонений, никакой отсебятины! От этого зависит не только моя жизнь, но и твоя тоже. Понял?

Алексей поднялся из-за стола и, кланяясь, подошел к господину Разящая Молния. Тот сидел по-барски, развалясь в кресле и опершись на рукоять меча. Невысокий, поджарый, не первой молодости — лет сорока (по земному исчислению). Узкое крысиное личико, длинные, как у всех дворян, седоватые волосы, торчащие усы. Бесцветные глаза внимательно оглядывали окружающую публику. Дополняли картину довольно длинные нос и гладко выбритый подбородок. Этакий пан Володыевский местного разлива.

— Да хранят вас боги, благородный господин Разящая Молния! — заискивающе просюсюкал Алексей, — Простите мою смелость, но не окажете ли мне честь сразиться со мной на поединке?

Благородный господин с презрением окинул взором Лехин потертый камзол и застиранные кружева и с усмешкой процедил

сквозь зубы.

— У тебя, что, лишние деньги есть? Ставка на бой — двенадцать золотников.

— Есть, есть, господин, — Алексей достал из кармана монеты, которые еще десять минут назад лежали в сундучке господина Молнии.

— На ставку есть, а на слугу не наскреб? А ведь, о бое договариваются слуги.

— Великодушно простите, господин. У моего дурака подвело брюхо и он никак не слезет с толчка. А я не могу ждать — вдруг вас вызовет кто-то другой.

— Ну и что? Ха-ха, меня и на других, и на тебя хватит! — Молния откровенно издевался над Алексеем. Ничего, потерпим. Пой, ласточка, пой.

— Понимаете, благородный господин, я хочу честного боя, равного боя. А иначе, что обо мне скажут? Если я вас одолею, скажут: «Устал рыцарь, не велика честь победить усталого». А проиграю — засмеют: «Что ты за боец, если тебя одолел усталый рыцарь!».

— А ты наглец! — засмеялся Молния, — Ладно, так и быть, иди, плати и готовься получить по заднице, герой.

«Герой» подошел к стойке и выложил на нее монеты. Рядом расплачивался лакей господина Молнии. Снимая камзол, Алексей обернулся и посмотрел на своего соперника. Тот застегивал пряжки кожаной безрукавки, служащей неплохой защитой во время боя. С какого зверя сдирали шкуру для этого доспеха, неизвестно. Но, наверное, зверь был настоящим чудищем, раз имел такую кожу. Леха несколько раз видел, как доспехи (а некоторые дуэлянты сражались и в таких же кожаных шлемах) выдерживал удар мечом, спасая бойца от серьезного ранения. Как раз в этот момент рядом с рыцарем возник Прохвост и что-то зашептал ему на ухо. По движению его губ Алексей понял, что слуга уяснил его инструкции — не говорил ни одного лишнего слова. Но, несмотря на предупреждение, увернуться не успел — господин Разящая Молния, выслушав Прохвоста, так заехал ему в ухо, что тот отлетел к стене.

— Ко мне господа. Мечи — в ножны, — крикнул распорядитель.

Алексей вышел в центр арены к распорядителю. Туда же устремился и Молния. Теперь он напоминал разъяренного кота, которому наступили на хвост. Усы и волосы встали дыбом, глаза вылезли из орбит, длинный подбородок торчал, как таран триремы. Да, серьезно разозлил его Прохвост.

— Господин… э-э, как вас? Господин Акробат, вы собираетесь

драться без доспехов, в одной рубахе на голое тело? Хм, ваше право, конечно. Итак, господа, бой ведется до первой крови…

— До смерти! — прошипел господин Разящая Молния.

— Как вам будет угодно, но при любом ранении кого-либо из соперников бой будет немедленно остановлен. Таковы правила. Можно бить лежачего, но запрещается бить раненого. Если бой затянется, по обоюдному согласию можно взять непродолжительный перерыв. Итак, господа, за дело! Внимание! — заорал распорядитель во все горло, — Господин Акробат против господина Разящая Молния. Бой до смерти.

Алексей взял свой меч и, картинно вращая им, двинулся к центру арены. Молния же, наоборот, бросился вперед, как бросаются на абордаж, сжав в руке свой изогнутый, как шашка обоюдоострый меч. Никаких лишних движений и эффектов, рассчитанных на публику. Явно хочет убить наглеца. И убьет, если ему позволить.

Но позволять ему это Алексей не собирался. Увернувшись от удара, он сделал шаг в сторону и оказался за спиной противника. Получите-ка господин Разящая Молния. Чтобы впредь повадно не было языком молоть. Меч Акробата плашмя врезался в место пониже спины «первого меча королевства».

— Стоп, прекратить, — к центру арены кинулся распорядитель, — Мечи — в ножны!

— Спокойно, — остановил его Алексей, — никто не ранен. Мы можем продолжать.

После того, как дали команду продолжать бой, Молния рассвирепел не на шутку. Ранение мягкого места здесь считалось великим позором. Разруби Леха сопернику его «седло», и Разящая Молния тут же «умер» бы, как фехтовальщик. Над ним бы впредь только смеялись. Поэтому, жаждая реванша, он насел на противника с такой энергией, с таким напором, что, казалось, еще мгновение и Акробат будет изрублен в капусту. Алексей же не паниковал и холоднокровно блокировал все удары, сыпавшиеся на него, как из рога изобилия, уворачивался, проваливал соперника, вызывая одобрительные крики зрителей. Когда же соперник сбавлял темп, чтобы отдышаться, сам переходил в наступление, заставляя Разящую Молнию пятиться и отступать. Возраст явно работал против рыцаря, пот катился с него градом, скорость его ударов замедлилась. Пожалуй, пора с ним поговорить. Лешка нанес удар сверху и, когда Молния блокировал удар, меч не убрал, а стал нажимать на него, приближая к лицу соперника. Острое лезвие почти коснулось шеи рыцаря, и в этот момент Леха прошептал:

— Ну что, благородный господин, будем платить, или будем

умирать? Неужели ваша жизнь не стоит ста несчастных грандов?

Собрав в кулак последние силы, рыцарь оттолкнул противника. Желая сильнее раззадорить своего визави и развлечь зал, Алексей упал на спину и прокатился по арене. Пыхтя и задыхаясь, Разящая Молния несколько раз воткнул свой меч в песок, так ни разу не попав в своего врага, чем вызвал взрыв хохота среди зрителей. Зато Леха, вскочив на ноги, нанес короткий и быстрый удар снизу вверх. И снова зал охнул, на этот раз испуганно — на песок упала длинная прядь седых волос, срезанная мечом, как бритвой, с головы «благородного господина». Испугался, очевидно, не только зал, но и сам «первый меч королевства». Когда Леха повторил трюк с силовым давлением, господин Разящая Молния прохрипел:

— Согласен.

— Прошу перерыва на отдых, — крикнул Алексей.

— Согласен, — теперь уже для распорядителя повторил господин Разящая Молния.

— Внимание, господа. Противники устали. Объявляется перерыв на несколько минут, — прокричал глашатай.

Леха подошел к своей скамье, снял рубаху и стал вытирать ею пот. Пота было немного, откровенно говоря, он совсем не устал. Швырнув рубаху в угол, Алексей вытащил из мешка другую. Одевая ее, он посматривал в сторону своего соперника. Тот упал в кресло и подозвал лакея. Там же поблизости крутился и Прохвост. Когда, поговорив с хозяином, лакей пошел в сторону жилых помещений, Лехин слуга увязался за ним. Минут через пять-шесть он подошел к Алексею.

— Порядок. Он заплатил. Деньги у меня. Кончай с ним, забираем выигрыш и уходим.

— Я тебе, по-моему, приказал помалкивать, — оборвал его хозяин, — Иди, готовь коня. Скоро понадобится.

Он незаметно ощупал внутренний карман рубахи, в котором был зашит пузырь с жидкой краской, потом достал из мешка острую рыбью кость и зажал ее между пальцами левой руки.

— Господа, перерыв окончен. Прошу, к бою, — раздался голос распорядителя.

Алексей вышел в центр зала и набросился на Господина Разящая Молния. За время перерыва рыцарь не отдохнул, а еще больше расклеился. Он еле успевал парировать удары соперника. Лицо его было перекошено гримасой ужаса. Как его обманули! Забрали почти все деньги, а теперь убьют, и концы в воду. Не боись, благородный! Акробат — человек чести. Лешка загнал Молнию в угол, где потемнее и сделал небольшую паузу. Но усталый рыцарь ничего не понял и пропустил момент для

контратаки. Пришлось повторять комбинацию снова. На этот раз благородный был на высоте. Его меч просвистел в сантиметре от груди Алексея. Это было то, что нужно.

Леха отскочил в центр зала, шатаясь и держась за сердце левой рукой. Публика повскакивала из-за столов и застыла, как каменная. Акробат, еле держась на подгибающихся ногах, опирался на меч, а из-под его пальцев, прижатых к груди, фонтанировала алая кровь. Он воткнул меч в песок и медленно опускался на колени. Его голова склонилась к эфесу меча и…. О ужас! Шевелюра Акробата повисла на рукояти, а сам он ткнулся безволосым лицом в песок арены.

— Врача! Врача скорее! — раздались крики.

— Ну, не подведи, наука майора Щеглова, — подумал Алексей. Тогда, в Ташкенте, у него ничего не получилось. Не вышло даже немного замедлить биение сердца, не то, чтобы совсем остановить. Но сейчас, он был уверен, все должно получиться. По крайней мере, на полянке в лесу получалось.

Врач подошел к Акробату и начал ощупывать его шею, стараясь найти артерию.

«Сердце, стоп! Один, два, три… Да что же ты так долго возишься, коновал! Четыре, пять… Так издохнуть не долго. Шесть! Слава богу!»

Врач выпрямился. Алексей отпустил «мотор», и сердце затарахтело, как отбойный молоток. Но в следующую минуту пришлось снова остановить его — доктор стал на колени и приложил ухо к его спине. Когда темнота стала надвигаться на Лешку, когда до потери сознания оставалось всего одно мгновение, врач, наконец, встал в полный рост.

— Сердце не бьется. Этот человек мертв.

Что тут началось! Поднялась неимоверная суматоха. Все забегали, зашумели, одновременно закричали.

— Где его слуга?! Скорее сюда! Нужно его унести. Господа, спокойно, все в порядке. Слуга, где тебя носит, увози его отсюда. Его конь — у ворот. Несите его, скорее. Алексея взяли за руки, за ноги четыре молодца и потащили прочь со двора.

Приоткрыв один глаз, Алексей увидел, как господин Разящая Молния, поднял над головой меч побежденного с париком на острие и посылал публике воздушные поцелуи, упиваясь славой.

— Слава, слава господину Разящая Молния — первому мечу королевства! — восторженно кричала публика. Но уже значительно восторженно, чем перед началом боя. Очевидно, многие жалели ловкого молодого бойца, по собственной глупости упустившего победу и потерявшего жизнь.

Дюжие молодцы грубо бросили Леху поперек седла, и хозяин

заведения обратился к Прохвосту:

— Вези его поскорее отсюда. Стой, подожди, на, вот, возьми. Похорони его по-человечески, или в храм отвези, святые слуги похоронят. Только не говори, где его убили. Эй, постой. Не тот ли это Акробат, что королевские солдаты ищут? Ладно, можешь не отвечать.

Прохвост заторопился, чуть ли не бегом побежал и потащил за повод коня. Выбежав из ворот, он вдруг резко свернул в переулок и затаился в темноте, поглаживая коня по морде и шепотом уговаривая того не ржать и не фыркать. «Что это он?» — подумал Лешка. Однако вскоре он понял суть замысла слуги.

Через ветки раскидистого куста он увидел трех человек, выскочивших из ворот «Приюта усталого странника». Видно было плохо, но все-таки узнать их не составило труда. Господин Разящая Молния собственной персоной и сопровождающие его лица — лакей и кучер, осмотревшись, бросились в разные стороны искать слугу убитого Акробата. Прохвост на цыпочках прошел до поворота и свернул в еще более узкую улочку.

«Ай да, Прохвост, — мысленно похвалил слугу Лешка, — Долго же придется искать его в лабиринте этих улочек, переулочков и тупиков. Плакали ваши денежки, господин благородный!»

После длительных блужданий по ночному поселку, они, наконец, вышли к лесу. И тут Прохвоста одолели чувства. Он заговорил, обращаясь к мертвому хозяину, в его голосе слышались жалобные нотки, всхлипывания и вздохи.

— Эх, Акробат, Акробат, какое горе, какая жалость! Говорил я тебе: не связывайся с этим рубакой. В бою это сущий дьявол. А ты заигрался. Что, натешился? Ну, раскрутил его на кучу грандов, и что теперь? Зачем тебе теперь эти деньги?

— Пригодятся, — Леха не смог удержаться от черной шутки. Но в следующую минуту пожалел об этом.

— Что?! А?! Как?! — Прохвоста чуть «кондратий» не хватил от испуга. Он держался за сердце и еле ворочал языком, — Не может быть. Живой?

— Да живой, живой, угомонись, наконец. Что, ты думаешь, я позволю какому-то старому ослу проткнуть себе шкуру? — сказал Алексей, сползая с седла, — Прохвост, я думал, ты умнее. Ты ведь участвовал во всех моих приготовлениях. Неужели не понял, что я замыслил?

— Ах, хозяин, ты меня так напугал! Доктор сказал, что ты умер, что у тебя не бьется сердце.

— Доктор — остолоп. Обмануть его — раз плюнуть.

— Ну, тогда я совсем ничего не понимаю, — раб немного

отошел от испуга и, в нем проснулась его врожденная жадность, — Ты мог его ранить, убить, наконец. Тогда у нас было бы еще двадцать золотников. А так, и меча ты лишился, а знаешь, сколько стоит хороший меч?

Алексей понял, что спор может затянуться надолго, и решил остановить словесную Ниагару слуги.

— Деньги давай.

Прохвост, вздохнув, полез за пазуху и вытащил весьма тяжелый кошель. На секунду Лехе показалось, что Прохвост и сам не может определить, о чем более сожалеет, о смерти хозяина, или о его воскрешении.

— Вот, держи, — Алексей вытащил из кошеля несколько золотых монет и протянул их рабу, — Этих денег тебе хватит на новую жизнь. Добротный дом в деревне, земельный надел, шапка из горной куницы. И чем дальше от Луэлрэста, тем добротнее дом, тем крупнее земельный надел, тем моложе жена. Тебе понятно? Если плохо понял, объясняю. Ты должен уехать из города, изменить имя и спрятаться, чтобы никто не знал о тебе, и не нашел тебя. Только перед отъездом зайдешь к Пузану и по секрету скажешь, что Акробат убит на дуэли в «Приюте усталого странника» и похоронен где-то в лесу. Если же, да хранят тебя боги от этого, ты кому-либо, хоть намекнешь, что я жив, по пьяному делу проболтаешься, или во сне случайно буркнешь своей новой женушке… Ты знаешь, чем для тебя это кончится. Я тебя из-под земли выкопаю, на дне моря найду. Найду и убью. Ясно?

— Все понял, хозяин, все понял.

— Я тебе уже не хозяин. Три дня прошло. Ну, а раз понял, то будем прощаться. Ты был хорошим слугой и верным другом. Да помогут тебе боги. Прощай. — Леха обнял Прохвоста, и сам чуть не прослезился.

Бывший раб, всхлипнув, повернулся и сделал несколько шагов в темноту переулка. Но Акробат окликнул его.

— Эй, Прохвост, помоги мне сесть на эту скотину. И покажи, где у нее скорость и где тормоза. Я с этим видом транспорта не знаком и водить не умею.

Глава 8
Тихая пристань

Перед ним расстилалась огромная плоская равнина. Так и тянуло назвать ее бескрайней. Тем более, что с трех сторон краев действительно видно не было — куда ни глянь, сплошное море высокой, до брюха коня, зеленой с непривычным для землянина красноватым отливом травы. С четвертой стороны, с местного юга, тоже расстилалось море, на этот раз самое настоящее. Он ехал по восточному тракту, который после зимних дождей так зарос травой, что следы от телег угадывались с трудом. Хотя, когда тут зима, когда лето, Алексей так и не понял. Не страна, а инкубатор какой-то. С севера горы Лестница К Богам, были настолько высоки, что надежно защищали долину от холодных ветров. Наверное, до сих пор была зима, но она уже заканчивалась, потому что сейчас становится по-настоящему тепло, даже жарко.

Алексей разделся до пояса, совмещая приятное с полезным — ехал и принимал солнечные ванны. Этакий казак Голота — вольный, как ветер, воин южных степей. Эх, шапка-бірка, зверху дірка! Пугу, пугу, їде козак з лугу.

Его часто называли казаком. Его и его земляков. Там, в армии. За смелость, боевой задор и, конечно, за происхождение. Как-никак, родом ребята были с юга Украины. Когда-то там шумела великая вольница. Стояла стеной, защищая свой народ от многочисленных врагов. Шумела-то шумела, да отшумела давно. Осталась только память и, в какой-то степени, национальная гордость, которая не очень-то поощрялась, считалась проявлением национализма. Правда, в последнее время казаки снова появились в их краях. У Лешки к ним отношение, как ни странно, было отрицательным. Нет, безусловно, сильные парни в шароварах с «оселэдцямы» на головах, гарцующие на рослых конях, замечательно смотрелись на фольклорных праздниках. Но одна встреча буквально шокировала его. В один из праздничных дней возле пивного ларька он увидел коренастого парня, молодого, но с внушительным брюшком. Парень был одет в казачий мундир времен царизма. Его грудь украшали ордена того же времени, да еще в таком количестве, что сам Жуков или Брежнев позавидовали бы. Поглаживая длинные усищи, парень с гордостью объяснял, что эти ордена он носить имеет полное право, поскольку они передаются по наследству. Тогда это так разозлило Лешку, что если бы не друзья, быть бы казаку битому.

За обе свои медали он заплатил кровью. Своих врагов и своей собственной.

Потом он узнал, что за казаками водились и делишки похуже, чем позерство. Один атаман даже угодил за решетку. Больно рьяно наводил порядок на местном рынке, чем вызвал недовольство торговцев. Тупоголовые, не уловили разницы между рекетерами-кавказцами и защитниками-казаками. Обиднее всего, что эту разницу не уловили и правоохранительные органы.

И вот теперь он, как самый настоящий казак, едет по дикой девственной равнине на боевом коне и размышляет о житье-бытье — думу думает. Кто бы мог подумать, что все так обернется?

Правда, справедливости ради, нужно признать, что Серый на боевого коня не тянул. Это была на редкость ленивая скотина. Большую часть времени он тащился со скоростью черепахи, и заставить его двигаться быстрее, было чрезвычайно трудно. Свое имя от Алексея он получил не столько за масть (хотя он ей соответствовал), сколько в честь «скакуна» небезызвестного Санчо Панса, которому не уступал по скаковым качествам. Наверное, Серый был старым, но такой знаток лошадей, как Леха, определить его возраст не мог. Единственный способ, который он знал — по зубам. Но заглядывать в пасть этой скотине…Боже сохрани! Еще цапнет, чего доброго. Пусть спасибо скажет, что к его морде приходится подносить воду и еду.

Да и самого казака назвать Голотой — было бы преувеличением. И шапка у него была целая, без дырок — красивая, меховая со свисающими хвостиками, как ленточки у бескозырки, чересчур теплая для этой погоды, и одежда дорогая, соответствующая местной моде. За кушак был засунут кинжал, простой, без особых изысков, но с хорошим лезвием и крепкой деревянной рукояткой. А главное, в мешке, под подаренным Лией плащом, лежала почти сотня больших золотых монет.

Все-таки деньги — немалая сила. Их влияние на человека весьма велико. Не только одежда, сам внешний вид Алексея изменился. Аккуратно подстриженные волосы, модные усики и бородка. В нем трудно было узнать прежнего Акробата. Скорее, он походил на сына богатых родителей, направляющегося к месту учебы или будущей службы, которую ему подобрали те же родители. Он все меньше и меньше отличался от местных жителей. Привык и к меньшей силе тяжести и к более длинным нолианским суткам. Стал меньше хотеть спать в разгар местного дня, и ночью перестал ни с того ни с сего просыпаться, ворочаясь на своем далеко не всегда удобном ложе. И представлялся он теперь по иному. Имя себе он выбрал — Лис.

Почему, Лис? За время своих странствий он пришел к выводу,

что большинство аборигенов присваивают себе и окружающим в качестве имен названия животных. Он знавал, по крайней мере, двух Котов и четырех Медведей. Прочих «зверушек» тоже было немало. Ли-а — опять-таки, название местного зверька. Так что, подобное имя подозрений не вызывало. Да и персонаж был весьма симпатичный. Лешка с детства помнил замечательные «Сказки дядюшки Римуса», которые читала ему мама, и своего любимого героя — братца Лиса. А еще вспоминалась сказка, где рыжая плутовка, притворившись дохлой, утащила всю рыбу с саней крестьянина. Этот трюк напоминал то, что разыграл сам Алексей во время поединка с Разящей Молнией. Тому, что его хитрость удалась, недавно были получены косвенные доказательства.

В поисках Дока Леха исколесил почти всю долину реки Великой. Результат был нулевой. И ничего пока не внушало оптимизма. Дока никто не знал, хотя народу в стране было не так уж и много. Городки были небольшими, жители в основном знали друг друга. Даже крупные города не шли ни в какое сравнение с мегаполисами его родины. И, тем не менее, никакого намека на успех поисков. Некоторые вспоминали, что с похожим парнем они учились, но таким, каким описывает его Лис, он был много лет назад и с тех пор должен был здорово постареть. Другие советовали посетить соседний городок, где человек с подобными приметами был местным священником. Увы — все это были ложные следы.

Был ли вообще смысл искать Дока? Если эта планета была для него всего лишь транзитной станцией, тогда и говорить не о чем. Но лучше об этом не думать, иначе руки опустятся. Лучше подумать о другом. Раз Док так свободно шныряет по галактикам, то и в Межгорье он — пришелец. Стало быть, у него есть все основания опасаться местного царька, страдающего манией преследования. Наверное, он залег на дно, замаскировался. Но, в том-то и дело, что Акробат наделал в стране много шума. Так много, что Док не мог его не услышать и не узнать по описанию своего помощника с Земли. Однако на помощь товарищу он пока не кинулся.

А может, его и не было в Межгорье? Что Алексей знал о Ноле? Межгорье — страна по площади равная примерно Украине, может чуть больше или чуть меньше. На севере — горы, где на огромных высокогорных долинах обитают кочевники. На юге, в океане — обитаемый архипелаг, населенный воинственными племенами, промышляющие, большей частью, рыболовством и морским разбоем. А остальная планета? Что за горами, что за океаном? Может быть Док там? С его-то талантами он в состоянии подчинить себе какое-нибудь племя и стать королем.

Кстати о королях. А если Луэл — и есть Док? А почему бы и нет? Они оба пришельцы, чужаки. Но если Док — это Луэл, зачем эта охота за ним, Акробатом? Разве Серебряный составил плохой словесный портрет? Нет, скорее всего, это тоже ложный след. Но поглядеть на Луэла XI при случае стоит. Вживую, потому что, по портрету на монете понять ничего нельзя. С этими мыслями Леха подъезжал к славному городу Конартрэст.

Город Алексею понравился. Он занимал немалую площадь и располагался в дельте реки Великая. Начинался — в степи и спускался к морю, оседлав многочисленные острова в устье. Невзрачные пригороды, застроенные одноэтажными глинобитными домиками, сменялись районами побогаче, с домами состоятельных горожан, каждый из которых являлся своего рода произведением архитектурного искусства. Особенно красиво выглядела островная и приморская часть города. Широкие набережные и живописные мосты, соединяющие острова, улицы, утопающие в зелени, храмы, своими минаретами указывающие в небо, парусники, стоящие на рейде, при этом много-много солнца — все это вызывало какой-то подъем в душе, смутно обрисовывающиеся надежды. Что-то из детства, что-то Гриновское — Зурбаган, алые паруса…, Город здесь существовал давно и назывался как-то иначе, но с тех пор, как какой-то из королей посетил его и был очарован теплым климатом и живописным пейзажем, пережил второе рождение. Он получил новое имя — Конартрэст, что в переводе тоже означало — королевский город и стал модным местом отдыха для знати и состоятельных обывателей.

Леха немного разобрался в названии города. Дело в том, что в Межгорье издревле повелось правителей звать не по именам, а по названию должности. И Луэл, и Конарт — суть синонимы слова «самодержец», как, например, царь и король. Как бы ни звали принца, взгромоздившись на трон, его высочество принимал, руководствуясь своим вкусом, имя, то-ли Конарт, то-ли Луэл. И соответствующий порядковый номер. Что же касается корявого названия города, то тут уж ничего не поделаешь — особенности местной лингвистики. Впрочем, в устах местных жителей это название звучало довольно приятно. Ну, и сам город производил самое благоприятное впечатление.

Забравшись поглубже в лабиринт улочек глинобитной слободы, Алексей снял флигель у немолодой вдовы. Торопиться с поисками Дока не хотелось. Он уже заранее знал результат — вряд ли удача ему улыбнется. Зато он попал в райское местечко, где можно немного отдохнуть после прежних и перед будущими странствиями.

Теперь, прогуливаясь по набережным и мостам, сидя в симпатичных ресторанчиках на берегу и омываясь в море, он замечательно проводил время. Так замечательно, что невольно закралась мысль: а на кой он нужен, этот Док, разве эта жизнь хуже жизни прошлой, там, дома?

Вскоре он познакомился с компанией золотой молодежи. Единственной заботой этих прожигателей жизни был поиск новых развлечений. И Алексею это нравилось. Благодаря денежкам Молнии, он стал душой компании, участвовал во всех начинаниях молодых бездельников.

В один прекрасный день прошел слух, что в город на отдых приезжает сам Луэл XI. По такому случаю намечался большой прием в королевской резиденции на одном из островов. Естественно, вся компания с восторгом восприняла это известие, собираясь принять в этом мероприятии самое активное участие. Вся, кроме Алексея. Столкнуться лицом к лицу со своим главным врагом — не слишком ли велик риск? С другой стороны, стоит проверить версию, что Луэл — это Док. Поколебавшись немного, Леха все-таки решил поехать на остров.

В назначенный день народ собрался в дворцовом парке. На это стоило поглядеть. Ну, прямо идиллическая картинка! На зеленой траве располагались беседки, украшенные цветами, где в легких плетеных креслах восседали нарядные дамы и элегантные кавалеры. В разных концах парка играли сразу несколько оркестров. Публика прогуливалась, каталась на каруселях, танцевала, пировала и ожидала появления короля.

Их компания кутила в беседке, недалеко от главной аллеи парка. Рядом играла музыка. Вино, к которому Леха уже привык, и которое уже не казалось таким кислым, лилось рекой, слова сплетались в беседу ни о чем. Все было легко и непринужденно. И вдруг он почувствовал опасность. Чувство было настолько острое, что по телу пробежал озноб. Алексей оглянулся и тут же отвел взгляд — мимо их беседки шествовал сам Серебряный со свитой из трех вооруженных солдат, один из которых был Красномордый. Похоже, Серебряному не было дела до шумной оравы, он шел мимо. Только Леха подумал было, что пока опасаться нечего, как взбалмошная девица из их компании выскочила из-за стола и бросилась к сановнику. Она буквально силой втянула его в беседку и настояла на том, чтобы Серебряный поднял вместе с ними бокал во славу Великого короля Луэла XI. Несмотря на жару и отсутствие боевой обстановки, свой серебряный шлем королевский слуга так и не снял, и даже не приподнял забрало. Бокал он к губам поднес, но пить не стал, а только звякнул хрусталем о металл. Поставив

бокал, Серебряный поднес к забралу ручки дам, поклонился кавалерам и прошествовал далее по своим делам. Лешка старался держаться за спинами своих верноподданных собутыльников, не лезть вперед и не вставать, а только чуть привстать, приветствуя сановника. Чтобы рост не бросался в глаза. Да к тому же удалось вроде как ненароком сбросить на лоб длинный чуб. Похоже, в этот раз пронесло. Акробат узнан не был. Сам же он кое-что увидел. А именно, на боку Серебряного висел меч. Тот самый. Алексей ошибиться не мог. «Золотую» краску с него счистили почти полностью, только в выемках рукоятки кое-где еще поблескивала дешевая желтизна. Глаза змей тоже были на месте и сияли зеленым огнем.

Ну, раз меч вернулся к хозяину, значит, власти знают о поединке в «Приюте усталого странника». Возможно, было проведено следствие, опрошены свидетели. Насчет врача можно не беспокоиться, он и на смертном одре будет утверждать, что сердце Акробата не билось. С Молнией сложнее. Этот наверняка сомневается, достиг ли его удар цели, но не признается, что сыграл «договорную игру» ни за какие коврижки. Слишком горд. Прохвост? Должен бы исчезнуть. Но даже если нет, он не проболтается, как-никак, соучастник. Не исключено, что и могилу в лесу обнаружили. И что им дала эксгумация? Полуразложившийся труп со сломанными ребрами и в окровавленной рубахе. Надеюсь, определять, чья кровь, человеческая или свиная, они пока не умеют. Кажется, Лис, ты обманул рыбака и теперь можешь спокойно лакомиться рыбкой.

Луэл так и не приехал. Задержали непредвиденные государственные дела, о чем публике объявил глашатай. Алексей решил не суетиться и догулял со своими приятелями до утра. Хотя слежки он не обнаружил, беспокойство Леху не оставляло. Поэтому утром, сославшись на письмо, полученное из дома, он оседлал Серого и покинул город. Более или менее продолжительного отдыха не получилось.

Снова начались бесконечные странствия. Долгие дни в седле, длинные ночи в маленьком, совсем не водонепроницаемом шатре. Еда с костра, питье из ручья. Если бы в свое время ему предложили подобный конный туристический маршрут, скорее всего, он заплатил бы за это деньги и потом с удовольствием вспоминал бы замечательно проведенный отпуск. Но тащиться на ленивой скотине в течение многих месяцев, любуясь пусть непривычным, явно неземным, но все же, однообразным пейзажем — кому угодно надоест. Уже в печенках сидят удобства в кустах, ночлег на траве, часто под проливным дождем и утренний туалет у ближайшего ручья. Да и постоянно нужно держать ухо востро —

всякие люди шатаются по степям и лесам.

У Алексея уже случилось две стычки с лихими людьми. Первый раз его преследовали восемь всадников. Спастись бегством, учитывая «резвость» Серого, не представлялось возможным. Пришлось вступить в бой. Кое-как дотянув до зарослей кустарника, Леха бросил коня на произвол судьбы и скрылся в дебрях высокой растительности вместе со своим багажом. Скакун, очевидно, не заинтересовал разбойников. Гораздо больше их интересовал мешок, и «романтики с большой дороги», спешившись, кинулись в погоню за его хозяином. Это была их ошибка. Леха перемещаясь в зарослях, где пригнувшись, где по-пластунски, обходя неприятеля то с флангов, то с тыла, неожиданно нападал и поодиночке выводил врагов из строя. Именно выводить из строя. Похоже, мирная жизнь немного расслабила его. Конечно, его противники, даже вместе взятые не могли с ним тягаться в силе и скорости. Но попади он к ним в руки, жалеть бы его не стали. Тогда к чему эта щепетильность? Нож под лопатку или лезвием по горлу и точка! Так нет, не может себя заставить. Гуманистом стал, что ли? Укладывает врагов «отдыхать» с помощью голых рук. А в следующее мгновение уже уползает, как змея, недосягаемый для разбойничьих копий и дубинок. Вскоре поверх кустов не виднелось уже ни одной головы преследователей. Бандиты, оставшиеся в резерве изрядно перепугались и, выпустив в заросли десяток-другой стрел, ретировались от греха подальше. К сожалению, они увели с собой и коней своих товарищей, не позарившись только на Серого. Алексей тоже не стал задерживаться. Хотя и решил все-таки обыскать нескольких пленников. Из трофеев ему достались только пара-тройка тощих кошельков и оружие. Не меч, к сожалению, а кнут с деревянной рукояткой, на конце которого привязано увесистое каменное ядро.

А неделю назад на него напала другая группа всадников. Но, на этот раз, сражения не получилось. Эта троица оказалась более трусливой. Стоило Алексею раскрутить над головой со скоростью пропеллера трофейное оружие, как напавшие поняли свою ошибку и стали соревноваться друг с другом в скорости, кто быстрее скроется за горизонтом. Неподалеку, за кустами он обнаружил бивак своих противников. Трофеев здесь было побольше. Судя по всему, это не были профессиональные, если так можно выразиться в отношении этих людей, разбойники. Скорее всего, Лешка нарвался на местных то-ли коммивояжеров, то-ли коробейников. Здесь — купил, там — продал, все время в дороге. А тут подворачивается неплохой случай немного обогатиться. И ребята решили подобрать то, что, по их мнению,

плохо лежало, ограбив одинокого путешественника. В стане горе-разбойников под деревцом лежали объемистые кули с тканями. Догорал костер, над которым висел котелок с жареным мясом, в сторонке лежали бурдюки с вином. Погрузить все на Серого было невозможно — пришлось бы самому тащить и груз и этого копытного пенсионера. Но прощать джентльменам удачи их выходку Леха не собирался. Мешок с продуктами и бурдюк с понравившимся хозяину вином Серому-таки пришлось везти. А остальное добро было сброшено в ручей.

Третий раз испытывать судьбу Лешка не стал. Уж больно многочисленна была группа всадников, появившаяся на горизонте — сабель сто, не меньше. Толи крупная банда, то-ли правительственные войска… Какая разница, и те, и другие — враги. Уж лучше отсидеться в невысоком кустарнике, повалив Серого на траву.

Поэтому Алексей решил поменять график движения. Теперь он днем прятался по балкам и рощам и отсыпался. А вечером отправлялся в путь. Благо, две луны освещали степь, и видно было неплохо. А вскоре добавился еще один источник света.

Однажды ночью, проснувшись и выбравшись из своей палатки, Алексей был поражен и испуган открывшимся его глазам зрелищем. Вся степь светилась голубым с красно-зеленым отливом огнем. Ветер гонял туда-сюда волны странного пламени, разыгрывая красивейшую и в то же время ужасающую своей непонятностью симфонию в стиле «Прометея» Скрябина. Казалось, чужой мир напоминал уже успевшему освоиться пришельцу, что он не дома, что тайн и опасностей вокруг очень и очень много, что не стоит расслабляться ни на секунду. Лешка стоял, буквально окаменев, не зная чего ожидать от этого непонятного свечения, пока раскрытый от удивления рот не оказался сплошь наполненным насекомыми, которые тучами носились вокруг. Тогда все стало на свои места. Начался период цветения трав. Невзрачные днем буро-зеленые бутончики величиной с мелкую горошину, ночью распускались и превращались в крошечных светлячков. Очевидно, так они привлекали насекомых, которые опыляли эти растения. Картина была настолько чарующая своей неземной красотой, что оторопь брала. Алексей целую неделю кряду наслаждался незабываемым зрелищем, которое не смогли испортить даже тучи ночных комах. Но, увы, всему приходит конец. В течение нескольких ночей буйство красок потускнело, а вскоре и вовсе угасло. И только две луны, окруженные незнакомыми созвездиями, продолжали освещать ухабистую тропу. Вскоре ландшафт изменился. Травы поубавилось, сама дорога стала не грунтовой, а каменистой,

хорошо заметной даже ночью. На горизонте вырастали мрачные силуэты гор. Восточный отрог Лестницы К Богам спускался на берег и нырял в море, чтобы через три-четыре сотни километров показаться над водой бесчисленным числом островов.

В город с непонятным для него названием Саур Алексей въехал перед рассветом. Поблукав по узким улочкам, он, в конце концов, оказался на центральной площади.

За последнее время он успел привыкнуть к архитектуре городов Межгорья. В центре почти каждого — площадь. Каре из домов в два-три этажа, увенчанные пирамидальными или коническими крышами, окружали вымощенный булыжником плац. Обязательные элементы — храм и градоуправление — смотрели фасадами друг на друга. Центральная площадь Саура от себе подобных отличалась, пожалуй, только наличием большого фонтана в центре. Он имел овальную форму, а на средине его из воды как будто выпрыгивала каменная рыбка, омываемая многочисленными струями. Фонтан издавал негромкое журчание, и это был единственный звук в ночном городе. Ну, и еще цоканье копыт Серого по брусчатке.

Алексей подошел к фонтану и присел на каменный парапет. Он с наслаждением напился из ладоней. Вода в фонтане была прозрачная и очень холодная, даже зубы ломило. Рядом утолял жажду Серый, выражая удовольствие фырканьем.

— Доброе утро, уважаемый путник, — раздалось за спиной.

Алексей обернулся. Перед ним стоял высокий худой старик аккуратно и добротно одетый. Он опирался на трость и поглаживал Серого. При этом он поглядывал на камни мостовой у задних ног коня, где тот успел образовать изрядную кучу навоза. На общем фоне чистой площади это был явный беспорядок.

— Простите, господин, эту скотину, — вздохнул Леха, — Конечно, все будет убрано.

— Не волнуйтесь. Через час рассветет, и дворники все уберут. Разрешите представиться. Мое имя — Борода. Я — местный выборный градоначальник.

— Лис, — представился Лешка, — Очень рад знакомству.

— Что привело вас в наш город в такое время?

— Любопытство, желание посмотреть мир. Ну, а днем ехать очень жарко. Лучше уж ночью.

— Я имел в виду не это, — улыбнулся старичок, — Просто сейчас не сезон. Гостей мы ждем только через два месяца. А сейчас у нас делать нечего.

— А что будет через два месяца?

— Как что? — старик посмотрел на собеседника, как на школяра, не выучившего урок, смотрит учитель, — Как что?

Путина, конечно. Разве вы не знаете, здесь ловится самый лучший краснопуз на всем побережье. Естественно, через два месяца здесь будут торговцы, много торговцев. А на праздник окончания путины соберутся все гуляки и кутилы страны. Оставайтесь у нас на это время, иначе, много потеряете.

— Заманчивое предложение, — улыбнулся Алексей, — Подумаю. Кстати, где у вас здесь можно остановиться? Устал, знаете ли, с дороги.

— Постоялые дворы у нас открывают только два раза в год, когда рыба идет и приезжают торговцы, — пожал плечами Борода, — В остальное время нашу окраину никто не посещает. Лучше поищите постой у кого-нибудь из обывателей. Хотите, можно остановиться в верхнем городе. Там дома богачей и дворян. Таковых сейчас в городе нет, они по столицам прохлаждаются. Но слуги могут вас пустить. Если не побоятся, конечно. Условия там хорошие, но, уж и сдерут с вас изрядно. Мой вам совет, лучше остановиться в нижнем городе, там и народ попроще, и цены пониже. Хотите, обратитесь к старому Цупке. У него дом большой, а живет один. И ему веселее, и вам дешевле. Рассказать, как его найти?

— Рано, наверное, — усомнился Леха, — Спит еще.

— Да нет, врядли. Мы, старики, спим мало. Не дают мысли, воспоминания. Вам, молодым это понять трудно. Пока у вас полная гармония с миром и с собой. Но когда на горизонте покажется Бог — Проводник, который ждет тебя, чтобы отвести тебя туда, в небытие, начинаешь вспоминать и размышлять, правильно ли ты прожил отпущенное тебе. Кого обидел, кому не смог помочь, как бы ты поступил теперь? Тут уж сна не дождешься. Вот и идешь на службу раньше Светила, или просто вяжешь сети. Эх… Идите по этой улице вниз, а там спросите.

Спрашивать никого не пришлось. Алексей сам заметил в переулке двухэтажный дом за невысоким забором из продолговатых кусков гранита, поставленных стоймя. Заглянув в дворик, он увидел сидящего на деревянной скамеечке старика, который, как и говорил Борода, при свете коптилочки возился с рыболовной сетью.

— Уважаемый, — окликнул его Леха, — Не пустите ли на постой?

Старик поднял голову и оглядел раннего гостя. Затем, кряхтя, поднялся со своей скамеечки и подошел к забору. На вид старику было за шестьдесят с приличным гаком. Хотя сколько по местному летоисчислению, Лешка вычислить бы не взялся. Кругленький, лысенький, с широким мясистым лицом. Нос картошкой и длинные седые усы. В своих белых полотняных

штанах и такой же рубахе, он очень уж напоминал престарелого казака — персонажа многих исторических фильмов. Притом персонажа комического. Этакий хитрый дедок, местный Щукарь, который и за словом в карман не полезет, и, при необходимости, в обиду себя не даст.

— Конечно, пущу, молодой господин, — усмехнулся старичок, — Отчего же не пустить, места у меня хватит и для вас и для него. Какой красавец! Замечательный конь, Быстрый скакун, сразу видно. Он потрепал по гриве Серого и открыл широкую калитку.

Серого расположили в сарае, бывшем когда-то конюшней. Правда, она для него была немного низковата. Вероятно, здесь в свое время держали низкорослых и горбатых тягловых животных, а может, и вовсе коров или свиней. Алексея же хозяин провел в дом, где на втором этаже показал большую комнату с широкой кроватью, столом, табуретами и большим комодом.

— Здесь вам будет удобно, господин. Это комната моего старшего сына.

— А я его не стесню?

— Да нет его. Ни его, ни младшего, да и никого, кроме меня уже нет. Не стесните, — помрачнел старик.

— Я, наверное, что-то не то сказал? Простите, если что.

— Да ладно. Вы, наверное, проголодались с дороги, так я приготовлю?

— Спасибо, я не голоден. А вот спать очень хочу, всю ночь ехал.

— Хорошо, отдохнете — тогда и пообедаете. Я постелю. Сами? Воля ваша, белье в комоде. Легких снов.

В комнате было душно, наверное, сюда давно никто не входил. Алексей подошел к застекленной двери и распахнул ее. За дверью располагался большой, в половину площади самой комнаты, балкон. Весь он был затянут зеленой лианой. Прохладно и сумрачно — идеальное место для отдыха. Леха перетянул кровать на балкон и, раздевшись почти полностью, повалился на, хотя и чистые, но долго пролежавшие в комоде и оттого несколько «ароматные» простыни. Он мгновенно заснул, будто умер, не ощущая «аромата», и не видя легких снов.

Светило перевалило через крышу дома и, проникнув одним своим лучиком сквозь листья лианы, разбудило его. Алексей встал, оделся и спустился вниз. Судя по всему, завтрак откладывался. Старик мирно похрапывал, прислонив голову к дверному косяку. Недовязанная сеть вместе с челноком выпала у него из рук и лежала на ступеньках. Видно, мысли, не дававшие старику спать ночью, отступили под действием монотонной

работы, и усталость взяла свое. Будить его Лешка не стал. Аккуратно переступив через спящего, он отправился на прогулку по городу.

Городок Саур особого впечатления на него не произвел. Значительно меньше Луэлрэста, не такой живописный и веселый, как другой Королевский город, он скорее напоминал, как и предупреждал Прохвост, большую рыбацкую деревню где-нибудь в Турции или Испании. Впрочем, как таковые выглядят, Алексей знал только из телепередач да журнала «Вокруг света». Саур спускался с гор, где располагались богатые виллы, полностью скрытые садами, делился пополам центральной площадью и базаром, продолжал катиться вниз беспорядочно застроенным нижним городом — районом обитания рыбаков. Заканчивался он живописной бухтой с причалами для рыбацких ботов. Тихий и спокойный городок, расположенный вдали от властей, удобный для передышки в пути.

Погуляв по кривым улочкам, полюбовавшись видом бухты, посетив местного знахаря и посидев в кабачке под окнами единственного в городе дипломированного врача — тоже, увы, не Дока, Алексей отправился к дому, где остановился. Нужно было поговорить с хозяином о плате за постой.

Уже подходя к дому Леха, почувствовал аппетитный запах. Во дворе, в тени разросшегося дерева стоял деревянный стол, за которым возился хозяин. Увидев постояльца, он обрадовался, призывно замахал руками, приглашая к столу. Алексей понял, что стакан вина и легкая закуска, съеденные в кабачке, не утолили его голода. На столе стояли тарелки и кувшинчик, очевидно, с вином. А хозяин уже нес посудину, напоминающую сковороду, только глиняную, из которой доносилось шипение, и распространялся аромат.

— Садитесь, господин, — пригласил старик.

— Может, обойдемся без «господ» и «вы»? — спросил Алексей, поднимая стакан. — Я, ведь, не дворянин какой-то. Обычный сын, обычных родителей, совсем не знатных.

— Идет, сынок, твое здоровье! Кстати, мы еще не познакомились. Меня все зовут Цупка. Дед Цупка, старик Цупка, как кому нравится. А тебя?

— Лис.

— Очень хитрый?

— Курятину люблю.

— Ха-ха, веселый ты. А как на счет рыбки? — дед Цупка снял крышку с глиняной сковороды, и запах стал просто невыносимым.

— Тоже уважаю, — с трудом произнес Леха, глотая слюну. Дед был отменным кулинаром — вкус рыбы был под стать ее

запаху.

— Кушать мы все — мастера. А как, чтобы половить? Ловить рыбу любишь?

— Ну…, люблю, — протянул неуверенно Лешка. В детстве отец часто брал его собой на рыбалку. Как это было давно! Почти забылось, сгорело в огне войны, поблекло на фоне потерь и повседневных проблем. После смерти отца Леху уже не интересовала рыбалка. Была учеба, был спорт, а главное, конечно, мама. Первое время после похорон она очень сильно боялась потерять еще и сына, поэтому очень волновалась, когда Леша уходил куда-то со двора хотя бы на час. В более позднее время он, бывало, выбирался на рыбалку с друзьями. Но не ради рыбы же! Отдохнуть, водки и пива попить, языками почесать, глядя на поплавок. Ну, а если клюнет — замечательно. Впрочем, были среди его друзей и настоящие фанаты рыбной ловли, но такой балласт, как Леха они с собой не брали.

— Послушай, парень, я — опытный рыбак. Я еще только ходить учился, а уже ловил рыбку на причале. Но выйти в море я один не могу. Мне нужен помощник. Через пару месяцев пойдет краснопуз. По всем приметам путина будет замечательна, лучшая за последние годы. Я не могу такое пропустить, лучше умереть. Путина — это моя жизнь. Ты, кстати, зачем сюда приехал?

— Ну, мир посмотреть, на людей, на города… Да, в общем, от нечего делать. Папаша денег дал, учиться послал. А мне не хочется. Вот и гуляю.

— Так в чем же дело? Оставайся. У меня лодка есть. Ее только чуть-чуть починить, и — хоть в архипелаг плыви. Ты, я смотрю, ловкий и сильный, а со мной поплаваешь — будешь и умелым. А пойдет рыбка, наедут купцы — денег заработаем, в обиде не будешь и папашу не огорчишь.

Алексей опустил голову и задумался. Найти Дока не удалось. И, скорее всего, не удастся. Его никто в Межгорье не знает. Так куда теперь направиться? К кочевникам? На архипелаг? А вдруг случится чудо и Док обнаружится? Что дальше? Вернуться на Землю, в задымленный город, где ты никому не нужен, а своей благо— неверной и вовсе мешаешь? Снова стоять на турникете и лицезреть хмурые лица работяг? Та еще перспектива!

За время странствий по Межгорью он привык к аборигенам, которые почти не отличались от землян. Странно, конечно, но людская порода, наверное, везде одинакова. Человек — везде человек, со своими достоинствами и недостатками, не лучше, не хуже. А!.. Какая разница! Да и передохнуть не мешало бы.

— Считай, что уговорил. Порыбачим.

На другой день они отправились в бухту, чтобы осмотреть лодку. Причем, дед Цупка, почему-то настоял, чтобы в прогулке принял участие и Серый. Зачем — стало ясно позднее, когда лодка предстала перед их взорами. Посудина была почти полностью затоплена. Из воды торчали только нос и крыша кормовой рубки. Это была работа для коня. Сперва на нем была привезена большая лебедка, а потом он же, бедняга, ее же и крутил, с обиженным видом наматывая круги вокруг механизма. Когда, наконец, лодка была вытащена на берег, Алексей понял, что старичок несколько приукрасил действительность, когда говорил о ремонте, как о «чуть-чуть».

— Великие боги! Да она же насквозь гнилая. Легче новую купить, чем с этой возиться.

— Что ты, что ты, — замахал руками Цупка, — Да ты просто ничего не понимаешь. Ну, подлатаем немного обшивку. Но форштевень и шпангоуты, знаешь, из чего сделаны? Из каменного дерева. Слышал про него? Тыщи лет простоит — и в камень превращается. А если молодое срубить, в воде вымочить год, а потом хорошо высушить, оно становится легким, крепким и никогда не гниет. Это тебе всякий скажет.

— Ну, а с обшивкой что делать?

Старик подошел к Алексею поближе и вполголоса произнес, поглядывая на шатающихся поблизости рыбаков.

— Купим. Съездишь завтра на лошадке в горы на лесопилку старого Хрипуна. У него хорошие доски. У тебя деньжата есть? Ты не волнуйся, когда рыбу продадим — рассчитаемся. А пока я с тебя за постой брать не буду, идет?

Утром Леха поехал в горы на лесопилку. Бедный конь, наверное, проклинал тот день, когда его хозяин ступил на брусчатку Саура. Поклажа была уж очень нелегка. Дед Цупка решил не откладывать в долгий ящик процесс накопления капитала, подгрузил Алексея и Серого дополнительным заданием — привезти доски и для двоих своих коллег-рыбаков. За это он, скорее всего, содрал с них несколько медяков, хотя Леха этого не видел.

В дальнейшем им с Серым не раз приходилось работать по снабжению. Как ни странно, но конь был только у Алексея. То-ли рыбаки были небогаты, то-ли им лошади были не очень нужны. А может просто не хотели гонять свою скотинку, пользуясь безотказностью Цупкиного гостя. Поездки были в разные места и за разным товаром. Он привозил смолу и паклю, ткань на паруса и краску для корпусов лодок, лед и соль для консервации будущего улова. Привозил и себе с дедом Цупкой, и соседям. Леху, надо сказать, несколько коробила деловая хватка

компаньона. Тем более, что те же соседи очень помогали ему советами. Увы, в судостроении Алексей был полным профаном, и советы знающих людей приходились как нельзя кстати.

А вообще то, такая жизнь начинала нравиться Лешке все больше. Рыбаки были общительными людьми. На берегу скучно не было. Дед Цупка, обычно, восседал на старой бочке и покрикивал на Алексея.

— Ну, кто тебя учил так доску прибивать? Никто не учил? Оно и видно! Чаще, чаще гвозди вбивай, ну, калека! Обычно тут же подходил кто-либо из соседей.

— Эй, Старый, ты совсем затравил племянника (Почему-то Цупка объявил своего постояльца сыном своей давно умершей сестры)! Ой, дождешься! Смотри, какие у него мускулы. В один прекрасный день его терпение лопнет, тогда пеняй на себя — быть тебе битому. Ну, нет, парень, да не так же! Дай, покажу, смотри — вот как надо.

Дед что-то бурчал, но через минуту уже появлялось винцо, и звучал веселый смех. Работа прекращалась, и только Алексей возился у лодки, зазубривая судостроительную науку. Это было не легко, уж больно велик был соблазн поучаствовать в посиделке. Деда, очевидно, уважали, потому и народ возле них крутился постоянно. Рыбаки давали Алексею советы, как работать, но чаще приглашали присоединиться к своей веселой компании. Вскоре на берег повадились и другие визитеры.

— А ты чего сюда пришла? — выговаривал рыбак по имени Сутулый своей дочери Кайе — Не знаешь, что ли, где мой сарайчик?

— Да ну вас, папаша. Лазаете по берегу, вас не найдешь. Оставлю обед в сарайчике, а там какая-нибудь собачка ваш обед и утянет. А вы потом меня заругаете. Скушайте тут. Здесь много, и вам и вашим друзьям хватит. Угощайтесь, я сама готовила. Старый Цупка только посмеивался в усы.

— Заботится о папаше. Первый раз на берегу ее вижу. Обычно младшая ему еду носила, а тут эта прискакала. Смотри, Лис, какие у нас девахи. И грудь, и задница, ну просто прелесть. Такая шестерых родит, не поморщится. Или, вон, гляди, еще одна кормилица идет. Что-то повадились, прямо отбоя нет. Не иначе, тебе хотят показаться. Выбирай, женись, ребятишек нарожаете.

— Послушай, дед, прекращай. У меня невеста есть.

Алексей вспомнил, что, вообще-то, у него есть даже жена. Ведь официально оформить развод со Светланой он так и не успел. Но какое значение это имело здесь, за тысячи парсеков от Земли. Большее значение имела Лия. Почему-то она вспоминалась все чаще, и даже иногда снилась.

— Невеста, — удивился Цупка, — А что же ты молчал? Кто она, где она?

— Где — не знаю. Может быть, когда-нибудь увижу, а может — и нет.

— «Когда-нибудь»… Что это за пара такая, если неизвестно, увидитесь ли вообще? С чего ты вообще взял, что она твоя невеста?

— Она назвала мне свое имя. То, что ей мать дала. Ты, ведь, понимаешь, что это значит?

Работа над лодкой тем временем приближалась к завершению. Общими усилиями и с помощью Серого судно было, наконец, спущено на воду. Теперь началась другая наука еще более сложная для Алексея. Нужно было научиться плавать на лодке, управляться с парусом, стоять за штурвалом. Тут уже других учителей, кроме Цупки не было. А о педагогике он имел свое представление. Попутно с навигационными навыками существенно расширился Лехин лексикон, особенно по части местных ругательств.

Но, как ни странно, на деда Цупку он не обижался, а воспринимал его покрикивания с юмором. Почему-то, ему вспоминался первый тренер, который, хотя и выражался литературным языком (как ни как, работал то он с детьми), но мог так рявкнуть, что невольно вытягиваешься в струнку. А, ведь, как они, дворовая пацанва, его любили! Не принимая близко к сердцу соленые словечки своего теперешнего наставника, Алексей мотал на ус сложные названия такелажа и приемы работы с ним.

Наконец наступил день, когда Цупка решил обкатать лодку и своего матроса в боевых условиях. А именно, выйти в открытое море. Утром компаньоны отвязали лодку и с помощью больших весел вывели ее на глубокую воду в бухте. По команде деда Алексей поднял парус и постарался поймать ветер. Парус немного натянулся, и лодка медленно двинулась к выходу из бухты. Уже вскоре после начала движения экипажу удалось продемонстрировать свою выучку. В горловине бухты их кораблик едва не столкнулся сразу с двумя другими лодками. Но Цупка четко сработал у руля, а Лешка оперативно выполнил его команды, и катастрофы удалось избежать. И в дальнейшем, уже в неспокойном море, маленький экипаж уверенно выполнял сложные маневры, развороты по ветру и против, движение различными галсами. И лодочка не подвела, поскрипывала, но уверенно бороздила море.

Посмотрев на берег, на небо, и сделав только ему известные выводы, Цупка отдал команду:

— Спустить парус, якорь — за борт. Молодец, Лис, неплохо усвоил науку. Тащи удочки, порыбачим.

— Это твоя путина? — удивился Леха, — Мы, что, удочками ловить будем? Ну, наловим!

— Дурак ты, Лис. Старших нужно слушать. И не торопиться. Мы сейчас половим рыбку и узнаем, подошел краснопуз, или нет.

Они забросили удочки и стали наблюдать за поплавками. Дед Цупка же не прекращал делиться с Алексеем своими знаниями.

— Море наше — очень глубокое, но возле Саура идет гряда камней. Здесь рыба нерестится. Когда подойдет краснопуз, удочку закинуть будет некуда. Но весь косяк подойдет не сразу. Если мы сейчас поймаем хоть одного, значит рыба на подходе, значит, путина на днях начнется.

— О! Поймал. Это он, что-ли? — Леха держал на ладони прозрачную треугольную рыбку с довольно крупной для короткого туловища головой.

— Ха-ха, это ты цупку поймал, рыбак.

— Кого-кого я поймал? Что-то мне это название напоминает, — улыбнулся Алексей.

— Зря смеешься. Да, меня в честь этой рыбки прозвали. А было все так. Мои родители были бедными людьми, оба сироты. Но работящие. Поженились. Отец нанимался матросом, рыбу ловил, мать на соседей работала, стирала, в огороде копалась. Деньжат накопили, маленький домишко купили. Потом я появился, сестра… Да вот беда, отца во время шторма покалечило, слег он. Несколько лет, бедняга пластом провалялся, пока не прибрали его Великие к себе. Мать совсем, как призрак стала. И отца, и нас кормить надо, измучалась совсем. А я и ходить-то недавно научился, но повадился в бухту с мальчишками ходить, да рыбку ловить. А ловилась-то, в основном эта цупка. Рыбка никчемная, но если поймать много — на супец хватало. Я каждый день приносил ее, все матери легче. Отца кормила, сестру, и нам с ней хватало. Так ко мне эта кличка и прилипла. Потом легче стало. Подрос я, стал сам матросом на рыбачьи лодки наниматься. Рыбаком я был удачливым, зарабатывал хорошо. Родительский дом в порядок привел, сам женился, сестру за богатого торговца отдал. Свою лодку купил. Сыновей мне жена родила — оба красавцы, на меня похожи. Сильные, работящие. Вместе стали рыбачить. Разбогатели. Дом, видишь, какой отгрохали вместо старой хатки! И лодку купили новую, большую, не то, что эта. Все бы хорошо, да снова боги меня наказали. Поплыли мои сыны рыбу продавать в Конартрэст и пропали. Совсем. Ни лодки не нашли, ни их тел. То-ли потонули, то-ли пираты их захватили. Все одно. Жена с матерью

не перенесли их гибель, умерли вскоре. Я не умер, но слег. Болел долго. Только недавно встал на ноги. Знаешь, Лис, если бы ты не появился, не стал бы я жить. Ты для меня…

Цупка расчувствовался, воспоминания почти довели его до слез, но вдруг все изменилось. Он резко подсек удочку и вытащил на палубу толстую серую рыбу длиной около двух ладоней с круглыми плавниками.

— Он! Он! Краснопуз. Ну, скоро пойдет.

— А где красное пузо-то? — удивился Алексей.

Цупка, кажется, снова стал самим собой, а именно, старым ворчуном, считающим себя великим знатоком моря и его обитателей.

— Нет, ну ты мне скажи, в каких это лесах водятся такие глупые лисицы?! Слушай и запоминай, пока я жив. Красное пузо — только у самок с икрой. Они пойдут вместе со всем косяком. А это — самец, разведчик. Они первые приплывают. Все, поплыли к берегу. Готовиться будем, дождя ждать. Поднять якорь.

Остаток дня прошел в утомительных хлопотах. Пришлось загружать на лодку пустые бочки и ящики, рыболовные снасти, запасы еды и питьевую воду. После этого Алексей пошел наводить порядок дома — главным образом, кормить, поить и чистить Серого. Но так же и проверить состояние погребов — хватит ли бочек и соли, не растаял ли по какой либо нелепой причине лед. На причал он вернулся, только когда стемнело.

— Ложись спать, — буркнул дед Цупка, — Дождь уже моросит, значит, выходим в море затемно.

Алексей устроился в рубке и завернулся в подаренный Лией плащ. Накопившаяся за день усталость поначалу сморила его. Но, проспав всего пару часов, Леха проснулся и поискал глазами Цупку. Старик сидел на носу лодки и смотрел куда-то вдаль.

— Меня, значит, баиньки отправляешь, а сам какую-то бабку поджидаешь, не иначе.

— Путина, — пробормотал его компаньон, ни к кому не обращаясь, — Завтра начнется путина. Сколько я молил богов дать мне напоследок ощутить тяжесть полной сети, пройтись по палубе по колени в рыбе. Спасибо вам, Великие, за эту последнюю милость. За мою последнюю путину.

— Дед, прекрати. Ты еще крепкий старик Розенбом! Сам говоришь, краснопуз два раза в год нерестится. Не ной. Я могу приехать, через полгода. А могу и вовсе не уезжать. Как понравится. Цупка повернул голову, и, казалось, только сейчас увидел Лешку.

— Иди спать, Лис. Завтра — трудный день. А то, что я сказал — я точно знаю. И жалеть мне не о чем. Поверь, это будет самая

лучшая путина за последние годы, а может, и за все время, пока стоит Саур. Уж я-то знаю. Знаю так же, что следующую путину я не увижу. И благодарен богам, что дожил до этого дня. Больше мне ничего не нужно.

— Да, в провидцах и экстрасенсах здесь недостатка не наблюдается, — подумал Алексей, снова заворачиваясь в плащ. Однако Цупкин монолог испортил настроение и оставил в душе неприятный осадок.

Лешин отец умер, когда тому было десять лет. Рак. В их прокуренном заводами городе онкологические заболевания были такой же «достопримечательностью», как каштаны в Киеве. С тех пор другого мужчины в их с мамой жизни не было. Леха сам стал опорой матери. Но как иной раз он скучал по прогулкам с отцом, как хотелось поговорить с ним, похвастаться перед дворовыми мальчишками подшипником, который отец принес ему с работы. С тех пор столько воды утекло! Он по самое горло нахлебался потерями и кровью, давно привык ни на кого не надеяться и ни кому не верить, рассчитывать только на себя. И от сентиментальности давно излечился. Почему же теперь двадцатишестилетний мужчина ловит себя на мысли, что привязался к старому ворчуну, как к родному человеку? Почему не хочется снова срываться с места, не хочется бросать старика одного, наедине с недовязанной сетью? Ведь Цупка даже отдаленно не напоминает отца. И все-таки слова о последней путине так расстроили Алексея, что он смог заснуть только перед самым рассветом. Он проснулся от того, что дед Цупка теребил его за плечо.

— Подъем. Пора.

Алексей осмотрелся. Бросилось в глаза то, что гладь бухты расцвела многочисленными огнями. Лодки покидали место стоянки и выходили в море. На носу каждой горел фонарь. Свой фонарь зажег и Цупка. Путина началась.

Их лодка аккуратно преодолела горловину бухты и направилась в открытое море. Дед стоял у штурвала и отдавал отрывистые короткие команды, которые Алексей выполнял быстро и точно. Откровенно говоря, так быстро и точно, что удивлялся самому себе. После нескольких часов плавания Цупка отдал команду забрасывать сеть. Тут Лешка сам не справился, допустил какие-то промахи, но, наслушавшись советов вместе с солеными словечками, все-таки выправил положение. И снова к парусам — подтянуть, убрать, закрепить… Вроде бы, все получалось, но его не отпускало чувство, что он полный «незнайка», который присутствует на бенефисе Мастера — деда Цупки. Тот, как памятник то-ли Нельсону, то-ли Петру,

возвышался над штурвалом и царственными жестами отдавал команды своей армии в лице одного матроса. Знал, где забросить сеть, как это сделать, когда и как вытащить ее на палубу. Лодка описала большой круг, и настала пора вытягивать сеть. Тут уже и сам капитан вместе со своим матросом налег на рукоятку лебедки. Эта работка оказалась не из легких. Сеть была полным полна рыбы и весила изрядно. Когда же сеть была опорожнена на палубу… О! Это было зрелище! Слой рыбы действительно доходил до колен. Палуба кипела серебром с червонным золотом. Вот он, настоящий краснопуз — толстенькая рыбка с еще более толстым красным брюшком. Тотем славного города Саура и один из богов Деда Цупки. Гляди-ка, стоит на коленях и умывается рыбешкой, набирает ее в ладони и сыплет себе на голову.

— Лис, сынок, ты видишь это? Какой улов! Сколько рыбы! — От радости слезы текли по обветренным щекам старого рыбака. Но текли не долго — Так какого же, ты застыл, как каменное дерево?! За работу! Грузим в бочки, сортируем. Самок — отдельно, они ценятся дороже

Вечером, когда лодка подошла к причалу, бухта выглядела необычно. На берегу, возле сарайчиков стояли рядами подводы, множество людей толкалось на пирсах. Лешка еще не успел привязать швартовый канат, а у лодки уже толпились люди и выкрикивали только одно слово:

— Покупаем, покупаем.

Создавалось впечатление, что этот день не кончится никогда. Нелегок хлебушек рыбака! До половины ночи продолжалась разгрузка бочек с рыбой и торговля. Затем, пока Цупка занимался клиентами, пришлось идти домой, запрягать Серого, чтобы часть улова загрузить в яму со льдом, а часть засыпать солью. И конь нуждался в уходе, и пустые бочки нужно было помыть и загрузить на лодку и сеть развесить на просушку… Только перед рассветом Алексей упал на палубу, чтобы, не отдохнув и пары часов, снова взяться за весло и оттолкнуть лодку от причала.

И так продолжалось пять или шесть дней к ряду. От усталости Лешка утратил чувство времени. Но в один прекрасный день сеть оказалась легче, чем обычно, а рыбка уже не отливала огнем.

— Все. Отметался краснопуз. Конец путине, — вздохнул Цупка, — Грузим в бочки и — домой.

Назад в бухту лодка вернулась необычно рано, около полудня. Из своей последней добычи они продали едва половину. Но до отдыха было еще далеко. Непроданная часть улова была частично заморожена, частично засолена. Затем настала очередь лодки. Нужно было снять такелаж и уложить его в сарайчик,

подальше от надвигающихся вскоре дождей. Сети, наоборот, нужно было развесить на воздухе и хорошенько просушить. Да и само судно необходимо было вымыть, вычистить от рыбной лузги и слизи. Только после этого компаньоны вернулись домой, залезли в бочки с горячей водой и попытались соскрести с себя рыбный запах. Это было нелегкое дело, казалось, легче содрать с себя кожу. Потом, наскоро проглотив обед, Алексей завалился в свою кровать на балконе и, наконец, провалился в нирвану сна.

Но старый Цупка не дал как следует выспаться. Ближе к вечеру он растолкал своего квартиранта.

— Вот, Лис, одень это. Одежда моего сына. Пора идти на площадь. Скоро праздник начнется.

Алексей облачился в белые полотняные штаны и такую же рубаху. Пришлось изрядно повозиться с широким красным кушаком, который никак не хотел ровно наматываться на талию. Очень не хотелось надевать толстый красный плащ, как-никак было жарко. Довершали наряд невысокие красные сапожки и шапочка без полей, напоминающая турецкую феску, только без кисточек, зато с кокардой в виде рыбки на фоне Светила. Непривычный наряд раздражал Леху. Успокаивало только то, что и Цупка был одет столь же нелепо.

Дед знаком подозвал своего квартиранта и показал ему внушительный кошель, заполненный медью и серебром.

— Смотри, Лис, сколько наторговали. И это притом, что цена на рыбку совсем низкая была. Отгуляем — тогда все подсчитаем, налоги заплатим, каждый свою долю получит. А пока спрячем.

— Дед, мне, в общем-то, ничего не нужно.

— Богатый, что-ли? Лучше бери-ка свое богатство и иди за мной.

В узком проходе между стеной дома и конюшней из земли торчал пень. Дед наклонился, немного повозился, и сдвинул верхнюю часть пня.

— Здесь в сохранности будут. А то, знаешь ли, пока рыбаки со своими семьями на празднестве гулять будут, здесь жулики шляться могут. Сюда, на праздник всякие людишки приезжают, не только торговцы с гуляками. Меня пару раз уже обворовывали, пса моего отравили. Хороший сторож был, жалко. Но до моего пенька не добрались. И сейчас не доберутся. Ну, пожалуй, пора. Пошли на площадь, не опоздать бы. Бери-ка это.

Сунув в руки Алексею внушительных размеров корзину, Цупка взял в руку жезл, напоминающий посох деда Мороза с фигуркой рыбки на рукояти. Неверное, это был какой-то фамильный герб. На жезле, на шапочке. Ну, прямо, дворянин какой, граф Цупка! Иш, идет впереди, как царь-батюшка, а ты

следом, как слуга, с корзинкой. Впрочем, Леха скоро изменил свое мнение относительно гордыни своего товарища.

Выйдя из калитки, компаньоны встретились с целой процессией. На праздник шла семья их соседа и друга Сутулого. Теперь Леха понял, что это тоже местная традиция — строем идти на праздник. Возглавлял процессию вовсе не Сутулый — самый богатый и удачливый рыбак семьи. Впереди шел, держа в руках такой же, как у Цупки жезл, совсем старый рыбак — его отец. Сам же Сутулый со своими двумя братьями двигался за ним. Затем следовали пятеро подростков — внуков патриарха (даже язык не поворачивался в данной ситуации называть старика по-другому). Замыкали процессию женщины и дети — человек пятнадцать, не меньше. Все они церемонно кланялись Цупке и его племяннику, а старшая дочь Сутулого, чтобы поприветствовать соседей, растолкала детвору и выбежала из строя, за что тут же получила оплеуху от матери.

По дороге на площадь они встретили еще несколько рыбацких кланов. Все рыбаки, разодетые в белые одежды, с жезлами, с кокардами, с многочисленной родней. Маленький строй семьи Цупки, однако, не выглядел неполноценным на фоне этих колонн. С ними очень уважительно здоровались все без исключения члены рыбацких семей. И не мудрено, весть о том, что Цупка с племянником вдвоем наловили рыбы не меньше больших кланов с несколькими лодками, уже облетела весь Саур.

Центральную площадь Алексей не узнал. Здесь уже яблоку негде было упасть. Вся она была заставлена подводами, палатками столами и лавками. В воздухе витали аппетитные запахи и звуки музыки. Рыбаки рассаживались на почетных местах возле фонтана ближе к зданию городской управы. Женщины принялись хлопотать вокруг столов, извлекая из многочисленных корзин и сумок всевозможные лакомства на основе все того же краснопуза и вместительные баклаги с вином. Еда уже была разложена по тарелкам, стаканы наполнены. Леха глотал слюну и поглядывал на соседей по столу, не решаясь начать трапезу, пока к этому мероприятию не приступят старейшины. Но те не торопились, чего-то ожидая. Наконец, дождались. На большую бочку помогли подняться господину Бороде. Худой длинноносый секретарь подал городскому голове стакан с вином и проорал снизу тоненьким, но довольно громким голоском:

— Слушайте, господа, слушайте.

Речь Бороды, к счастью не была продолжительной. Поздравив горожан и гостей с удачной путиной, он быстро перешел к главному:

— Господа, так выпьем же это вино за то, чтобы в наших водах никогда не переводился источник нашего благосостояния — Его величество Краснопуз — король всех рыб в океане!

Все только этого и ждали. Господин Борода сразу был забыт, хотя и пытался еще что то сказать. Даже тощий секретарь уже сунул длинный нос в стакан, нисколько не заботясь о том, что начальнику надо бы помочь слезть с трибуны. Пир начался. Старшее поколение в перерывах между тостами обменивалось впечатлениями о приключениях во время лова. Молодежь стала отплясывать на свободных участках брусчатки, иногда, прямо между столами.

— Лис, а Лис, пойдем танцевать, — Кайя — старшенькая Сутулого, уже прыгала возле стола, за которым расположились Цупка и его товарищи.

Технику местного танца Алексей освоил еще в Конартрэсте, в компании золотой молодежи. Нужно сказать, что, по сравнению со всеми теми танцами (быстрым и медленным), которые Леха танцевал когда-то на дискотеках, местные танцы были гораздо сложнее. Притопы, подскоки, переходы с обменом партнершами, все это нужно было запомнить и, по возможности, не попутать. Особого удовольствия Алексей не испытывал, танцевал, скорее, чтобы не выделяться. И сейчас, когда он только-только опрокинул стаканчик и с удовольствием закусывал копченой икрой, запах которой еще долго будут хранить руки, пристала эта девица.

— Иди, Лис, иди, не заставляй девушку ждать, — загорланили собутыльники, и громче всех — старший компаньон.

Леха вздохнул, встал из-за стола и направился к фонтану, ополоснуть руки.

И в туже минуту услышал песню. Эту песня, а главное, этот голос был ему знаком. Певца звали Кот. Конечно, можно ли было сомневаться, что на такой веселый праздник Отец привезет свою труппу? Алексей поднял голову вверх и увидел Лию. Она танцевала на длинной жерди, перекинутой на большой высоте через фонтан.

— Извини, Кайя, в другой раз, — пробормотал он, не спуская глаз с канатной плясуньи.

— Лис, ну куда же ты? — слышался за спиной обиженный голос, но Леха, не обращая внимания ни на оскорбленную дочку Сутулого, ни на окрики из-за стола, уже направлялся к повозкам, стоящим на краю площади.

Он притаился за знакомым возом, из которого бежал около года назад от солдат Серебряного. Отсюда хорошо были видны все обитатели табора. Отец сидел на своей низкой скамеечке и попивал винцо, рядом крутилась Стряпуха. Несколько членов

клана пиликали на своих музыкальных инструментах, аккомпанируя Коту и Лие.

Наконец музыка стихла и Лия, как элегантная змейка соскользнула с шеста и направилась к своей кибитке. Алексей невольно залюбовался ею. Она повзрослела за это время, стала более женственной, хотя и осталась такой же стройной, как раньше. Все те же косички и огромные глаза, полосатое трико, облегающее фигурку и юбочка-пачка — все та же девчонка и, все-таки, другая. Может быть, она уже вышла замуж? Кот, наверняка, ей прохода не давал. Стоит ли снова вставать у нее на пути? Не принесет ли ей это новых мучений? Ведь, он не знает, как обошлись с путниками солдаты после его побега. Но уйти не было, ни желания, ни сил. Он должен с нею поговорить, а там — будь, что будет.

Лия подошла к повозке и уже собиралась исчезнуть за пологом, когда Алексей, выйдя из тени, схватил ее за руку. Нисколько не испугавшись, девочка легко высвободилась из неловких объятий и уже хотела убегать. Как вдруг, выражение ее лица изменилось с презрительного на удивленное. Неожиданно у нее задрожали губы и слезы полились из больших серых глаз. В следующее мгновение она бросилась Лешке на шею и осыпала его лицо поцелуями.

— Акробат, — еле слышно прошептала она, — Ты жив. Боги Великие, ты жив!

— Жив, конечно, а что мне сделается?

— Говорили, что тебя убили. Отец сказал. Пойдем к нему, то-то он обрадуется!

— Нельзя, девочка, пока нельзя. Потом, позже. Слушай, что мы здесь стоим? Пойдем, поболтаем где-нибудь. Ты свободна? Вопрос был двусмысленным. Как его поймет Лия, а главное, как ответит?

— Мне нужно выступить сегодня еще два раза, но это чуть позже. Подожди, я переоденусь и выйду.

Алексей снова отступил в тень повозки. Минут через пять появилась Лия. Она была одета в скромное платьице, знакомое Лехе еще со времени их знакомства. Видно, дела у семьи шли не блестяще. Единственное отличие — неимоверного вида шляпка, под которую были убраны косички.

— Ну, я готова. Куда пойдем? — улыбнулась девочка, потом не выдержала и снова поцеловала Лешку в щеку, — Глазам не верю, Акробат, живой.

— Раз уж на то пошло, не Акробат. Лис, я теперь Лис. А ты, все еще Лия или может быть уже Кошка?

— О чем ты говоришь?

— О Коте. Он давно в тебя влюблен. Ты замуж, случайно, не вышла, прослышав о моей смерти?

— Ты прав, — улыбнулась девушка, — Отец мне житья не давал, хотел, чтобы я вышла замуж за Кота. Но я сказала, что, если меня не оставят в покое, я брошусь с трапеции на камни. Что-то мне подсказывало — ты жив.

— Да, экстрасенсов в этом мире — хоть отбавляй. Да нет, ничего, это я так, про себя.

— А почему Лис?

— Потому что, хитрый. Притворился мертвым и ушел от охотников. Похоже? А как вы? Мне все время не давала покоя мысль, у вас, наверное, были неприятности с властями после моего побега? Что они с вами сделали?

— С нами? — улыбнулась девушка, — Да что с нас взять? Кроме Отца с Серебряным никто не говорил, а тот как-то все уладил. Правда, кнутом его высекли, но перед этим Стряпуха солдата, который должен был стегать, накормила, напоила, да еще что-то в карман положила. Так что, Отец не очень пострадал.

Неожиданно их чуть не сбили с ног невесть откуда взявшиеся двое детин, которые тягали друг друга за грудки и бороды. Тут же появились и зрители, подбадривающие дерущихся.

— Слушай, — сказал Алешка, — идем, я познакомлю тебя с одним человеком. Там и поговорим. Все равно, здесь нам поговорить не дадут.

Они подошли к столу, где кутили рыбаки во главе с Цупкой. Ребята были уже изрядно пьяненькие, потому появление Лиса с незнакомой девушкой вызвало прилив радости и новый повод поднять стаканы.

— Знакомьтесь. Это мой… родственник, дядя. Зовут Цупка. А это — моя невеста. Дед, я тебе о ней говорил. Ее имя — Лия. Цупка оценивающе прищурил глаз и вместо «очень приятно» ляпнул:

— Молодая слишком. И бедра узковаты, много детей не родит. Ну, ничего, садись, дочка, выпьем за знакомство.

— Рада знакомству, с удовольствием с вами посижу, — сказала Лия, — но вино пить не буду.

— Даже, за моего племянника? Ты не думай, он не какой-нибудь оборванец, — Цупка залез на скамью и заорал, подняв кружку, — Эй, слушайте все! Лис — мой наследник. После меня ему достанется большой дом и отличная лодка. За это нужно выпить!

— Ты, дед, и вы, ребята к девушке не приставайте, — сказал Алексей, усаживая старичка на место, — Ей над фонтаном на жердине танцевать нужно. Как она, пьяная, по ней пройдет? И

есть много нельзя, еще, чего доброго, шест поломается.

Отшив, таким образом, желающих вмешаться в их разговор, Леха хотел расспросить девушку о событиях, происшедших после их расставания. Но разговора не получилось. Набежало несколько молодых оболтусов, и попытались пригласить Лию на танец. Пришлось отгонять и их. Потом мимо них проследовала дочь Сутулого под руку с длинноносым секретарем господина выборного градоначальника. Она ощутимо задела Алексея бедром и пошла дальше, вздернув курносый нос.

— Мне пора, — прошептала девушка, гладя Лешкину руку, — Скоро мой выход.

— Я провожу, — сказал Алексей, — Встретимся после выступления. И пойдем туда, где эти пьянчуги нам не смогут помешать.

Последняя фраза предназначалась для ушей Цупки и компании, и была встречена взрывом хохота.

В тени повозки Лешка обнял Лию и долго страстно целовал. Наконец девушка отстранилась, приложила пальчик к его губам и прошептала: «Пора».

Она исчезла за пологом воза. Вдруг Алексей почувствовал на себе чей-то взгляд. Он резко обернулся и увидел Кота. Тот стоял в нескольких шагах от Лехи и смотрел на него взглядом побитой собаки. «Кот со взглядом собаки, невеселый каламбур» — подумал Лешка. Грустный мальчишка повернулся и медленно пошел к фонтану.

«Узнал, — подумал Алексей, — Если бы случайно встретил в городе — врядли бы узнал, но рядом с Лией, безусловно, узнал. Хоть бы не настучал. Бог с ним, все равно, скоро весь табор знать будет».

Лия выскочила из повозки уже облаченная в свой артистический костюм, подскочила к Лехе, поцеловала его и, выскользнув из объятий, побежала к фонтану. Послышалась музыка, и полилась песня в исполнении Кота. Он, действительно, имел неплохой голос, но песня его звучала грустно. Легко взлетев на верхнюю площадку трапеции, Лия послала публике воздушный поцелуй и, размахивая веером, побежала по жерди. Алексей с восхищением наблюдал за ее грациозными движениями.

— Да, хороша! У тебя отличный вкус, Алеша, — раздалось за спиной. Алексей обернулся. Перед ним стоял Док.

Глава 9
Западня

— Ты, — только и смог выдохнуть Леха.

— Конечно, я. Только не говори, что удивлен. Не ты ли меня искал по всему Межгорью? — улыбнулся Док.

— Искал, но уже не думал, что найду. Уж больно хорошо ты спрятался.

— Извини, я сам на нелегальном положении. Кроме того, то, что ты здесь, на Ноле, для меня большая неожиданность. Как ты тут очутился?

— Длинная история. В двух словах не расскажешь.

— А куда нам спешить? Пойдем, сядем где-нибудь, да поговорим.

— Вокруг яблоку упасть негде, разве что, опять, к нашим пьяницам идти, — задумался Алексей, — Но они поговорить спокойно не дадут.

— Ладно, посмотрим. Пошли к пьяницам, — согласился Док.

Рыбаки к этому времени уже превзошли самих себя по части веселья. Цупка кинулся целоваться сперва к Доку, потом к Лешке.

— Ну, что у меня за племянник! То у него невеста, то старый друг! Друг, ты-то хоть, вино пьешь? Тогда бери стакан. За тебя, за Лиса, за меня, за всех нас! — орал старый рыбак, наполняя, опустошая и снова наполняя стаканы.

— Да, — вздохнул Док, — поговорить не дадут.

— Пожалуй, — согласился Лешка, и, оглянувшись на трапецию, сказал. — Слушай, Док, мы можем поговорить и завтра. Извини, я должен идти. В это время Лия заканчивала свое последнее на сегодня выступление.

Светило уже окрасило восток розовым. Давно отсверкали вспышки фейерверков над главной площадью. С улицы доносились то ругань пьяных драк, то хоровое пение подвыпивших компаний, расходящихся по домам. Лия и Алексей на балконе Цупкиного дома наслаждались и никак не могли насладиться друг другом. Сжимая в объятиях свою девочку, Леха понял, что путешествие, наконец закончено. Он нашел то, что искал всю свою, пусть недолгую, но насыщенную событиями жизнь. Наверное, это можно назвать счастьем. Понимал… Нет, не понимал. Знал! Знал, что, если кто-нибудь попытается лишить его счастья, жестоко за это поплатится! За него он готов драться мечом, зубами, ногтями. Он умрет, но не даст в обиду эту

девочку, которая спасла ему жизнь, а теперь так нежно дарит ему свою любовь. К сожалению, как потом выяснилось, знал об этом не только Алексей.

С улицы донеслась пьяная рулада. Знакомый голос старательно вывел строчку из песенки фривольного содержания:

— Разрешите, госпожа, мне вас побеспокоить И скажите, сколько это будет стоить?

Затем открылась калитка, и в ее проеме показался Док и Цупка. Док держал в левой руке жезл с рыбкой на рукояти, а под мышкой правой находился дед. Ноги и руки Цупки болтались, не доставая земли, голова свесилась вниз. «Здоровый парень, а с первого взгляда и не скажешь. Выглядит мелким», — подумал Алексей, глядя на своего странного знакомого. Посреди двора, неожиданно, старый рыбак поднял голову и опять выдал ту самую строчку из неприличной песенки, затем, указав на балкон, поднес палец ко рту и прошипел: «Тс-с-с». После этого снова уронил голову. Док потащил его к кухне. Лия засмеялась, зажав ладошкой рот. Она была такая милая и непосредственная, что в Лехе снова вспыхнуло желание, заставившее его который уже раз заключить девушку в объятия и осыпать поцелуями. Светило уже поднялось над крышами, когда сон, наконец, сморил молодых.

Пробуждение было ужасным.

Как он мог не почувствовать опасности? Неужели его так опьянила любовь, что он не услышал голоса интуиции, до сего дня очень редко его подводившей?

Стало трудно дышать. Потом раздался крик Лии. Но вскочить не удалось — на его руках и ногах сидели несколько человек. Тяжелые тучные увальни, да еще и в доспехах, поди, сбрось таких!

Но все-таки Алексею это удалось. Закричала Лия, которую солдаты поволокли вглубь комнаты. Это буквально разъярило его и придало сил. Мгновение спустя солдаты, как кегли, поразлетались по разным углам балкона. Но подняться Алексею не дали. Сзади на голову обрушился тяжелый удар. Глаза тут же заволокла кровавая пелена, и сознание вскоре угасло.

— Вы его, случайно, не убили? — слух понемногу стал возвращаться, — Нет. Шевелится. Оденьте хотя бы штаны на этого негодяя, не тащить же его голым.

Лешка приоткрыл глаза. В этот момент что-то тяжелое легло на больную голову, вцепилось в волосы и резко рвануло их вверх.

— Акробат, живой и здоровый. А я то думал, что старый дурак Молния еще на что то годен. Да и я не лучше. Не поверил своему капралу. Он мне говорил, что там, в беседке ты сидел в компании с местными повесами, — негромко клекотал в лицо

Алексею Серебряный, сжимая его волосы стальной перчаткой. Лешка даже не удивился, увидев своего врага. Этот раунд был за соперником. Вдруг краем глаза Алексей заметил какое то движение возле кухни.

— Нет! — заорал он во все горло. Впрочем, крика не вышло. Изо рта полетела кровавая слюна с обломками зубов и неясный хрип.

Он видел, как из кухни выскочил дед Цупка с деревянной лопатой в руках. Той самой, которой они всего лишь сутки назад грузили в бочки рыбу. Дед подбежал к солдатам и со всей силы опустил лопату на каску Красномордого. Снова раздался знакомый характерный звук. Капрал не удержался на ногах, пробежал несколько метров на четвереньках, но, на этот раз, быстро поднялся. Выхватив из-за пояса тяжелый кистень, он бросился к рыбаку.

— Нет! — снова прохрипел Алексей, вырываясь из держащих его рук. И снова сильный удар по голове потушил для него дневной свет. Уходящее сознание еще отметило некоторые звуки — истошные крики Лии на втором этаже дома, предсмертные стоны Цупки. Но скоро пропали и они.

— Очнись, Алеша, очнись, — назойливо гудело в мозгу. Именно в мозгу, потому что, уши ничего не слышали.

«Здорово надавали по черепушке, — подумал он, — ничего не вижу, наверное, ослеп. А, может, гады, глаза выкололи? Хотя, в глазницах боли не ощущается. Зато во рту боль ужасная. В ушах — шум, в голове — голоса. Кажется, съезжаю с катушек».

— Леша, соберись и пойми, наконец, — продолжало звучать в голове, — это не галлюцинации. Это я пытаюсь с тобой говорить. «Точно, крыша едет».

— Да очнись ты, в конце концов! — продолжало гудеть в мозгах. Это было так мучительно, что он снова потерял сознание. Сознание вернулось, но голос не исчез.

— Алеша, очнись же.

— Я схожу с ума? — подумал Алексей.

— Да нет же. Я пытаюсь с тобой поговорить. Отвечай же, — гудело в голове, вызывая волны боли и тошноты.

— Кто ты? Смерть? — подчинился Алексей, мысленно произнеся фразу.

— Это я, Док. Я хочу помочь тебе.

— Док? Ты где?

— Недалеко от тебя, в соседнем каземате.

— Вот как? А я, тогда, где?

— В главной королевской тюрьме. В каземате для особо

опасных преступников. Я в этой же тюрьме, но у меня условия получше — тридцать человек соседей.

— Почему я тебя слышу? Или не слышу?

— Леша, я же тебе объяснял. Мы с тобой люди не ординарные. Мы общаемся телепатически.

— Не замечал за собой подобных талантов.

— Зато у меня они развиты неплохо.

— Что со мной произошло? Все болит, ничего не вижу и не слышу.

— Над тобой хорошо поработали. Но ничего страшного. Трещина в черепе и внутренние кровоизлияния уже начинают заживать, челюсть срастется, зубы вырастут новые. Что касается глухоты и слепоты — просто вокруг тихо и темно. Впрочем, ты скоро сам в этом убедишься. Кажется, к тебе гости.

— Док, ты знаешь, что с Лией?

— Лия — в этой же тюрьме, в женском каземате. У нее серьезная психическая травма. Ее изнасиловали солдаты. Я работаю с ней, но на расстоянии это трудно.

— Цупка?

— Ему уже ни чем не поможешь. Позже поговорим. Твои гости уже на подходе.

Голос исчез. Даже не верилось, что только что состоялся разговор с Доком. Может, и правда болезненный бред? Стоп, что это?

В абсолютной темноте вдруг еле-еле засерел квадрат. Проснулся и слух — донесся далекий стук шагов. Тотчас раздались и другие звуки — рыдания, мольбы, проклятия и просто животные вопли.

Квадрат становился все ярче, а крики все громче. Наконец в стенном проеме, а квадрат оказался зарешеченным проемом, появилось пламя факела.

— Засунь факел в камеру, — раздался властный голос, — я ничего в этой тьме не вижу.

Факел проник в помещение, где находился Алексей. Сразу стал виден интерьер «апартаментов». Камера была длиной не более трех метров и не более полутора метров в ширину. Большую часть площади занимал досчатый топчан. Но Леха не мог долго осматривать коморку, гораздо интереснее были посетители. Правда, разглядеть их не представлялось возможным — глаза слепило пламя факела, а сами визитеры выглядели в бликах пламени неясными силуэтами.

— Так это и есть тот самый Акробат? — продолжал властный голос. Только голос, лица Лешка не видел — Он, что, умер? Вижу, вижу, шевелится, глаза открыл, по крайней мере.

— Эй, скотина, поднимайся, его величество король Луэл XI пришел с тобой поговорить, — это был уже знакомый клекот Серебряного.

— Пошел ты … вместе со своим величеством!.. — пробормотал Алексей.

— Ругается — значит, может говорить, — сказал король. — Отвечай, негодяй, зачем ты сюда пришел?

— Не помню, чтобы я сюда шел, скорее меня приволокли. Это не ко мне, спрашивай своего сатрапа.

— Не прикидывайся дурачком. Я спрашиваю, зачем ты пришел в этот мир. Кто тебя послал? Зачем? Ты собирался меня убить? Говори!

— Говорю, говорю, не брызгай на меня слюной. Хватит с меня ваших пыток. Сюда я попал случайно и не по своей воле. Тебя я до сих пор не знал и, еще бы триста лет не знал — не расстроился. Марать об тебя руки я не собирался, но после того, как ты расправился с моими родными, я тебя убью. Рано или поздно выйду отсюда и убью.

— Ха-ха, — засмеялся Луэл, — выйдет он! Через что ты собрался выйти? Ты видишь здесь дверь? Отсюда не выходят. Никогда. Но, если захочешь рассказать, зачем сюда пришел, я смилостивлюсь и подарю тебе быструю смерть.

На этом разговор окончился. Сопровождаемые криками визитеры покинули коридор каземата.

— А, ведь, и правда, — подумал Алексей. Кроме зарешеченного проема в стене никаких дверей или окон в камере не было — «Замуровали демоны». Через некоторое время в голове снова зазвучал голос Дока.

— Алеша, теперь можешь сосредоточиться? То, что я тебе скажу — важно.

— Сперва объясни, что, собственно, происходит? Что этому королю от меня нужно, чем я перед ним провинился? Только, я надеюсь, легенду о пророчестве ты мне рассказывать не будешь? Я хочу знать реальную картину.

— В любой сказке есть доля правды. Король Луэл — пришелец в этом мире, как и мы с тобой. В своем мире он был преступником. Ему грозило наказание. Вот он и удрал на Нолу вместе со своим «крокодилом» — Серебряным. Захватил власть и теперь как, сыр в масле, катается. Но, если ему это удалось, где гарантия, что сюда не занесет судьба других искателей приключений? Он боится конкурентов.

— А почему он меня просто не убил?

— Вероятно, хочет что-то у тебя выпытать. Например, как ты смог осуществить переход. Это, кстати и меня интересует. Как

тебе удалось?

— Сам не пойму. Два бандита хотели меня пристрелить. И им это почти удалось. Но в последний момент вспыхнул круг… Вообще-то, я поначалу подумал, что нахожусь уже на том свете. Если бы не твоя лекция тогда у кургана — с ума бы сошел. А так, начал вспоминать, анализировать, пришел к выводу, что жив, но нахожусь черт те где.

— Все понятно.

— Что тебе понятно?

— Понятно, что ты более сильный экстрасенс, чем я думал в начале. В критической ситуации твой организм на подсознательном уровне сам организовался и вошел в резонанс, тем самым спасся. Когда ты провожал меня, я, сам того не желая, показал тебе дорогу и способ движения. Но то, что ты все это запомнил и в дальнейшем применил, пусть даже бессознательно, — для меня полная неожиданность.

— Но как король узнал, что я появился на планете? Серебряный на меня очень быстро вышел. Кто-то навел?

— Не думаю. Дело в том, что при достижении резонанса по каверне проходит волна. Сильный экстрасенс — а Луэл экстрасенс сильный — ее чувствует. А, если помнишь, я тебе рассказывал, что каверна тоже не однородна, есть в ней участки с большим и меньшим потенциалом полей. Короче, на Ноле есть одна область, где материализоваться легче, чем в других местах. Там-то тебя и стали искать. Но хватит вопросов. Леша, я хочу помочь тебе уйти. Назад, на Землю.

— Ты думаешь, я смогу спокойно там жить после всего произошедшего?

— Спокойно не сможешь. Но жить — вполне. А здесь, сам видишь, в перспективе — только смерть. Если мы вдвоем сосредоточимся, можно достичь резонанса, и ты, Алеша, вернешься в свой мир.

— А Лия будет умирать в женском каземате? А Цупка — гнить в земле? У меня нет ни сил, ни желания проводить всякие эксперименты. Отправляйся, Док, сам, ты, ведь, сможешь…

— Ну, без волновой линзы не смогу. А линзы я так и не нашел. Вернее, найти-то нашел, но не заполучил. Но, если вдвоем постараемся, может быть удастся осуществить переход и без нее.

— Линза? Что ты там такое говорил про нее?

— Опять ликбез? Ладно, пока мои нары не освободились, и я не могу прилечь, расскажу. Линза — она и есть линза. Как увеличительное стекло, в мороз, когда солнце даже не может растопить снег, собирая в пучок солнечные лучи, зажигает костер, так и волновая линза концентрирует биоволны мозга и помогает

войти в резонанс с «канвой». С линзой и посредственный экстрасенс может стать выдающейся личностью. И даже путешествовать по мирам.

— Я так понимаю, что будь у тебя линза, ты смог бы без моей помощи тогда покинуть Землю?

— И даже ты, без моей.

— Ну, ну. А какова она из себя?

— Выглядит, как обычный кристалл горного хрусталя, или кварца, отломанный от друзы. Внешне не отличишь, но если кому-то придет в голову сделать масс-спектрометрический анализ… Подготовленный же человек определит без всяких анализов, что это не просто стекляшка.

— Говоришь, нашел ее?

— Леша, я вижу, куда ты клонишь. И, как друг, советую — забудь. Не иди по этой дорожке. Кроме горя и смертей это ни к чему не приведет.

— Где камень?

— Ты не понял, что я тебе только что сказал? Забудь.

— Хорошо, как скажешь. Док, если хочешь, я помогу тебе переместиться куда— нибудь. Но меня оставь в покое. Голова болит, и спать хочу.

В голове затихло. И снова Алексей не был уверен, не бред ли у него. Он попытался сдвинуть немного вверх по предплечью массивный хомут, которым был прикован к стене, и растереть затекшее место. Не пожалели железа, одна цепь весит не меньше пяти-шести кэгэ. Да еще наручник. Видать, боятся его, раз столько дорогого металла потратили на узника, которого и так запечатали в каменном склепе.

Док долго не давал о себе знать. В общем-то, Леху это, в какой-то степени, даже успокоило. За последнее время он навидался много всякой чертовщины, но привыкнуть к ней все равно не мог. И до конца поверить в телепатический разговор он тоже не получалось. Все думалось, что голос в голове — это признак сумасшествия. А так, голосов нет — проблем нет, на душе спокойнее.

Он осмотрелся вокруг, глаза постепенно привыкали к темноте. Камера представляла собой узкий каменный мешок. И невысокий, с трудом можно выпрямиться. Ходить в камере невозможно — между топчаном и стеной можно было только с трудом протиснуться. В дальнем конце камеры — свободный кусок пола площадью не более квадратного метра. Там в полу располагалось отверстие величиной с гандбольный мяч. Оно выполняло функцию унитаза. Судя по всему, под камерой проходил канализационный коллектор или просто выгребная яма.

Во всяком случае, оттуда так воняло, что, хоть нос затыкай. Примерно такое же отверстие было и в потолке. Если сесть над нижним отверстием и заглянуть в верхнее, можно определить время суток. Ничего не видно — значит, ночь. А если различается темно серый круг — вероятно, день. Это подтверждалось и тем, что еду приносили только тогда, когда светлела вентиляционная труба.

Надзиратель приносил две неглубокие тарелки, такие, чтобы можно было подсунуть под решетку, и кусок лепешки. В одной тарелке была вода, в другой какая-то баланда. Поначалу Алексей не прикасался к еде, но вскоре жажда заставила его подняться с лежака и выпить воду. Через некоторое время организм стал требовать пищи. Правда, есть было трудно и больно. Особенно мучительно было перемалывать языком размоченные в воде лепешки. Обломки зубов болели ужасно, стоило куску сухаря попасть на обломок зуба — тот час возникала такая боль, будто молния ударила.

Через несколько дней — одному богу ведомо, через сколько — снова в голове зазвучал голос Дока.

— Алеша, ты подумал над моим предложением? Ты здесь умрешь.

— Ну и ладно, — подумал в ответ Леха, — Лучше сам уходи, я помогу, если нужно.

— Обо мне не переживай. Что они про меня знают? Что я был гостем, не твоим, а старого пьяницы, которого дотащил домой? Подержат немного и выпустят.

— Слушай, ты меня вычислил на Земле. Где гарантия, что тебя, в конце концов, не вычислит король? Сам говоришь, он сильный экстрасенс. Тогда тебе придется несладко. Подумай.

Не беспокойся, я умею маскироваться. Не пройдет и года, я буду на свободе.

— А как же Лия?

— Со временем я ее выкуплю. Сам знаешь, деньги для меня не проблема. Хотя…

— Вот-вот, «хотя». Если я удеру, ее будут держать как приманку, чтобы, в конце концов, поймать меня. Никто ее не выпустит. Будут ждать, что я вернусь за ней. Нет, бежать мне нельзя. Беги ты, и ее вытащи, если удастся.

— Ладно, Алеша. Мне очень жаль, что я втравил тебя в эту историю. Я, конечно, не думал, что так все обернется, но, тем не менее, считаю себя ответственным перед тобой. Я не могу допустить, чтобы ты из-за меня умер. Поэтому, я соглашаюсь на твои условия. Надеюсь только, что, попав в свой мир, ты передумаешь возвращаться на Нолу. Или, возможно, ты не

доберешься до линзы, что тоже неплохо.

— Где камень, Док? Говори, не тяни.

— В Польше. В одном городе в Силезии есть горный институт, а в нем — кафедра минералогии и кристаллографии. Там он и лежит себе под стеклом. Никто и не догадывается, что это за камушек.

— Ясно. Как я смогу уйти, я прикован к стене цепью?

— Серьезно? Чего только они не придумают. Ладно, мы тоже не лыком шиты. Цепь я постараюсь оборвать, есть у меня кое-какие секретные навыки. Надеюсь только, что Луэл ничего больше не придумал.

— Ну, тогда давай прямо сейчас.

— Сейчас, так сейчас. Садись на свои нары и сосредоточься. Да ты и сам все знаешь, тебе уже приходилось.

Алексей просидел на нарах, как ему показалось, целую вечность, но результата не было никакого. Наконец терпение его лопнуло, и он взмолился:

— Док, ну что там? В чем дело?

— Ничего не понимаю, Алеша. Очевидно, Луэл придумал какую-то новую гадость. Я не могу даже нащупать контакт, что-то мешает. И общаться с тобой трудно, я давно заметил. Послушай, Алеша, цепь твоя, она из чего?

— Судя по весу — стальная или чугунная. И звенит характерно — все-таки, скорее всего, сталь.

— А наручник?

— Наверное, тоже.

— По цвету он от цепи отличается или нет?

— Увидишь цвет, как же! Тьма кромешная.

— Может он более мягкий, попробовать можешь?

— Это моими-то поломанными зубами? Док, говори, что ты хочешь узнать?

— Мне кажется, что цепь или наручник сделаны из серебра.

— Ты еще про вампиров, которых можно убить серебряными пулями расскажи. Черно-белой магии мне только не хватало!

— Леша, ты мало чудес повидал? Все еще чему-то удивляешься? Серебро имеет самое низкое волновое сопротивление. Кусок серебра может рассеять биоволны и не дать им сконцентрироваться. Ты когда-нибудь пробовал резать автогеном сталь? Хорошо. А медь? Нет? Так вот, медь резать гораздо труднее, потому что она за счет своей теплопроводности отводит тепло из зоны реза. Так же работает и серебро. Ай да, Луэл! Сволочь! — похоже, Док был, чуть ли не в отчаянии.

— Да, что-то припоминаю, — попытался разрядить обстановку Алексей, — Мой приятель, когда делал на продажу

антенные усилители, применял посеребренную проволоку. Медная, на его взгляд, работала хуже.

— Все правильно. Кстати, на счет вампиров — серебро пули разряжает и рассеивает поле, которое создает вокруг себя экстрасенс. А пуля, она и есть пуля, убить можно и серебром, и свинцом, и даже камнем. Какая там магия — чистая физика. Вот что, Леша, постарайся избавиться от наручника. Иначе ничего не выйдет. Ни ты не сможешь удрать, ни даже я. Прости меня.

Голос Дока улетучился из головы, а Лешка задумался. Как снять оковы? Не зубами же перегрызать металлическую полосу толщиной миллиметров в восемь! Пробовать стереть ее об острые грани сложенной из гранита стены? Жизнь закончится раньше, чем будет достигнут результат. Стоп! Что там рассказывал майор Щеглов о японских ниндзя? Нет, скорее всего, это легенды. Даже у самого Щеглова ничего не вышло. Но, ведь, у Дока тоже не получилось в одиночку осуществить переход, а ему, Алексею, это удалось. Как бы то ни было, другого выхода все равно нет. Нужно подумать, как это осуществить. Так, что рассказывал майор? Он не был дилетантом, ко всему подходил серьезно. И сведения у него были серьезные, основанные на глубоком знании анатомии.

Если верить Щеглову, то нужно попытаться растянуть лучистые коллатеральные сухожилия, соединяющие семь костей в верхней области запястья. Кости эти собраны в суставы, и разобрать их — процедура нелегкая (если вообще осуществимая) и очень болезненная. С чего, по рассказам спецназовца, нужно начинать в первую очередь? Вывести из сустава ладьевидную кость? Полулунную? И запомнил же такие термины! Их и повторить то за рассказчиком сложно, а тут, гляди-ка, впечаталось в память.

Не отвлекаться! Действовать нужно быстро. После такой операции рука быстро опухнет. Тогда снять наручник не удастся. Ну, нечего тянуть! Начнем, помолясь.

Следующие минуты были сплошным кошмаром. Боль была такая, что Алексей боялся потерять сознание от болевого шока. Сжать зубы тоже было невозможно — во рту была своя боль. Он раздвигал кости суставов, растягивал жилы, стараясь не разорвать их. Хорошо, что в камере была полная темнота, потому что, вид левой руки наверняка испугал бы Леху. На ощупь она была ужасная — длинная и узкая, как плеть. Пожалуй, хватит. Он стал сдвигать наручник вниз по предплечью. Вроде бы запястные суставы обруч прошел, но остановился. Рука начала опухать. Еще немного и наручник врастет в руку, как проволочное кольцо врастает в подросшее дерево. «Пан, или пропал» — подумал Алексей и рывком сдернул хомут с руки вместе с кусками кожи.

Теперь нужно вправить суставы на место. Это тоже принесло не меньше боли, как и предыдущая операция. Наконец и это ему удалось. Последнее усилие — он сжал руку в кулак. Послышались щелчки — кости становились на место. Удалось! Лис, попав в капкан, отгрыз себе лапу и обрел свободу. Плевать, что рука неимоверно болит, плевать, что на ощупь запястье теперь напоминает боксерскую перчатку. Главное — он свободен, пусть пока в пределах камеры.

Из тюремного коридора раздались знакомые звуки — стук сапог по гранитному полу, звяканье посуды, крики, стоны, проклятия. Замерцал неяркий свет факела. Надзиратель разносил еду. Лешка опустил запястье в плоскую тарелку с водой. Вода была теплой и боль не успокаивала. Но если помахать мокрой рукой, то, испаряясь, вода немного уменьшала страдания. К сожалению, у него начался жар. Ужасно хотелось пить, оставшуюся воду пришлось потратить по прямому назначению.

Но болеть нет времени. Лие гораздо хуже, чем ему. Она может умереть в любую минуту, не дождавшись возвращения своего любимого.

— Док, Док, — чуть не крикнул Алексей, — Отзовись, черт тебя дери! У меня получилось.

— Я уже понял, Алеша. Даже телепатировать стало значительно легче. Ты готов?

— Как пионер.

— Тогда слушай. Заброс наручник в дальний угол камеры, а сам отойди в противоположный, как можно дальше — ну, ты знаешь. Все, прощай, Акробат. Или Лис? Надеюсь, больше не увидимся. Лучше тебе не возвращаться.

— Сделай так, чтобы Лия не умерла. Я же надеюсь вас с ней еще увидеть.

Но увидел он совсем другое. С противоположной стены к нему приближалась светящаяся воронка.

Глава 10
Дома

То, что переход удался, и он уже на свободе Алексей понял практически сразу. Его обдало холодом, и босые ноги врезались во что то твердое и острое. Но больше — ничего. Такая же кромешная тьма, как и в камере. Он долго вертел головой, пытаясь найти какой-нибудь ориентир, но безуспешно. Вдруг, далеко на горизонте мелькнул огонек, тут же за ним появился второй. Сразу все стало на свои места. Огоньки были фарами автомобилей, несущихся по трассе. Значит, твердая поверхность, так мучившая его босые ступни — перепаханная земля, смерзшаяся от ночных заморозков. Что у нас сейчас? Поздняя осень? Не факт. В этой полосе морозы могут быть и осенью, и весной, а бесснежные зимы отнюдь не редкость. Сколько времени прошло с тех пор, как они с Доком стояли возле едва различимого в темноте кургана? По его расчетам — год-полтора, максимум — два. Хотя, где гарантия, что не вмешается эффект старика Эйнштейна. Придешь в общагу, а твои ровесники — уже пенсионеры. Хватит, хватит. Прочь, мысли! Если постоять, философствуя, еще немного — пневмония обеспечена. Куда он, кстати, попал, где находится? Ага, вот они, курганы. Еле видны на фоне чуть более светлого неба. То самое место, где они расстались с Доком в их первую встречу. Значит, до трассы топать не меньше получаса. Серьезное испытание для голого по пояс и босого человека.

Он здорово замерз, можно было бы сказать, что зуб не попадает на зуб, но зубов во рту не осталось. Зато дрожь была — будто стоишь на формовочном вибростоле в литейке. Две машины проскочили мимо него, увеличив скорость. Действительно, кто захочет глубокой ночью подбирать на трассе подобное чудище? Наверное, он сейчас напоминает персонажа знаменитого агитплаката РосТА двадцатых годов «Помоги голодающим Поволжья!». Бородатый, заросший. Из одежды — только грязные белые штаны. Любой смельчак испугается. Но пешком до города не добраться, нужно кого-то останавливать.

На горизонте показались огни фар. Похоже на грузовик. Нужно рисковать. Леха вышел на белую разметочную полосу, стал так, чтобы машина не смогла его объехать, и стал махать руками. Грузовик на приличном расстоянии начал моргать фарами и гудеть клаксоном.

«Если не сбросит скорость, придется выпрыгивать из-под

колес в последний момент» — подумал Лешка.

Но машина все-таки сбросила скорость и остановилась невдалеке от него. Левая дверь открылась, и на подножку спустился водитель. В руке он держал, судя по всему, обрез двустволки.

— Пошел вон с дороги, не то пристрелю, к чертовой матери!

«Раз не задавил, то и не пристрелишь» — подумал Алексей, но вслух прокричал:

— Стреляй! Все равно, до утра сдохну. А лучше довези меня до города, хоть на бампере, хоть в кузове.

— Откуда ты, такое «чудо», взялся? Почему голый?

Хороший вопрос. Надо было что-нибудь придумать заранее. Не правду же рассказывать — сразу в дурдом попадешь.

— Ограбили меня. Избили. Довези, пожалуйста.

— Ты один? — шофер оглянулся по сторонам.

— Один я, конечно.

— Ладно, — не очень охотно буркнул водила, — Садись в кабину. Но учти, там, за загородкой — мой напарник. Только дернешься, он тебя пришьет. Усек?

МАЗ тронулся с места, постепенно набирая скорость. Водитель все время поглядывал в зеркала заднего вида. Наверное, ждал какого— то подвоха. Лешка баюкал, прижимая к груди опухшую левую руку, и краем глаза поглядывал на шофера. Парень не из трусливых, сразу видно. Лицо — как из камня высечено. Шрам через всю щеку. Видать, повидал немало. Сидел, наверное.

— Так что с тобой случилось, — произнес, наконец, водитель.

— В Польше работал, — стал импровизировать Алексей, — Бабла накосил, тачку купил, домой ехал. А тут меня и взяли на гоп-стоп. Тачку, деньги, шмотки — все забрали, а самого чуть не грохнули. Да и грохнули бы, если бы не удрал.

— Что за тачка?

— «Мэрс» сто девяностый.

— Новая?

— Десять лет, но пробег небольшой. Больше стояла.

— Так тебе заявить нужно. Через четверть часа будем пост проезжать, сойдешь там, заявишь. Этого только не хватало! Снова нужно выдавать импровизированную ложь.

— Только не к ментам! Ты думаешь, как они меня остановили? Гаишник притормозил, с понтом, я скорость превысил, — на ходу выдумывал Леха, вспоминая забытый сленг, — Пока ксиву проверял, тут и братки подоспели. И пошли меня кантовать. Если на посту тот мент окажется, меня просто грохнут за их будочкой. Отвези меня в город, у меня есть

авторитетные друзья, я решу свои проблемы. И тебя отблагодарю, за мной не заржавеет.

— Странный ты парень. И говоришь как то не так, и акцент у тебя странный. Мне твоя благодарность не нужна. А в город я не еду. На развилке на север поворачиваю. Там и сойдешь, — покачал головой водитель. МАЗ принял вправо и остановился.

— Все, приехали, парень. Подожди. Там, под сиденьем башмаки старые. Эти, эти. Бери. А за занавеской телогрейку возьми. Выходи, снаружи оденешься.

— А где напарник? — удивился Алексей, оглядывая пустое спальное место.

— Я за него. Поторопись, я спешу.

— Спасибо тебе, друг. Адрес свой скажи.

— Зачем тебе мой адрес? — Недоверчиво взглянул на него шофер.

— Отблагодарить. Я свои долги всегда плачу.

— Кировск, главпочтамт, до востребования. Барсуков Евгений Федорович. Запишешь?

— Запомню. Прощай и еще раз спасибо.

— Запомнишь? Ну-ну. Бывай.

МАЗ зашумел за спиной Алексея и быстро исчез за поворотом дороги, мигнув красными габаритными огнями. Молодец, водила, дай ему бог здоровья! В ботинках нашлись дырявые носки. Телогрейка была хоть и промасленная, но теплая. Теперь можно идти дальше. Но куда? Неплохо бы добраться до общаги. Там и друзей куча, любой приютит, и Вера Владимировна поможет. Но общежитие находится на другом конце города. А в таком виде он дойдет разве что, до первого милиционера. Без документов его задержат до выяснения личности надолго. А тут дорога каждая минута. Лия может умереть. Нет, в общежитие идти нельзя. Тогда, куда?

Стоит, наверное, поискать убежище у Сани. Его малосемейка расположена недалеко отсюда — в часе ходьбы.

Санька Стешенко был школьным другом Алексея. Вместе после школы гуляли с девчатами. Оба женились до призыва. Вместе ушли в армию, правда, в разные войска. Разница была в том, что у Сашки с его Леной никогда не возникало таких проблем, как у Лехи со Светланой. После службы у Саньки родился сын. Леха, сразу после госпиталя, крестил его в небольшой сельской церквушке. Таким образом, друзья стали кумовьями. А для украинцев кумовья — иногда, больше чем родственники. Саня должен помочь.

Пройдя через массив частных домов и сопровождаемый непрекращающимся собачьим лаем, Лешка углубился в кварталы

девятиэтажек. Темно, редкие окна горят в многоэтажных башнях. Его всегда немного пугали горящие в ночи окна. Почему не спят люди? Кто-то не вернулся домой, кого-то ждут, волнуются? Или приступ болезни, ожидание скорой помощи? Или, почему-то плачет ребенок…

Закончились девятиэтажки. За дорогой тянулась полузасыпанная балка. За ней огромный пустырь. Раньше здесь была деревенька, не то Матвеевка, не то Макаровка. При советской власти ее должен был поглотить город. Но не успел. Старые домики снесли, а на новые дома построить не успели, не хватило средств. На что хватило, так это на малосемейное общежитие. Вот оно маячит вдалеке, каменная глыба, чуть подсвеченная редкими окнами.

Малосемейное общежитие, квартиры гостиничного типа. Выдающееся изобретение совковой бюрократии, позволяющее закрепить специалиста за предприятием, как крепостного за барином. Маленькая комнатка и крошечная кухонька позволяли руководству буквально выкручивать работника, как половую тряпку, притом платить сущий мизер. А что, если чем-то недоволен — скатертью дорога, назад во времянку с печным отоплением или к сварливой теще под крылышко! На твои апартаменты желающих — выше крыши этой самой девятиэтажки!

Алексей хотел осмотреться и найти более или менее удобную дорогу к высотке. Но не успел. Его спину осветил свет автомобильных фар.

Менты! Этого только не хватало! Леха бросился через дорогу и нырнул в темную лощину балки. «Москвич» ПМГ включил сирену и рванул с места в погоню за беглецом. Ну, через балку ты, старик, не проедешь, придется тебе в объезд. И действительно, выбравшись на противоположный склон, он увидел, что «Москвич» развернулся и поехал в сторону несостоявшихся новостроек в объезд балки.

Теперь выход был только один — бежать и как можно быстрее. Что он и сделал. Это делать было тяжеловато, сказывалось плохое самочувствие, рука выстреливала болью при каждом прыжке. К тому же, ощущалась большая, против Нолы, сила тяжести. И все-таки, не смотря ни на что, бежал он очень быстро и во двор малосемейки буквально влетел чуть раньше патрульной группы.

ПМГшка мчалась по крутому спуску и вот-вот должна была повернуть во двор общежития. Еще минута-полторы и машина его перехватит. Алексей бросился к девятиэтажке. Черт бы побрал этот дом. Удобная постройка, нечего сказать. Нужно бежать по

лестнице вверх на шестой этаж. Его будет очень хорошо видно с улицы через окна лестничной клетки. Странно, но лампочки горят почти все. Не покрали, как не странно! Лифт тоже не поможет, в тишине ночи его звук патрульные услышат сразу. Да и работает ли он? А ведь Саня в такое время сразу дверь не откроет, будет спрашивать, кто, да что. У преследователей будет время найти и повязать беглеца. Нет, нужно выиграть немного времени, сбить их со следа. Леха на полной скорости влетел во второй подъезд, с разбега стукнул здоровой рукой по выключателю и тут же рванул снова на улицу. Опять стремительный спурт, и погасла лестничная клетка первого подъезда. Теперь — вверх, на шестой этаж. Через окна лестничного пролета Леха увидел въезжающую во двор милицейскую машину. Теперь ребятам придется гадать, какой подъезд следует в первую очередь обыскивать.

Вот знакомая дверь. Алексей три раза вдавил кнопку звонка — он всегда так звонил, когда приходил в гости. Прислушался — в квартире тихо. Тихо пока и внизу. Снова три звонка, и снова тишина. Наконец из-за двери послышался испуганный женский голос:

— Кто там?

— Лена, открой. Это кум твой, Леха Корогод.

— Какой кум?

— Леха. Корогод. Забыла меня, что-ли? — шептал Алексей в замочную скважину. Снова длинная пауза.

— Кто там? — послышался уже мужской голос.

— Саня, открой скорее, или и у тебя память отшибло? — чуть не крикнул через дверь Леха. Внизу послышались шаги. Еще немного и его найдут. Что тогда? Спецприемник-распределитель до выяснения личности? Нет, Лия в опасности, дорога каждая минута. Забрать он себя, конечно, не даст. Но совсем не хочется привлекать к себе внимание властей, до того, как он сможет выполнить задуманное.

Замок щелкнул, и дверь приоткрылась. Леха не дал себя долго разглядывать — толкнул дверь и влетел в квартиру. На него уставились испуганные глаза его друзей. Что в большей степени их так ошарашило — его ночной визит или внешний вид?

— Точно, Лешка. Ты живой? — удивленно прошептал Сашка, — Говорили, что тебя убили.

— Живой я, живой. Что со мной станется?

— Боже, кум, что у тебя за вид? — заахала Ленка, — Откуда ты такой взялся? Раздевайся и иди на кухню.

— Не зажигай свет на кухне! — еле успел остановить куму Алексей

— Ты, что, куда-то вляпался? Из тюрьмы сбежал? Кого

боишься? — удивился Санька.

— Никуда я не вляпался. Ни откуда не сбежал. Но менты меня ловят. Документов нет. Ограбили меня. А объяснять им — мне некогда.

— Я шторы задерну, — сказала Лена, — Тебе бы помыться. Воду подогреем, горячей воды у нас с лета нет.

На двух конфорках газовой плиты грелась вода, на третьей — шипела яичница. В тарелках на столе лежали нарезанные соленые огурцы и хлеб и сало. Сашка извлек откуда-то бутылку самогона.

— Ты, дорогой, куму налей, но сам не увлекайся, — сказала супруга, — Тебе на работу завтра. Нет, уже сегодня — вставать уже через два часа.

— А ты, что, за встречу не выпьешь с нами? — удивился муж.

— Только чуть-чуть, — смягчилась Лена, — Ну, кум, рассказывай, где тебя носило?

Пришлось снова рассказывать историю, выдуманную на трассе, возводя напраслину на «честных братков» и «благородных служителей закона». Выслушав рассказ и выпив за встречу, Елена отправилась спать, очередной раз предупредив мужа, чтобы долго не засиживался.

— Нальешь воду, и оставь кума в покое. У него был трудный день. Завтра будет время пообщаться.

Саня хотел еще что-то спросить, но Алексею совсем не улыбалось рассказывать о себе. Он решил переменить тему разговора.

— Расскажи, что здесь у вас без меня происходило? С чего вы решили, что меня убили?

— Милиция тягала ребят с твоей общаги. Выясняли, где ты. Твоя знакомая, комендантша, к прокурору ходила. Светку с ее хахалем тоже вызывали. Так, наверное, и родился этот слух.

— А, кстати, Светку видишь?

— Нет. Давно не видел. Говорят, продала она твою квартиру, переехала куда-то. А вот скажи мне…

— А вы как живете? — перебил его Алексей, — Работаете? Как мой крестник, растет?

— Конечно, в детский сад ходит. Говорит уже. Иной раз такое болтнет!.. С работой хуже. Завод стоит. Работаем по неделе — по две в месяц. Да и то, сказать, что работаем… Скорее приглядываем, чтобы окончательно все не растащили. Денег же и вовсе не платят. У Ленки тоже с зарплатой проблемы. Выживаем только благодаря родителям. Из села то сала, то картошки привезем. Иной раз подкалымить удастся. Так и живем.

— Такая безнадега?

— А куда денешься? Пока не выдали ордеров, уволиться не

могу.

— А обещают?

— Да. Уже выписывают. А как получу ордер — есть одна задумка, — разговорился немного опьяневший Санька, — Одна дама занимается челночеством. Ездит торговать в Москву. Тратит на автобус триста баксов за ходку. Она хочет, чтобы я ее возил в Россию. Обещает платить двести, плюс ее бензин. И таких поездок — три-четыре в месяц.

— На чем возить собрался, на «Зезике»?

— В том то и дело. «Зезика» я давно продал. Есть неплохой «Жигуль» на примете. Но не хватает пятисот баксов. Но буду брать, в долги залезу, но возьму.

Алексей, краем уха слушая рассказ пьянеющего Саньки, с вожделением поглядывал на расстеленный на полу под батареей матрац. Наконец нагрелась вода, и нудный разговор завершился.

— Разбавишь холодной, тебе хватит. Что тебе еще? — сказал Саня, наливая воду из кастрюль в ванну.

— Ножницы, бритву. А на утро — сам видишь, в каком виде я пришел — какую-нибудь одежонку, чтобы на улице в глаза не бросаться. Я верну.

Проснулся он довольно поздно. Замечательно выспался, да и чувствовал себя значительно лучше. Опухоль на руке почти сошла, боль и вовсе прекратилась. В квартире уже никого не было. Но ребята обо всем позаботились. На столе в тарелке лежали бутерброды с салом, на стуле висела одежда — потертые почти до дыр джинсы, рубашка с застиранным воротником, и вовсе дырявый турецкий свитер. На зеркале в коридоре лежала записка:

«Кум, будешь уходить — запри квартиру на ключ. А если не будешь возвращаться, ключ оставь, а дверь захлопни».

Рядом лежала странная бумажка. Таких Леха еще не видел. Серо-зелененькая, с надписью «Одна гривня» и портретом какого-то князя. Новая валюта Украины. Ребята сделали для него очень много, особенно, если учесть их материальное положение.

Одевшись, Леха глянул на себя в зеркало. Вполне приличный вид. Вымыт, выбрит. Правда, очень бросаются в глаза еще не затянувшиеся раны на гладко выбритой макушке. Придется позаимствовать бейсболку. Он сунул ключ в карман армейского бушлата камуфляжной окраски и вышел и квартиры.

Милицейской машины во дворе не было. Алексей дождался троллейбуса и поехал в сторону кладбища.

Наверное, он был не очень хорошим сыном. Не память о родителях явилась причиной того, что он сейчас стоял над разоренной могилой отца и матери. Но теперь он был зол. Не

просто зол, он был в бешенстве. Эти ублюдки, безусловно, читали какие-то детективные рассказики. И направление их мыслей, в общем-то, было правильным. Но то, что они сделали с могилой родителей, им выйдет боком! Они землю из гробницы сожрут и запьют собственной кровью!

Возле соседней могилы Леха нашел ржавую лопату с до половины отломанным держаком. Раскопав грунт, в который вмерзло надгробье, он поднял его и, вымостив на кирпичах, подсыпал землей. Могила приняла более или менее нормальный вид.

— Прощайте, мои дорогие. Наверное, это наша последняя встреча. Покойтесь с миром и простите вашего непутевого сына, — пробормотал вместо молитвы Алексей, поглаживая надгробье. Он вздохнул и отправился в старую часть кладбища.

Там находилась могила материной тетки — Наливайко Ефросиньи Ивановны. Мать была очень привязана к старушке. Можно считать, что тетя Фрося умерла у матери на руках, по крайней мере, именно мать отправила ее в больницу, она же ее и похоронила. В наследство их семье досталось все теткино богатство — альбом со старыми фотографиями и дореволюционная швейная машинка «Зингер», которую сама тетка почему-то называла поповской. Ее же комната отошла соседям по коммуналке. Такая вот история, которую не знали бандиты. Потому что, если бы знали, то непременно бы разорили и ее могилу.

Лопаты возле теткиной могилы не нашлось, а возвращаться за ней к могиле родителей, не было времени. Вооружившись куском арматуры, Алексей разрыл небольшую выемку под надгробьем и засунул руку в образовавшуюся дыру. Тайник был на месте. Он открыл старый медицинский стерилизатор и переложил в карман пачку банкнот — почти пять тысяч американских долларов, доставшихся ему от Дока.

— Следующая остановка — центральный рынок, — невнятно прозвучало в салоне троллейбуса. Но Алексея это не беспокоило — он и так хорошо знал, где нужно выходить и что делать. Первонаперво, нужно поменять немного валюты, чтобы поприличнее одеться. Он должен выглядеть, как представитель элиты нового украинского общества — молодой бизнесмен, или на худой конец, как преуспевающий бандит. Иначе, ему не удастся выполнить задуманное. Леха приобрел одежду на рынке. Пиджак и брюки турецкого производства, куртка, которую с первого взгляда трудно отличить от кожаной, прочие аксессуары. Одежка была, безусловно, не от кутюр, но смотрелась, пока новая, неплохо и стоила недорого. А это был важный фактор — кто его

знает, сколько потребуется денег, чтобы осуществить задуманное? Сдав пакет с Сашкиными шмотками в камеру хранения вокзала, Леха поехал в центр. Там во дворе, примыкающем к главной улице, располагался ночной клуб его школьного знакомого Вадима Летунова, известного в определенных кругах, как Вадька-Лето.

Охранник долго не хотел пускать его, объясняя тем, что хозяина еще нет, а работать они начинают только вечером. Звонить шефу он тоже отказывался, объясняя это тем, что посетителей много, а хозяин вчера очень устал. Алексей уже начинал злиться и с трудом сдерживал себя, чтобы не проучить нахала, но проблема решилась сама собой. На стоянку въехал белый «Форд-Скорпио», и из него вышел сам Вадик.

— Ну, забурел, командор! — пытаясь придать голосу радостную интонацию, выкрикнул Алексей. Вадик поправился со времени их последней встречи, обзавелся внушительным брюшком, и вообще, выглядел очень представительно. Увидев Алексея, он так удивился, что он даже рот раскрыл.

— Корка, ты ли? Глазам не верю.

Коркой Алешку называли еще в школе. Там у всех были прозвища. Вадька свое получил там же. Но Лехина кличка забылась. В армии и после его большей частью называли по имени или фамилии. Вадика же прозвище закрепилось за ним еще после первой отсидки.

— Ну, давай, говори дальше: «Ты живой?». Живой я, живой.

— Пошли ко мне поговорим. Пропусти, обыскивать его не надо, — бросил он вышибале.

Кабинет Вадима особенного впечатления не произвел, но в кабинете Вадик принимать гостя и не собирался. Они прошли в дверь между ксероксом и книжным шкафом и очутились в большой комнате, обставленной мягкой мебелью и отделанной по стандартам рекламных журналов. Длинноногая секретарша принесла им бутылку коньяка, кофе и бутерброды с красной икрой. Да, Вадик, определенно, поймал бога за бороду.

— Ну, рассказывай, бродяга, где тебя черти носили? — сказал Вадик, развалясь в глубоком кресле. — Я, действительно, думал, что тебя убили.

— Откуда такая информация?

— Ну, связями, кое-какими обладаю, в милиции, в прокуратуре.

— Раз так, то, наверное, знаешь, кто на меня наехал?

— А сам-то, как думаешь?

— По-моему, кроме Штыря заказать меня некому. Выгода — только ему. Квартира. Ну и Светке немного — льготы, как вдове

ветерана.

— Штырь? — презрительно улыбнулся Вадим, — Штырь всегда был мелкой шестеркой. Заказать тебя — у него денег не хватило бы. Тем более что мне известно, как на тебя наехали. Не его уровень. Но без него, скорее всего, не обошлось. Вероятно, он навел на тебя серьезных ребят.

— Я слышал, моя дорогая квартиру продала?

— Я тоже это слышал. Ну, тебя, ведь больше года не было, сам понимаешь…

— А ты ее, кстати, не видишь? Куда переехала?

— Куда переехала, не знаю. Недели две назад, в районе площади Свердлова… Ой, вру, нынче это площадь Франка. Так вот, чуть ко мне под колеса не влетела, курица. Так, что из города не выехала.

— Но я слышал, что было следствие, ее тягали. Как она смогла оформить на себя жилье?

— Следствие, — снова презрительно сморщил нос Вадик, — Это твоя комендантша шум подняла. Дело в том, что на нее тоже наехали, квартиру обчистили. Припугнули. Но она оказалась не из пугливых. Пошла в ментуру, начала скандалить, говорить, что ты какой-то пакет ей для милиции оставил. Ее, естественно, послали. Так она — прямиком к прокурору. Да так там расходилась, что ее прямо в кабинете прихватило — в больницу с инфарктом отправили. А прокурор был молодой и новоназначенный. Это его так поразило, что велел провести тщательное расследование. Кое-что, конечно, выяснили. Нашли свидетелей, которые видели, как за тобой гнались, стреляя из пистолетов, два человека. Машину угнанную, что ты в заяве указал, нашли. Гильзы нашли, кровь. Но тела не нашли. А, сам знаешь, нет тела — нет дела. Единственный результат — мента, того, что твоему заявлению хода не дал, а потом твою комендантшу облаял, уволили из органов. Да он, по моим сведениям, сейчас неплохо устроен.

— Хорошо ты информирован.

— С того живу.

— А кто за Штырем стоит, знаешь?

Вадим бросил на Лешку молниеносный взгляд из-под насупленных бровей. Алексей подумал, что держи его собеседник в руках карты, самое время было бы ожидать туза из рукава.

— Как тебе сказать, лучше промолчу. Сам понимаешь… Ты пришел только это узнать, или еще что-нибудь нужно?

— Нужно. Документы. У меня в Польше бабки кое-какие зависли. Надо бы смотаться на пару дней. Загранпаспорт и, что там еще… Можешь помочь?

Не говоря ни слова, Вадим написал в блокноте адрес и цифру со значком «$». Протянул блокнот Лехе и спросил:

— Что нибудь еще?

Теперь Лешка решил поиграть в игру Вадика. Он взял у того ручку и блокнот, написал на листке «АК-74», «Ф-1» и протянул собеседнику.

— Ты, что?! Я этим не занимаюсь.

— Так посоветуй, кто занимается? Снова странный взгляд карточного шулера.

— Даже не знаю. Может, твой друг — Штырь, знает? Слушай, Леха, ты извини, но у меня встреча скоро…

— Понял. Спасибо за помощь.

— Да я тебе не очень-то и помог.

«Врешь, помог, — думал Алексей, выходя из клуба, — Скорее всего, босс Штыря, который наехал на меня, здорово сидит в печенках и у самого Вадика. Вот он и пытается аккуратненько меня натравить на своего конкурента. Но так, чтобы самому остаться чистеньким. Ладно, пока меня это устраивает».

Во вполне легальном фотоателье его сфотографировали, и уже через час загранпаспорт лежал у него в кармане. Остальные документы ему обещали сделать в Киеве

Еще через полтора часа он обедал в вагоне ресторане киевского поезда. Санина одежда так и осталась лежать в камере хранения вокзала. Вернуть ее — не хватило времени.

С этого момента время побежало с невероятной скоростью. Будто кадры старой кинохроники, замелькали люди и события. Потом, конечно, у него будет время осмыслить происшедшее, осмыслить и ужаснуться. Но не сейчас. Сейчас главная тема — «Скорее!». Где-то там, за тысячи парсеков от Земли, его ждут и надеются на помощь дорогие ему люди. Скорее! Он может не успеть. Лия в опасности. Сколько она сможет продержаться, даже с помощью Дока?

В Польше все прошло гладко. Хотя, кому рассказать об этом «гладко» — волосы встали бы дыбом! Но Алексея ни что подобное уже не волновало. Главное, волновая линза, в конце концов, оказалась в его кошельке.

Горный институт найти не составило большого труда. Пройти на кафедру минералогии и кристаллографии тоже было проще простого. Не то, что охраны, даже вахтера на входе не оказалось. В аудитория кафедры, кроме столов, за которыми сидели студенты, вдоль стен располагались застекленные витрины с коллекцией всевозможных минералов. Там, в одном из шкафов, между кусками полевого шпата и обломками друз горного

хрусталя был приклеен скотчем невзрачный полупрозрачный камушек молочно-белого цвета величиной с пальчик ребенка. Но невзрачным он был только для непосвященных. Алексей приложил руку к витрине и тут же почувствовал теплые волны пронизывающие его мозг. Лешка понял, что, захоти он прямо сейчас перенестись на Нолу, это легко удалось бы. Но в этом случае, чем он будет воевать с Луэлом, брючным ремнем с пластмассовой пряжкой? Нет, нужно вооружиться, у его противника оружие, должно быть, серьезное, если верить рассказам местных болтунов. Чем он сжег воинство своего предшественника и конкурента? Даже его военный опыт ничего не подсказывает. Мысли крутятся вокруг то-ли мощного лазера, то-ли вообще, чего-то фантастического. Бластера, к примеру.

Прозвенел звонок, и студенты стали рассаживаться за столы. Пришло время покинуть аудиторию. А как не хотелось! Линза почти в руках. Может, стоит стукнуть кулаком по стеклу, схватить камушек и делать ноги? И иметь неприятности с местными полицейскими. Нет, не будем торопиться, хотя время и дорого. Нужно все обдумать.

Алексей сел на скамейку в сквере недалеко от института и стал строить планы. Какая только чушь не лезла в голову! И спрятаться в туалете, и влезть ночью в окно и тэ дэ, и тэ пэ. Все это, увы, требовало взлома и конфликта с охраной, а стало быть, есть риск, что вмешается полиция.

И тут Алексей увидел этого парня. Тот сидел на соседней скамейке и кутался в пальто. Парень был явно болен. Болен той болезнью, которая все больше распространялась среди молодежи. Лехе были знакомы ее симптомы, многие его соратники, чтобы не сойти с ума перед атакой, или притупить боль раны принимали наркотики. Парень нуждался в дозе, его ломало, ему было очень плохо. Леха подошел к парню и тронул его за плечо.

— Шо прошем, пане? — буркнул тот, хмуро глянув на непрошенного визитера. Алексей вынул из кармана банкноту в пятьдесят долларов и показал парню.

— Шо прошем, пане? — повторил парень, более заинтересованно.

Леха махну ему рукой, мол, следуй за мной, и направился к корпусу института.

То, что камень приближается к нему по аллее парка, Алексей почувствовал сразу. С линзой у него установился какой-то непонятный контакт, будто она стала частью его организма, или он сам стал частью этой стекляшки, и теперь обе эти части стремятся воссоединиться воедино. Вскоре из ночной темноты показалась фигура его знакомого. Леха встал со скамейки и

пошел навстречу. Однако парень вдруг остановился и крикнул что-то на своем не совсем понятном Алексею языке. Зато его жесты не вызывали сомнений. В руке у парня появился нож. К тому же Леха явно почувствовал у себя за спиной чье-то присутствие. Парень пришел не один, а с сообщником. И у того тоже был нож.

— Спокойно, спокойно, ребята, — сказал он и медленно вытащил из кармана банкноту, — Зачем так нервничать? Вот ваши деньги. Давайте мой камушек и расстанемся друзьями.

— Вси гроши, быдло москальське! — заорал наркоман и сделал то, что делать ему совсем не следовало. А именно, поднял линзу над головой и зашвырнул в кусты.

После армии и госпиталя психика у Алексея была расстроена полностью. Бывало, что на него накатывала волна бешенства. Детонатором могло быть что угодно: грубое слово, косой взгляд, наглое поведение или высокомерие в отношении его самого или его друзей. Тогда он мог сорваться в драку, скорее даже в жестокую бойню, вне зависимости от того, сколько перед ним противников, кто они такие и насколько сильно в данный момент болела голова. Сам он называл это состояние: «перемкнуло». У него несколько раз случались из-за этого неприятности. И, наверное, их было бы много больше, если бы не вмешательство в нужный момент его друзей. После врачевания Дока, казалось, психика наладилась полностью. «Перемыкания» прекратились. И вот теперь снова приступ бешенства накатил на него. Хотя, если подумать, не врал ли он самому себе, пытаясь оправдать свой поступок? Можно, ведь, было банально начистить хилым налетчикам их «сковородки». Можно, но что было бы, обратись они в полицию? Для польских полицаев он всегда чужак, в то время как наркоманы — конечно, сукины дети, но сукины дети польские. Нет, лучше не рисковать. Пускай уж, «перемкнуло».

— Что, мерзавцы, шляхетная кровь взыграла? — прошипел Алексей, улыбаясь беззубым ртом, — Я, значит, быдло, а вы, стало быть, герои трилогии — Кмитицы обколотые!

Камень в кустах он нашел довольно быстро. Как быстро удалось полиции найти трупы наркоманов, похороненных под канализационным люком, Алексею узнать так никогда и не пришлось.

Поезд пришел на станцию «Днепрозаводск-Пассажирский» около часу дня. Алексей вышел на перрон и плотнее застегнул куртку. Он много раз возвращался домой из своих многочисленных путешествий и поездок, и, как ни обидно, запомнилась пасмурная погода, которой почти всегда встречал его город. Это тем более было странно, потому что южная

Украина — край солнечный, а летом и вовсе жаркий. Но, видно, не для него. Вот и сегодня небо нахмурилось смогом металлургических и выхлопных газов и швыряет в лицо мелкие капли холодного дождя вперемешку с жесткой снежной крупой. Город явно не любил своего блудного сына. Город не был ему рад, будто чувствовал, что не с добром тот прибыл на его землю.

— Погоди, каменное чудовище, — пробормотал Алексей, — Скоро ты от меня избавишься навсегда.

Он сел на скамейку в привокзальном сквере. Летом, обычно, в нем яблоку негде было упасть от прибывших и отъезжающих, встречающих и провожающих. Сейчас здесь пусто, грязно и холодно. И ни единого человека, только кучи мусора возле поломанных скамеек. Все предпочитали коротать время в теплом зале ожидания вокзала. Вокруг него космический вакуум. Кто бы мог подумать, что ему будет так пусто и неуютно на своей родине. Все, пора рассчитаться с долгами и покинуть эту землю. Даже если не удастся достать оружие, нужно возвращаться на Нолу. Лия ждет. Да и здесь скоро станет жарко, если вдруг всплывут его польские похождения. Он открыл кошелек. Осталось около тысячи двухсот долларов.

В ближайшем почтовом отделении он отправил сто долларов в Кировск водителю Барсукову. Почти тысячу положил в купленный здесь же конверт, на котором написал: «Саша и Лена, простите подлеца, потерял я вашу одежку. Купите что-нибудь взамен. Не поминайте лихом и прощайте. Привет моему крестнику. Ваш кум, Леха Корогод». Осталось отвезти конверт и ключ в малосемейку, и до семи вечера он совершенно свободен.

Вадька-Лето сказал важную вещь, когда рассказал, что чуть не сбил Светлану в районе площади Свердлова. Дело в том, что именно там находилась парикмахерская, в которой работала его бывшая. Значит Светка место работы не сменила. Если проследить за ней, можно узнать, где находится Штырь. А там… Лучше, до поры до времени об этом не думать.

Он прошел мимо дверей знакомой парикмахерской. Вот она, дорогая женушка. Стоит возле входа в пальтишке поверх халата, курит и поглядывает на прохожих, пытаясь угадать в них потенциальных клиентов. Изменилась, постарела, морщины возле губ, недовольное усталое выражение лица… И не скажешь, что ей всего двадцать четыре года. Да нет, не стоит себе врать, Светлана выглядит неплохо. Просто теперь почему-то вызывает не влечение, а наоборот, какое-то отвращение. Его она уже не привлекает. Даже больше, он ее просто ненавидит. Мерзавка и предательница, соучастница покушения на своего законного мужа. Ей придется тоже ответить, как и господину Штырю.

Светлана зашла в помещение, покрутилась немного в зале, потом, взглянув на часы, попрощалась с напарницей и кассиршей и отправилась домой. Алексей, не торопясь, двинулся следом за ней. После получасовой прогулки по продуктовым магазинам женщина отправилась на троллейбусную остановку. Судя по номеру маршрута, Светка держала путь в самый отдаленный и неустроенный микрорайон города. И это та мадам, которая при разводе требовала непременно апартаменты в центре! Многого же она добилась, продав его квартиру!

— Шеф, в Калинки отвезешь? — сказал Леха в окно такси, подрулившего к бордюру по его сигналу.

— Двадцать гривен.

— Держи. Стоп, парень, не гони так быстро. Езжай за этим троллейбусом.

— Мы что, следим за кем-то? — недоверчиво взглянул на пассажира водитель.

— Да, — сказал Леха, — Мне интересно, почему жена после работы, вместо того, чтобы к мужу спешить и борщами его кормить, едет бог знает куда.

— Милиция, что-ли? Документы покажешь?

— Я сам по себе.

— Так, мужик, — машина резко затормозила, — забирай свою двадцатку и катись из моей тачки!

— А что так?

— Я сказал — дергай! Не хватало, чтобы из-за тебя у меня были неприятности!

— Понял, — сказал Алексей, — полез в карман, достал еще двадцатку, на этот раз американскую, и помахал ею перед носом у водителя, — Могу, конечно, и выйти. Ой, сколько машин у бордюра стоит! Как ты думаешь, шеф, многие мне откажут? Шеф, не говоря ни слова, взял деньги и поехал за троллейбусом.

— За своей следишь, или за чужой, по заказу, как частный детектив? — спросил он через некоторое время.

«С ума сойти, — подумал Алексей, — Как быстро меняется жизнь в этой стране!» О частных детективах он знал только из соответствующей западной литературы и кино. Теперь его на полном серьезе принимают за этакого Арчи Гудвина! В слух же сказал:

— Деньги получил — рули молча.

Светлана вышла из троллейбуса на предпоследней остановке. Подождав, пока она отойдет подальше, Леха открыл дверь такси.

— Конфиденциальность сохранять? — спросил шофер с издевкой в голосе.

— Хоть в газете публикуй, — сказал Алексей и захлопнул

дверь машины.

Его бывшая, нагруженная авоськами с продуктами направилась к стоящим неподалеку девятиэтажкам. Вскоре стало понятно, к какой именно. Возле подъезда одного из домов стояла «копейка» канареечного цвета с пятнами шпаклевки на задней двери, принадлежащая Штырю. На что же ушли деньги за проданную квартиру? Даже свою развалюху не покрасил. Теперь пришло время сократить дистанцию. Дождавшись, когда Светлана войдет в лифт и поедет на свой этаж, Алексей бегом рванул вверх по ступенькам. Бежать пришлось на самый верхний, девятый этаж, но он легко справился с этим испытанием, ни грамма не запыхавшись.

Светка нажала кнопку звонка, и за дверью послышалось клацанье ключа в замке. Дверь приоткрылась и в проеме показалась мордочка Штыря. Этого момента и ждал Алексей. Мгновенно бросившись из-за угла лифтовой шахты, он втолкнул в квартиру и Светку, и ее сожителя. Оба не успели, не только позвать на помощь, но даже и испугаться. Буквально через минуту Светлана, которая пыталась кричать, сидела на стуле с заклеенным скотчем ртом и связанными руками. Штырь же с трудом приходил в себя после тяжелого удара в подбородок. Наконец его глаза приняли более или менее осмысленное и, вместе с тем, испуганное выражение. Леха окончательно привел его в чувство, надавав пощечин и изрядно потягав за уши.

— Ты, — только и смог произнести Штырь.

— Конечно. А ты думал, твои дружки меня убили?

— Я тут не причем, — заскулил пленник, — Я не хотел, чтобы тебя убивали.

— Штырь, мне наплевать, хотел ты или нет. Мне нужно знать, кого ты на меня навел. Говори быстрей. У меня мало времени.

— Я не наводил. Разве что, случайно, по пьяни где-то ляпнул. А их я не знаю. В кабаке познако… Он не договорил. Кулак Алексея врезался ему в солнечное сплетение.

— Лапшу мне на уши вешать не надо, — прошептал Штырю на ухо Леха, когда тот немного откашлялся и стал нормально дышать, — Я кое о чем осведомлен. Повторяю вопрос. Кого ты на меня навел? Предупреждаю, неправильно ответишь — будет еще больнее.

— Тебе лучше этого не знать, — прохрипел Штырь, — Второй раз они не промахнутся. И меня не пожалеют.

«Не хочет, сволочь, говорить, — подумал Алексей, снова усаживая на стул бесчувственное тело своего пленника, — Видно, крепко боится. Ничего, скажет все равно!»

— А ну, дорогая, иди-ка сюда, — сказал он, когда снова

привел Штыря в чувства, — Смотри, гад, что я сейчас буду делать с твоей женой. Такое она тебе вряд ли позволяла!

Он сгреб в угол стола грязную посуду, схватил Светку за шиворот и швырнул животом на стол. Затем медленно, чтобы произвести впечатление на сожителя задрал ей юбку и сорвал нижнее белье. Леха взглянул на Штыря. Как ни странно, тот улыбался, вот только в глазах застыл неподдельный ужас.

— Да делай, что хочешь. Это твоя жена. Помнится, вы разойтись не успели! Ха-ха!

«Нет, Штырек, меня не обманешь. Я тебя насквозь вижу. Тебя и твою игру. Или я ничего не понимаю в людях. Ты сейчас сгораешь от ревности. Оказывается, ты любишь эту стерву! Что ж, уважаю. Но цели оправдывают средства. Сейчас ты расколешься, когда я начну насиловать твою жену».

Но, посмотрев на голый Светкин зад, он понял, что ничего у него не выйдет. Боже, неужели эта женщина когда-то сводила его с ума? Ради нее он наделал столько глупостей, что хватило бы на десяток испорченных карьер! Теперь этот зад вызывал не былое желание, а отвращение, граничащее с тошнотой. Даже для пользы дела он не сможет пересилить себя. Даже ради той единственной женщины во вселенной, которая смотрит на него с расстояния тысяч световых лет и не дает покоя, постоянно подстегивая: скорей, спаси! А может быть, как раз именно из-за нее.

Нет, нужно доиграть до конца. Штырь расколется, иначе грош — цена его интуиции.

Лешка демонстративно медленно расстегнул брюки, и ту Штыря прорвало. Он чуть в истерике не забился, замотал головой, чуть не свалился на пол вместе со стулом.

— Оставь ее в покое, мразь! Делай со мной что хочешь, но ее не трогай.

— Как скажешь. Я человек покладистый. Говорить будешь или мне все-таки с ней пошалить?

— Скажу, черт с тобой, но учти, ты себе смертный приговор подписываешь. И мне тоже.

— Ладно, поговорим по-мужски, без прекрасных дам.

Он схватил ноющую Светку под мышку и утащил в комнату, где привязал к батарее. Когда он вернулся на кухню, от него не ускользнуло выражение облегчения на лице Светкиного сожителя.

— Говори. Иначе, сам понимаешь, мне не до сантиментов.

— Они меня убьют. И тебя тоже, — снова заныл Штырь, размазывая связанными руками по лицу слюну, сопли и кровь.

— Не факт. Не исключено, что я первым до них доберусь. Потом подумай вот о чем. Они тебя или убьют, или нет. А если и

убьют, то быстро. Но если ты откажешься мне помогать, то умрешь однозначно, без вариантов. Умрешь медленной и мучительной смертью. А перед смертью увидишь такую порнушку, что «дасиш фантастиш» — отдыхает. Выбирай.

— Ладно. Что мне до него. Он меня кинул. Я не хотел, чтобы тебя убивали. Хотел, чтобы ты отстал от Светки со своим квартирным вопросом. А его люди пронюхали, что у тебя бабки есть и решили их у тебя выбить. Да, дурачье, не справились. И бабок не нашли. Тогда наехали на меня, мол, я их обманул. Они, видите ли, сделали работу, а кто платить будет? Сказали, если не заплачу — Светку изнасилуют и убьют. Мы квартиру продали, им деньги отдали.

— Что ты все — они да они! Имя твоего дружка?

— Кликуха — Чача. Но ты его не интересовал. На тебя наехали его шофер и телохранитель. Он только должен был получить свой процент.

— И ты тоже? — Штырь не ответил. А только опустил голову.

— Чача, Чача, с Кавказа, что ли?

— Татарин. Здесь он недавно. Но местных потеснил изрядно. За ним стоят еще более серьезные люди. Мой тебе совет, не связывайся с ним. Беги, пока он о тебе не пронюхал.

— Чем он занимается?

— Наркотой и оружием. У него связи с Кавказом. Он туда — оружие, оттуда ему — наркоту. А здесь уже все цыгане — его дилеры.

— И что, милиция о нем не догадывается?

— Менты его не трогают. У него среди них — свои люди. Кто, ты думаешь, предупредил его, что ты обнаружил слежку и обратился с заявлением? Чача, кстати, сам бывший мент. И, к тому же, я ведь тебе говорил, за ним стоят серьезные люди.

— Где он живет?

— За городом, пятнадцать километров. Отстроился там.

— Где он держит оружие?

— Там же и держит. В подвале.

— Поехали, — сказал Алексей, и, увидев испуганное выражение лица допрашиваемого, добавил, — Отказ не принимается. Если, конечно, жить хочешь. Одевайся, быстро. И без глупостей.

Алексей нашел в кухонном столе старый наполовину сточенный нож, разрезал скотч на руках и ногах своего пленника, и тот отправился в комнату одеваться и брать права с ключами. Глянув на связанную Светлану, Штырь снова разрыдался, стал прощаться и просил простить его за все — за все.

— Не ной, мозгляк, — буркнул Леха, потом обратился к

женщине, впрочем, скорее для вида. Реплика предназначалась в первую очередь Штырю, — И ты раньше времени его не хорони. Будет твой любимый вести себя хорошо — вернется к тебе живым и почти здоровым. Все от него зависит. Но, если, не дай бог, что-то выкинет…!

— Веди аккуратно, — сказал Алексей, усаживаясь в машину рядом со Штырем, — Правила не нарушай, скорость не превышай. И вообще, от дороги не отвлекайся, но на мои вопросы отвечай коротко и точно. Вопрос первый: где конкретно его дом?

— Конкретно — в Раздольном. Почти умершая деревенька. Люди почти все выехали. Там сейчас «крутые» дачи себе строят. Чача один из первых отстроился.

— Он сейчас дома?

— Врядли. Он или по делам мотается, или в бардаках да казино до утра торчит, — с готовностью отвечал Штырь, — Если дом светится — значит, дома. А если темно — где-то его носит.

— Кто кроме него живет в доме?

— Никого. Это его, так сказать, офис, база. А семья его в Крыму живет.

— Охрана?

— Возле ворот сторожка, вроде как КПП, со шлагбаумом. Там круглосуточно дежурят по два человека. Оба вооружены. Ну, и при нем всегда телохранитель и амбал-шофер.

— Собаки есть?

— Один кобель. Но та еще зверюга! Уж не знаю, что за порода. Здоровый, как теленок, килограмм восемьдесят весит. Никогда не лает. Подкрадется сзади и — хвать за шею. Позвонки — вдребезги. Так обучен. Еще, когда строились, повадились местные алкаши тырить всякую мелочь. Так этот монстр двоих насмерть загрыз. Они сейчас в фундаменте покоятся.

— Где держит оружие?

— В доме. Там в холле винтовая лестница есть слева. На верхние этажи. Так вот, под этой лестницей есть другая — в подвал. Внизу, за железной дверью он и хранит свой товар.

— Откуда знаешь?

— Сам однажды помогал грузить его покупателям. Таскал ящики из подвала в машину этих джигитов. Все, приехали. Видишь, забор и фонари рядом. Вся деревня в темноте, но у Чачи свет есть.

— Ну, выходи, Штырек, раз приехали.

— Ты, ведь, обещал, — у пленника затряслись руки на руле.

— Спокойно, спокойно. Никто тебя убивать не собирается. Но и оставлять у себя в тылу такую сволочь — не такой я идиот! Марш в багажник, полежишь до утра, а там тебя освободят.

— Я же задохнусь, — простонал жалобно Штырь.

— Не задохнешься, — Алексей вцепился руками в крышку багажника и отогнул угол. — Даже на помощь позвать сможешь. Давай, лезь!

Откровенно говоря, руки у Лехи изрядно чесались прикончить этого маленького негодяя. Штырь и Светка провинились перед ним гораздо больше, чем те же польские наркоманы. А ведь их Леха не пожалел! Что же ему сейчас мешает сломать эту куриную шейку? Ничего! Ничего, кроме его слова. Но раз слово все-таки дано — его придется держать. Черт! Ладно, живи, сукин сын. Бог тебе судья. Да и мне тоже.

Леха на приличном расстоянии обошел вокруг забора. Камера слежения только одна — над воротами, других вроде бы, не видно. Но есть одно серьезное препятствие — колючая проволока по верху забора. Пришлось возвращаться к машине за кусачками.

Проволоку удалось перекусить довольно легко, и Алексей спрыгнул на крышу какого-то хозяйственного строения, вероятно, гаража. Где-то внизу его ждет собачка. То, что зверюга не лает, это хорошо. Но нужно его опередить, иначе сам будешь покоиться в фундаменте. Леха спустился на землю и стал оглядываться вокруг. Ну, где же ты, чертова псина? Ага, вот, кажется, и ты. Из кустов на Леху вылетела огромная тень. Как действовать в данной ситуации он читал еще в детстве. Но удастся ли выполнить это сейчас? Тяжелое тело собаки на полной скорости врезалось в Алексея и сбило его с ног. Оба противника, человек и зверь, покатились по земле. Над Лехиным лицом разверзлась страшная зубастая пасть. Еще мгновение и… Но этого мгновения он собаке не дал. Лехин кулак вошел в пасть собаки до самого горла. Бороться с псом пришлось на равных — он весил не на много меньше, чем сам Алексей. Но все же человеку удалось подмять под себя пса и, загоняя кулак все глубже и глубже в горло, удерживать его до тех пор, пока тот не задохнулся и не перестал шевелиться.

— Все, это тебе не с бомжами воевать, — буркнул Алексей, поднимаясь с земли, — теперь добраться бы до твоего хозяина…

Наконец-то, он смог рассмотреть имение. Иначе и не назовешь. Огромный двор, огороженный крепким кирпичным забором. Немало бывших крестьянских подворий подмял под себя этот «замок». От гаража, с крыши которого спрыгнул Леха, тянулась асфальтированная дорога к воротам. Сам дом особым архитектурным изыском не отличался. Ни тебе башен, как в рыцарских замках, ни раздвижных крыш над зимним садом, ни бассейнов на лужайке возле дома. Ничего такого, чем так любят

щеголять местные нувориши, подчеркивая свое превосходство над прочей чернью — обычная коробка в два этажа с мансардой. Один из немногих изысков — широкая лестница вела на открытую веранду с колоннами. Ну, прямо, как у сицилийских донов, которые попивали на такой веранде итальянское винцо и решали судьбы своих несчастных соперников. Тяжелая железная дверь. Открыть такую без ключей — разбудить все уцелевшие в округе дома. А уж об охране и говорить нечего. Не спят, сторожка возле ворот светится двумя окнами, в отличие от самого дома, у которого была освещена только веранда. Ну, посмотрим, кто-кто в теремочке живет?

Алексей прокрался по пустому двору к домику у ворот. Спрятаться было негде. Во дворе не было ни единого крупного дерева. Чахлые кустики, очевидно, недавно посаженные, тянулись вдоль дорожки. На остальном свободном месте двора кое-где лежали автомобильные шины, из которых виднелись ростки каких-то растений, очевидно, весьма ценных. Обживается, мафиози!

Лешка, пригнувшись, подкрался к домику и заглянул в первое окно. Это был коридор. Людей в нем не было. Те находились в большей комнате — их было видно, через приоткрытую дверь. Он прополз еще немного и заглянул в другое окошко. Ба! Знакомые все лица! Вернее, одно лицо. Человека, спящего на диванчике у стены, Алексей не знал. Но за столом с бутербродом в руке сидел тот самый лейтенант, который тогда принимал у Лехи заявление и, вероятно, позвонил бандитам на пейджер, предупредив, что их поднадзорный осведомлен о слежке. Вадим о нем говорил, что тот неплохо устроился. Да, не пропал после увольнения из милиции. Служит теперь своему хозяину непосредственно. Охраняет, верный пес! Жрет, как и раньше, не похудел, скорее, наоборот. Но, начеку! Рядом с бутылкой пива лежит пистолет ПМ. Что это, он, ожидает нападения? Неужели о его визите стало известно? Откуда? Как бы то ни было, отступать поздно. Начнем, пожалуй!

Алексей осмотрелся. Невдалеке лежала старая автомобильная шина, из нее торчал кусок рифленой арматуры, к которой было привязано хилое растеньице. Он вытащил арматуру из грунта. Неплохо. Рифленый прут, миллиметров двенадцать толщиной и длиной около полуметра. С одной стороны обрублен наискось, так что, довольно острый. Ну, держись, толстяк!

Он ногой распахнул полуприкрытую дверь в комнату и прямо с порога швырнул прут в толстого охранника. Завыв, как пропеллер самолета, арматура с тошнотворным треском вошла в лоб сидящего за столом человека, буквально, пригвоздив того к

стене. В следующее мгновение Алексей уже стоял возле стола и целился из пистолета в лежащего на диване охранника. Он нажал на курок, но выстрела не произошло. Рванул на себя затвор, но и это не удалось. Пистолет был неисправен. Никакого нападения никто не ждал, наверное, хозяин хотел поковыряться с оружием, после того, как доест бутерброд. Да не успел. А вот Лехе желательно успеть. Второй охранник уже вскочил с диванчика и потянулся за своей пушкой. В рукопашной схватке Алексей оказался более опытным бойцом — вскоре его противник валялся на полу со сломанной шеей.

Снова внутри что-то заныло, заскребло. Молчи, проклятая совесть! Это подонки, бандиты. Этот вот, весь в наколках, купола, звезды, тигры… Типичный рецидивист, может быть, на его руках кровь. Укокошить такого — землю очистить. Наверное, он или ему подобный кадр разорил могилу родителей, обокрал квартиру тети Веры… А этот, толстомордый, не он ли предупредил тех налетчиков в «Жигулях» и спровоцировал их на крайние меры? Не он ли опять-таки, оскорблял тетю Веру, до инфаркта ее довел? Да и вообще, эти люди — препятствие на пути к спасению Лии. А он сметет все препятствия. Или погибнет сам.

Одежка у охранников была более подходящая для войны — форма военного покроя камуфляжной расцветки. Не то, что теперешний Лешкин гардероб — костюмчик с галстучком. К тому же, если вдруг появится Чача со товарищи — может быть, примут за своего. Леха напялил на себя форму рецидивиста, проверил его пистолет. Этот ПМ был в полном порядке. Уже кое-то. Пистолет и тридцать два патрона. С этим уже можно сунуться к Луэлу в пасть. Но не мешает поискать еще что-нибудь помощнее. В доме, наверное, можно будет разжиться. Тем более, что в одном из ящиков стола Алексей обнаружил связку ключей.

Увы, ни один ключ не подошел к массивной двери дома. Он уже хотел поискать какой-нибудь лом, но в это время до него донесся сигнал автомобильного клаксона. Вот и хозяин, легок на помине! Алексей со всех ног бросился к сторожке и влетел в комнату. Как открыть эти чертовы ворота? Ага, вот пульт, кнопочки черные, кнопочки красные, «ворота», «шлагбаум». Ясно, как божий день! Он надвинул на глаза кепи, стал возле окна так, чтобы свет падал на него со спины и открыл ворота. Большой черный «Мерседес» слегка притормозив за шлагбаумом, поехал в сторону дома. Езжай, езжай, далеко не уедешь, никуда не денешься!

Леха бросился следом, стараясь держаться неосвещенного участка двора, на бегу доставая и снимая с предохранителя пистолет. Последние метры он пробежал, как зверь, почти на

четвереньках, и закатился под бампер машины, чтобы не быть замеченным в зеркало заднего вида.

Хлопнула дверь, и из машины вышел франтоватый парень явно кавказской внешности — черноволосый, носатый. Алексей узнал его сразу — это он сидел справа от шофера в той злополучной «копейке». Шофер же наверняка сидит сейчас за рулем «Мерса». Кавказец открыл правую заднюю дверь лимузина и помог выйти своему шефу. Вот он, Чача. Седовласый красавец лет сорока с небольшим. Денди лондонский! Белый шарфик, повязанный на шею поверх застегнутого до самого верха солидного драпового пальто. Смотрится, дон Корлеоне местного разлива!

— Иди, открывай, я сейчас, — бросил он охраннику, а сам наклонился к шоферу, и Леха услышал его мягкий бархатный голос, — Поставишь машину и сходи на КПП. Что-то долго возились, пока открыли. Нажрались, что-ли? Да и охранника я, что-то не припомню. Разберись.

— Йес, шеф! — гаркнул водитель и взревел мотором. Но передачу включить не успел. Алексей рванул на себя дверь и, приставив пистолет к уху бандита, нажал на курок. Чача застыл, раскрыв рот. Телохранитель же оказался бойким малым — он отскочил в сторону от двери и почти успел вытащить свое оружие. Но большего сделать не смог. После Лешкиного выстрела кавказец схватился руками за лицо и, сделав несколько неуверенных шагов, скатился со ступенек к колесам «Мерседеса».

— Ты кто такой, что тебе нужно? — прохрипел Чача. Его красивый голос пропал неизвестно куда.

— В дом. Быстро! — скомандовал Леха, сделав характерный жест рукой с пистолетом, — Открывай!

— Ключи у него, — кивнул в сторону телохранителя Чача.

— Ключи в замке. Шевелись, если жить хочешь.

«Черт, зачем я затеял этот разговор? — обругал сам себя Алексей, — Не нужно с ним вступать в разговоры, чтобы не пришлось обнадеживать его, как Штыря. А уж этого бандита оставлять в живых, ох как не хотелось бы!»

Чача тяжелой походкой обреченного поднялся по ступеням, повозился с замками и вошел в холл дома.

— Так кто ты такой, и чего хочешь? — повторил он Лехе свой вопрос.

— Не узнаешь? Примерно год с небольшим назад твои ребятки хотели меня ограбить. Облажались, но чуть не убили. Забыл? По наводке Штыря.

— А-а, — протянул Чача с облегчением, как показалось Лехе, — Поверь, парень, я тут не при делах. Ребята действовали

по собственной инициативе.

— А твой процент?

— Я получаю свои проценты от многих операций. О большинстве я и понятия не имею. Но, парень, ты прав. Ты отомстил, молодец. И заслуживаешь на компенсацию. Здесь у меня…

— Руки!

— Здесь у меня кошелек, не бойся — сказал Чача, но в карман не полез, — Семь тонн зелени. Они твои. А пошерстишь жмуриков — еще тонну-полторы наскребешь. Бери и дергай. Потом можешь со мной связаться — мне такие крутые ребята очень нужны. Я тебя к хорошему делу пристрою.

— Мне твои деньги не нужны. Открывай погреб.

Теперь Чача испугался по-настоящему. У него затряслись губы, как у провинившегося ребенка, но он быстро взял себя в руки и продолжил уже совершенно спокойно:

— Ты из ФСБ? На русских работаешь?

— Быстрее. Я жду.

— Нет, парень. Ты не понял. Объясняю. Мой дом — на сигнализации. Сюда уже едут менты. Но ты еще успеешь взять деньги и сделать ноги. Я тебя не сдам. Обещаю.

— Хватит болтать! К лестнице, бегом! Но Чача не пошевелился, только покачал головой.

— Если менты залезут в подвал — засветятся очень серьезные люди. Там везде серийные номера. Эти люди ошибок не прощают. Это будет конец моему бизнесу, да и жизни тоже. Я подвал не открою. Лучше уж стреляй, если такой идиот!

— Ну, что же, ты сам выбрал.

Алексей вскинул пистолет и нажал на курок. Мафиози отскочил к стене и сполз по ней на пол, держась за горло. Леха наклонился над умирающим и стал обшаривать его карманы. На мраморную плитку пола полетел тугой портмоне, золотой портсигар, пейджер, небольшой «дамский» пистолетик неизвестной Алексею модели. Красивые карманные часы Леха тоже отбросил в сторону — сутки на Ноле не стыковались с циферблатом земного хронометра. Зато зажигалка перекочевала в карман его куртки. Ей огонь добывать гораздо удобнее, чем двумя кремнями и трутом. Наконец, в жилетном кармане он обнаружил два довольно хитрых ключа на брелоке в виде серебряной монеты.

Ключи подошли, и Алексей оказался в подвале. Его взору предстала длинная и узкая комната со стеллажами вдоль стен. Но деревянные ящики стояли не на полках, а невдалеке от двери. Очевидно, скоро должны были приехать покупатели —

упакованный товар их уже ждал. Леха подобрал в углу фомку и стал вскрывать ящик за ящиком. Он нашел все что хотел, и даже больше. Новенький, в заводской смазке автомат АК-74, гранаты Ф-1, взрыватели, рожки к автомату, патроны, даже ящик с пластидом. На стеллаже он нашел спортивную сумку с надписью «Adidas», набитую под завязку гашишем. Наркота полетела в угол, а сумка наполнилась боеприпасами. Уже застегивая молнию, Алексей обратил внимание на одну из полок стеллажа. Там лежала одна вещь, которую ему приходилось держать в руках лишь однажды. Незадолго до роковой операции, так несчастливо закончившейся для сержанта Корогода, к ним в часть поступило новое оружие — небольшой гранатомет, закрепляемый на автомате. Назывался гранатомет — ГП-25 «Костер». Лешке удалось даже выстрелить из него три раза. Тогда из трех гранат разорвалась только две. Теперь этот «Костер» лежал на полке Чачиного подвала. Стоило ли брать его? Тем более, что запасных боеприпасов к нему не видно, всего одна граната в стволе. Поколебавшись немного, он все же положил гранатомет в сумку. Все. Здесь больше делать нечего. Пора в путь. А что делать с этим хламом, которым можно вооружить целый взвод? Может, рвануть все, к чертовой матери. Глядишь, Деня Чупраков спасибо скажет, за то, что оружие не попадет в руки его врагов. Да нет, пожалуй, не стоит. Сверху уже слышались милицейские сирены. Хоть Алексей не питал особой любви к милиции, но почем зря убивать ребят все-таки не стоило. А взорвись пластид, находящийся в подвале — от всей деревни остались бы одни воспоминания. К тому же, пусть лучше обнаружат это оружие и по серийным номерам проследят его преступный путь. Этого-то и боялся Чача. Что же, уважим человека!

Ну, пожалуй, пора. Он сжал в руке волновую линзу и почувствовал единение с космосом. Сейчас зажжется звезда, и он покинет эту планету, этот город, этих людей. Покинет навсегда. Что же, прощай, Земля, мне в тебя уже не лечь. Береги хоть сон моих родителей. И ты, каменная громадина, любимый город. Зря ты на меня сердился. Может быть, ты еще спасибо мне скажешь за то, что я избавил твои улицы от нескольких негодяев, отравляющих твоих непослушных детей наркотиками. Ну, все, долгие проводы — лишние слезы. Время дорого — меня ждут.

В огненном круге показалась красноватая пустыня и каменное дерево. Нет, с такой ношей на плечах совершить маршбросок в несколько десятков километров — проиграть страже Луэла во времени. Нужно сосредоточиться и появиться прямо во дворе королевской тюрьмы. Но как нелегко это сделать, тем более отвлекают звуки, доносящиеся сверху — хрипы

мегафона, звон разбитого стекла, стук кованой обуви по мрамору пола. Скоро ОМОН будет здесь, лучше с ними не встречаться. Все, уходим.

Глава 11
Расплата

Во двор тюрьмы попасть не удалось. Оказывается и линза не всесильна. Рощица невысоких деревьев, скорее даже заросли кустарника в километре от цели первой приняла его на Ноле. За рощицей простирался каменистый пустырь — ни тебе кустика, ни деревца, сплошной гравий, будто кто-то специально насыпал. В центре пустыря виднеются стены тюрьмы. Их хорошо видно на фоне то-ли темнеющего, то-ли, наоборот, светлеющего неба. Что сейчас утро или вечер? Что там, за тюрьмой, восток или запад? Не стоит ломать голову, скоро все станет на свои места. Нужно только немного подождать. А впрочем, какая разница. Остановить его теперь уже невозможно. Отдышаться, подготовиться, и — с богом!

Невдалеке слышалось журчание воды. Ручей, весьма кстати. Алесей опустил руки в ледяную воду, набрал полные пригоршни и плеснул себе на голову. Стало немного легче. Да что это с ним? Он что, мало убивал на своем недолгом веку? После Афгана должно бы и в привычку войти. Почему же трясутся руки? В армии этого не было. Даже после того, как он первый раз снял часового — молодого «духа», своего ровесника, а может быть и даже младшего, чем он, собственными руками перерезав тому горло. Отвык, что-ли? Нужно собраться. Сейчас будет еще больше смертей. И все на его совести. Не то, что на войне, там ему приказывали, а он не мог не выполнить. А теперь он сам себе командир. То-ли земной бог, толи нолианские боги будут ему судьями. Да будет так! Но остановиться он не сможет — его ждут друг и любимая. Ждут и страдают. И кому-то придется ответить за их страдания.

Холодная вода вызвала сильную боль в деснах. Интересно, десны то воспалились, как у младенца. Неужели Док снова оказался прав, и у Лехи режутся зубки? Коренные зубки, между прочим. Такие не вырастают второй раз. Да он прямо сверхчеловеком стал! С ума сойти!

Алексей стал набивать магазины патронами. Там, в подвале он насыпал в сумку патроны из разных ящиков. И сейчас в магазины совал все подряд, без разбора — обычные, бронебойно-зажигательные, трассера… Все пригодятся. Пожалуй, много боеприпасов не понадобится. Два рожка, соединенные остатком скотча «валетом», чтобы быстрее перезарядить, три гранаты, «Макаров», ну и, пожалуй, немного пластида. Сумочку надо бы

припрятать, а чтобы потом самому найти, в один из карманов Леха положил линзу.

Видно, все-таки был вечер. Когда он подошел к гранитным стенам тюрьмы, ночная мгла полностью поглотила и его и стены. Даже лун и звезд не было на мрачном небе. Алексей толкнул калитку. Нет, заперто. И ворота тоже. В зазоре между створками виднелся массивный брус, запирающий ворота. Тюрьма готовилась к ночному отдыху после своих неправедных трудов. Он вопхнул в щель между створками изрядный кусок пластида и приладил запал с бикфордовым шнуром. Вот и пригодилась Чачина зажигалочка. Леха вжался в камни стены, пока огонек бежал по шнуру к взрывчатке. Пожалуй, он переборщил с количеством пластида, взрыв оказался очень сильным. Ворота разлетелись в щепки. Он бросился в пролом, не дожидаясь, пока осядет пыль. Откашлялся, огляделся. Двор тюрьмы был освещен большими факелами на верхушках врытых в землю столбов. Вдоль дальней стены тянулось приземистое здание, вероятно, казарма. Там метались огни факелов, вооруженные люди выскакивали из дверей. Алексей упал на колено и выпустил длинную очередь по солдатам и казарме, потом повернулся и выпустил такую же очередь по расположенным вдоль противоположной стены домикам руководящего персонала тюрьмы.

Где женский каземат? Невдалеке от ворот он увидел двух солдат. Взрыв их серьезно зацепил. Один лежал на земле без движения, второй сидел, держась за живот. Алексей ткнул стволом автомата в плечо сидящего человека и заорал:

— Женский каземат? Где? Говори!

Человек неуверенно кивнул головой в сторону и повалился на своего мертвого товарища. Леха бросился туда, куда кивнул умирающий солдат. Каземат сверху представлял собой холм высотой не более полуметра, из которого торчали вентиляционные трубы. Через такую же трубу он сам еще совсем недавно наблюдал смену дня и ночи. Вот и вход в него — крошечное строение, состоящее из двери, наклонной крыши и треугольных стен. Дверь оказалась запертой, но легко открылась с помощью приклада автомата. Выломав дверь, Алексей швырнул в глубину лестничного пролета гранату. Получите, распишитесь!

Врядли эта посылка обрадовала адресат. Когда Леха спустился по крутой лестнице и зажег зажигалку (взрыв начисто задул факела в помещении охраны), картина предстала ужасная. В луже крови валялись и корчились от боли четверо надзирателей. Он зажег поднятый с пола факел и стал искать ключи от камер. Нашел связку ключей на поясе одного из

охранников, сорвал их и бросился в коридор каземата. И только тут понял, как жестоко ошибся. Из-за решеток по обоим сторонам прохода к нему тянули руки и молили о помощи заросшие, оборванные и грязные мужчины. Он неправильно понял умирающего солдата, а может, тот специально ввел его в заблуждение, отомстив за свою смерть. Конечно, Лии здесь быть не может.

— Док, ты здесь? — крикнул Алексей.

— Здесь, здесь. Помоги, выпусти! — послышалось со всех сторон.

— Молчать, — заорал Леха, — Док, отзовись.

— Алеша, я здесь, — послышалось из дальних камер.

Леха бросился в конец коридора и попытался открыть нужную камеру. Не тут то было. К решетке прилипли заключенные и тянули к нему руки. Лешка отступил на шаг и заорал:

— Прочь от решетки! На пол! — но, видя, что его не слушают, дал в потолок короткую очередь из автомата. Это сразу подействовало. Люди отшатнулись от решетки и попадали на пол. Леха открыл замок и распахнул дверь, такую же решетчатую, как и вся загородка камеры. Навстречу ему шагнул Док, обросший и оборванный, тошнотворно воняющий потом и нечистотами. Даже узнать трудно.

— Все-таки не послушал, вернулся? — улыбнулся он.

— Пошли скорей, нужно Лию найти, — буркнул Алексей.

— Эй, ты, — Док поднял с пола за остатки рубахи какого-то чумазого малого, — Вот тебе ключи, выпусти всех. Попробуй только сбежать — из-под земли достану.

— Док, где женский каземат? — Лешка вертел головой, не зная куда бежать.

— Туда, — сказал Док и побежал в глубь двора.

Вход в каземат заперт не был, и надзирателей внизу уже не было. Правда, не оказалось и ключей.

— Лия, — закричал Алексей, вбегая в коридор, — Лия! Док, где она?

Женщины, в отличие от мужчин, не просили о помощи, а жались к нарам, очевидно, ничего хорошего не ожидая от странных визитеров.

— Алеша, она здесь, — крикнул Док, подбегая к решетке одной из камер.

— Где? Не вижу, — сказал тот, освещая камеру факелом.

— Говорю, здесь. Открывай.

Но это оказалось не так то просто. Замок на двери оказался крепким с толстой дужкой, прикладу не поддался.

— Будем рвать, отойди подальше — сказал Лешка, — Все слушайте. Отойдите как можно дальше от решетки, ложитесь на пол лицом к стене и прикройте чем нибудь голову. Хоть одеялом, хоть руками.

На этот раз он рассчитал количество пластида правильно, но все равно стало не по себе, когда обломок тяжелой дужки замка просвистел мимо лица и сделал внушительную выбоину в гранитной стене.

Лия лежала на нарах в глубине камеры и, казалось, спала. Леха растолкал сгрудившихся рядом женщин и припал губами к ее лбу. С одной стороны немного успокаивало то, что Лия была жива, но с другой — она вся пылала, у нее был сильнейший жар. Алексей забросил «Калаш» за спину, поднял невесту на руки и побежал из каземата на поверхность. Возле стены росла чахлая трава, на которую Алексей положил Лию.

— Док, скорее, у нее очень высокая температура. Сделай же, что-нибудь!

— Успокойся, Алеша, сделаю все, что в моих силах. Ее бы увезти отсюда, — сказал Док, ощупывая голову девушки.

Увезти бы, действительно, не мешало. Становилось жарковато. В буквальном смысле слова. Двор тюрьмы был освещен значительно лучше, чем четверть часа назад. Но не светило и не луны улучшили видимость. Во дворе тюрьмы горело все, что могло гореть — казармы охраны, конюшни, сараи, дома офицеров, даже деревянные вышки на гребне гранитной стены. В отсветах пламени метались перепуганные лошади и люди, пытающиеся их поймать и покинуть этот ад.

— Сейчас добуду транспорт.

Алексей выбежал на середину двора и тоже попытался поймать лошадь. Мимо пробегали солдаты, надсмотрщики и вырвавшиеся из застенков заключенные. На него никто не обращал внимания. Люди, скорее всего, не понимали, что за напасть свалилась на их голову, почему загорелись строения, что за громы гремят непонятно где, отчего замертво падают их товарищи.

Леха увидел повозку, запряженную парой лошадей. На повозке восседал толстый человек в исподнем и ожесточенно отмахивался кнутом от набивавшихся в попутчики перепуганных людей. Леха бросился к повозке и, тоже получив кнутом по спине, церемониться не стал, а просто вышиб седока из повозки выстрелом в лоб.

— Ну, и куда ее уложить? — хмыкнул Док.

И верно, телега была до краев набита всевозможной и дорогой по местным меркам домашней утварью. Но Леха быстро

исправил этот недостаток транспортного средства. На землю посыпались фарфоровые сервизы, столовое серебро и даже громадные напольные часы. На дне повозки остались только несколько меховых шуб и прочих нарядов. На них Алексей со всей осторожностью положил девушку, бросив Доку:

— Давай, в ворота.

Заметно облегченную повозку лошади резво понесли к воротам и вынесли за стены тюрьмы. Опасность, вроде бы, миновала. Никто не пытался завладеть их транспортом, угрожая оружием, на головы не сыпались искры, колеса не перескакивали через тела несчастных, рискуя вывалить седоков на землю. Лошадки сбавили темп и плавно везли своих пассажиров по утоптанному каменистому тракту.

— Послушай, — обратился Лешка к своему другу, — Вам, пожалуй, хватит и одной лошади. Езжайте себе потихоньку вниз. Там, где-нибудь я вас найду.

— А ты куда? — удивился Док.

— Так, есть одно дело.

— Алеша, я тебя просил, чтобы ты не возвращался. Теперь прошу десять раз подумать, прежде чем действовать. Месть до добра не доведет.

— Док, ты в педагога играть собрался? Вроде бы на идиота не похож, а ахинею несешь. Ты думаешь, они оставят нас в покое? Сюда, скорее всего уже во весь опор несутся псы короля во главе с нашим Серебряным другом. Да они нас в капусту изрубят, если их не остановить, а ты мне о мести… Откуда их ждать, как думаешь?

— Казармы королевской гвардии — при дворце, конечно.

— Как к дворцу побыстрее добраться?

— Дорога одна, скачи по ней — через час-полтора ущелье будет. Оно как раз и выведет на плато, где дворец стоит, — укоризненно покачал головой товарищ.

— Лие помоги. Спаси ее. А если не вернусь, постарайся ее спрятать или вернуть циркачам.

— Да, ты вполне можешь и не вернуться. У Луэла такое оружие, что твое ружьишко против него…

— Док, ты слышал, что такое «бур»? — сказал Алексей, перепрягая лошадей, — Кремневое ружье прошлого, если не позапрошлого века. Так вот, моего сослуживца убили именно из него. А у того был, между прочим, АКМ. Да и парень был далеко не промах. Главное — умение, и еще удача. И, вскочив на коня, добавил:

— А, вообще то, ты прав. Я действительно хочу им отомстить. Они у меня свое дерьмо жрать будут, мне бы до них только добраться.

Резвая до поры до времени лошадка в ущелье перешла на шаг, а потом и вовсе, подогнувшись на передние ноги, улеглась не землю.

— Бедняжка, — подумал Лешка, — уж ты тут вообще не причем. Прости, я тебя, кажется, загнал. Он освободил коня от сбруи и оставил отдыхать.

— Ты — свободен, или свободна. Если не помрешь, беги в степь, на волю. И больше не приближайся к этому двуногому зверью. Уж лучше иметь дело с волками, — он потрепал коня по гриве, забросил сумку за плечи и побежал по довольно крутому подъему вглубь ущелья. Нужно было спешить. Если приложить ухо к камням дороги, отчетливо слышалась дробь копыт. Конный отряд мчался ему навстречу. И он уже где-то близко.

Алексей вскарабкался на уступ. Что же, пожалуй, неплохое место для засады. Мимо не проскочить, и вся дорога, как на ладони. И довольно светло — одна из лун висит прямо в зените, да и вторая немного подсвечивает. Успеть бы подготовить оружие — набить рожки патронами и вкрутить взрыватели в гранаты.

Цокот копыт уже отчетливо слышался и без прикладывания уха к камням. Минута, и из-за поворота на дорогу вылетела кавалькада, сабель в тридцать, если не больше.

— Ну, получайте, гады!

Первая граната полетела под ноги авангарду, вторая — в хвост колонны. Уступ, где укрылся Леха, располагался метров на десять-двенадцать выше уровня дороги. Позиция просто идеальная — гранаты летели очень далеко и ложились точно в цель. Следующие две полетели в самый центр эскадрона. Во тьме ночи, несмотря на вышедшие из-за облаков луны, видимость на дороге стала равна нулю — все заволокло пылью и тротиловым дымом. Леха встал на своем уступе в полный рост и выпустил оба магазина туда, где на дороге в пыли и дыму еще угадывалось какое-то движение.

Пыль осела, дым постепенно рассеялся. Алексей бродил между мертвыми и раненными всадниками, переступал через жалобно ржущих искалеченных лошадей. Где же ты, господин герцог Серебряный? Ты мне нужен.

До сих пор он воевал, придерживаясь тактики медведя, лакомящегося муравьями. Его оружие было значительно более грозное, чем мечи и копья его врагов. Опасаться не приходилось. Но с королем Луэлом такая тактика не годится. У того на вооружении лучевое оружие: толи мощный лазер, толи что-то такое, о чем он не имеет даже представления. К тому же король, как сильный экстрасенс, наверняка предугадает появление своего врага. Единственный выход в этой ситуации — попытаться

обмануть своего визави, усыпить его бдительность, прикинуться другом. Для этого и нужен был Серебряный, вернее, его облачение.

Герцога Алексей нашел среди трупов. Тот лежал на дороге, широко раскинув руки в стороны. Серебряная кираса больше походила на дуршлаг, так была иссечена осколками, что сомнений не было — его враг мертв. Алексей вытряхнул безжизненное тело из плаща. Кираса, пожалуй, будет только мешать, ее брать не стоит. Другое дело — шлем с забралом в виде ангельски красивого мужского лица. Интересно, забрало имеет какое-то портретное сходство с оригиналом?

Лешка снял шлем и отшатнулся. Недаром Док назвал Серебряного крокодилом. Может, это и был человек, но очень не похожий на такового. Костистый череп, обтянутый зеленоватой пупырчатой и морщинистой кожей, выпирающие вперед челюсти с крупными зубами, кожистые пластинки, заменяющие нос и уши, близко посаженные уже остекленевшие глаза без белков. В довершение картины — узкая полоска жестких волос, тянущаяся от переносицы через лоб и затылок, куда-то за воротник, как грива у лошади. В каких условиях живут люди, производящие на свет такое потомство?

Леха приладил каску на голову, но тут-же снял. К запаху герцога тоже следовало привыкать постепенно.

«Все ли взял? А, дружище, давно не виделись! Серебряный без тебя, как справка без печати. Что же, возвращайся к папочке. Я по тебе соскучился, — он извлек из-под трупа меч герцога, тот самый, с помощью которого обманул и короля, и самого Серебряного, да еще и денег заработал, — Повиси-ка на поясе. Так я больше буду смахивать на твоего прежнего владельца».

— Хозяин, хозяин, — раздался откуда-то голос, — Помоги, хозяин.

Алексей пошел на голос и скоро увидел солдата, пытающегося выбраться из-под мертвой лошади. Он наклонился над беспомощным человеком, минуту разглядывал его и, наконец, произнес:

— Ты от меня ждешь помощи, Красномордый?

Лицо солдата перекосила гримаса ужаса. Он, безусловно, узнал Акробата. Красномордый задергался сильнее, стараясь освободиться из плена, но, поняв тщетность своих попыток, захныкал и стал молить:

— Пощади!

— Пощади? А ты пощадил моего отца? — Леха сцепил зубы, поднимая «Макаров».

Красномордый взвыл, как раненный волк, от бессилия

пытаясь вытащить кинжал из ножен, но, поняв, что ему не успеть, вдруг успокоился и посмотрел на своего врага совершенно спокойным взглядом.

— Великие боги, простите мне мои прегрешения…, — солдат, казалось, перестал замечать Акробата, приготовившись предстать перед своими Великими.

Леха вложил пистолет в кобуру на поясе. «Да, черт с тобой, сукин сын. Если сумеешь выжить с разбросанными по земле кишками — живи. Даже не в том дело, что я не хочу облегчить тебе страдания. Я — солдат, добивать беспомощных врагов — не велико геройство. Я — не ты, сволочь! Убийца невинных стариков, насильник слабых женщин».

В спину Алексею неслись проклятия Красномордого, вперемешку со стонами, но тот даже не оглянулся. Недалеко стоял конь, которого нужно было поймать. Впереди ждал Луэл.

Королевская резиденция не очень-то походила на дворец. Это, скорее, была крепость, окруженная стеной. Помпезным выглядел, пожалуй, только парадный подъезд — широкая лестница, освещенная разноцветными фонарями и охраняемая гвардейцами в цветастых мундирах. Алексей подскакал к стражнику и бросил ему в руки повод. Сам же спрыгнул с коня и бегом помчался в замок, не обращая внимания на отдающий честь караул. В туннеле он вдруг остановился, и, уже ничему не удивляясь, бросился в арку, ведущую на гребень стены. Снова внутренний голос повел его непонятной и нелогичной дорогой, но, и Леха уже не раз в этом убеждался, ему стоило поверить.

Со стены замок выглядел более живописно. Особенно нижние этажи с большими овальными окнами. Через них были видны нарядные кавалеры и миловидные дамы, прохаживающиеся и танцующие на сверкающем разноцветном паркете. Вычурные канделябры освещали роскошные залы сотнями свечей. Вышколенные официанты сновали меж гостей, разнося яства и напитки. Что празднуют сегодня эти люди? В честь чего этот бал?

Верхний этаж освещен не был. Глядел на Лешку огромными темными овалами и угрожающе молчал. Но страха Леха не испытывал. Он вообще ничего не чувствовал. А ведь где-то здесь должен находиться его враг. Навстречу Алексею направлялись два человека. Может быть один из них — король? Не похоже, скорее это дозорные на стене. Гвардейцы подошли к нему, но спросить ничего не успели. Леха ударил прикладом автомата одного в солнечное сплетение, второго — в лицо. После этого сбросил беспомощных дозорных со стены. До него донесся не стук падения тел о землю, а всплеск. Внизу — вода, ров или пруд. Путь отступления? Неплохо. Правда, стена высоковата — метров

двадцать. Если ров недостаточно глубок — можно расшибиться о дно. Но, не исключено, что выбирать попросту будет не из чего.

Ну, где же ты, король Луэл XI? Ты, ведь, должен знать, что твой враг рядом. Ты, ведь, чувствовал меня за много километров. В чем же дело? Почему сейчас от тебя ни слуху, ни духу? Мой мозг уже устал посылать тебе сигналы. Неужели ты их не слышишь? Стоп! А, может быть, и не слышишь. Шлем! Серебряный шлем, экранирующий или рассеивающий биоволны. Это поправимо.

Едва каска зазвенела о камни стены, на Леху нахлынули волны страха. Опасность была везде — смотрела из башен на стене, пряталась за темными окнами дворца, даже висела в небе и наблюдала за ним. Такой же ужас он испытал, когда первый раз ехал на броне по извилистой горной дороге в провинции Герат. Тогда старослужащие здорово напугали молодежь рассказами о душманах, и Леха с минуты на минуту ожидал взрыва мины под колесами БТРа или очереди из-за ближайшего валуна. Но показывать свой страх тогда было нельзя. И сейчас тоже не следует. Он положил пальцы одновременно на курок «Костра» и на спусковой крючок автомата, оглядываясь вокруг.

То, что он увидел, он сумел осмыслить значительно позже. Скорее всего, это был неяркий огонек индикатора готовности оружия к выстрелу, отраженный одним из зеркал в зале темного верхнего этажа. Маленький красный блик, едва мелькнувший за овальным стеклом погруженной во мрак комнаты. Но тогда думать было некогда. Вскинув свое оружие, он рванул оба курка, может быть, резковато, для опытного солдата. Но второй попытки быть не могло. Из темного овала окна вылетел столб неимоверно яркого огня, мгновенно превратившего все вокруг в геенну огненную. Камни стены взорвались, как тротил, осыпая окрестности каплями расплава.

Лешка в это время уже летел со стены вниз, пылая, как подбитый истребитель. Взрыва гранаты он не услышал, да и взорвалась ли она вообще? Вода во рву сбила пламя с одежды, но опасность не миновала. Сверху падали осколки стены — увесистые булыжники, раскаленные до такой степени, что взрывались, попадая в холодную воду. Обожженный и израненный, Лешка кое-как доплыл до противоположного берега рва, путаясь в остатках плаща и с трудом преодолевая тяжесть автомата на шее. Выбраться на сушу тоже было ужасно трудно. Хорошо, что он не сбросил вместе со шлемом и меч. Алексею удалось вогнать его в промежуток между камнями и использовать в качестве ступеньки.

Он посмотрел вверх. Стена пылала, будто была сложена из

угля или горючего сланца. Из нее выпадали глыбы, раскаленные, словно слябы стали на прокатном стане. Нужно торопиться. Сейчас Луэл пошлет своих сатрапов обыскать все вокруг. Нужно успеть захватить коня и скакать отсюда туда, где припрятана спортивная сумка фирмы «Adidas». Слава богу, оружие не пострадало и не потеряно, но боеприпасы на исходе. Может быть, удастся отбиться или, на худой конец увести преследователей от Лии и Дока.

Он приковылял к парадной лестнице, где четверть часа назад оставил коня. Удивительно, но, ни одного стражника на лестнице не было. Зато лошадей было полно, запряженных в кареты, оседланных — выбирай любую. Что-то случилось? Вскарабкавшись на сильную поджарую лошадь, Алексей оглянулся на дворец. Посмотреть было на что. Горела не только крепостная стена. Как факел пылали верхние этажи самого дворца. Могла ли осколочно-фугасная граната вызвать такой пожар. Вполне. От взрыва могли вспыхнуть портьеры, заняться обои, загореться мебель. Тем более что и бронебойно-зажигательные пули, которые Алексей выпустил одновременно с гранатой, тоже могли внести свою лепту. Но дело в том, что такой пожар разгорался бы какое-то время, может быть час или около того. А тут весь дворец пылает так, будто обильно полит бензином. Скорее всего, домик то вспыхнул благодаря пушке самого короля. Каким образом это могло произойти? Луэл выронил свою пушку при взрыве гранаты? Вот это да! Неужели он достал гада?

Раздался рев, словно одновременно завелись тысячи танков, и из разлетевшейся в щепки крыши вверх поднялся ярко-оранжевый раскаленный шар, разбрасывая во все стороны огненные брызги. Поднимаясь выше, он постепенно темнел, пока не превратился в дымное облако, подсвеченное восходящим светилом.

— Ну, тут я уж вовсе не причем, — пробормотал Леха, не в силах отвести взгляд от рассеивающегося дыма над дворцом, — гранаты так не взрываются.

В это время из туннеля на лестницу хлынул поток народа, будто из кинотеатра по окончании сеанса. Роскошно разодетые дамы наступали друг дружке на шлейфы и подолы пышных платьев, падали и визжали. Галантные кавалеры перепрыгивали через своих спутниц, пытаясь скорее покинуть горящий дворец. Делать здесь больше нечего. А то, чего доброго, лошадку отберут…

Леха нашел Дока на опушке хвойного леса возле небольшого

водопада, срывавшегося со скалы в маленькое озерцо. Лия продолжала спать на мягких шубах, Док возился возле костра.

— Как она? — спросил Леха.

— Пока рано говорить. А ты рассчитался со всеми своими врагами? — Док кивнул в сторону гор, откуда продолжал подниматься черный дым.

— Надеюсь, что некоторым попортил кровь. А насчет всех… Хотелось бы с Котом побеседовать, повыщипать ему усы да за хвост потягать.

— Что тебе сделал мальчишка?

— Думаю, он сдал меня Серебряному.

— С чего бы это?

— Из ревности. Он влюблен в Лию. И он меня узнал.

— Вот именно, влюблен, — покачал головой Док, снимая котелок с костра, — Так влюблен, что, скорее сам себе горло перережет, чем сделает что-то, что может навредить его любимой. Поверь, Алеша, он здесь совершенно не причем. И, вообще, чем мстить бедному парню, подумал бы лучше о себе.

— Что ты имеешь в виду?

— Что? Простые вещи. Где будешь жить, чем заниматься?

— Мне Цупка дом свой оставил. И лодку. Поселюсь в Сауре, буду рыбачить, а Лия — ждать на берегу.

— Не думаю, что тебе будет там уютно.

— Это еще почему?

— Видишь ли, старого рыбака любили и уважали в Сауре. А ты? Прибыл неизвестно откуда, втерся к старику в доверие, а сам оказался преступником, которого ловят власти. Боюсь, что рыбаки считают тебя основным виновником его гибели. Да и дом у него неплохой, много желающих найдется…

— Думаешь? Ну и ладно. Бог с ним Сауром. У меня достаточно золота, чтобы в другом городишке купить целую улицу таких домиков, как Цупкин. Собеседник покачал головой:

— Боюсь, что во всем Межгорье спокойной жизни ты не найдешь. Как на счет возвращения на Землю?

— На Землю? Ты думаешь, Лия сможет жить в земных условиях? Да там на каждом углу документы проверяют. А сама жизнь чего стоит? С тем золотом, что у меня имеется, там и квартиру-то с трудом купишь, не говоря уже о том, что золото еще продать нужно. Но дело даже не в этом.

— Не в этом? Понятно. Наследил?

— По-твоему, мне мои игрушки подарили? Их достать надо было. Но вернемся к нашим баранам. С чего ты взял, что у меня будут здесь проблемы?

— Попробую объяснить, — вздохнул Док, — Видишь ли,

конечно Луэл был в Межгорье чужаком и узурпатором, убийцей законного правителя. Но… Он оказался не самым худшим, с точки зрения простых людей, королем. Прежде всего, он прекратил междоусобицы. Укротил высокомерную знать, а особо строптивых — кого казнил, кого в леса загнал. Отогнал от границ кочевников и угомонил пиратов. Я не говорю уже о том, что он развязал руки торговцам, дал возможность спокойно работать ремесленникам, ослабил гнет податей на крестьян. Народ при нем жил более или менее удовлетворительно.

— Я сейчас расплачусь. Бэдный, бэдный птычк!

— Не перебивай, — оборвал Док иронию Алексея, — Да, его не любили. И, наверное, будут радоваться его смерти. Неделю. А потом начнется… Le roi est mort — vive le roi! Король умер — да здравствует король! Снова начнется борьба за власть, может быть, даже гражданская война. А кто от этого больше всего пострадает? Правильно. Не думаю, что тебе скажут спасибо за то, что ты натворил.

— Раз уж на то пошло, разве Межгорье — последняя страна на Ноле? — насупившись, пробормотал Леха.

— Должен тебя огорчить. Нола — небольшая планета, заселенная не так давно. По геологическим меркам, конечно. Два не очень больших материка — сплошные горы и плоскогорья. На одном — Межгорье, занимающее два-три процента территории. Остальное — земли кочевников. У них родоплеменной строй. Каждое племя — отдельный клан. И чужак попасть в эту семью сможет только в качестве раба, — он повернул голову и посмотрел на спящую Лию, — Или рабыни. Примерно тоже можно наблюдать и на островах архипелага. Что касается западного материка, то там медленно, но уверенно развивается негуманоидная цивилизация. Она настолько чужда человеку, что даже исследовать ее проблематично, не только жить по соседству. Это очень серьезная в будущем проблема нолианской цивилизации.

— Так что же мне остается? Самому захватить власть и стать Луэлом или Конартом … — надцатым? Ты это мне советуешь?

— Нет. Вот это я тебе как раз и не советую.

— Почему?

— Поверь, Алеша, лучше тебе этого не знать.

Какое-то странное чувство овладело Алексеем. Предчувствие чего-то очень неприятного, грязного. Сразу же окончательно испортилось и без того плохое настроение, непонятная тоска сжала сердце.

— Да нет, уж. Раз начал — говори.

— Боюсь, тебе это не понравится. Пойми, у каждого — своя

правда. И иногда эта правда входит в противоречие с убеждениями, моральными принципами, привязанностями. Есть определенные обязанности, которые, как индульгенция, оправдывают многие поступки, которые при обычных обстоятельствах считались бы безнравственными…

— Что ты плетешь? Оставь эту философию! Я ни черта не понимаю! Объяснишь ты мне, наконец, или нет? — почти закричал Алексей.

— Попробую. Если ты поймешь…

— Видишь ли, Алеша, — начал Док, — Как ты уже, наверное, понял, Нола для меня такая же родина, как и для тебя. Я, как и ты — из другого мира. А здесь нахожусь по делам службы — научного Комитета по контактам и исследованиям гуманоидных цивилизаций. Есть у нас такой. Наша цивилизация — древняя, гораздо старше вашей. Мы давно поняли механизм перемещения вдоль каверны, отделив колдовство от науки. Нам известно около двух десятков планет, на которых развиваются гуманоидные цивилизации — потомки людей с первичной планеты-матери. Исследованиями закономерностей их развития и занимается Комитет. Но есть одно правило. Изучать — можно, вмешиваться — нельзя. До поры. Не исключено, что в дальнейшем, на определенном этапе развития с некоторыми цивилизациями будет установлен контакт и даже сотрудничество. Однозначного мнения по этому поводу пока нет. Но с большинством планет устанавливать контакт пока рано. А уж влиять на их историческое развитие — и вовсе табу. Вмешательство же с помощью нехарактерного для данной цивилизации оружия и технических средств считается очень серьезным преступлением. В некоторых случаях это вмешательство карается смертью. Король Луэл XI — тому пример. Преступник, захвативший власть с целью удовлетворения своих амбиций, подмял под себя девственную, не испорченную пороками цивилизации страну. Нарушил все вселенские законы. И что? Получил по заслугам!

— Не понял. Разве Луэла убил не я? И ваши законы здесь не причем. Ты заешь, за что я его наказал, — какая-то догадка стала вертеться в мозгу.

— Алеша, какая разница, кто кого убил и за что. Значение имеет только факт неотвратимости наказания.

— Черт побери! Что ты хочешь сказать? Я что, игрушка в чьих то руках?

— Увы, Алеша. Ты все понял правильно. Наверное, учитывая то, что мы вместе пережили, ты имеешь право знать все. Только не нервничай, если конечно, хочешь узнать все до конца. Действительно, я использовал тебя, как у вас говорят, в темную. Я

неплохой экстрасенс, и будущее могу прогнозировать не хуже тебя. Я сразу понял, ты — тот человек, который сможет мне помочь и, подключил тебя к своей операции.

— К твоей операции? Я что-то не понимаю. Ты хочешь сказать, что обрек меня на все эти мучения вполне сознательно? Послушай, это что, благодарность за то, что я помог тебе вернуться домой?

— Эх, Алеша, ты до сих пор не понял. У меня перемещений вдоль каверны больше, чем у тебя прыжков с парашютом. Неужели ты думаешь, что мне тогда была нужна твоя помощь? Я просто показал тебе дорогу на Нолу, в надежде, что в дальнейшем смогу помочь тебе переместиться.

— Так это ты натравил на меня бандитов?

— Ну, Леша, я не буду присваивать себе чужие подвиги. Это чисто твоя заслуга. Со своими бандитами ты поссорился сам. Сам и переход осуществил. Я, конечно, предполагал, и даже начал планировать нечто подобное, но ты переплюнул мои самые смелые прогнозы. Представь, мы только начали разрабатывать волновую линзу под твое биополе, а ты, оказывается, и без нашей науки справился. О том, что ты на Ноле, я узнал только от королевских глашатаев. Ты оказался гораздо более сильным экстрасенсом, чем я думал. На моей памяти ни у одного новичка не получалось осуществить переход самостоятельно, без линзы, даже под угрозой смерти. У нас способных людей этому довольно долго обучают. А тебе сразу удалось. Я восхищен! И вообще, я тебя недооценил. Ты очень хитрый и коварный человек. Иногда я даже жалею, что связался с тобой. Не пришлось бы жалеть. Скажу откровенно, мне не хочется иметь тебя в числе своих врагов. Чего стоит твой трюк с гибелью на дуэли! Обманул всех, и Серебряного, и самого Луэла. Даже я почти поверил. Представляешь, я просмотрел весь отчет комиссии, которая вела дознание по факту твоей гибели в «Приюте усталого странника». Комар носа не подточит! Я лично разговаривал с врачом, который признал тебя мертвым. Он клялся, что твое сердце не билось. Как тебе это удалось? Загипнотизировал его? Ладно, не хочешь — не отвечай. Если бы я не купил у пьяницы-монаха окровавленную рубаху, которую сняли с трупа при эксгумации, да не сделал бы анализ ДНК крови, признаюсь, ты обманул бы и меня. Лис, действительно, настоящий лис!

— Так это ты меня выдал? Нашел и сдал собакам Луэла?

— Грешен, признаю. Я потратил очень много сил и средств, чтобы позволить тебе наслаждаться жизнью, ловить себе рыбку, завести красавицу жену и с умилением наблюдать, как твои детишки дергают за усы старого Цупку. Мне, конечно, жаль, что

тебе довелось вынести столько мук. Но, согласись, какое приключение! Кто из землян может похвастать тем, что видел другие миры?

— Мне не нужны такие приключения. Это не моя война, а твоя. Зачем ты втравил меня? Свои проблемы нужно решать самому. Почему я? Почему не сам? Или не твои соотечественники?

— Сам? Извини, дорогой, я этого делать не умею. Я не убийца, у меня другая профессия. Что же касается моих соотечественников… Алеша, наша цивилизация ушла далеко вперед по пути прогресса. И прогресса личности, гуманизма, в том числе. Мы очень ценим человеческую жизнь и здоровье. Даже если возникает острая необходимость лишить кого-либо жизни или ограничить в правах — это сделать очень и очень сложно. Да что там говорить! Наши дети не дерутся в школах. Наши женщины не в состоянии зарезать птицу, чтобы приготовить еду. Мы не производим оружия — я имею в виду оружие, которым можно убить человека или животное — уже несколько сотен лет. Даже пресловутая пушка Луэла, это не что иное, как переделанный им рабочий орган установки для бурения особо твердых пород. Найти среди миллиардов гуманистов хотя бы одного авантюриста, способного на решительные действия — все равно, что найти иголку в стоге сена. Другое дело, ваш мир. Скажу откровенно. Посещая, Землю я боюсь. Боюсь за свою жизнь, здоровье, боюсь, что никогда не вернусь домой. Страшнее цивилизации я не видел. Даже не верится, что Земля — планета, населенная человеческой расой. В других мирах люди тоже убивают друг друга, но там это — из ряда вон выходящее, часто вынужденное действие, имеющее какое-то логическое обоснование. У вас же это непременная составляющая жизни. Уж и не знаю в чем причина, толи в высоком уровне радиоактивного фона, толи в благоприятных условиях окружающей среды, которая породила обилие живых организмов, а стало быть, и жесткую конкуренцию между ними. Но агрессии в твоем мире хватило бы на десяток цивилизаций. Ваша история — сплошные войны. Твои земляки — все потенциальные воины, даже если у них мирные профессии. Взять, к примеру, тебя. Тебя чуть ли не с рождения учили убивать. Детство свое помнишь? Какая была у тебя любимая игрушка? Пистолетик, танк, оловянные солдатики? Да ты еще короткие штанишки носил, но уже умел выполнять команды «равняйсь-смирно», ходить строем по школьному двору за учителем физкультуры и горланить «…солдаты в путь». А ваш спорт? У вас даже самые безобидные игры, те, где нужно закатить мячик или кусок резины в сетчатую рамку вызывают всплески

эмоций и агрессии, травмы и драки среди игроков и зрителей. Но то, чем занимался ты — это вообще что-то неимоверное! Я даже представить себе не могу, что испытывает человек в состоянии нокаута. Ну и, наконец, армия. Ты хоть помнишь, сколько людей ты убил на своей войне?

— Я выполнял свой долг. К тому же, не я их — так они меня. Это война.

— Ха-ха, долг! Это сколько же нужно было задолжать, чтобы платить такие проценты? Вы, похоже, жили не по средствам. Образование? То, которое ты получил — во всех отношениях среднее. Не Оксфорд, не Итон. Квартиру дали? Да… Большую. У пчел в улье комфорта больше. И даже это считалось удачей! По площади квартирка даже превышала те времянки да коммуналки, в которых твои отец и мать ютились большую часть жизни. И со всеми совмещенные удобствами, и в район с целебным воздухом, ароматизированным промышленными газами. Есть чему радоваться и рисковать жизнью в благодарность за такую заботу. Или медицина, лечение? Твои родители умерли совсем еще не старыми. Болезни, сведшие их в могилу, нормально лечатся даже вашими врачами. По крайней мере, с такими диагнозами в других странах люди живут годами, если не десятилетиями. И все это бесплатно, говоришь? Да, если не считать тех денег, которые за всю жизнь твои родители недополучили в качестве зарплаты. А если посчитать пролитую тобой кровь за чьи-то амбиции и сомнительные идеи, то неизвестно, кто кому должен. Алеша, может, я и втравил тебя в нехорошую историю, но я, по крайней мере, тебе неплохо заплатил.

— Что? Эти паршивые доллары ты считаешь…

— Стоп, стоп, стоп! Доллары, они хоть и паршивые, но в данном случае — совершенно не причем. Доллары — это приманка, на которую ты, между прочим, клюнул. Заплатил я тебе кое-чем другим.

— Чем же?

— Ну, скажем, жизнью. Почему такое удивленное выражение лица? Ты забыл о своей головной боли, забыл, сколько обезболивающего принимал ежедневно? Или ты думаешь, я тебя вылечил от мигрени? Алеша, у тебя был рак головного мозга. Болезнь ужасная и неизлечимая. После ранения в голове образовались спайки, которые затруднили кровоснабжение участка мозга. В результате клетки переродились в раковые. У тебя вскоре должна была быть комиссия по инвалидности. Так вот, там тебе дали бы первую группу и отправили бы на очередную операцию, на этот раз — в онкологию. А, учитывая, что ваши врачи не умеют пока лечить такие запущенные формы

этого заболевания, можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день, не встреть меня, ты, Алеша был бы уже мертв.

— А ты излечил меня, наложением рук?

— Я, на твоем месте, не иронизировал бы. Я, конечно, не такой уникум, как ваша Джуна или Чумак. Наложением рук, как ты говоришь, можно вылечить психические заболевания, нервные потрясения. Хотя и тут не все так просто. У тебя же недуг был физический. Мне пришлось здорово попотеть, пытаясь добраться до твоей истории болезни. К счастью, ваши врачи о долге и врачебной тайне думают гораздо меньше, чем ты, а предпочитают наличные. Я изучил твои симптомы, рентгенограммы, анализы, добыл образец твоего ДНК. И наши врачи, уже не на Земле, а в Метрополии, синтезировали антитело, способное уничтожить раковые клетки в твоем мозгу. А наложение рук… Я просто усыпил твое недоверие ко мне. Каюсь, ты пережил несколько неприятных мгновений, но зато спокойно выпил коньяк, не заметив, что я капнул в бокал. Вторую дозу ты принял вместе с минеральной водой уже на пути к кургану. Ну, и довершила твое исцеления сама канва. Вот так-то, герой!

— И все это — авансом? А вдруг я не стал бы помогать тебе? Взял бы и просто отказался переться с тобой за город? Почему такое внимание к моей персоне?

— Невнимательно слушаешь? Я ведь объяснял, что могу предугадывать будущее не хуже тебя. Я задолго до нашего с тобой очного знакомства догадывался, что ты — наиболее подходящий для выполнения миссии человек. Кроме того, машина выдала благоприятный результат относительно тебя.

— Машина?

— Да, есть у нас такие компьютеры, как вы их называете. Анализируют каждую мелочь, каждую черточку характера, каждую морщинку на щеке в контексте поставленной задачи. Тут тебе и астрология, и наследственность, и хиромантия — все учитывается. А потом выдают результат. Так вот, проанализировав твои данные, машина выдала процент удачи на порядок выше, чем у других претендентов на роль героя. Ну, риск, конечно, был. Абсолютного успеха гарантировать не может никто. Но, как это у вас говорят: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

— Похоже, свое шампанское ты-таки получил. Ну, если тебе верить, то и я, вроде бы, не в проигрыше. Но что ты скажешь о ней? — Алексей указал на спящую Лию, — За какие такие грехи ты обрек ее и Цупку на мучения и даже смерть?

— С тобой трудно разговаривать, — вздохнул Док, — Ты только что твердил мне о долге. Почему же не хочешь признать

подобное право также и за мной? Что, если и у меня есть свои обязательства? И я имею в виду даже не столько свои профессиональные обязанности, за которые получаю плату. Что если и у меня есть убеждения, что если и я считаю себя за что-то ответственным? Представь такую ситуацию. Сперва этот уголовник Луэл, воспользовавшись оружием, покорил менее развитый народ. Потом — ты решил бы занять его место, и тебе это сошло с рук. А дальше? Авантюристы всех мастей, схватив в руки пищали, автоматы, бластеры отправились бы в новую конкисту, покорять отсталые народы. Это же вселенская экспансия! Хаос! Можно такое допустить? Не в этом ли состоит мой долг? Не великая ли это цель — сохранить право народов на свое развитие, свою историю, свою жизнь, наконец? Ради этой цели любые средства хороши. Как у вас там, на Земле, говорят: «Лес — рубят, щепки — летят!».

— Значит Лия — всего лишь щепка? А ты знаешь, что тот, по чьей вине хоть один волосок упадет с ее головки, и дня не проживет? И Серебряный, и Красномордый, и сам Луэл пострадали не за твою идею. Они обидели мою девушку. И жестоко поплатились за это. И вот теперь выясняется, что основной виновник ее бед — ты? Как ты думаешь, что я с тобой сейчас сделаю? — Алексей вытащил из кобуры пистолет и снял его с предохранителя.

— Все-таки мы с тобой люди разных миров. У тебя совсем другие ценности. Примитивный инстинкт размножения толкает тебя на необдуманные поступки. То-то, я смотрю, тебя предупреждаешь открытым текстом, а ты, будто не слышишь. Любовь? Ну-ну. Не напился крови? Что же, стреляй!

Алексей внимательно взглянул в глаза Доку, пытаясь понять, почему он так спокоен. Он будто знал, что не умрет. Знал лучше, чем сам Алексей. Рассчитывал на благодарность за исцеление? Врядли.

— Стреляй, стреляй, — подначивал Док, — Но только сначала в нее, а потом в меня. Впрочем, можно и наоборот. Существенной разницы не будет. Она серьезно больна. С твоей пассией еще нужно не одну неделю работать, пока удастся стереть из ее памяти последствия нервного потрясения, связанного с твоим арестом. А без этого она умрет. Будет страдать от паранойи и депрессии, и, в конце концов, покончит с собой или сойдет с ума. Даже и не знаю, что лучше. Так что — вперед! Прочь сомнения и колебания! Ее жизнь — в твоих руках.

— Ладно, твоя взяла, — сказал Алексей, пряча «Макаров» обратно в кобуру, — Убивать тебя пока не буду. Но кое-что, Док, я тебе попытаюсь объяснить.

Док, со своей способностью предугадывать будущее, догадывался, что Леха собирался ему втолковать, но увернуться все равно не успел. Кулак Алексея врезался ему прямо в подбородок и свалил на землю.

— Теперь, дружище, ты имеешь представление о том, что чувствует человек в состоянии нокаута, — говорил Лешка, приводя в чувства привязанного к телеге Дока, — Пока что, отдыхай. Знаешь, я ужасно устал. Предыдущие ночи я провел в дороге, а в поездах я всегда плохо сплю. Прошлую же ночь я и вовсе не спал — решал вселенские проблемы. Так что, мне тоже нужно выспаться. Когда я отдохну, я заставлю тебя вылечить Лию. Даже если это займет много времени. А потом я решу, что с тобой делать, в зависимости от того, простит она тебя или нет.

Он снял полусгоревшую и насквозь мокрую одежду, постелил конскую попону, подсунул под голову сумку «Adidas» и, наконец, смог расслабить напряженные мышцы и взвинченную психику.

Алексея разбудил луч светила, висевшего над самыми горами. Ого! Он проспал до самого вечера. Стоп! Какого вечера, горы-то на востоке. Это утро. Выходит, сон длился почти сутки. Длинные нолианские сутки. Неужели он до такой степени устал? Нет, здесь что-то не чисто!

Действительно, сразу обнаружилось два неприятных сюрприза. Первый — это то, что Док удрал. Возле телеги лежала уздечка, которой накануне Леха связал своего пленника. Самого же Дока и след простыл. Второй сюрприз — кто-то перерыл все Лехины вещи. Ничего, вроде бы не пропало, но обыск был основательный. Мало того, что были вывернуты все карманы одежды. Спортивная сумка была вытащена из-под его головы и тоже чуть ли не вывернута на изнанку. А он даже не заметил. Да, Док орудует своей экстрасенсорной силой гораздо эффективнее, чем Лешка кулаком. Отключил своего противника на сутки! И оружия не побоялся, вытряхнул патроны из магазинов, вывернул запалы из оставшихся гранат. Что искал Док? У него, вроде, нет ничего, что бы могло заинтересовать этого человека. Разве что, линза. Кстати, не пропала ли она? Алексей поднял меч и открутил набалдашник рукоятки в виде голов целующихся змей. Кристалл был на месте. Серебро рукоятки надежно экранировало линзу, а о тайнике Док, судя по всему, не знал. И как только он сообразил спрятать камушек! Наверное, не обошлось без интуиции. Кажется, на этот раз Док остался в дураках. Интересно только, зачем ему понадобилась линза, которая, по его же словам, была изготовлена именно для Алексея и никому другому просто не подходила? Ладно, об этом можно будет подумать позже. Сейчас главное — Лия.

Леха подошел к телеге. Девушка, похоже, сладко спала. Он положил руку ей на лоб. Жара уже не было. Вдруг Лия открыла глаза.

— Акробат, Леша, какое счастье, что ты рядом! — девушка обняла его за шею.

— Как ты себя чувствуешь, милая?

— Замечательно, я так славно выспалась, такие замечательные сны видела! — сказала Лия, целуя его щеки и губы. Но тут же ее личико искривила гримаса притворного каприза:

— Что я говорю! Я себя ужасно чувствую. За время сна я так по тебе соскучилась, что никогда больше не буду спать. Вдруг она удивленно оглянулась по сторонам и спросила:

— А где это мы? Как мы здесь очутились?

Эпилог

Огромное необычно красное солнце скрылось за массивным горным кряжем, и в это самое время первая звезда, оставляя за собой ярко-голубой след, сорвалась с темнеющего неба и взорвалась яркой вспышкой, не успев коснуться горизонта. За ней вспыхнула вторая, третья, и скоро все небо расцвело яркими красками природного фейерверка. Но и это было не все. Метеорный поток вызвал ионизацию верхних слоев атмосферы, и в небе загорелось необыкновенно яркое сияние, на Земле называемое северным. В сумме с метеорным небесным пожаром, зрелище было незабываемо красивое.

Зал зааплодировал, в прозрачный потолок полетели пробки от газированного вина, раздался звон хрусталя. Господин Элл Маргио тоже поднял свой бокал и звякнул им о бокал госпожи Элл Маргио.

— С праздником, дорогая.

— И тебя, милый.

Женщина, ради которой он прошел сквозь пространство, пересек полвселенной и совершил столько, что самому и вспомнить-то страшно, протянула к нему бокал и улыбнулась своей замечательной улыбкой.

Раз в год метеорный поток пересекал орбиту планеты, вызывая красивейшие атмосферные явления. Вечер этого дня руководство корпорации объявляло праздничным и нерабочим. Для Элла Маргио этот праздник был последним. Двадцать пять лет работы истекали через четыре месяца. Потом — пенсия. Старик. Он — старик. С ума сойти! На ринге, на борцовском ковре, на беговой дорожке ни один его подчиненный не в состоянии составить ему конкуренцию. Но закон — есть закон. Достиг определенного возраста — подготовь смену и дай дорогу молодым. Если руководящие должности будут занимать до смерти или впадения в маразм этакие «динозавры», что останется молодежи? Состариться в мальчиках «подай-принеси»? Захотят ли в таком случае «мальчики» вообще работать в корпорации? Что поделаешь, справедливо. Заканчивается еще один этап в его жизни. Двадцать пять лет. Двадцать пять Праздников падающих звезд. Первые праздники они с женой отмечали на поверхности планеты, наполнив питьевые резервуары скафандров вином. По мере карьерного роста пришлось перебраться в зал центрального солярия, где устраивались корпоративные банкеты для руководящего состава компании. И вот теперь последний Праздник падающих звезд. Стоит подумать о будущем, но

прошлое не отпускает, все время лезет в голову, проявляется в сознании так отчетливо, будто все происходило не далее, как вчера.

Док оказался совершенно прав. После гибели Луэла XI в Межгорье начались смутные времена. Как тараканы со всех щелей на свет божий полезли многочисленные родственники предыдущих правителей страны. Поначалу все было чинно-благородно и даже красиво. В столицу, в Луэлрэст со всех концов страны на выборы правителя съезжались претенденты со своими свитами, разряженные, как павлины в пышные цветастые наряды. Но выбрать короля не удалось, ни в первый, ни в последующие разы. Уж больно многим приглянулся высокий трон Межгорья. Тогда взялись за оружие. Почти у каждого более или менее состоятельного принца появилась своя армия. Пока только для того, чтобы подчеркнуть весомость своих претензий. Но вскоре пролилась и первая кровь. Началась братоубийственная война.

Акробата и Лию не интересовали перипетии местной политики. Тем более, что в армии вербовали пока только добровольцев и только за деньги. Чего-чего, а денег у молодых хватало. Лешка тайно наведался в Саур и забрал из-под пня во дворе Цупкиного дома все, что они со старым рыбаком спрятали в тот последний счастливый день. Супруги поселились в глуши, подальше от властей и наслаждались своей любовью. Лия была вполне здорова, о том, что произошло в Сауре, она совершенно не помнила. Док все-таки вылечил ее, а Леху элементарно надул. И спасся от его гнева.

Но тогда Алексей об этом как-то не думал. Они были счастливы. Увы, это продолжалось не долго. Денежки у претендентов скоро кончились, и армии стали комплектовать совсем по другому принципу. Вербовщики стали появляться в городах и селах во главе вооруженных отрядов. Молодых людей хватали и насильно загоняли в казармы. Кто не состоял в чьем-либо войске, считался дезертиром и рисковал быть повешенным на ближайшем дереве. Алексею до поры до времени удавалось откупиться от вербовщиков. Но вскоре возникла новая проблема.

Один из многоюродных внучатых племянников кого-то из прошлых королей издал вердикт, согласно которому Луэл XI, хоть и был самозванцем и узурпатором, все же сидел на троне Межгорья. А, следовательно, исполнял обязанности короля. Стало быть, казнить его можно было только по приговору суда высшего дворянства. По этому указу выходило, что убийца короля Луэла XI, небезызвестный Акробат является государственным преступником, и за его голову назначалась довольно значительная награда.

Оно и понятно. Война зашла в глубокий тупик. Ни один из претендентов не мог одержать верх над соперниками. Оставалась только одна возможность решительной победы — новое смертоносное оружие. Пушка Луэла была уничтожена во время пожара королевского дворца. А оружие Акробата существовало и могло принести победу какой-либо из сторон.

Тут уже деньги помочь не могли. Приходилось маскироваться, менять имена, переезжать с места на место. Путешествуя по гибнущей в огне войны стране, Алексей локти себе кусал от досады и чувства вины. Неужели это результат его деятельности? Неужто он во всем виноват? Сгоревшие деревни, обозленные недоверчивые люди, банды мародеров в лесах, нищие калеки возле храмов. Одного такого беднягу они встретили, когда хотели поесть в придорожной харчевне. Молодой парень просил посетителей угостить его чем-нибудь, показывал руку, на которой отсутствовала кисть и забинтованную ногу. Парень пытался петь, но из горла летели только хрипы. Хозяин и посетители в лучшем случае не обращали на калеку внимания, а то и отгоняли тумаками. Мало ли сейчас шляется по дорогам подобных попрошаек! Лия от ужаса закрыла лицо руками. Она узнала Кота.

Бедный парень тоже узнал их и, упав перед Лией на колени, начал было клясться, что не он предал ее друга. Леха еле успел зажать ему рот и успокоить. Не хватало еще, чтобы Лия вдруг вспомнила тот кошмар! Немного поев и опьянев от сущей капли вина, Кот рассказал печальную историю конца семьи Отца.

Однажды их табор окружили солдаты. Всех мужчин, даже таких стариков, как Отец, насильно увели в воинский лагерь, вооружили заточенными деревянными кольями и на следующий день вместе с другими несчастными, не сумевшими скрыться от вербовщиков, погнали в бой, закрывать прорыв бронированной конницы противника. Погибли все кроме Кота. Парня сильно изранили, но ему удалось отползти в кусты. Там он пролежал до утра, чуть не умер, кроме ранений сильно застудился, но все же, как-то выкарабкался. Хотел вернуться в табор, но куда делись женщины и живы ли они, узнать не удалось.

Коту, к счастью, помочь удалось. В отдаленной глухой провинции Алексей купил хутор — домик и немного земли. Леха с Лией и Кот долгое время скрывались на нем, но скоро до них стали доходить слухи, о том, что ими заинтересовались власти. Пришлось снова срываться с места. Перед отъездом супруги наняли для Кота служанку — сельскую девчонку. Восьмая или девятая дочь в бедной семье, она была умелая и работящая. Ее родители были только рады, что избавились от лишнего рта, тем более, что получили на руки годовую зарплату дочери. Не нужно

было уметь предугадывать будущее, чтобы понять, к чему приведет подобная сделка. Коту будет трудно без посторонней помощи, он скоро привяжется к своей служанке, тем более, что Лия для него потеряна навсегда. А бедная девчонка, имевшая из имущества всего одно старое платьице, пойдет на многое, чтобы стать хозяйкой немаленького по местным меркам хутора. К тому же, Кот, не смотря на свои увечья, был далеко не уродом. Пожалуй, за него можно не беспокоиться.

Другое дело — его собственная семья. Лия ждала ребенка, их первенца. Событие и радостное, но в то же время и тревожное. Что за жизнь он уготовил своему наследнику! Вечные скитания и страх? Мысли не давали покоя, лишили сна и аппетита. Во что он превратил эту райскую беззаботную страну. Теперь она залита кровью и сожжена огнем. Нужно ли было совершать то, что он совершил? Можно ли было пойти другим путем? С другой стороны, а был ли у него выбор? Док советовал не возвращаться на Нолу, остаться на Земле. Советовал! Чего стоили его предупреждения! Уж кто-кто, а он прекрасно знал, как поступит земной друг, чего бы ему ни посоветовали. Да и что ждало Леху на родине? Рано или поздно, до людей Чачи дошли бы сведения о возвращении Алексея, и они, наверняка, постарались бы исправить свой предыдущий ляп и убрать опасного свидетеля. А мог ли он бросить в беде Лию? И даже этого негодяя, Дока? Ведь он считал того своим другом. Пожалуй, легче было покончить с собой. В противном случае, заела бы насмерть собственная совесть.

А может, не стоило убивать короля, как тоже советовал Док? Тогда пришлось бы скрываться от Луэла с Серебряным. В чем разница? Ну, Док, ну, сукин сын! Надо же, как все продумал, как спланировал! Не оставил выбора. Никакого, ни малейшего!

А положение все более осложнялось. Лия должна была скоро рожать. Бегать от властей становилось все трудней и трудней. К счастью, Алексей неожиданно встретил еще одного старого знакомого. Этот знакомый снова ездил в карете, запряженной парой красивых лошадей, и носил шапку из меха горной куницы. Правда, в хвостах проседи не было, но, все равно, вид у Прохвоста был очень важный. После их последней встречи дела у жулика пошли лучше. Он поступил на службу к одному дворянчику, получил в управление небольшой городок, купил дом и опять женился — Прохвост своим вкусам не изменял — на молодой даме.

Акробату Прохвост очень обрадовался. Он считал себя обязанным парню — те деньги, которые достались ему после трюка с дуэлью, здорово помогли жулику встать на ноги. Поэтому

отплатил той же монетой — помог Алексею с Лией устроиться в городке. Больше того, сидя в градоуправлении, он умудрялся долгое время ложить под сукно все доносы, в которых добропорядочные граждане пытались уведомить своего соверена о подозрительном человеке, который очень напоминал государственного преступника — Акробата. Помогал Прохвост, конечно, не даром. Иначе он не был бы Прохвостом, но его помощь того стоила. Молодые люди пережили в городке самое трудное время. Трудное, но все-таки счастливое — Лия родила сына.

Имя ребенку придумывали порознь. Алексей выбрал ему одно из немногих имен, значение которого знал — Владимир. Нужно же было объяснить жене, что означает имя их ребенка. Как назвала ребенка Лия пусть останется тайной, традиции ее народа нужно уважать.

К сожалению, скоро Прохвост узнал, что доносы стали отправляться через его голову, и предупредил Алексея. Обиднее всего, что автором этих посланий был ни кто иной, как женушка Прохвоста. Молодая дама сразу положила глаз на красивого высокого друга своего плюгавенького муженька. Однако, Алексей и мысли не допускал о романе с женой друга за спиной любимой женщины. Получив отставку, госпожа Прохвостка затаила злобу, которую выместила в письмах к властям. Пришлось снова отправляться в дорогу.

А петля те временем затягивалась. Уходить от погони становилось все труднее. Тем более, с грудным ребенком на руках. Деньги уже не всегда помогали, тем более что и они уже были на исходе. Как ни пытался Алексей избегать серьезных конфликтов — нет-нет, да и приходилось отбиваться. Обычно, он управлялся кулаками, в крайнем случае, ножом или мечом. Но несколько раз ситуация настолько осложнялась, что приходилось доставать сумку с надписью «Adidas». А это был сигнал его врагам, что Акробат жив и его оружие вполне боеспособно. Обычно после этого цена его головы возрастала.

Было понятно, что настало время покинуть Межгорье. Но куда податься? К кочевникам? Нет, абсолютно исключено! Мы — не рабы, рабы — не мы! С пиратами — та же ситуация. Затеряться в восточных лесах, прибившись к лихим людям? При такой-то цене его головы? Разбойнички своего шанса не упустят. О западном материке и вовсе речи быть не может. Кто его знает, что за нелюдской разум там процветает.

Земля? Он так сильно наследил во время своего последнего посещения планеты, устроил такую бойню, да еще оставил столько свидетелей и вещественных доказательств, что

сомневаться не приходилось — его найдут и запрут пожизненно. Если еще раньше его не найдут Чачины дружки. Лию, вероятнее всего, ждет психушка. Ну, а маленького Володю отправят в детдом. Нет, такая перспектива его не устраивала.

Последнее время он часто думал о странном поступке Дока. Зачем он устроил обыск? О том, что линзу изготовили специально для Алексея, и никому другому она пригодиться не могла — это его слова, за язык никто не тянул. Зачем же ему понадобился кристалл? Не дать Лешке покинуть Нолу, обречь на гибель? Сомнительно, куда проще было убить его во время сна. Или, если не способен сам, выйти на дорогу и сообщить солдатам, где находится убийца их короля. Но Док не только в тот раз не предал Алексея, но и вылечил его невесту. Нет, причинять вред Док им не хотел.

Может быть, он не желал, чтобы Леха вернулся на Землю? То, что Док сам предлагал вернуться домой, во внимание принимать не стоило. Цену этих советов он уже понял. Чего же боялся Док в случае его возврата на Землю? Болтать языком Леха не стал бы, иначе его приняли бы за сумасшедшего. Боялся, что линза попадет в руки ученых, и тайна межзвездных перемещений перестанет быть тайной для землян? Тоже чушь. Линза долгое время уже находилась в руках ученых, притом, именно специалистов-кристаллографов. Там, в Польше. И что? Ничего! Нет, не стыкуется.

А может быть, авантюрист боялся, что Алексей доберется до его родного мира? Доберется и за все отомстит? Да нет, сомнительно. Леха не знает, как попасть в мир Дока. Но знает, что его там ждет. А ждет его смерть, как нарушившего закон о невмешательстве в исторические события чужой цивилизации. Впрочем, это, опять-таки, известно только со слов Дока. А Док — великий лжец. Не было ли это сказано, чтобы предостеречь Лешку от нежелательных поступков? Ведь он сам признался, что боится Алексея, что не хочет иметь его в числе своих врагов. Вдруг с помощью линзы парень все-таки сможет проникнуть в его мир? Может быть, решил перестраховаться? Этот Акробат такой хитрый и непредсказуемый и, к тому же, жестокий и отчаянный… Его нужно бы припугнуть, но на всякий случай, лишить самой возможности когда-либо добраться до своей планеты.

Опять не стыкуется. Если Лешке и удастся пробраться в мир Дока, то воевать с таким сильным противником придется на его территории. Это даже не с душманами в горах, это совсем другой и неизвестный Алексею мир. Мало того, что Док и сам — парень не промах, так еще и вся мощь государственной машины придет на помощь. Стоит только позвать.

Стоп! А может быть, именно этого Док и боится? Акробату отомстить, безусловно, не дадут, поймают, будут допрашивать, а он начнет говорить… Ну и что? Какая здесь может быть угроза Доку? Ведь он выполнил задание, успешно провел операцию. А если не совсем успешно? Или задание было другим? Пожалуй, все это становится логичным, только в том случае, если предположить, что он сделал что-то не так, как того требовала ситуация. Может быть, он превысил свои полномочия? А может быть, действовал по собственной инициативе, а то и вовсе сводил с Луэлом личные счеты? В таком случае — вытанцовывается.

Уже несколько месяцев Алексей просиживал ночи напролет, сжимая в руке кристалл и вызывая беспокойство Лии. Какие только миры он не повидал через сияющую воронку, описать — бумаги не хватит. Главное, что он обнаружил одну планету, которая, вероятно, значительно опередила в развитии земную цивилизацию. Это можно было предположить, глядя на здания, похожие на деревья, вознесшиеся над землей вокруг небольших по площади и высоких остовов. Видно земля в этом городе была очень дорогая. Транспорт тоже был непривычный — переплетения каких-то стеклянных коридоров, внутри которых что-то двигалось. А между зданиями летали, как насекомые, странные аппараты.

Не обязательно, конечно, что это был мир Дока, но больше ничего, даже отдаленно напоминающее планету с высокоразвитой цивилизацией, Лешка не обнаружил. Да что там говорить о цивилизации! Он не нашел даже одного более или менее пригодного для жизни мира. Вероятно, и в каверне нужно уметь найти дорогу. Что же, наверное, придется рисковать.

И все-таки, Алексей никак не мог решиться совершить переход. Страшно. Безусловно, страшно. Не за себя. В конце концов, отвечать за свои поступки когда-то придется. Ведь, есть за что! Но что ждет Лию и малыша? Даже если это планета Дока, смогут ли они его отыскать? А если отыщут, захочет ли он им помочь?

Последнее время они жили вообще вдали от людей. Нашли в горах заброшенный домик, похожий на кавказскую саклю, сложенную из кусков гранита с крышей, крытой плоским слоистым камнем. Питались тем, что Алексей изредка покупал внизу, на базарчике в отдаленной деревеньке, куда добирался окольными путями, опасаясь слежки, и еще тем, что удавалось добыть на охоте.

Две недели назад мимо сакли пастухи гнали свое стадо. Леха строго настрого запретил домочадцам выходить из сакли и даже выглядывать в оконце. Но пастухи видно все равно что-то

заподозрили, шли, уж очень не спеша, постоянно оглядываясь на домик. И вот сегодня Алексей заметил внизу вооруженный отряд. Сомнений не оставалось — по их душу. Здесь, вверху нет ничего, кроме этой сакли. Все, тикать уже не куда. За перевалом — кочевники. Нужно решаться.

Он спрятал Лию с Володей в небольшой овражек, напоминающий окоп, а сам вернулся в дом. Ну, сумочка, послужи в последний раз. Сумка фирмы «Adidas» стала значительно легче. Патронов почти не осталось, гранат и вовсе не было. Зато остался брикет пластида и бикфордов шнур. Размяв в руках взрывчатку, Леха облепил ею автомат и пистолет. Чтобы никому не достались. Хотел положить в сумку и меч, но передумал. Закинул на крышу сакли. Пусть, когда найдут обгоревшее, но узнаваемое оружие Серебряного, снова подумают, что Акробат, наконец, погиб. Он ведь не только Акробат, он еще и Лис!

Леха размотал бикфордов шнур. Три метра, около пяти минут. Нормально, солдаты будут здесь только через час. Вспыхнула золотая зажигалка Чачи, и огонек весело побежал по шнуру.

Он спрыгнул в окопчик и обнял насмерть перепуганных Лию и Володю. Хорошо бы переместиться раньше, чем огонек добежит до детонатора, не хочется пугать их еще сильнее. Рука с силой сжала волновую линзу, и тут же на фоне мрачных скал вспыхнула маленькая звездочка. Взрыва они не услышали.

Они очутились в огромном зале со сферическим потолком. Странная пугающая картина. Для него. Что же говорить о Лии? Маленький Володя заплакал. Алексей взял его у матери, посадил на правую руку. Левой обнял Лию за плечи и прижал к себе. Людей в зале было немало, но они двигались, где-то на пирефирии, в центре же, рядом с ними, никого не было — пустота. Но вот Лешка увидел, что к ним направляется человек. Высокий мужчина, почти с него ростом, одетый в светло серый костюм, скорее всего форменный, уж больно строгий, даже по земным меркам. Ребенок его очень испугался, Алеша с трудом успокоил сына. Подошедший без какого-либо выражения на лице произнес несколько фраз, из которых Алексей не понял ни бельмеса. Не добившись другого ответа, кроме пожатия плечами, человек дал им знак двигаться за собой. Он направился вглубь зала, и подвел их к столу, за которым сидела симпатичная девушка. Она также носила в одежду светло серых тонов. Если бы не очень короткая юбка, можно было бы предположить, что это тоже форма. На голове у девушки был обруч из темного металла или пластика. На украшение это не походило. Так что, Алексею поначалу показалось, что перед ним робот. Тем более, что перед

девушкой прямо в воздухе светилась картина, скорее всего, голограмма, на которой вполне узнавались сам Леха и его семья. Девушка произнесла небольшой монолог, понятный ему не больше, чем фразы, изреченные мужчиной. Покачав головой, Лешка только и смог ответить:

— Не понимаю.

Тут же по экрану пробежала волна, затем картинку сменили непонятные знаки. «Местный компьютер» — подумал он.

К его удивлению, следующую фразу девушка произнесла на чисто русском языке без какого-либо акцента.

— Так вы прибыли с Земли?

— Вообще-то, с Нолы, — ответил изрядно удивленный Алексей.

— Почему же, в таком случае, вы говорите по-русски? Это один из языков Земли.

— Я родом с Земли, но прибыл с Нолы. Моя жена и сын рождены на Ноле.

— На каком языке вам удобнее общаться? — спросила девушка.

Алексей взглянул на испуганное лицо его жены и подумал, что Лия будет чувствовать себя спокойнее, если будет понимать смысл разговора.

— Пожалуй, на языке Межгорья. В смысле, на нолианском. Если вы его знаете.

Девушка знала. Она понимающе кивнула и начала задавать свои официальные вопросы уже на языке, понятном и Лии.

— Цель прибытия в Метрополию?

— Просим политического убежища. На Ноле война. Я боюсь за жену и сына.

— Как узнали о существовании Метрополии? Случайно такие переходы осуществить невозможно, даже сильному экстрасенсу.

— У меня здесь знакомый. Я надеюсь, он нам поможет.

— Знакомый уроженец Метрополии? Интересно. Как его имя?

— Он мне назвался Доком, — сказал Лешка, не слишком надеясь на успех.

Действительно, девушка посмотрела на непонятные знаки, высветившиеся на голографическом экране, и отрицательно покачала головой.

— Он работает в вашем то-ли комитете, то-ли институте, занимается контактами с другими цивилизациями, — добавил он, впрочем, без особой надежды.

— Где и когда вы с ним виделись в последнее время? Дату называйте по местному летоисчислению.

— На Земле — в октябре тысяча девятьсот девяносто

третьего. Это от рождества Христова, — почему-то добавил он, — На Ноле — в последний месяц весны шестьсот восемнадцатого года правления династии Конартов-Луэлов.

По экрану снова прошла волна, затем изображение приблизилось к Алексею. На экране красовалось лицо Дока. Выглядел он, конечно, более импозантно, чем во время их предыдущих встреч. Гладко выбритый, с довольно вычурной прической, одетый в непривычного вида костюм, но все же — Док.

— Узнаете? — спросила девушка.

— Да, это он.

— Государственный работник Тор Висми. Хотите с ним связаться?

— Конечно. Ой, послушайте, девушка, а нельзя ли повидаться с ним, без предупреждения? Сюрприз ему сделать, так сказать.

— Сюрприз, говорите? — улыбнулась девушка, и Алексею стало стыдно, что он принял ее за робота, — Хорошо. Вас проводят.

Следующие четверть часа были самыми ужасными за последнее время. Алексей давно не ездил на транспортном средстве, превосходящем мощностью одну лошадиную силу. Естественно, и соответствующую скорость не превышал. Теперь же невероятно быстро несясь по бесконечным стеклянным коридорам и тоннелям, он чувствовал себя совсем не комфортно. Только тревога за жену, у которой началось головокружение и тошнота, и необходимость успокаивать малыша еще как-то организовывали, не давали раскиснуть самому.

Наконец, пол под ними остановился, и невозмутимый сопровождающий в сером костюме произнес что-то по-своему и затем обратился к ним:

— За этой дверью рабочее место господина государственного работника Тора Висми. Он пока вас не видел — сюрприз.

Дверь ушла в сторону, и Алексей увидел его. Элегантно одетый мужчина стоял возле окна и любовался городской панорамой. Всегда невозмутимый и хладнокровный, он и на этот раз не подал вида, что его застали врасплох.

— Док, дружище, черт побери, как я рад тебя видеть! — Лешка заключил «друга» в объятия, от которого у того хрустнули кости.

— Вы свободны, благодарю, — произнес Док, обращаясь к человеку в сером.

— Я знал, что когда-нибудь это произойдет, — произнес он по-русски, освобождаясь из объятий и бросив недоверчивый взгляд на Лию, — Я сам, глупец, пробудил в тебе сверхсилу, а

сверххитрость у тебя врожденная. Ну, и что теперь? Будешь сводить со мной счеты, мстить за возлюбленную?

— Док, благодетель ты мой, о чем ты говоришь! Я — и мстить тебе? Да боже упаси!

— Зачем же тогда приперся? — «благодетель» был явно недоволен интонацией собеседника, — Разве не знаешь, что тебя здесь ждет?

— Догадываюсь. Но на Ноле война, грабежи, убийства, короче — смута. И виновник всего этого — я. И я готов нести ответственность. Предстану перед вашим комитетом — или как он там называется — покаюсь. Ведь, повинную голову — меч не сечет? А если и сечет — я на свою жизнь уже рукой махнул, будь, что будет. Я до сих пор жив только благодаря тебе, друг ты мой единственный. Так что, если суждено умереть — не велика потеря! Но прошу тебя, в память о том, что мы вместе пережили, позаботься о моей жене и сыне.

— Да, зря я связался с такой лисой, как ты. Покается он! Лучше ничего не придумал? Хотя, куда уже лучше! У тебя железная хватка. Ладно, оставь своих здесь, а сами пойдем в другую комнату, поговорим.

Результатом разговора явилось то, что Алексей уже через несколько дней был зачислен в штат службы безопасности горнодобывающей корпорации и отбыл на планету, название которой перекликалось с названием рабочего поселка, откуда родом был его отец. Планета называлась Шахта.

Шахта — она и есть Шахта. Планета совершенно безжизненная, атмосфера — смесь азота и вулканических газов без капли кислорода. Реки, вернее небольшие ручейки, бегущие в глубоких каньонах по горячим камням — скорее водные растворы кислот, чем вода. Притом, постоянная дрожь почвы от внутрипланетных катаклизмов. Но, нет худа без добра. Планету можно было не жалеть — выбрасывать в ядовитую атмосферу и на безжизненную поверхность отходы производства, не ожидая, как на Земле, неприятностей от природоохранных организаций. Хотя, справедливости ради, нужно признать, что корпорация относилась к этому безжизненному миру гораздо бережнее, чем промышленные генералы далекой Земли к своей среде обитания.

Своему названию планета соответствовала лишь частично. На ней располагался полный металлургический комплекс по производству редкоземельных и радиоактивных металлов. Шахты, термоядерная электростанция, обогатительные заводы, металлургические цеха, космопорт, и, конечно же, главный город. Все строения располагались под землей и только верхние этажи,

выглядывающие на поверхность, были накрыты прозрачными куполами. Производственные процессы были в основном автоматизированы, и промышленные объекты строились с расчетом на перспективу, поэтому штаты были укомплектованы едва ли наполовину. В главном городе, где располагались офисы, жилые кварталы, этажи для отдыха и психологической разгрузки проживало и работало всего тысяч сто человек, вместо расчетных двухсот пятидесяти. Но и с таким количеством людей спокойной жизни охранникам ждать не приходилось. Спрос на продукцию предприятий был высокий, и персонал получал неплохие зарплаты. А там, где присутствовали деньги, добытые нелегким трудом, всегда появляются те, кто желает добыть их гораздо боле легким способом. Карточные шулера, сутенеры с проститутками, контрабандисты, торговцы наркотиками и просто воры — все, как мухи на мед стремились на Шахту. В саму шахту, как, впрочем, и в другие производственные помещения они не совались. Зато заполняли этажи, предназначенные для отдыха и развлечений, стараясь «раскрутить на бабки» трудяг-шахтеров. Эти люди — основной контингент, представлявший интерес для Элла Маргио. Таким нелепым именем наградил Алексея Док. Пардон, господин государственный работник Тор Висми.

Появление на планете нового охранника явилось неприятным сюрпризом для жуликов-гастролеров всех мастей. Он был проницательный, решительный и неподкупный, к тому же оказывать ему сопротивление все равно, что мышке драться с кошкой — результат однозначен. Уже первый год работы принес значительное улучшение криминогенной обстановки в главном городе. Начальство вскоре оценило деловые качества Элла Маргио, и тот быстро стал подниматься по ступеням служебной лестницы. Вскоре он возглавил службу безопасности всей планеты, а еще через несколько лет стал руководителем служб безопасности всей планетной системы, которая состояла из восьми планет, аналогичных Шахте, и их спутников.

Но нельзя сказать, что жизнь Алексея на планете была беззаботной и благополучной. Дочь горных дорог и степных просторов, Лия очень тяжело переносила заключение в стеклянную тюрьму, пусть и довольно комфортную. Только Алексею было известно, каких усилий стоило ему выводить жену из состояния депрессии и излечивать ее от клаустрофобии. Если бы не его каждодневная забота и внимание, да еще экстрасенсорные навыки и помощь квалифицированных врачей, трудно сказать, не обернулось бы все так, как пророчил Док. Ну и конечно, любовь. Без нее вся жизнь вообще могла потерять смысл.

Отправляясь на Шахту, Леха дал два обещания Доку. Первое

— никогда, никому и не при каких обстоятельствах не рассказывать о том, что они прибыли с Нолы, а тем более о своих приключениях там. Второе — никогда не покидать Шахту. Первое условие они выполняли беспрекословно. Второе выполнять не получалось. По мере своего карьерного роста Эллу Маргио приходилось посещать другие планеты и даже бывать в штабе корпорации в самой Метрополии. Госпожа Элл Маргио тоже не сидела безвыездно на планете. Их трое детей — Владимир, Любовь и Максим, — окончив начальную школу на Шахте, продолжили образование в престижных колледжах, а в дальнейшем и университетах Метрополии. Лия очень скучала по ним и часто навещала. Кроме того — отпуска. Раз в несколько лет руководство корпорации предоставляло работникам весьма продолжительные отпуска, которые глупо было проводить в стенах главного города. Пожалуй, это даже вызвало бы подозрения. А в случае с Лией и вовсе смерти подобно. Они посетили множество курортов и туристических маршрутов в Метрополии и на десятках других планет, входящих в состав содружества. Алексей не знал, осведомлен ли Док об их образе жизни, держит ли он их в поле своего зрения. Он не видел своего знакомого и ничего о нем не слышал со времени их встречи в день прибытия. Можно сказать, что Док полностью исчез из их жизни. Можно бы, да язык как-то не поворачивается. Потому что несколько раз Элла посещали странные типы незапоминающейся внешности и просили помочь уладить кое-какие проблемы на одной из планет. Проблемы, обычно, были такие, что при обычных обстоятельствах от них нужно бы держаться подальше. Но как откажешь людям, которые тебя насквозь видят, знают всю твою подноготную и выбора попросту не оставляют. Интересно, чьим советом они руководствовались, обращаясь к Алексею?

И вот скоро все должно кончиться. Двадцать шестого Праздника падающих звезд он уже не увидит. Предстоит снова обустраиваться на новом месте. Вот только каком?

Алексей часто задумывался, где бросить якорь после окончания срока своей службы. Осесть в каменных джунглях одного из перенаселенных городов Метрополии, не велика разница, по сравнению с их стеклянным куполом? Лия эту жизнь переносила с трудом, она скучала по родине. Но на Нолу возвращаться было опасно. Кое-какие сведения оттуда поступали. (И кто-кто, а уж Алексей цену этим известиям знал очень хорошо!). Хотя гражданская война, прозванная в народе Бесконечной смутой, закончилась, облегченно вздохнуть жителям не было суждено. Ослабленную страну все сильнее тревожили внешние враги — кочевники с севера и островитяне с юга. В

определенных кругах ученых Метрополии бытовало мнение, что Межгорье, как государство, вскоре перестанет существовать. Кроме того, в более дальней перспективе, существование человеческой цивилизации на Ноле, вообще, будет находиться под вопросом, из-за неизбежного конфликта с чуждой людской природе нечеловеческой расой.

Алексея же тянуло на Землю, но он, конечно, понимал, чем ему это грозит. За его преступления срока давности не предусмотрено. Впрочем, Земля — не Метрополия, и даже не Нола. Она до сих пор разделена границами, религиями, идеологиями. Затеряться есть где, особенно, если принять некоторые меры. Ну, например, коррекцию папиллярных линий рук, пластическую операцию. Он не беден, может позволить себе приобрести недвижимость в какой-нибудь небольшой стране, этакой банановой республике, осесть и писать себе мемуары, которые никто никогда не прочтет. Врядли власти этой страны когда-нибудь догадаются, кто он и откуда. Но вот власти Метрополии из вида его не упустят. Не кончить бы так, как король Луэл.

Этими соображениями господин Элл Маргио поделился со своим старшим сыном.

Владимир, вернее, Корс Маргио, после окончания столичного университета Метрополии был направлен на работу в один из отделов небезызвестного Комитета. Да-да, того самого, в котором работал (а может и работает до сих пор) их общий знакомый. Интересно, обошлось ли без него в этот раз?

К его удивлению, через пару месяцев сын сообщил, что, в принципе, его мечта может осуществиться. На Земле быстрыми темпами развивается наука, все больше землян проявляют свои экстрасенсорные способности, кое-кто даже осуществил переход. Правда, под контролем ученых из Метрополии. Даже некоторые советники государственных деятелей, первых лиц государств имеют контакты с Комитетом. Вопрос о вхождении Земли в состав Содружества пока, конечно, не поднимался. Уж очень активны ее жители, агрессивны до фанатизма и на все готовы. Таких соседей не каждый захочет иметь рядом с собой. Но с отдельными представителями земных народов вполне можно сотрудничать. Так почему бы не пойти навстречу заслуженному человеку, и не разрешить ему провести последние годы в родной стихии, под родным небом?

Все устроилось на удивление просто и быстро. Через четыре месяца закончится его работа, и они с женой отправятся на Землю, где на побережье Атлантического океана их уже ждет роскошная вилла, ранее принадлежавшая какому-то

американскому толстосуму, в гараже — лимузин, а у причала — красавица-яхта. Кроме того, в двух милях от берега расположен крохотный островок. Толстосум-янки использовал его для пикничков в стиле ню. Им же он сослужит иную службу. В районе островка — аномально низкая напряженность поля канвы. Отсюда можно переместиться в Метрополию, сюда же можно и вернуться. И все это вдали от посторонних глаз. Значит, можно поддерживать контакты с детьми и друзьями. Очень удобно.

Беспокоит другое. Как-то Лия акклиматизируется в еще одном новом для нее мире? Конечно, она не говоря ни слова против, последует за ним и в другую галактику и вовсе за границы вселенной. Но чего ей будет это стоить? Впрочем, побережье Атлантики гораздо более похоже на пейзажи Межгорья, чем стеклянные колпаки Шахты. Да и опыт телепортации у нее уже имеется вполне приличный. Лия привыкнет, главное, что они вместе. Их любовь снова поможет. Нужно в это верить.

Ну, скоро можно собирать чемоданы. Неужели не нужно будет проводить совещания, отчитываться перед начальством, организовывать подчиненных, читать лекции студентам правового факультета. Он будет спокойно ловить рыбку с борта лодочки, кататься в открытом авто по живописным окрестностям, по вечерам сидеть на оплетенном виноградом балконе и, попивая земное виноградное вино из высокого бокала, стучать по клавишам компьютера, излагая на бумаге свои мысли и воспоминания. А потом на лужайке перед домом готовить для себя и любимой женщины кавказский шашлык или американское барбекю, используя в качестве средства для разжигания костра все те же страницы своих мемуаров.

Идиллия. Вопрос только в том, какова ее цена. Уж очень быстро воплощаются в жизнь сокровенные мечты. Только ли за ненадобностью он списан на Землю? А может, совсем наоборот? Опять этот внутренний голос заставляет сомневаться, раздумывать и ждать чего-то не очень приятного. И, судя по всему, голосок снова окажется прав…

Дверь открылась, и в кабинет вошли старые знакомые — два человека неброской внешности. Но это будет, наверное, уже другая история.

Звездный меч

«Звездный меч» — Продолжение романа «Акробат» о приключениях главного героя в чужом мире.

Глава 1

Светило почти забралось на самый верх небосвода, и работники уже поглядывали в сторону сдвинутых в каре возов — не думает ли Хозяин звать на обед — как вдруг раздался тревожный бас деревянной трубы дежурного наблюдателя. Тут уж не о разносолах надо думать — скорее, инструмент в руки, скотину за повод и — под прикрытие телег.

Оказалось, разведчик увидел пыль на горизонте. Кто это мог быть, пока неизвестно, но осторожного сами Боги охраняют. Люди быстро пошвыряли грабли и мотыги под ноги скотины и достали из-под сена дубины, колья, луки и пращи.

Далекое облачко пыли все приближалось, но определить, что за гости спешат к стану земледельцев, было пока невозможно. Вроде бы всадники, вроде бы несколько… Кочевники? Мародеры? Солдаты? Кто бы ни был, ничего хорошего этот визит не сулит. Если только не торговцы. Да, вроде как, не время. Они чаще осенью приезжают, когда урожай собран, молодое вино дозревает…

Облако подкатывалось все ближе и ближе, и тревога понемногу отступала. Всадник был всего один — еще две лошади были загружены поклажей. Один напасть не решится, хотя… Вроде, на торговца не похож — высокий, длинноволосый, как все дворяне, голый по пояс. И кони отличные — не тягло крестьянское — скакуны, длинноногие, статные. И очень дорогие. Дворянские, одним словом. А с дворянами иметь дело… Боги знают, что у этих благородных на уме, и есть ли этот ум вообще! Отчаянные, бесшабашные. Сколько их уже головы сложило, а все не каются. Никак не навоюются.

Всадник остановился в полусотне шагов от возов и потрепал, успокаивая, своего вороного коня по гриве. Спешился. Весь в пыли, но красив, как бог войны Эстис — будто из гранитных валунов сложен. Нет, с таким нужно держать ухо востро!

— Эй! — крикнул всадник. — Мне нужен Кот.

— Убирайся! — заорал в ответ наблюдатель, выглядывая из-за деревянного борта телеги. — Здесь нет никакого Кота!

— Отец, — зашептал Хозяину на ухо Волчонок, — Я могу вогнать ему стрелу прямо в глаз — только скажи.

Вместо ответа тот залепил подростку подзатыльник здоровой рукой.

— Вгонит он! — буркнул то-ли себе, то-ли сыну. — Куда тебе, зелень сопливая. Ты в него и с двух шагов не поцелишь.

— Эй, лодыри! Отдохнули и хватит! — заорал Хозяин, теперь

обращаясь ко всем своим работникам. — Идите работать. Обед еще не готов. Наблюдатель, труби отбой. Нечего господ рыцарей почем зря беспокоить.

* * *

— Так ты теперь Хозяин? — улыбнулся гость, прихлебывая вино из глиняного стакана.

— Благодаря тебе, только благодаря тебе, Акробат, — хмыкнул собеседник. — Или Лис?

— Скиталец. Пусть лучше так.

— Пусть… Выпьем, Скиталец!

— Идет, Хозяин!

Стаканы опустели, и над столом снова повисла гнетущая тишина. Где-то из кухни поглядывала Хозяйка, стараясь ни единым звуком не нарушить эту странную беседу почти без слов. Чего молчат? Целый час сидят, выпили чуть ли не целый бурдюк вина, а произнесли всего лишь несколько вежливых фраз. Странный гость. Лицо знакомое. Уж не сын ли той парочки, что когда-то наняла ее ухаживать за калекой — ее теперешним муженьком? Да нет, уж больно взрослый. Родственник, брат? От старого скупердяя разве что-то узнаешь…

— Про тебя много разных слухов ходило. То говорили, что ты удрал в земли кочевников, потом, что убили тебя… Я же всегда знал, что ты их всех вокруг пальца обведешь.

— Да, слухи о моей смерти несколько преувеличены — усмехнулся гость. — Ладно, давай рассказывай, как живешь, Ко… Хозяин. Все-таки столько лет не виделись.

— Да… Столько лет… — Хозяин бросил быстрый недовольный взгляд в сторону кухни и произнес на тон ниже, пряча слова в густой окладистой бороде — Лия… Она как?

— Все ждал, когда ты о ней спросишь. С ней все хорошо. Двоих детей родила. Здорова. Хотя и грустит иной раз.

— Какая она? Постарела, наверное?

— Да нет. Нас время пока щадит. Другая жизнь, сам понимаешь. Та же девчонка, стройная, красивая. Разве что, не такая веселая, как раньше, да косички исчезли…

— Вижу. Ты почти не изменился. Сразу тебя узнал, не смотря на бороду. Ну, а мы… Сам видишь… — Хозяин снова недовольно глянул на свою супругу — дородную даму с недовольным морщинистым лицом несущую к столу блюдо с зеленью.

— У каждого — своя судьба… слушай, давай я тебя все-таки Котом звать буду, пока другие не слышат. Мне так привычнее.

Прекращай грустить. Лучше все-таки расскажи, как жил эти годы.

— Как жил?.. Не то, чтобы легко, сам понимаешь, — Хозяин постучал по столу рукой, на которой отсутствовала кисть. — Но ты меня, конечно, спас. Да и без нее не обошлось — жест в сторону кухни.

— Родичи ее, правда… Те еще… Только вы с Лией уехали — понабежали. Ты, мол, теперь наш родственник, богатый, земля у тебя, дом! Так помогай нам, бедным.

— А ты?

— Подыскал двух голодных дворян. Пообтрепались господа рыцари в сражениях, но мне подошли. Быстро показали родичам, кого нужно уважать. С тех пор все Хозяином кличут. Короче, сказал: «Хотите, чтобы я вас кормил и поил — будете на меня работать». А чтобы не воровали, я и рыцарей на довольствие поставил. Так и живем. Земля прибыль дает неплохую. Я еще прикупил окрестности, людей нанял, доволен, не бедствую. И родичи не голодают, мягко говоря. Работники, правда, те еще, но они мне уже и не больно-то нужны. А вы как с Лией жили?

— Не спрашивай. Всякое бывало, — похоже, собеседник не был расположен откровенничать. Он снова налил полный стакан вина и звякнул им о стакан Хозяина.

— А сюда, зачем приехал?

Скиталец отхлебнул вина, закусил пучком зелени. Было видно, что он обдумывает ответ. Наконец, он откинулся на спинку стула и задумчиво произнес:

— Хочу предотвратить войну.

Хозяин молчал. Уж от кого, но от гостя слышать это было странно. Во всех храмах страны жрецы по сею пору призывают проклятья на голову Акробата, который вверг народ в пучину смуты и кровавой междоусобицы. А теперь — гляди ты — войну хочет предотвратить! Но отвечать что-то нужно. Ишь, уставился, будто в черепе ковыряется, ждет…

— Думаешь, будет еще война?

— О пророчестве слышал?

— Тут пророков, сам знаешь… За кусок лепешки любой юродивый такого тебе напророчествует! Ты о чем?

— О «Звездном Мече» и хане Мати.

— А…Слышал, конечно. Но здесь на это никто внимания не обращает. Это в Горной Стране в ходу, у кочевников.

— Откуда знаешь?

— Я там частый гость. Друзья у меня там есть, торговля… Думаешь, кочевники на нас нападут?

— А разве набегов не случалось?

— Бывали. Но небольшими силами. Самый большой набег

давненько был. Тогда здорово потрепали армию принца Бари. Но и кочевникам досталось изрядно. С тех пор остерегаются соваться. Отдельные банды — да. Эти часто просачиваются через перевалы. Месяца не прошло, как и ко мне пожаловали.

— Отбился?

— Откупился.

— Сильно растратился?

— А!.. — махнул рукой Хозяин. — Чепуха! Со мной воевать!.. Частокол высокий, работники сильные. Оружие железное припрятано, на всякий случай, хоть принцы своими указами и запрещают его иметь. Да еще господа офицеры помогают, когда нужно. Мог и вовсе не платить. Заплатил, потому что, ссориться не хочу с кочевниками. Ребята злые и памятливые. Вдруг встречу кого-то в Горной стране.

— Говоришь, приходилось бывать?

— А то! В год по два-три раза бываю.

— Торгуешь?

— Да. Крицу у них покупаю. Руды у них много, а делать хорошую сталь не умеют.

— А ты им что?

— Акро… Скиталец, ты просто так спрашиваешь или в Горную страну собрался?

— Собрался, а что?

— Да, нет, ничего. Без проводника трудно будет. Так что тебя интересует?

— Все. Что за страна, что за народ, чем с ними можно обменяться, чего опасаться…

— Страна… Страна огромная, но довольно бедная. Народу мало. Впрочем, вру. Племен много, просто разбросаны по всей горной стране. Иной раз неделями едешь — живой души не встретишь. Люди живут большими семьями. Мужчины по нескольку жен имеют. Детей им бабы рожают немало, да только мрут бедные, как мухи. Нелегкая у них жизнь. Верят в своих богов. Видел я этих истуканов… Один… как его… Кутуму… Тот еще страшила! Зубастый, рогатый, с когтями, третьим глазом во лбу, огонь из ноздрей вылетает… Каков бог — такова и жизнь. Друг с другом постоянно воюют, вырезают целые кланы. Ладно, их дело… В перерывах между войнами скот разводят — овец, коз, коров, хоско — это скотина такая, мохнатая с рогами и горбом. Иногда чего-то садят. Урожай соберут — и снова в другие земли. Долго на одном месте не просидишь — почва скудная — камни, песок, глина… Родит плохо. Хороший хлеб не растет. Так злаки кое-какие… Больше на корм скотине подходят. Мука из них получается серая, лепешку — не угрызешь. Нашу муку берут

охотно. Любят. И платят хорошо. Холодно там. Холоднее, чем у нас. Горы, одним словом. Потому и растут разве что, трава да елки. Грибы еще. Ягоды, но кислые. Вино из них не получается. Поэтому за бурдюк нашего самого простого пойла — рады детей и жену продать. Люди там, кстати, тоже товар весьма ходкий. Ты ухо востро держи — там сброда всякого хватает. Не успеешь глазом моргнуть — как окажешься в рабстве у какого-нибудь царька. А то и просто у странствующего разбойника.

— А ты как умудряешься этого избегать? — спросил Скиталец.

— Осторожность, оглядка. Господ рыцарей своих беру. Защита, как-никак. Ну, и еще у меня ярлык есть. Пророк дал. С ним меня никто трогать не имеет права. Но, лучше доверяться рыцарям. В землях, где Пророк обитает, ярлык силу имеет, но до них пока доберешься… А в других землях нужно держать ухо востро.

— Пророк этот… Хорошо его знаешь?

— Его никто хорошо не знает. Разговаривал пару-тройку раз. Я ему — подарки, муку, вино, нож. Он мне — ответ на вопрос. А ответы были очень стоящие. Как в воду глядел — все сбылось. Вот тебе и Пророк!

— Понимаешь, мне нужно будет кое о чем узнать, выяснить. Пророк, он осведомленный? Помочь сможет?

— Наверняка. Если уж обращаться, то только к нему. Есть, конечно, и другие ясновидящие, и немало, но лично я уверен только в нем. И не только я.

— Ясно… А что горные люди могут купить? Надолго отправляюсь, придется едой у них разживаться, фуражом. Как на счет золота?

— В основном, те, кто побогаче — берут. Они из него украшения делают. Денег не знают. Если к нам приезжают торговать, везут кожу, шкуры своих животных, ткани у них из шерсти хорошие, теплые. Видел их плащи? Железо, опять-таки. А берут у меня, как я уже говорил, вино, муку, железные изделия — ножи, там, наконечники копий, стрел…

— У тебя и кузня есть?

— Есть, но только для себя — отремонтировать, там, борону или косу оттянуть. А ножи, наконечники стрел или копий — упасите боги! Узнают принцы — хлопот не оберешься. Боятся. Я крицу продаю городским ремесленникам, у них беру, то, что мне нужно — лемеха плугов, бороны, лопаты. Ну и на продажу кочевникам кое-что. Выгодно.

— Ты мне поможешь?

— Чем?

— Товаром. Нет, не даром, куплю, конечно. А вот ярлык… Не помешал бы.

— Как я могу тебе в чем-то отказать! Конечно, все, на что глаз глянет — твое.

— Да, брось, Котяра. Я человек не бедный. И должником быть не привык.

— Да не возьму я с тебя ни медяка. Наоборот, тебя прошу об одолжении.

— Каком еще одолжении? — насторожился Скиталец.

Хозяин покряхтел, сделал большой глоток вина и, наклонив голову, произнес.

— Волчонка, младшего моего, возьми с собой.

— Ты что, Котяра, с ума сошел? Я и сам-то не знаю, вернусь оттуда или нет, а ты мне ребенка своего навязываешь!

— Без проводника пропадешь, а парень дорогу знает, я с ним там был несколько раз. И потом, не ребенок он. Уже достаточно взрослый. Лия была его младше, но ты ее в жены взять не побрезговал.

— Все ты мне ее простить не можешь! То был ее выбор, Кот! И забудем об этом. Не хочешь помочь — обойдусь! — Скиталец демонстративно поднялся из-за стола и оглядел комнату в поисках своих вещей.

— Да, прекрати, ты, Акробат! — Хозяин потянулся через стол и вцепился в рубаху гостя здоровой рукой, пытаясь усадить того на место. — Пойми ты меня, не лежит у парня душа к земле. Солдатом хочет стать. Из лука стреляет, копьем колет, деревянным мечом машет. Я его уже удерживать не могу — не сегодня, так завтра сбежит из дома, наймется к какому-нибудь претенденту и сложит головушку в первой же передряге. Уж я-то знаю — сам изведал! — Хозяин поднял над головой обрубок руки.

— А со мной, что, не сложит? Я ведь не на прогулку еду. — Скиталец уселся на место, но скепсиса у него не убавилось.

— С тобой — нет. С тобой — ему и духи подземных королевств не страшны. Если уж с тобой уцелеет, пусть идет куда хочет, я за него спокоен буду.

— Ну, а не уцелеет?

— Стало быть, судьба такая…

Глава 2

Очередная «ступенька» — огромное плато не радовала глаз разнообразием пейзажа… В этих краях горный массив имел странную форму расположенных друг над другом плоскогорий. Вроде бы дальше на юго-запад характер рельефа кардинально менялся — присутствовали и многокилометровые пики с ледяными вершинами, и глубокие ущелья, и мощные ледники, спускающиеся к побережью холодного океана. Но пока перед ними лежала плоская каменистая долина. Вокруг, сколько охватывает взгляд, плоская унылая пустыня. И только далеко на горизонте — горная гряда, впереди, слева, справа. Впрочем, не совсем уж и плоская — только успевай смотреть, не возникнет ли под ногами лошади неизвестно откуда взявшаяся бездонная трещина или нагромождение гранитных глыб, каньон бурной речки или скрытый пылью и грязью ледяной щит.

Красновато-серая земля с белыми оспинами снега, серое пыльное небо, ни пятнышка зелени, куда ни глянь… Бурые мхи да лишайники, ни ящериц, ни змей, птиц — и тех нет. Унылая картина. Холодно, снег идет почти постоянно, но сильный ветер то-ли сдувает его куда-то вниз, то-ли возвращает назад на близкое небо. Только кое-где отдельным комьям удается зацепиться за шершавую поверхность почвы, забиться в щели, спрятаться в каменных закоулках. Дышать трудно, высокогорье, что тут скажешь…Крупа не разваривается, мясо — тем более. Вода — и та солоноватая. Лошади ее еще пьют, а людям каково? Который день они движутся по этому бесцветному миру. А сколько еще придется? У Волчонка, едущего впереди на одной из лошадей Скитальца, разве что-то выведаешь? Навязал Кот проводника! На все вопросы только буркнет что-то на подобие «скоро» или «терпи». Явно, не в восторге парень от поездки, и не скрывает этого. Впрочем, вопросы эти нужны, разве что, для поддержания разговора — особой необходимости в опыте парня нет. Скиталец и сам знает прекрасно эти места. И даже не в том дело, что карта континента, пусть и не очень точная, покоится в сумке у седла. Ему и самому когда-то приходилось скитаться по этим горным долинам, спасаясь от преследований. Такое не забывается. Вот, если сейчас повернуть налево, то в нескольких днях пути отсюда будут «ворота» — аномальная зона, через которую он когда-то пришел в этот странный мир. И которым недавно снова воспользовался.

* * *

Два невзрачных человека, одетые в официальные костюмы, во всех отношениях средние, до серости неброские, появились в его кабинете в конце дня, когда Элл уже собирался отправляться домой.

— Здравствуйте, господин Маргио. Как ваши дела?

— Вашими молитвами, — недовольно буркнул Элл. Ничего приятного визит не сулил. Каждый раз, появляясь на горизонте его — Элла — поля зрения, эти ребята делали такие предложения, от которых отказаться было невозможно, а принимать и опасно, и противно. — Что у вас на этот раз?

— Что так сразу? Ни тебе о здоровье, ни о погоде… — осклабился один из гостей.

«Даже глаза у него серые» — констатировал про себя Маргио.

— Да, ладно вам! Говорите уже, что вам снова от меня понадобилось?

— Правильно. Люблю конкретику, — усмехнулся один из гостей. — Мы в вас никогда не сомневались. Такому любителю приключений вряд ли доставит удовольствие долгое сидение в кабинете. Сколько мы вас уже не тревожили? Наверное, уже и жирком успели обрасти?

— За меня не волнуйтесь. А если все-таки сомневаетесь — спортзал рядом, и боксерские перчатки для вас сыщутся.

— Да и гонорар никогда лишним не бывает? — подмигнул правым глазом второй. — И неплохой гонорар!

А ведь, сукины дети, правы. Он действительно уже начал закисать у себя в кабинете, хотя его работу кабинетной можно назвать только с большой натяжкой. Скука, она сродни ломке. Он почти стал наркоманом — его организму опасности и приключения нужны, как наркозависимому героин. Иначе, он давно послал бы своих странных работодателей… за границы наблюдаемой Вселенной.

Иногда Элл даже завидовал разведчикам. Тем, которые выискивали новые миры и проводили предварительную оценку полезности их для людской цивилизации. Тоже работенка — не сахар. Опасная, непредсказуемая. Как раз для него, но… У него другая квалификация, другое предназначение.

«Вас, Маргио, мы ценим за решимость принятия поступков, — сказали ему как-то в Департаменте перспективных исследований. — Разведчику смелость необходима, это так. И она у вас есть. Но иногда приходится принимать неоднозначные решения, против которых выступают такие категории человеческой личности, как совесть, мораль, этика и даже

гуманность. И переступить через них может далеко не каждый смельчак. Вы — один из немногих. Да, что там говорить — на сегодняшний день, единственный. Потому, извините, мы не вправе рисковать таким ценным работником и посылать на неизвестные планеты, где вы можете стать жертвой какого-то ординарного несчастного случая или планетного катаклизма. У вас другие задачи — вы работаете с людьми».

Да, уж… С людьми!

— Приступим, — и визитеры уселись в предложенные кресла.

— Итак — Нола.

— О, Господи! — взмолился Элл, — Что вы никак не оставите меня в покое? Разве не известно, что мне туда дорожка заказана? Я там вне закона.

— Элл, а когда и где вы не были вне закона? — с хитрой улыбочкой прошептал один из парочки.

Намек был более чем понятный. Элл Маргио только скорчил укоризненную гримасу, мол, хватит мне напоминать о моем статусе, давайте уже, что там у вас.

Гости поудобнее уселись в креслах и стали излагать суть дела, будто артисты в театре — каждый говорил свою часть текста, не перебивая партнера.

— Наш центр прогнозов выдал довольно тревожную информацию, что на Ноле в скором времени возможна большая война.

— Которую желательно предотвратить, — вставил свою часть текста второй «серенький».

— Там и так, вроде бы война еще не закончена? — осторожно спросил Элл, ожидая нового «укола» от гостей.

— Гражданская. Вернее, междоусобная. В Стране, Окруженной Горами, или Межгорье, или Побережье, как ее еще называют. Теперь угроза исходит от кочевников Горной Страны.

— Да, ну? Они сами друг с другом не мирятся, насколько мне известно.

— Пока не мирятся, — уточнил один из собеседников. — Прогнозисты утверждают, что возможно появление лидера, способного объединить разрозненные кланы и повести их на завоевание побережья. А это уже серьезно.

— Грозит уничтожением очага высокоразвитой цивилизации на перспективной планете, — поддакнул второй.

— Ну, уж, и высокоразвитой!.. — ухмыльнулся Элл. — Равнинные жители кочевников не так уж сильно опередили. Но, даже если и так, для этих ваших прогнозов есть какие-то основания, или просто абстракция электронных мыслящих систем?

— Дело в том, что прогноз выполнен на основе анализа легенды, вернее, пророчества, имеющего хождение среди кочевых племен.

— Вроде бы должен появиться человек по имени Мати, который и есть их новый мессия или Чингиз-хан — вам виднее.

«Вот черти! Интересно, это дань уважения или ребята очередной раз дают понять, что знают всю мою подноготную? Иначе, зачем жонглировать чисто земными аналогиями?» — подумал Элл, но вслух сказал:

— Что, так серьезно?

— Вероятность прогноза — 11 процентов. Сами понимаете…

— Мы обычно реагируем при 5 или 6, а тут такая цифра!

— И вы хотите, чтобы я отправился на Нолу и убил этого Мати?

— Мы хотим, чтобы вы отправились на Нолу, разобрались в ситуации и приняли решение на основе собственного анализа и опыта, — осторожно проговорили, чуть ли не хором оба гостя.

— Не понимаю, откровенно говоря, — пожал плечами Элл. — Ну, подумаешь, война! Мало их происходит во Вселенной! Только на Земле и дня не проходит, чтобы где-то не стреляли.

— Не будем о Земле! — отрезал один из собеседников.

— Земля — своего рода феномен, сами знаете, господин Маргио, — поддакнул второй.

— Но вас она, похоже, волнует не очень… Как и другие миры. А тут вдруг Нола… Там населения-то, всего-ничего! — обиженно буркнул хозяин кабинета. О своей родине неприятные вещи слушать всегда неприятно. — Да и воюют уже долго. Раньше это никого не тревожило.

— Придется кое-что вам объяснить, — уже наперебой заговорили гости. — Вы ведь сами бывали на Ноле и прекрасно ее знаете. Согласитесь — планетка довольно комфортная. И сила тяжести подходящая, почти равная гравитации древней Планеты-Матери, откуда и произошла людская раса.

— И, следовательно, вполне подходящая для человека. А температурная «вилка»? То, что надо для комфортного проживания. Воздух, опять-таки! Кислорода вполне достаточно, даже в горных районах.

— Много вы, Элл, таких планет видели? Метрополия, Земля, ну, еще десяток, условия которых приемлемыми можно назвать с большой натяжкой. Все! Остальные — как эта — купола, подземные галереи, установки регенерации воздуха и воды, корректоры гравитации, радиационная защита. Уж на что Масати была привлекательная, но, увы, для полноценной колонизации не подойдет. Слышали, наверное?

— Нет, — удивился Элл. — А в чем дело?

Масати была обнаружена сравнительно недавно, и считалась перспективной в плане колонизации. Совпадали почти все факторы, а главное, других разумных обитателей на ней не было. Даже он — человек довольно осведомленный до сих пор думал, что там все в порядке. Что знают эти ребята?

— Представьте, Маргио, там, в почве довольно высокое содержание некоторых минералов, попадание которых в организм, даже в виде микрочастиц, для человека смертельно опасно.

— А стало быть, опять герметичные жилища с воздушными фильтрами тонкой очистки, системы регенерации, синтетические продукты питания. А возникнет желание прогуляться под теплыми лучами местного светила — не забудьте гермокостюм, ну разве что, с воздушным фильтром вместо запаса кислорода.

— Кто мог подумать, что такая незаметная деталь сорвет дорогостоящий перспективный проект!

— Плюс ко всему, на цивилизованную Страну, Окруженную Горами, мы возлагаем определенные надежды, как на лидера, способного подтянуть до своего уровня и другие народы планеты. Гибель этой страны повлечет за собой замедление развития всех народов Нолы.

— И как вы, господин Элл, думаете, имеем ли мы право рисковать очагом цивилизации на такой прекрасной планете?

«Нет, ребята, что-то вы недоговариваете», — подумал Элл.

* * *

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Все великие путешественники ведут дневники. Чем я хуже? Может, и не такой великий, как Ливингстон или Пржевальский, но, согласитесь, я забрался дальше. Правда, писать здесь не на чем и нечем, да и демаскировать себя непонятными действиями не следует. Так что, мой дневник так и останется ненаписанным. Ну, и ладно! Что увидел — не забуду, что надумал — останется при мне. Это будет, по крайней мере, тренировка логического мышления и приведение в порядок сумбура в голове. К тому же, меня многие считают неразговорчивым. И, наверное, они правы — не люблю без особой необходимости ворочать языком. Но с самим собой-то поговорить можно? С умным-то собеседником! Шучу.

— Все, привал, — слезаю с коня и принимаюсь снимать поклажу. Волчонок недовольно пожимает плечами, но тоже

спешивается.

— Волчонок, проверь, как вода в ручье, соленая или нет. А я костром займусь. Жрать охота…

— Так себе вода. Но, пить можно. И вообще, торговец, называй меня Волком, — буркнул подросток.

Волк! От горшка два вершка, а туда же — в хищники. Гонору-то, гонору! Что у того дворянина. Даже волосы отпустил почти до плеч, что для его сословия неприемлемо — таков негласный закон. Но даже с волосами на благородного явно не похож — конопатым курносым носом родители одарили.

— Хорошо, но и ты прекращай называть меня торговцем.

— А кто же ты? — мальчишка с вызовом глядит прямо в глаза, наглый недомерок. — Набрал у папаши товара, меня с собой потянул. Будто у меня других дел нет, кроме как показывать дорогу всякому желающему обогатиться в землях кочевников.

— Меня зовут Скиталец. И на другие имена не откликаюсь. Уяснил? И вообще, я тебя никуда не тянул. Просто просьбу друга выполнил. Так что, повежливей. И что это у тебя за дела? Отец говорил, что ты не больно то жаждешь в земле ковыряться.

— Я уже с вербовщиком принца Райгула договорился — пойду к ним в армию.

— Ха, в армию он пойдет! Нос не дорос! Не будь твой отец моим другом, надавал бы тебе сейчас подзатыльников — надолго бы запомнил, Аника-воин!

— А если бы Хозяин не был моим отцом — лежал бы ты сейчас в земле со стрелой в глазу! — презрительно выдавил из себя Волчонок.

— Да, неужели? А причем тут Хозяин? — наглость пацана зашкаливает.

— Он запретил.

— И как он это сделал?

— Запретил, и все! Сказал, что я в тебя попасть не смогу.

Нет, пора, кажется, поставить этого спесивого мальца на место. Иначе в дальнейшем хлопот не оберешься.

— А ты попал бы?

— Можешь не сомневаться. Я со ста шагов тебе все пуговицы пересчитаю стрелами! — с гордостью сказал юноша.

— Пари?

— Ты серьезно, торговец?

— Серьезней не бывает, Волчонок, — усмехаюсь ему в лицо. — Давай! Сто — не сто, а если попадешь в меня с пятидесяти шагов хотя бы одной стрелой из, скажем, пяти — я тебя отпускаю, иди куда хочешь. И коня дам — твои клячи, кроме

как грузы тягать ни на что не годны, это не боевые скакуны. Таких в армии используют, разве что, в обозе. И копье подарю. Хорошее, с каленым наконечником, не то, что твоя медяшка! И щит из панциря черепахи, на который ты глаз положил. А не попадешь — будешь делать то, что я говорю. И без выбрыков! Согласен?

— А, идет! Давай, прямо сейчас. Только у меня нет тупых стрел.

— Кто говорит о тупых стрелах! Пустишь мне кровь — выиграл. Ну, что стоишь — вперед, считай шаги.

Волчонок принялся отсчитывать полсотни шагов. Отсчитал, обернулся и неуверенно так спрашивает:

— Может, подальше отойти?

Нет, парень, играем по моим правилам и до конца. Презрительно смотрю на него и даже не удостаиваю ответа. Мальчишка пожал плечами — пеняй, мол, на себя, придурок! Поднял лук, натянул тетиву, но отпускать все не решается. Оно и понятно — ситуация для него дурацкая. Вгонишь стрелу куда-нибудь в плечо или руку, и возись потом со мной, раненым, пока не вычухаюсь. Я насквозь вижу, что творится в его башке. Долго сомневаться не будет — выстрелит. Обязательно постарается показать наглому старикашке, что он давно не Волчонок, а самый настоящий Волк — лучший стрелок из лука во всей округе. Ну-ну…

Смотрю ему прямо в глаза. Так удав на кролика смотрит. Юноша держится, пытается сохранить самообладание. Плавно отпускает тетиву… Стрела с тихим жужжанием понеслась в мою сторону. Паренек явно намеревался запустить стрелу между моих широко расставленных ног — то-то позор будет на мою седую голову! (Ну, насчет седины… каюсь, загнул немного). Надеется, что я передумаю продолжать тягаться с таким снайпером и, признав свое поражение, отпущу восвояси? Но цели стрела не достигла, а ушла куда-то в облака.

— Что, паренек, рука дрогнула? — смеюсь ехидным смехом. — Спокойствие, только спокойствие!

«Издеваешься, торгаш? — долетают до меня обрывки мыслей Волчонка. А может, он это вслух прошипел. — Тем хуже для тебя. Получай!»

Стрела, направленная в правое плечо даже не пощекотала меня своим оперением. Куда там, пощекотала! Вслед за первой улетела неизвестно куда. А я снова выдал порцию издевательств, почти доведя парня до белого каления. Что поделаешь, вот такое я «гэ…»!

«Что такое?! Как он это делает? Колдовство, что-ли? — чуть

ли не вслух выкрикивает паренек. — Ну, все! Теперь ты доигрался, чертов маг! Игры закончились!»

Тетива натянута до предела, острие единственной в его арсенале стрелы с серебряным наконечником, припасенной именно на случай встречи с нечистью и колдунами, смотрит точно мне в грудь. Снова колебания. Дом, отца с матерью, наверное, вспоминает. Нужно бы остановиться. Если сейчас прошьет меня насквозь, отеческое проклятие обеспечено. Смерти своего друга Кот не простит даже сыну. И не видать больше ни отчего дома, ни мать, ни братьев с сестрами. Гляди-ка, прикрыл глаза, чтобы не видеть, как упадет его противник! Правильно, это похоже не на пари, а на самое настоящее убийство. Такое лучше не видеть. Но зло душит и прямо силком разжимает пальцы. Снова жужжание оперения, но на этот раз на более высокой ноте. Сейчас будет негромкий звук удара, а потом, наверное, должен раздаться мой предсмертный хрип…

— Пожалуй, хватит стрелы портить, — Волчонок открыл глаза, и первое, что увидел — это меня, целого и невредимого, идущего к нему со стрелой в левой руке. Той самой, с серебряным наконечником, которая должна была бы торчать в моем сердце. — Да, парень, судя по твоим навыкам, солдатом тебе быть до первой стычки с неприятелем. Живым солдатом, во всяком случае. Придется всерьез заняться твоей подготовкой. Иначе точно, огорчишь отца. Насчет итогов пари вопросов, надеюсь, нет?

Что тут началось! Самая настоящая истерика.

— Ты — колдун! Я не мог промахнуться. Особенно, в последний раз, — Я даже испугался, не хватил бы ребенка «кондратий». Не переиграть бы… Нужно срочно мириться.

— Спокойнее, парень! Думаешь, что среди твоих врагов будут одни увальни, не способные не только поймать летящую стрелу, но даже от нее увернуться? Все. С завтрашнего дня занимаюсь твоим воспитанием. Так за тебя так возьмусь, что мало не покажется. Ты себя в зеркало видел, худоба» несчастная? Ручки, что у девчонки. Как такими ручками ты собираешься мечом орудовать? Или противника кулаком с ног свалить? Все! Можешь не сомневаться — к концу нашего рейда по тылам противника я из тебя сделаю настоящего воина. Если доживешь, конечно. А пока расседлывай свое тягло и готовься отдыхать. Кстати, найди свои стрелы, пока не стемнело. Нечего боеприпасами разбрасываться».

* * *

— Что-то подсказывает, что вы, Элл, нам не очень нам верите? Что же, позвольте вам представить одного человека. Знакомьтесь — профессор Саут. — гости синхронно кивнули на дверь.

В кабинет вошел довольно молодой мужчина. Коренастая, даже полноватая фигура, большие ступни и глаза на выкате выдавали в нем уроженца Крайта — одного из спутников экзопланеты с длинным номером вместо названия, отличавшегося повышенной силой тяжести и далеким расположением от своего светила. Улыбнувшись улыбкой, которая на его широком лице выглядела фальшивой, будто приклеенной, парень вцепился в руку Элла и принялся ее трясти.

«И этот демонстрирует свою осведомленность» — подумал хозяин кабинета. Рукопожатия в этом мире были не в ходу, он и сам уже забыл, как это делается. Но «маячок» вполне понятен — о тебе, землянин, знают и видят насквозь. Так что, нечего прикидываться и строить из себя оскорбленную невинность.

— Думаю, — сказал один из «сереньких», поднимаясь из кресла — Вы тут сами разберетесь. Детали экспедиции утрясем позже.

— Ну, что же, господин Элл, — начал профессор. — Вы думаете, ребята вам что-то не договаривают?

— Я не собираюсь отказываться от выполнения миссии, но можно было бы и проинформировать в полном объеме. Не люблю, когда со мной играют «в темную».

— Что Вас смущает?

— То, что, даже если это пресловутое пророчество сбудется, цивилизация на планете никуда не денется. Разве что, более развитая будет порабощена менее развитой. Разве такого никогда и нигде не бывало?

— Вы правы, — примирительно пробурчал Саут, — Этих причин недостаточно, чтобы требовалось экстренное вмешательство. Вы не первый раз выполняете наши задания, и прекрасно знаете, что какие-либо акции предпринимаются только в самом крайнем случае. Когда вероятность возникновения нежелательных событий уже настолько велика, что предотвратить кризис иными средствами, кроме как активным вмешательством, невозможно. Да и события должны быть не локальными, даже не всепланетного значения, а поистине, вселенского масштаба. А до этого — наблюдения, наблюдения и только наблюдения. И анализ. Нужно чересчур много доказать, чтобы добиться разрешения на акцию. Приведу пример. Нас очень беспокоят эксперименты на вашей родной Земле, связанные с новым ускорителем. Есть предположение, что эти эксперименты могут

привести к нарушению вселенского равновесия, прорыва в другие измерения. Это опасно. Но, чтобы воспрепятствовать экспериментам, нужны научные обоснования и стопроцентная уверенность в их правильности. А этого пока нет. Из чего следует, что на родине, Элл, вы окажетесь не скоро. Так что, вернемся на Нолу. Я для того и здесь, чтобы развеять ваши сомнения и проинформировать в полном объеме.

— Итак, начнем… — профессор немного попыхтел, посопел, собираясь с мыслями и, наконец, начал говорить. Речь он, судя по всему, заготовил заранее и излагал ее плавно без пауз и излишних эмоций, будто вещая с кафедры университета. Профи, иначе не скажешь…

— Не мне вам рассказывать о Ноле — вы эту планету знаете лучше большинства экспертов, если не всех, вместе взятых. Поэтому вам известно, что на планете имеются два континента, которые мы называем Восточный и Западный. При этом Восточный — не такой уж и комфортный — высокий, гористый, даже, я бы сказал, скалистый. Огромный утес, а не материк! Наиболее комфортная область — относительно низменная долина, где и расположена Страна, Окруженная Горами. Западный же материк весь покрыт джунглями и лесами — этакий зеленый рай. Но вот что удивительно, люди живут и в горных ущельях, и на островах, расположенных у самой границы дрейфующих льдов, в холоде и голоде — в смысле, на бедных неплодородных землях — но в этот рай не суются. И дело не в океане, отделяющем этот материк от мест обитания людей. Те же островитяне — замечательные мореходы, а их галеры крепкие и надежные. Да и короли Страны, Окруженной Горами владеют отличным военным флотом. На парусниках этого типа можно вокруг всей планеты обойти. Но…

Причина в другом — страх. Легенды гласят, что эта земля — запретная, что там обитают демоны. И это не просто суеверия.

Много лет назад к одному из островов Архипелага прибило примитивную лодку, выдолбленную из куска бревна, а в ней два трупа, вид которых так испугал островитян, что те поначалу хотели сжечь лодку вместе с останками странных существ. Но жажда наживы взяла свое, и трупы были проданы королю Страны, Окруженной Горами, как диковинка.

Тот тоже был изрядно удивлен. Собрал своих советников, ученых, духовенство, чтобы те дали, так сказать, свое заключение. И те дали — проклясть и уничтожить. Что и было сделано. Хорошо еще, что наш человек умудрился купить маленькую кость и пучок волос одного из существ. Ее исследовали уже мы. И что вы думаете? ДНК этих существ не имеет ничего общего с

человеческой.

Возникает вопрос, как эти существа оказались на планете? Здесь развились? Нет. Мы исследовали образцы ДНК коренных для Нолы организмов — животных и растений. Тоже ничего общего. Значит, пришельцы. Откуда, и каким образом появились? Где-то есть канал в канве, нам неизвестный, и мир, нам незнакомый? Или появление их обусловлено другими факторами? Скажем, прилетели на механических аппаратах… Это нам очень важно выяснить.

Теперь о пророчестве. В нем сказано не просто о хане или царе — как вам удобнее — Мати. В нем говорится о хане Мати, который вооружен Звездным Мечом. А это уже интересно.

Вы ведь помните историю короля Луэла? Преступник, покинувший места ссылки, появился на планете, в Стране, Окруженной Горами, захватил власть и довольно долго ею наслаждался, пока… Но, это мы опустим. Так вот, он пришел не с пустыми руками, а с неким лучевым оружием, которое местные летописцы окрестили Огненным Мечом. Сами прекрасно понимаете, что мощная лучевая установка даже отдаленно не напоминала ручное холодное оружие. Тогда спрашивается, что из себя представляет меч «звездный»? Неизвестное технологическое оружие массового поражения? А может быть и того страшнее — наши эксперты не исключают, что высокоразвитые цивилизации в состоянии создать такие технологии, которые могут представлять опасность для всей Вселенной. Скажем, на основе локального изменения некоторых физических констант в данной точке. И это уже страшно. Это уже угрожает не только Ноле — здесь уже о всей Вселенной идет речь. Возникают вопросы: реально ли оружие, или это просто миф? А если не миф, что оно из себя представляет? Как может оказаться в руках представителей далеко не высокоразвитой цивилизации? И, наконец, имеет ли этот «звездный меч» отношение к странным созданиям Западного континента? В этом тоже есть сомнения — в долбленке странных существ было обнаружено примитивное оружие — ножи и гарпуны даже не из меди, а из обсидиана. Теперь вы понимаете, как мы нуждаемся в вашей помощи? Как заинтересованы в успехе вашей экспедиции?

— Может, следует провести разведку непосредственно на Западном материке? — вопросом на вопрос ответил Элл.

— Хм… Не все так просто, господин Маргио, — первый раз за беседу замялся профессор, но быстро взял себя в руки и продолжил. — Мы не можем идти на чрезмерный риск. Мы даже не знаем, с чем имеем дело, чего ожидать от этой разведки, какие задачи ставить перед разведчиком. Что мы вообще знаем?

Известно только, что на этом континенте обитают странные и опасные для человека создания. Известно, что люди, попадающие на континент, пропадают без следа. В том числе и один из наших агентов. Так что, никакой высадки на Западном материке! Если вы ответите на наши вопросы по итогам разведки в Горной стране, на данном этапе исследований нас это вполне устроит.

— И последнее, — почесал подбородок профессор. — То, что сказали вам ребята, тоже следует учитывать. На Ноле, по нашим сведениям уже была, и даже не одна, цивилизация. Какие факторы их уничтожили — нам остается только гадать. Это вопрос не к вам. Но в данный момент, при таких конкурентах, как обитатели Западного континента, нам совсем не хочется рисковать существованием человеческой расы на планете. А особенно, более цивилизованной Страной, Окруженной Горами.

* * *

Дерево со странно вывернутыми окаменевшими ветвями осталось далеко позади. А впереди была длинная дорога в Страну, Окруженную Горами. Что-то там ждет Скитальца? Живы ли друзья? Помнят ли враги? Как-то сейчас сложится их встреча…

Он поймал себя на мысли, что в тайне, в самых дальних закоулках сознания, не признаваясь даже самому себе, давно тосковал по этому миру, где прошел, может не самый длинный, но все-таки счастливый период его жизни. Опасный и кровавый, но неповторимый и незабываемый, как русская рулетка.

Глава 3

— Куда ты меня гонишь? — прохрипел, еле переводя дух, Волчонок. — Мы с отцом всегда шли через Ущелье Южного Ветра. А здесь я даже и не знаю, где можно спуститься.

— Зато я знаю. Не отвлекайся. Ты еще свою норму не набегал. Так что — вперед! — Скиталец и сам бежал чуть сзади с приличной ношей за плечами, да еще вороного своего за повод подергивая, своим личным примером желая показать Волчонку, что ничего невозможного от того не требуется.

— Ты меня в гроб хочешь вогнать! На кой мне это нужно?

— Хочешь быть солдатом — учись бегать. Если не за врагом, то от него. Никогда не помешает.

— Я не собираюсь бегать от врага! — вскинулся Волчонок.

— А зря. Нужно быть готовым ко всему. Но не трать зря силы на пустую болтовню. Не забывай — еще придется со мной фехтовать. А идем мы сюда, потому что, так ближе. Срежем изрядно…

— Если ты так хорошо знаешь дорогу, зачем я тебе нужен?

— Ну, — замялся Скиталец, — Ты там бывал, язык, обычаи знаешь… Короче, запас карман не тянет, пригодишься.

Волчонок окинул своего мучителя недобрым взглядом и продолжил изнурительный кросс. А что делать? Сам дурак! Не нужно было спорить. Не зря отец говорил, что азарт — маленький злой дух, сидящий за пазухой, который ничего хорошего не посоветует.

Неожиданно, почти сразу под ногами появилась узкая ложбина — не ложбина — трещина в скальной породе, с небольшим ручейком на дне. Она круто шла вниз, постепенно расширяясь.

— А! Вот ты куда меня привел? Ущелье Лиса? Здесь спускаться… — через одышку выговорил парень. — Того гляди, на голову камень свалится. Плохое ущелье. Им даже разбойники редко пользуются. И тропка там — хоть бы самим пройти, не то, что с нашим обозом.

— Почему «Ущелье Лиса»? — удивился Скиталец.

— Да был, говорят, такой разбойник — Лисом звался. Лихой и сильный. Его все принцы поймать хотели, да не получалось. Вроде бы обложили в горах, все тропы перекрыли. Только здесь засады не было — то-ли забыли про это место, то-ли вовсе о нем не знали. А Лис, как чуял — сюда, наверное, и ушел. Так и стали с тех пор называть — Ущелье Лиса.

— Отец рассказал?

— От него дождешься! И сам никаких сказок, там, историй, не расскажет, да еще и матери не велит. Помалкивай, мол, старая… Такой он человек.

«Вот так и рождаются легенды, — подумал Скиталец. — Оказывается, моим именем названо ущелье, которое я вижу впервые в жизни. И подвиги мне приписывают, о которых я и не подозревал. Интересно, сколько же правды в легенде о хане Мати и его мече? Не окажется ли это на поверку погоней за фантомами? Что же, проверим. Для того я и здесь».

— Ладно, застоялись мы, что-то. А день уже к концу движется. Давай, пока светло — вниз.

Глава 4

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Узкое и длинное ущелье имени себя любимого осталось позади. Прошли — и, слава Богу! Радоваться нужно, что живы остались. Один раз чуть под обвалом не погибли, пару раз тропу расчищали от завалов. В сугробах вязли, по льду скользили. Лошадей, что тех дам, чуть ли не под ручку проводили по узкой тропинке. А в самых опасных местах самим приходилось перетаскивать поклажу — еду, дрова, фураж, товары. Одну лошадку не уберегли — свалилась бедняга в пропасть. Хорошо хоть поклажа на ней была не очень ценная — фураж, дрова. Хотя, и их жалко. Волчонок помалкивал, но я без всякой телепатии ощущал злость против себя, истекавшую из всех щелей юношеской души.

Наверное, он прав. Я и сам иной раз думаю, почему не пошел проторенным путем через Ущелье Южного Ветра? Там дорога — хоть на возах езжай (что, кстати, и делают). Нет! Поперся неизвестно куда, да еще мальчишку с собой потащил! Конечно, здесь ближе, но ведь и много опаснее! Сам себе не могу дать ответа. Иногда думаю, что меня ведет какая-то невидимая сила, эдакий ангел-хранитель, стоящий за моим плечом. Он знает лучше меня, куда идти и что делать. И вовремя подталкивает на нужную дорогу. Что же, дружище, я тебе верю. Ты столько раз меня спасал. Веди, уж…

— Ладно, парень, не злись. — обращаюсь к парнишке с примирительными нотками в голосе. — Сегодня будем отдыхать. Хотелось, конечно, начать с тобой новое оружие осваивать, но ты, вижу, уже только о сне и мечтаешь. Ладно, отдыхай. Еду я приготовлю.

— Какое еще оружие? — заинтересовался Волчонок.

— Если так любопытно — глянь в поклаже, что на моего Сером навьючена.

Парень подошел к вороному коню с совершенно неподходящей для него кличкой — Серый, порылся среди поклажи и, наконец, извлек длинный сверток.

— Меч! — воскликнул он в восторге. — Вот уж не думал, что у тебя есть меч! Да еще какой!

Его удивление понятно. Меч — штука в этом мире очень недешевая. Даже Кот — человек совсем не бедный — своему наследнику такой не купил. Волчонок с собой таскает то-ли муляж, то-ли игрушку, выпиленную из каменного дерева. Конечно, и им можно нанести глубокую рубленую рану —

древесина плотная — но, все равно, против стали и даже бронзы, вещь малоэффективная. Так, сблокировать пару ударов может и удастся, но не более.

— Ну, и какой? — усмехаюсь — Меч, как меч. Оружейник, его отковавший, согласен, не из дешевых, да и сталь неплохая. А в остальном — ничего особенного? У любого уважающего себя офицера такой имеется.

— А почему же ты его не носишь на перевязи, через плечо, как все офицеры-дворяне?

— Может быть, потому, что не являюсь дворянином.

— Да? — удивляется парень. — А по волосам не скажешь!

— Кто бы говорил! На свои патлы посмотри. Ладно, проехали. Твой внешний вид — твое личное дела.

— А вообще, предпочитаю… — и я достаю из-за голенища сапога свой кинжал. — Ему у меня доверия больше. Ладно, можешь помахать мечом, пока я кулеш сварю. Здесь-то, внизу, я надеюсь, крупа разварится».

* * *

На этом плато было гораздо теплее, чем вверху. Не морской берег, конечно, но хоть снег не сыплет, да ветер не такой лютый. Кое-какая травка появилась — хоть лошади смогут поесть свеженького. Кустарники. Жиденькие, но хворостом для розжига костра обеспечивают. Ельник низкорослый, не деревья, а так, лианы, стелящиеся по земле. Но укрыться от нежелательных глаз в них вполне возможно. Один раз уже пришлось прятаться в гуще растительности, когда вдали показались всадники. Довольно большая группа — около полусотни, если не больше. Лучше не испытывать судьбу. Черт их знает, что за люди, куда идут и откуда. Тем более, что на горизонте странная темная туча наблюдалась, очень напоминающая дым пожарища.

Только утром Скиталец с Волчонком снова отправились в дорогу.

— Гарью несет, — повел носом Волчонок. — Точно эти разбойники вырезали какое-то селение. Но, и им, видать, досталось…

— Откуда знаешь? — спросил Скиталец.

— Гарь… Если они победили, то палили своих. Врагов просто бросают в пропасть на съедение зверью. А если горят те, на кого напали, то победа за ними. Представляю тогда, сколько побежденных оказалось в пропасти, если уцелевших набралась целая армия!

— Логично, — буркнул себе под нос Скиталец. Ситуация нравилась ему все меньше и меньше. Ребята в этой стране — не подарок. Ну, хоть бы АКМ разрешили взять! Так нет, куда там! И как прикажешь воевать с таким количеством врагов? Копьем, мечем, луком со стрелами?

— Поехать, что ли, посмотреть, что там творится?

— И так понятно, — произнес Волчонок. — Глянь на небо. Падальщики. На пир слетаются.

Действительно, в небе кружила стая птиц. Даже с этого расстояния было видно, что птички немаленькие, настоящие сверхкрепости в перьях.

Лучше, Скиталец, туда не идти. Мы там никому уже не поможем.

Тому ничего другого не оставалось, как признать правоту юноши и молча тронуть повод коня.

Неожиданно Серый вскинулся на дыбы и заржал. Скиталец еле удержался в седле. Оказывается коня — да, что там греха таить, не только коня — напугал неожиданно появившийся из кустов и упавший на колени перед самыми конскими копытами человек.

Скиталец быстро осмотрелся по сторонам — вроде бы никого. Если засада, то уже должны бы показаться… Скиталец взглянул на неожиданного гостя. Совсем старый человек в традиционном шерстяном плаще, настолько грязном, что коричнево-сине-белые узоры уже и не разобрать. А ведь, говорят, они являются вроде как, визитной карточкой рода. Длинные седые космы достают почти до пояса, усы и редкая бороденка не ухожены по местной моде — никаких косичек, только застрявшие соломинки и щепки. Грязный и вонючий — бомж бомжем, как сказали бы у Скитальца дома. Но здесь ценности другие. Может это какой-нибудь шаман, колдун, или святой — такой шапочки, расшитой стекляшками, видеть еще не доводилось.

Старик начал что-то быстро и непонятно говорить, протягивая всаднику сверток, который держал в руках.

— Волк, что он говорит? Чего ему надо?

— Точно и не скажу… — пожал плечами парень. — Тут, что не клан, то свое наречие. Похоже, пытается нам что-то продать. Ребенка, что-ли…

— Че-е-го? — протянул Скиталец. — Скажи ему, чтобы убирался. Ему уже на том свете прогулы ставят, а он туда же — в работорговцы!

— Он, похоже, цену сбросил — теперь хочет просто отдать его нам.

— А оно нам надо? — презрительно скривил рот Скиталец. —

Эй! Уходи! Прочь с дороги! Затопчу.

— Он говорит, что ребенок очень болен. И только всадник на черном коне может его спасти — таково было ему видение. Если ты откажешь — ребенок умрет.

— Видение у него… Что не нищий, то ясновидящий! Я что, врач? — выругался Скиталец, но уже менее решительно, и с обреченным видом стал спешиваться.

Конечно, на счет врача Скиталец погорячился. Слава богу, обучился некоторым навыкам — без них в своих экспедициях давно бы погиб. Да и кое-что хозяева разрешили взять с собой в нарушение всех законов — медикаменты, медицинские инструменты. Благодетели!.. Ни тебе оружия, ни камуфляжа. Аптечка — и не более. Ну, и еще золото на мелкие (и не очень) расходы.

Он подошел к старику и откинул капюшон с головы ребенка. Даже по цвету личика можно было определить, что ребенок практически находится при смерти. Пересохшие воспаленные губы жадно хватали воздух, грудка тяжело вздымалась, о лобик можно было обжечь руку.

Скиталец покачал головой.

— Эх, где вы взялись на мою голову! — Он взял ребенка из рук старика и огляделся по сторонам. Вот за кустами трава погуще — там, пожалуй, можно осмотреть кроху. Старик вскочил с колен и стал что-то лепетать, хватая Скитальца за одежду.

— Волк, займись стариком. Плесни ему вина, что ли, пусть успокоится. Да смотри, чтобы не сбежал.

Скиталец развернул плащ и обомлел. Вот это да! Под плащом была пеленка вся пропитанная кровью. У мальчика — а это оказался именно мальчик — из ножки торчал обломок деревяшки. Скорее всего, это было древко стрелы… Какой мерзавец решился стрелять в такого кроху — ему, по земным меркам, года полтора, не больше! Стрела сидела крепко — вытащить не удалось. Только дотронулся — ребенок очнулся от своего забытья и раскричался. И не мудрено — нога имела страшный вид. Опухла, покраснела. До гангрены — считанные часы. Да, медлить нельзя.

Скиталец подошел к коню, достал из одного из тюков кожаную сумку. Взглянул на старика — тот снова стоял на коленях, что-то бормотал и отбивал поклоны. Волчонок сидел рядом с ним на корточках, и то-ли пытался что-то разобрать в бормотании старца, то-ли уговаривал его выпить вина из глиняной пиалы.

Тут все в порядке, а вот с малышом — дело дрянь. Наркоз, пожалуй, он может и не выдержать. Лучше заблокировать

нервные центры. Скиталец положил руки на виски мальчика, и через минуту тот затих и вытянулся, будто мертвый. Порядок. Теперь приступим, помолясь.

Через десять минут ржавый зазубренный наконечник, больше похожий на китобойный гарпун — не мудрено, что не вытаскивался — валялся в траве, рана была вычищена от гноя, залита биоклеем, а сверху наложен кусок искусственной кожи. Теперь — порция сильнодействующего антибиотика, и витаминов. Все, пожалуй. Парень очнется и будет, как огурчик. Пускай старик его забирает.

— Волк, а где этот дервиш? — у Скитальца глаза на лоб полезли. Только что сидел, молился, и вдруг исчез из поля зрения!

— Ушел, — сказал Волчонок с трагическими нотками в голосе.

— Как? Куда? — Скиталец от злости готов был вытрясти душу из этого бездарного помощника, не способного уследить за такой старой развалиной.

— Куда? Туда, откуда не возвращаются. Успокойся, Скиталец, я не виноват. Он просто умер. Лежит в кустах и не дышит. Бубнил, бубнил что-то насчет того, что предначертание сбылось, и теперь он может спокойно умереть — так и сделал.

— Умер, говоришь? Посмотрим, — воскликнул Скиталец и бросился к кустам.

Не очень приятно делать искусственное дыхание такому немытому человеку да еще с гнилыми зубами. Но другого выхода нет. И, конечно, непрямой массаж сердца. Знаем мы этих хитрецов-шаманов! Опытному человеку ничего не стоит на некоторое время остановить свой «моторчик». Сами такие фокусы проделывали.

Но после четверти часа усилий старик так и не проявил признаков жизни. Скиталец вытер пот со лба и обреченно махнул рукой.

— Бесполезно. Старый хрыч нас все-таки надул. И что теперь с мальцом прикажешь делать?

— Что делать? — удивился Волчонок, — Ничего. Мы, что, его с собой потащим?

— Нет! Тут бросим! На растерзание зверью! Я для того с ним столько возился? Да, и не по-человечески это. Мы люди или нет?

— Тогда продадим кому-нибудь. Или просто отдадим, — пожал плечами Волчонок.

— Да… Придется, — вздохнул Скиталец. — Как его везти? Есть у нас пустой мешок?

Нашлась большая плетеная корзина. Лепешки из нее пока

перекочевали в другую тару. Нашлись и постромки, чтобы приладить эту импровизированную колыбель к седлу за спиной Скитальца. Пока малый спит — неприятностей не ожидается. А как проснется? Ладно, потом посмотрим. Будем решать проблемы по мере их поступления.

— А с этим что делать? — Скиталец кивнул на труп старика.

— Ну… Как принято у кочевников, — сказал Волчонок и удалился в заросли кустов.

Через несколько минут он вернулся с небольшой охапкой хвороста, положил его на грудь старцу и стал хлопотать с кресалом. Хворост вскоре вспыхнул и так же быстро прогорел.

— Все, Скиталец, можно ехать.

— Он же не сгорел? — тот с сомнением покачал головой.

— Обряд соблюден. Его душа уже улетела вместе с дымом. Так что, он на нас не в обиде. Поехали.

Глава 5

— Видишь башню, Скиталец? Перейдем реку, а за ней земли, принадлежащие хану Клык Вепря. Там нас уже ярлык будет защищать.

Башня. Скитальца она давно интересовала — слишком много мистики вокруг нее нагромождено, множество легенд и тайн передавалось из уст в уста даже в Стране, Окруженной Горами. И вот она предстала перед ним воочию. На обрыве над неглубоким каньоном высилось сооружение, напоминающее дымовую трубу завода. Но на трубах не бывает оконных проемов, а на круглой стене башни виднелись узкие бойницы. Интересное сооружение! Нужно бы рассмотреть его получше.

— Эй, мы едем, или будем торчать на месте, и разглядывать башню? Приворожила она тебя, что ли?

«Пожалуй, да, приворожила, — подумал Скиталец. — Будто магнитом притягивает, зовет».

— Волк, как она здесь появилась? Неужели, кочевники соорудили?

— Она тут все время стоит. Даже местные старцы не знают, когда ее построили. На все вопросы отвечают — мол, древние жители подземных королевств постарались. А кто эти древние жители — никто сказать не может. Только с ужасом по сторонам посматривают.

— Пожалуй, парень, поедем вблизи полюбуемся.

— Ну, уж нет, Скиталец! Я туда ни ногой! Проклятое, говорят, место. Да и табу это. Если нас увидят возле подножия — ни один ярлык не спасет.

— А кто увидит?

— Говорят, Пророк распорядился охранять подходы.

— Да? — Скиталец извлек из деревянного тубуса медную трубку, поднес к глазу и стал осматривать через нее окрестности. — А ведь ты прав. На два пальца влево от островерхой скалы дым виден. Есть охрана. С чего бы это? Что там охранять и от кого?

— Говорят, это последний вход в подземные королевства. Давным-давно люди гор воевали с людьми подземелья, почти всех убили, а кто из жителей подземелья выжил, навеки ушел в недра Нолы. С тех пор все, наверное, перемерли. Но души их могут наделать много пакостей людям земли. Горцы уничтожили все ходы подземных жителей. Только эта башня и осталась. Она заколдованная — никого к себе не подпускает. Даже охраняют ее на приличном расстоянии.

— А зачем тогда охранять, если она и сама в состоянии о себе позаботиться?

— Чтобы духи жителей подземных королевств не вышли на поверхность и не начали мстить жителям гор.

— И эти пастухи могут противостоять духам? Но я, пожалуй, рискнул бы потягаться и со стражей, и с духами. Что, Волк, составишь компанию или мне самому идти?

— Знаешь, Скиталец, ты, конечно, парень ловкий и сильный, но стражники тоже ребята не хилые, и их больше, чем нас. Да дело не в стражниках. Духи — они во стократ страшнее. Они разума могут лишить в два счета, а мечом их не убьешь. Хочешь — иди, но я не пойду ни за что.

— Ладно, герой, считай, что уговорил. На обратном пути заглянем. И с другой стороны постараемся подобраться. Уж больно река бурная.

— Весна. В горах снега тают. Через пару месяцев вода в речушке коню и до колена не достанет. Тогда подобраться удастся. Если не пропадет желание голову сложить или разума лишиться.

Скиталец еле удержал Серого. Ну что ты поделаешь с этим мальцом! Снова дергает коня за гриву и пинает ногами. Юный джигит! Не успел очухаться, как наотрез отказался путешествовать в корзине. По крайней мере, тогда, когда бодрствует. Пришлось соорудить из мешка, набитого травой, подобие седла и усадить малого перед собой. То-то было радости! Похоже, ребенок раньше научился скакать верхом, чем ходить ногами. Говорить, во всяком случае, еще не умеет. Только пальцами тыкает во все, что вызывает интерес. Беднягу Серого совсем задергал. Эй, малый! Это не ты, это я конем правлю! Угомонись!

* * *

На гребне скалы снова показались всадники.

— Мы точно на землях Пророка? — осведомился Скиталец.

— Да, — сказал Волчонок. — Башню когда видели? Уже с десяток дней прошло, как за спиной осталась. А за нею земли Пророка. Вернее, эти земли принадлежат хану Клык Вепря, но… Короче, здесь слово Пророка — закон. Так что, эти разбойники нас тронуть не посмеют. Только ярлык на пику навесь и подними повыше.

Всадники осторожно приближались, будто боялись путников, хотя, вся обстановка диктовала как раз обратное — все-таки,

шесть человек против двух, что-то, да значит. Да и Малыш вдруг разревелся на грани истерики.

— Волк, — крикнул Скиталец, съезжая с тропы в сторону от визитеров. — Поговори с ними, пока я мальца успокою. Только будь осторожней. Их рожи мне доверия, ну никак не внушают.

Да, рожи у гостей были еще те! Плоские, будто о стену приложились. Приплюснутые носы, скошенные подбородки, разве что, усы да скулы нарушали общую плоскую «гармонию». К тому же, какого-то землистого цвета, то-ли темные, то-ли просто, отродясь ни разу не мытые. Узкие злые глаза, почти скрытые под меховыми шапками, обшитыми по верху костяными или медными пластинами, метали злобные взгляды на путников. Лошадки тоже вполне могли нагнать страху на кого угодно — низкорослые и волосатые, будто гигантские болонки. Чудища лохматые, а не лошади. Не мудрено, что Малыш испугался. А может, имел уже счастье встречаться с ними? Успокаивайся, парень, нельзя оставлять Волчонка с этими бандитами одного.

Скиталец подъехал к всадникам и стал прислушиваться. Черт-те-что! Ведь изучал перед отправкой язык горцев, а на деле, кроме отдельных интонаций ничего не понять.

Волчонок что-то пытался втолковать грузному детине в драном овечьем тулупе — очевидно, атаману всей шайки. Это, судя по всему, не очень удавалось. Детина только рычал на низкой ноте и потрясал заплетенными в тонкие косички длинными усами. В это время один из его подельников спешился и очень заинтересовался содержимым вьюков одной из лошадей путников. Э, нет! Так не пойдет! Скиталец потянулся и треснул вора по рукам древком копья. Теперь настала очередь пострадавшего огласить окрестности львиным ревом. Он выхватил из-за пояса плеть с грузом на конце, но пустить ее в ход не успел. Скиталец наградил его новым ударом — на этот раз по голове. Бандит свалился на землю, смешно задрав ноги. Малыш, увидев эту картину, зашелся смехом и запрыгал в своем седле. Его испуг как в воду канул.

Скиталец сунул острие пики прямо пол нос атаману и так же хрипло проорал слова, в значении которых был уверен:

— Ярлык! Пророк! Пропустить!

Что помогло убедить атамана — ярко-синий флажок на древке или блестящий наконечник пики у самого глазного яблока — неизвестно, но звук бандит убавил и, бормоча себе под нос ругательства, дал знак своим товарищам уходить и оставить путников в покое.

— Зря ты, Странник, так… Можно было просто договориться, — покачал головой Волчонок. — Они злые и

мстительные. А как подстерегут на обратном пути, когда из земель Пророка выйдем?

— Когда подстерегут, тогда и подумаем. А шарить по нашим вещам я не позволю. И вообще, что за речи в устах будущего воина? Испугался?

— Ну, вот еще! — вспыхнул юноша. Но развивать тему не стал, а просто пришпорил своего гнедого и поскакал вперед по тропе.

* * *

— Ну, вот и добрались, — сказал Волчонок, охватывая широким жестом руки открывшуюся внизу панораму.

Скиталец снова достал свою подзорную трубу — шедевр ювелира из Луэлреста, изготовленный по заказу капитана королевского корвета, но так и не выкупленный по причине неожиданного пропития всего только что выплаченного жалования — и стал в нее рассматривать ставку хана Клык Вепря.

В долине, как грибы на поляне, белели купола шатров. Два самых больших купола располагались в центре, остальные, поменьше, — вокруг на некотором расстоянии. Между шатрами сновали люди — пешие и на конях, горели костры, прохаживалась домашняя живность, птица. Типичный стан кочевого народа. Видеть подобное Скитальцу приходилось не раз.

— Который шатер Пророка?

Волчонок приложил к глазу странную штуковину, изрядно удивившись открывшемуся зрелищу, но вида постарался не подать, и как можно спокойнее ответил:

— Тот, что левее. С синим флажком на крыше.

Не успели они подъехать к самым крайним шатрам, как навстречу выехал караул из трех всадников. Малыш снова испугался, но на этот раз не плакал, а просто вцепился в куртку Скитальца. С охраной снова пришлось объясняться Волчонку.

— Они говорят, что не одни мы такие. Желающих попасть к Пророку — хоть отбавляй. Сегодня он никого видеть не желает. А завтра с самого утра нужно ждать у его шатра. Пророк сам решит, кого принять, кого прогнать. Ну, это я и без них знал. Я угощу их вином? Они за это нам предоставят шатер на ночь. И коней постерегут. Здесь народ такой: отвернешься — обязательно что-то сопрут.

Шатер, который предоставил начальник караула за пиалу вина, был довольно просторным. И это было неплохо — оставлять поклажу снаружи было как-то боязно. А если раскладывать свою

палатку — в нее и половины груза не влезет. За коней можно не волноваться — Серый никакого конокрада на милю не подпустит. А вот груз — попробуй, уследи!

Но даже и в шатре нужно было держать ухо востро.

Волчонок с Малышом сразу же после ужина попадали на кошму как убитые. Скиталец тоже заснул, но вскоре проснулся. То-ли Серый фыркнул, почуяв чужого, то-ли его собственное природное чутье сработало, но сон вдруг улетучился, как туман на ветру. Он некоторое время лежал на спине, пытаясь прочувствовать реальность опасности. Наконец, слух уловил еле слышный шорох за пологом шатра. Потом явственно послышалось какое-то шарудение совсем рядом, буквально на расстоянии двух шагов. Скиталец осторожно поднялся и переместился туда, откуда доносился слабый, но тревожный звук. Ага! Вот оно что! Только благодаря своей способности неплохо видеть в темноте он разглядел нож, который вспарывал полог шатра. Через минуту в разрез просунулась голова с заплетенными в косички усами. Ба! Знакомые все лица! Интересно, что тебя сюда привело, атаман? Желание поживиться или жажда мести за недавний подрыв авторитета? Ну, как бы то ни было, получите, распишитесь!

Кулак скитальца врезался в еле заметный нос. Послышался глухой хруст и сдавленные ругательства. Голова пропала из поля зрения. Теперь можно спать спокойно. Вряд ли визитеры вернутся.

Утром Скиталец ожидал аудиенции у шатра Пророка. Ждал уже довольно долго — успел, и поклониться самому хану Клык Вепря, и побеседовать с сидящим рядом немолодым кочевником.

Хан произвел неприятное впечатление. С первого взгляда было понятно, что он страдает тяжелой формой психического заболевания. Глупое лицо с выпяченной нижней губой и глазами на выкате, зло поглядывающие на окружающих. К тому же плетка в руке, которой он «потчевал» всех без разбора. Наверное, досталось бы и Скитальцу, не вмешайся в дело няньки — крепкие ребята, ухаживающие за ханом. Они бесцеремонно оттащили злого правителя от гостей Пророка, хотя и получили свою порцию плети. Скиталец же предпочел убраться от греха подальше. Не удивительно, что кланом фактически управляет Пророк.

Больше пользы принесло общение с таким же просителем, как и он сам. Удалось немного пополнить свой словарный запас и потренировать свои экстрасенсорные навыки. Скиталец никогда не обладал особыми способностями к телепатии, и только серьезная учеба и тренинг помогли хоть как-то развить эти полезные для разведчика качества. Теперь он пытался за

нейтральной беседой понять истинную причину визита этого человека к Пророку. Мужчина закурил длинную трубку, наполненную такой гадостью, что даже Скиталец чуть не задохнулся от вонючего дыма. Что они курят? Не табак, несомненно. Навоз, что ли?

— Дочку замуж выдаю, — сказал кочевник, протягивая трубку Скитальцу.

Отказ мог спровоцировать обиду. Пришлось втянуть в себя порцию этой «Черемухи» и не скривиться. Собеседнику же глоток из фляги пришелся очень по душе. Он улыбнулся и с довольным видом отрыгнулся, похлопав себя по животу:

— Хорошо! Она у меня красавица.

В дальнейшем удалось выяснить, что на девушку положили глаз два человека. Один — богатый сосед, глава большого клана. Второй — смелый воин. Кому отдать дочь?

Скиталец немного уяснил для себя картину, «порывшись» в мыслях кочевника. Все было совсем не «хорошо». «Смелый воин» был обычным разбойником и к тому же полным отморозком. Такому отказать — нажить смертельного врага. Ему ничего не стоит весь род вырезать, чтобы своей цели добиться. С другой стороны «богатый сосед» совсем не готов брать на себя обязательства по защите будущих родственников, и ссориться с бандитом тоже не хочет. А отказ не простит и он — потребует вернуть долги.

Что же, вроде бы навыков не растратил. Вопрос только, хватит ли их при единоборстве с Пророком. Он, скорее всего, экстрасенс не из слабых.

Невысокий воин в кожаных доспехах с нашитыми на них костяными пластинами и в таком же шлеме — очевидно, телохранитель Пророка — вышел из шатра и направился прямо к ним. Не говоря ни слова, он только махнул рукой старику — следуй, мол, за мной.

Отец невесты взвалил на загривок барана — гонорар за совет Пророку — и скрылся в шатре. Он там не долго задержался — минут через пять вышел с широкой улыбкой на плоском лице. Проходя мимо Скитальца, он с радостно поклонился, произнес добрые пожелания, всем своим видом выражая полное удовлетворение исходом своего визита.

Интересно, что такого насоветовал ему Пророк, что старик так возрадовался? Скитальцу ничего положительного в этой ситуации не виделось. Ну, может Пророку виднее…

Наконец, настала очередь Скитальца идти на прием.

Он поднялся с земли, подхватил дары и двинулся вслед за охранником. Вдруг в штанину кто-то вцепился. Малыш буквально

повис на ней.

— Волчонок! Это что такое? — закричал Скиталец, забыв об обещании называть парня взрослым именем. Чего только злость не сделает! — Зачем ты его отпустил?

— Чертов малец! — чуть не плача выругался тот. — Укусил меня и дал деру. До крови хватил, паршивец. Зубы еще не вырастил, а злости — как у… как у дикого зверя! Минуты без тебя посидеть не хочет.

— Кого надо было Волком назвать? — усмехнулся Скиталец. — Ладно, парень, возвращайся к палатке. Видишь того оборванца, что нам ножом грозит? Это твой знакомый. Просто сейчас у него морда перевязана — нос побаливает. С ним надо держать ухо востро — ворюга еще тот! Ночью к нам в палатку лез, да об дверь ударился.

— Эй, мерзавец! — крикнул Скиталец атаману. — Еще раз попадешься у меня на пути… — и характерный жест ладонью по горлу.

В шатре Пророка было темно. Даже после серого утреннего полумрака снаружи, Скитальцу пришлось некоторое время привыкать к темноте, прежде чем удалось что-то разглядеть.

Пара коптилок по углам еле-еле освещали помост в центре шатра. На нем в кресле восседала темная фигура. Когда глаза немного привыкли, прояснились детали. Человек в кресле был закутан в одеяло с характерными ромбами и кругами клана Клык Вепря. Лица было не разглядеть — оно было накрыто чем-то вроде накидки или вуали. Вот он, таинственный Пророк.

Скиталец положил у ног Пророка свои дары — Мешок с мукой, бурдюк с вином, сверху на мешок выложил три большие серебряные монеты и одну золотую поменьше.

— Ты такой богатый, неведомый гость? — голос у Пророка был тихий и хриплый, будто простуженный. Но в то же время, Скитальцу показалось, что фраза была сказана с иронией. Не пожадничал ли? Обида Пророка была бы совсем не кстати.

— Как твое имя? — снова прохрипел человек в кресле.

— Зови меня Скитальцем, о Великий.

— Ты хочешь, чтобы тебя называли так? — снова ирония в голосе. Что-то не так. Прощупать сознание Пророка не получается — будто в стену упираешься. Да и самому не мешало бы заблокироваться — похоже, и в твое сознание пытаются пролезть.

— «Что в имени тебе моем?» — попытался пошутить Скиталец, и тут же прикусил язык. Даже такая фраза может демаскировать его. Безусловно, вероятность того, что Пророк знаком с творчеством поэта, жившего за сотни лет до» него и за тысячи парсек от» него, равна нулю. Но это непрофессионально.

Такие ошибки делать нельзя. Стареешь, Акробат!

— Оно ничего не значит.

— Пусть так. Но имя сына скажешь? Как тебя зовут, кроха?

Малыш не ответил и только укрылся за ногой Скитальца, опасливо поглядывая оттуда на темного человека в кресле.

— Я зову его Малышом. Это не мой сын — подкидыш. Нашел на дороге. Бросить не мог, все же дитя человеческое. Бросить — все равно, что убить.

— Ты такой добрый? — интересно, может Пророк над всеми так иронизирует? Или что-то действительно знает о его — Скитальца — прошлом?

— Добрый — не добрый, а грех за смерть невинного младенца брать на свою душу не намерен. У меня их и без того немало.

— Хм… Наверное… Давно он у тебя?

— Пара недель.

— На нем накидка с узорами клана Длиннорога.

— Тебе виднее. Я в этом не очень разбираюсь.

— Всех Длиннорогов вырезал клан Чикама.

— Так он сирота? — спросил Скиталец, хотя и сам прекрасно знал ответ на этот совсем не обязательный вопрос.

— Трудно, наверное, путешествовать с таким маленьким ребенком за спиной — Пророк ушел в сторону от вопроса, который посчитал риторическим.

— Он парень неприхотливый. Лошадей не боится, даже наоборот. Только вот с питанием… Варю ему бульон из мяса, редкую кашу из крупы. Ему молоко нужно, а купить его трудно. Если и есть у кого — продают неохотно. Боятся меня, что ли?

— Сочувствую, — сказал Пророк. — Но мы отвлеклись. Ты ведь хотел у меня что-то узнать? Не так ли?

— Да, конечно.

— Слушаю.

— Пророчество — насколько оно реально?

— Ты о чем?

— Я о пришествии хана Мати со Звездным Мечом в руке.

— А-а, — равнодушно протянул Пророк. — Я слышал о нем. Это не мое пророчество — о нем известно уже много лет. Я считаю его вполне реальным. А по какому поводу интерес, можно узнать? Или?..

— Можно. Тебе — можно. Я представляю интересы одного влиятельного вельможи, который имеет династические претензии на трон в Стране Окруженной Горами. Его претензии… Как бы так выразиться… Они достаточно весомы, да вот возможности их воплощения в жизнь оставляют желать лучшего. Скажу

откровенно — у него нет средств, чтобы нанять боеспособную армию. Поэтому он рассчитывает на союз с ханом Мати.

— Имя у твоего вельможи есть?

— Имя есть. Но, не проси, чтобы я его назвал. Сам понимаешь — если его услышат не те уши, то может быть предъявлено обвинение в государственной измене. А это — эшафот.

— Понятно, — пробормотал Пророк. — Хочешь втянуть меня в политическую грызню?

— Помилуйте Боги, о Великий! Просто хочу кое-что разузнать, уяснить для себя. О нашем разговоре все равно никто не узнает, но в будущем и мой сюзерен, и хан Мати, наверняка, будут тебе очень благодарны!

— Льстец и прохиндей, — беззлобно, как бы констатируя факт, сказал Пророк. — Ну, и что же тебя все-таки интересует?

— Все. Вероятность того, что пророчество сбудется. Хан Мати — кто он и откуда, где его можно увидеть. Его меч, опять-таки… Почему он «Звездный»? Сроки, когда пророчество может сбыться, насколько реально ожидание победы хана…Принцы Побережья тоже вояки не из последних! И так далее, и так далее, и так далее…

— Хм… Задал ты вопросы!.. Вероятность пророчества, думаю, очень высока. Постоянная межклановая вражда уже нанесла этой стране такой урон, что ее продолжение приведет к угасанию всего народа. Кто-то должен это прекратить. Иначе… На счет сроков, ничего сказать не могу. Может, через год, может, через век. О хане Мати тоже ничего определенного не знаю. О реальном человека с таким именем я пока не слышал. Хотя, ты сам только что высказал неплохую мысль — имя не значит ничего. Мало ли кому придет в голову назваться этим именем… О мече… Было видение… У меня он ассоциируется со льдом, холодным океаном, огнем… Наверное, ответ ты найдешь в селениях охотников за морским зверем. Насчет итогов войны… Если объединятся все кланы — это тысячи мечей. Принцы Межгорья такой армии противопоставить ничего не смогут, кроме доблести своих воинов.

— Ну… Понятно. А имя Мати, что означает? Просто так имена ведь не присваиваются?

— По-моему, название какого-то растения. Не из наших мест, так что, не очень осведомлен. Это все, что я могу тебе сказать. И вообще, Скиталец, такие огромные проблемы не для меня. Спросил бы, кому муку продать или у кого купить железо, я бы растолковал. А это…

«Ну, нет, ясновидящий, — подумал Скиталец. — Ты знаешь значительно больше. Недаром так разболелась голова — два часа

непрерывного экстрасенсорного армрестлинга, попытки пролезть в чужие мысли и не пустить в свои».

— И на том — спасибо, о Великий! Да хранят тебя твои Боги! — Скиталец поднялся с кошмы, поклонился Пророку и подхватил под мышку Малыша. — Пошли, рыцарь, надеюсь, Волк тебе уже молока раздобыл.

— Скиталец, — раздалось за спиной. — Можно узнать о твоих планах?

— Зачем?

— Просто, если ты отправишься домой, то тебе мое благословение и пожелание легкой дороги. Если же к охотникам за морским зверем, то хочу предупредить — путь неблизкий и опасный. Мало того, что люди разные на пути могут встретиться, сама дорога очень и очень трудная — безжизненные холодные пустыни, ледяные реки, огненные горы…

— Отговорить меня хочешь?

— Нет. Это не в моих силах. Ребенка жалко. Такого путешествия он не перенесет. Чем ты его там кормить будешь? Там на многие дни пути живой души не встретишь — только дикие звери, и те нечасто. Оставь его здесь.

— В качестве раба?

— Смеешься? Какой из него раб! Он сам заботы требует немерено, что тот господин. Это я по доброте душевной, и в благодарность за твои подарки хочу тебя освободить от обузы в пути.

— А что? Это неплохо. Только учти, я вернусь и проверю, не обижали здесь парня? И если что… Я его спас — я за него в ответе.

Пророк сделал едва заметный жест рукой, и возле Скитальца, как из-под земли, возник стражник. Он попытался взять Малыша за ручку, но не тут то было! Ребенок вцепился в полу куртки Скитальца и поднял невообразимый крик. Попытки оторвать его от одежды привели только к тому, что стражник с ругательствами затряс в воздухе укушенной рукой.

— Ладно, о Великий, — сказал Скиталец, беря Малыша на руки. — Он так орет, что грыжу себе наживет. Сделаем так: мы уедем рано утром, а его просто позабудем. Он спит долго и крепко.

Глава 6

— Вставай, парень. Ушиваемся, — Скиталец тряс Волчонка за плечо.

— Да ночь еще! Ты говорил, утром поедем, — тот протирал газа, выглядывая из шатра.

— Пока соберемся… К тому же, утром могут и не позволить убраться по-добру, по-здорову. Так что, давай, веди лошадок.

— А ты, малый, не вздумай орать, — Скиталец обратился уже к Малышу. — Если заплачешь — оставлю тебя, а сам уеду. Понял?

Понял Малыш или нет, но притих, испугавшись угрожающей интонации в голосе своего большого друга. Безоговорочно дал посадить себя в мешок, выразив недовольство только шмыгающим носом.

Когда все было готово к отъезду, невдалеке замаячило световое пятно. Дозор стражи обходил лагерь. Это не входило в планы Скитальца. Если будут чинить препятствия — все! Пиши — пропало! Здесь воинов — сотня, если не больше. Навалятся скопом — отмахаться будет невозможно. Он незаметным движением извлек из-за голенища кинжал. Может быть, удастся управиться без лишнего шума?

Стражник в шлеме с нашитыми костяными пластинами, тот который утром провожал его на аудиенцию в шатер Пророка, жестом приказал двум своим подчиненным осмотреть поклажу и шатер.

— Уважаемый, прошу потише, — Скиталец подошел к начальнику. Ребенка разбудишь. Ты ведь видел, что он вчера творил в шатре Великого? Надеюсь, не хочешь, чтобы он перебудил весь стан? Тогда мне придется забрать его с собой. Боюсь, Пророк будет не очень доволен. А так — видишь — спит малец. Не потревожь, пусть себе…

Он незаметно прикоснулся к руке начальника и вложил в нее пару монет. Воин, кивнул, но в шатер все же заглянул, и, увидев на кошме сверток накрытый одеялом с узорами клана Длиннорога, удалился с чувством исполненного долга.

— И что все это значит? — спросил Волчонок, когда они выехали за пределы лагеря. — Наш питомец будет не в восторге. Ему в седле ехать нравится, а не труситься в мешке за твоей спиной. К чему такие предосторожности? И что хотел этот страж?

— Проверяет, оставили мы Малыша или с собой забрали, — ответил Скиталец, оглядываясь за спину, будто опасаясь чужих ушей.

— А им-то что?

— Вчера Пророк просил меня отдать ребенка ему на воспитание — трудно-де, в дороге с таким маленьким.

— И он прав. А ты?

— А мне виднее. Что-то наш Пророк недоговаривает. Уж лучше, пусть парень побудет с нами. Если и отдам, то кому-нибудь другому.

— Да… — протянул Волчонок. — Таскайся теперь с ним, возись… «Открой ротик — ам!» да «а-а»… Не понимаю я тебя, Скиталец.

«Я и сам себя иной раз не понимаю, — подумал тот. — Но что-то тут нечисто. А своей интуиции я доверяю больше, чем чужим словам».

Вдруг впереди, в предрассветном тумане засерели фигуры всадников.

«Неужели, засада?»

— Волк, возьми-ка этого седока, и постарайся удрать, если что… Там, похоже, нас уже ждут, — Скиталец передал Волчонку мешок с Малышом, а сам извлек из поклажи сверток с мечом.

Но через несколько минут все прояснилось в буквальном смысле слова. В разрыве туманного облака стало видно, что по тропе двигались всего два всадника и один пеший. Причем, последнего, всадники время от времени подгоняли копьями.

— Похоже, не про нашу честь, — облегченно вздохнул Волчонок.

Когда они поравнялись со странной компанией, пеший вдруг бросился к Скитальцу и заорал так, что и на Побережье могли, наверное, услышать.

— Господин, господин! Спаси меня!

От стана отъехали всего-ничего. Не хватало, чтобы этот идиот перебудил все войско.

— Ша! — вполголоса прикрикнул «господин». — Нечего орать. Чего надо?

— Спаси меня, — уже на два тона ниже проговорил человек.

Только теперь Скиталец немного рассмотрел его. Невысокий безволосый человечек неопределенного возраста, кривоногий и плосколицый, как все жители Горной Страны. Одет в рванину, через которую проглядывало грязное худое тело. Его руки были связаны за спиной длинной веревкой, конец которой был привязан к луке седла одного из всадников.

— От чего я тебя должен спасать?

— Меня хотят казнить — сбросить в пропасть.

— За что? — этот вопрос уже больше относился к стражникам, которые, как ни странно, совсем не возражали против беседы своего поднадзорного со случайным встречным.

Они сами с любопытством наблюдали за разговором, и тоже были не против вставить словцо-другое.

— Ленивый раб, — зевнув, сказал один из них — грузный малый в драном тулупе и засаленном колпаке на голове.

— Много ест, мало работает. Зачем такой нужен? — поддакнул его товарищ, который отличался от первого, разве что, более пышными усами.

— Я — сын великого хана! Я не должен работать! — снова заорал пленник, и Скиталец понял, что выхода, пожалуй, не остается. Или помочь бедолаге, или перерезать всю троицу, пока не набежали псы Пророка.

— Да не ори, тебе сказано! И как мне тебя спасать? А главное — зачем?

— Ты богатый, вон сколько поклажи! И кони красивые. Выкупи меня, что тебе стоит! Мой отец тебя отблагодарит.

— А эти возражать не будут? — спросил Скиталец, но, взглянув на довольные лица стражников, понял, что сморозил глупость. — Что хотите за него, уважаемые?

Он достал из кошелька несколько медных монеток и подбросил их на ладони. Но лица стражников особой радости не выразили.

— Ты не их рожи глянь, — прошептал подъехавший Волчонок. — Плеснуть им вина, и всего делов…

— Уважаемые, вина хотите?

У всадников с собой фляг не было, зато засаленные шлемы имели немалый объем.

— На здоровье, уважаемые. Всей тонкости аромата вам, конечно, не постичь, но зато закуской не обижены, — Скиталец, наливая вино из бурдюка, вынужден был сморщить нос — такой запах исходил от войлочных шапок. К тому же на поверхности вина затрепетали не умеющие плавать обитатели головных уборов. Картинка не для слабонервных. Но ребят это не сильно волновало. Через минуту они уже чуть ли не в обнимку поехали к лагерю, затянув заунывную песню.

«Лучше бы я их зарезал», — покачал головой Скиталец, тронув удила Серого.

— Эй, а как же я? — раздался голос пленника.

— Что? Тебе чего надо? — удивился Скиталец. — Тебя спасли? Скажи «спасибо» и проваливай. Ты мне не нужен.

— Спасли они! Пока я в землях хана Клык Вепря, я все еще смертник. Меня кто угодно убить может. А самому выбраться, без лошади, еды, огня… Уж лучше об скалы с обрыва!

— Ну, и кто мешает?

— Возьми меня с собой, господин. Я здесь все тропинки знаю.

Выведу из земель хана — никто и не заметит. Я буду тебе хорошим рабом. Раз уж начал спасать, спасай до конца.

— Все тропинки знаешь? А как ближе проехать к Южному океану? Показать дорогу сможешь?

— Смогу, хозяин, смогу. Только не бросай меня здесь. Протрезвеют палачи, вернутся и довершат начатое.

— Ладно, садись на ту кобылу, что самая задняя, — смилостивился «господин-хозяин».

— Слушай, Скиталец, — прошептал Волчонок, подъезжая вплотную к Серому. — Мы что, к Южному океану едем? Я туда дороги не знаю, но слышал, что ее и нет вовсе.

— А ты думал, я сюда торговать приехал? Обещал тебе приключения — ты их получишь. А то, что дороги не знаешь, зачем мне, по-твоему, этот бродяга? Эй, как там тебя, давай, ближе.

— Меня зовут Айра, господин, — с достоинством выдал пленник. — Я Айра — из рода Айра, мой отец — хан, глава клана. Проклятые воры в третьем поколении, конокрады и убийцы из рода Клык Вепря пленили меня в бою, где я уничтожил множество этих недолюдишек и трусов. А ты посадил меня на жалкую скотину, на которой только поклажу возить, в то время, как твоя гнедая идет без седока.

— Не нравится — пропасть вот она, рукой подать. Могу даже подтолкнуть, если самому боязно. Заруби себе на своем плоском носу, меня не интересует, чей ты сын, сват или брат. Здесь я — твой хан, как сказал — так и будет. А интересует меня только одно — как проехать к океану. Понял? Поможешь, отблагодарю. Нет — пожалеешь, что со мной связался. Так, покажешь дорогу к океану? Только честно, иначе оч-ч-чень пожалеешь. Мне врать — лучше самому с кручи сигануть. Я ясно выражаюсь?

Пленник понурил голову и пробормотал.

— Не покажу. Туда никак не добраться, господин. Сейчас — никак. Зимой можно проехать по Реке. Она замерзает и становится гладкой, как медь клинка. Прибрежные племена приезжают зимой, привозят свои товары — бивни морского зверя, шкуры, рыбу, панцири черепах — они очень воинами ценятся. А сейчас можно попробовать вдоль Реки. Там безжизненные пустыни, крутые горы, некоторые огнем плюются. Никогда не слышал о том, чтобы кому-то удавалось добраться туда летом.

— Что же, ты будешь первопроходцем. А пока езжай впереди, показывай дорогу, чтобы быстрее из земель этого зубастого хана убраться. Мне и самому тут неуютно.

— Врет, — сказал Волчонок, скривив рот в скептической улыбке и подождав, пока Айра из рода Айра переберется в

авангард колонны.

— Откуда знаешь?

— Если он такой герой, его бы никто не казнил. Таких, обычно, уважают, даже если пострадали от него изрядно. Свои стараются выкупить, пленившие — подороже продать. А не продать, так перевербовать, перекупить — хороший вояка всегда на вес золота. Сын же высокого вельможи и вовсе бесценен. Такого никто работать в жизни бы не заставлял, и за лень никогда бы не казнили. Хан, он что, такой богатый, чтобы свои деньги, да своими руками — в пропасть?

Скиталец только пожал плечами. Бог с ним, с этим самозванцем. Кот был прав — без проводника трудно. Карта, купленная в столице Страны, Окруженной Горами недостаточно подробна. На ней северные области еще прорисованы, а южнее — сплошь белые пятна. Вот и сейчас он понятия не имеет, как убраться из земель, подконтрольных Пророку. А то, что сделать это нужно как можно быстрее, он нутром чует. Пускай себе тащится с ними, этот Айра. Если не врет, и дорогу знает — с голоду не сдохнет, покормим. А вздумает за нос водить — найдем, что с ним делать. Только пусть уяснит одно: Скиталец — это не Клык Вепря. С ним курорта не будет — работать придется на равных со всеми.

* * *

Караван брел все дальше и дальше в глубь Горной Страны. Ландшафт изменился — теперь плоскогорья остались позади, на смену им пришли более молодые горы. На горизонте горделиво возвышались, увязая в облаках белыми шапками, многокилометровые пики. Иногда нет-нет, да и потянет серной гарью от дымящегося на горизонте купола. И дорога стала труднее — часто попадались на пути завалы, будто гигантский бульдозер сгреб на дорогу горы камня, льда и хвойных деревьев. Не попасть бы и самому под горячую руку этого бульдозериста — лавины!

Но не это беспокоило Скитальца. Вернее, не только это. Целый ворох проблем навалился одновременно. Тут и болезни Малыш — то температура, то сопли, то расстройство желудка. Постоянный плач и капризы. Нормальной еды ребенку доставать почему-то становилось все трудней. Пару раз на подходах к стану каких-то племен, им навстречу выезжал вооруженный отряд. Приходилось спасаться бегством и даже отстреливаться. В других станах если не встречали с оружием, то и особого гостеприимства

не выказывали. Немного еды продавали, но на ночлег остаться не разрешали. А уж приютить хотя бы на время Малыша — и речи быть не могло. Стоило услышать эту просьбу, и жители шарахались, как черт от ладана, хотя Скиталец обещал за эту услугу весьма достойное вознаграждение.

Это вызывало недоумение. Если прошел слух, что кто-то интересуется именно этим ребенком, то можно допустить, что он становится привлекательным товаром. Но на деле, никто не хочет попытаться завладеть мальчишкой, ни силой, ни хитростью. Даже агрессивные обитатели селений, отогнав пришельцев подальше, преследование прекращали. Интересно, чем это вызвано? Запретом, своеобразным табу на контакт со Скитальцем и его людьми, и особенно Малышом, или тем, что местные племена с кланом Клык Вепря находятся в состоянии вражды? И помогать Пророку не желают, но и ссориться лишний раз не хотят. Моя хата с краю, как говорится…

А по пятам все же шел небольшой отряд воинов. Шел довольно давно и на приличном расстоянии. Кто эти люди, Скиталец только догадывался, и эти догадки оптимизма не прибавляли.

На это селение они наткнулись совершенно случайно. Проходя по ущелью, сплошь поросшему какими-то невысокими и кривыми хвойными деревцами, в самых зарослях Айра углядел несколько шатров. Похоже, местные жители гостей опасались. Еще, чего доброго, засаду устроят, встретят стрелами. Но выхода не было — кормить Малыша уже было уже просто нечем. Поэтому Скиталец развернул своего коня и направился к ближайшему жилищу. Распахнув полог шатра, он обнаружил внутри одних женщин. Самая старая из них возилась в углу с одеждой — то-ли шила, то-ли латала какую-то дерюгу с характерным узором. Вторая, которая помоложе, с двумя совсем молодыми помощницами колдовала у котла с варевом. У дальней стены еле заметно шевелилась куча тряпья. Все ясно — женщины его заметили. Но поздно, и увести детей в лес не успели, а спрятали тут же, в шатре под ворохом одежды и одеял.

— Успокойтесь, уважаемые дамы, — как можно приветливее попытался произнести приветствие Скиталец. — Я вас не обижу. Мне нужна только еда для ребенка. И не даром — я хорошо заплачу».

Повариха попыталась задвинуть помощниц себе за спину и начала что-то быстро говорить. Волчонок только пожал плечами. К счастью, Айра немного разобрался в местном наречии и стал переводить Скитальцу суть речи женщины:

— Она говорит, что это владения смелого и знатного хана…

как бишь его… Шестилап, что ли… Да, слышал — противная ядовитая гадина типа паука, если интересно… Говорит, что скоро придут их мужчины и отомстят нам за надругательства и смерть.

— Переведи, что я не собираюсь ни обижать, ни тем более убивать никого из них. Мне нужно только молоко и сыр. Не даром, естественно.

Айра что-то пытался втолковать поварихе, но, похоже, без особого успеха. Волчонок же застыл, как вкопанный, уставившись взглядом в одну из ее помощниц. Девчонка действительно была хороша. На остальных женщин — коренастых и плосколицых — она не была похожа ни фигурой, ни лицом. Довольно высокая и стройная, ну, разве что, чуть узковаты глаза, да немного подчеркнуты скулы. Даже волосы ее были светлее, чем у ее родственниц. Родственниц ли? Может быть, она рабыня, служанка при жене «знатного и смелого»… Не нравится этот застывший взгляд парня, ох, не нравится!

Снаружи раздался шум. Скиталец вышел из шатра, и вовремя. Из ельника выехали на своих низкорослых мохнатых лошадях три всадника. Двое из них были совсем еще детьми — даже Волчонок против них выглядел мужчиной. Главный же и был, судя по всему, ханом этого рода — немолодой кочевник с лицом, обросшим так, что только глаза и плоский нос были видны из этих дебрей.

Скиталец поднял руку в знак приветствия и произнес слова, которые минуту назад силился выдавить из себя Айра.

— Здравствуй, я пришел с миром.

А чтобы подкрепить свою реплику более весомым аргументом, снял с пояса флягу, отпил сам, и протянул старику.

— Что хочет уважаемый? — осведомился хан, вытирая губы рукавом грязного тулупа. — Мы люди бедные, у нас ничего нет. Что в лесу поймаем, то и едим.

— Видишь этого рыцаря? — Скиталец указал на Малыша, гордо сидящего на загривке Серого. — Ему нужно хорошо питаться. Молоко, сыр, масло. Куплю, не обижу. У меня есть белая мука и вино. А если желаешь, могу расплатиться и монетами.

Старик покивал, спешился и зашел в шатер. Через минуту оттуда выскочила одна из девушек и куда-то убежала. Следом вышел и Волчонок.

— Эй, парень, полегче! — буркнул Скиталец. — Нам не до этого.

Но парень даже не обернулся на эту реплику, продолжая смотреть в том направлении, куда скрылась девушка.

Вскоре она вернулась, неся в руках мешок и бурдюк. В мешке, как и предполагал Скиталец, были твердые, как камни шарики

овечьего сыра, а в бурдюке — кислое молоко.

— Ладно, Волк, грузи питание на лошадь, а я пойду с хозяином расплачусь.

Хозяин от монет отказался, предпочтя кувшин вина и миску белой муки. Когда же Скиталец начал аккуратно подводить его к тому, чтобы оставить Малыша в этом глухом селении, испугался так, будто ему предложили приглядеть за какой-нибудь нечистью.

— Да пойми, уважаемый, путь наш долгий, трудный. Мне тяжело, а каково ему? Он совсем малютка, ему мамкин уход нужен. Я — старый рубака, могу с мечом управляться, с копьем. Но я не нянька при младенце. И дел своих у меня невпроворот. Ну, говори, что хочешь? Бурдюк вина и полный мешок муки. По рукам? Хочешь, еще дам хороший железный нож. Соглашайся! Ведь не насовсем оставляю. Буду назад ехать, еще и золота дам.

Глаза у хозяина горели, будто у голодного хищного зверя в ночи, еще немного и слюна с клыков капать начнет! Ох, как хочется! Целый бурдюк вина, да еще нож! Но нет, это никак не отразилось на его решении. Боялся хан. Слухи в этих местах скачут быстрее скакунов Скитальца. Даже в такую глушь первыми добрались.

Но все же жадность свое слово сказала. Хан отозвал повариху в темный угол шатра и о чем-то битый час с ней беседовал. Наконец подошел к гостям, держа за руку девушку, которая так очаровала Волчонка, и сказал:

— Забирай. Моя дочь. Она умеет за детьми ухаживать. Мешок муки, бурдюк вина и нож.

— Нет, — покачал головой Скиталец. — Так не пойдет. Забирай малого, тогда и получишь свое вино.

— Нет, ребенка не оставлю. Мой род и так почти вымер. Не хочу, чтобы вырезали сосвем-совсем. Забирай девчонку. Она хорошая, работящая. И наложницей будет хорошей — в походе мужчине без женщины тяжело.

— И не жаль дочери-то?

— Она не настоящая дочь. Она от рабыни, что я привез из похода на Побережье. Свою бы дочь я никогда никому…

Волчонок тронул его за рукав.

— Скиталец, на два слова.

— Соглашайся, — сказал он, выйдя из шатра. — Нам без бабы Малыша не выходить.

— Что, понравилась девочка? — улыбнулся Скиталец. — Наверное, и ее хочешь похоронить где-нибудь среди льдов?

— Зря ты так, — покраснел парень. — Я дело говорю. Кстати, тебя надуть хотят. Такую цену лупят, что можно было бы десяток рабов купить. Один только нож знаешь, как здесь ценится? Требуй

еще пару дойных коз и десяток баранов. И Малышу молоко свежее каждый день будет, и мы без мяса не останемся.

— Ты умеешь коз доить?

— Нет, не умею, — соврал Волчонок, снова покраснев и выдав себя с головой. — Для того и прошу девчонку взять. Помрет малый без женского участия. Впрочем, тебе решать, кому жить, кому умирать.

Скиталец и сам понимал, что ситуация практически безвыходная. Спрятать ребенка в глухом селении не получится. Оставить его у себя никто не отважится. Вернуть Пророку? Нет, против этого восстает все его сознание и подсознание. Пока не выяснится, что кроется за интересом этого человека к Малышу, никакого решения предпринимать не следует. Да и где он нынче, этот Пророк? Не возвращаться же… Ну, что прикажете делать?!

Спустя пару часов кавалькада снова выступила в поход. На гнедой кобыле, до этого обремененной только поклажей, теперь восседала девушка и Малыш. Настроение у всех было не самое радостное. Малыш был очень недоволен, что теперь приходится ехать в компании с женщиной, а не на скакуне Скитальца. Тот же в свою очередь не испытывал особенного удовлетворения от того, что его отряд все разрастается. Тащить с собой бесполезный балласт — сомнительная радость. Кто знает, как там обернется дальше… Айра, ехавший впереди, время от времени оглядывался и бросал недовольные взгляды то на гнедую с девчонкой, то на хозяина — кому-то сразу дают скаковую лошадь, а ему — Айре из рода Айры — приходится снова тащиться на отнюдь не благородной скотине. Девчонка ехала молча, только изредка вытирала глаза рукавом длинного замшевого балахона. Волчонок тоже разыгрывал неудовлетворенность, «артист погорелого театра»!

— Не умеешь ты торговаться, Скиталец, — бурчал он, качая головой. — За мешок муки, полный бурдюк вина и нож — рабыня, коза и три барана… Мало. А ты еще и медяков женщинам дал на ожерелья.

— А то ты недоволен! — буркнул тот. — Не переживай, эти медяки здесь никому не нужны, пусть дамы свою грусть немного подсластят. Ладно, позови девчонку, хочу познакомиться.

Теперь настроение испортилось и у парня. Но приказание пришлось выполнять — куда денешься!

— Тебя как звать? — спросил Скиталец, когда гнедая поравнялась с его конем.

— Гаумлие, — робко ответила девушка.

— Ну и имечко, сразу и не произнесешь. Что означает?

— Птичка, Услаждающая Пением Своего Господина.

— Еще лучше! Поёшь, что ли?

— Так называют дочерей главы рода и рабынь-наложниц, — уточнила девушка.

— Что-то вроде бастарда? Это имя тебе не подходит. Раз дочь местного царя — стало быть, Принцесса. Остальное — детали. Так и буду тебя называть.

— Как будет угодно господину.

— Меня все зовут Скитальцем. Запомнила?

— Да, господин.

— Ясно, — вздохнул «господин». — Запомнила она… Ладно, с ребенком обращаться умеешь?

— Да, господин, я всех деток батюшки вынянчила, — девушка шмыгнула носиком и вытерла слезы рукавом.

— Не расстраивайся. С нами тебя никто не обидит. И к своим родичам вернешься. А поможешь Малыша сохранить живым и здоровым — награжу.

Глава 7

Из ненаписанного дневника скитальца:

«Чем дальше в лес — тем больше дров. Но в нашем случае, похоже все как раз наоборот. Дорога все труднее, растительности все меньше. Все больше приходится расходовать фураж, все меньше скотине перепадает подножного корма. Древесину на костер находить все труднее. Попадаются, время от времени каменные деревья, но какое это топливо! Тлеет в костре, только калории отбирает, не давая ничего взамен. Дорога… впрочем, какая там дорога! Камни да расщелины, каньоны речек и кручи. Лошади устают, особенно, скакуны. Вьючные лошадки, вроде как, страдают меньше, по крайней мере, по ним не видно. Что же говорить о людях?

— Все, — говорю, осматривая неглубокий овраг. — Привал. Ночевать будем здесь. Место удобное, скрытное.

— Господин, — подъехал Айра. — Видишь, на горизонте горная гряда? Это — перевал. За ним долина, по которой и течет Река. До перевала два дня пути.

— Понятно. Ты, Айра, с Волком обустраивайте лагерь — ставьте шатер, помогите девушке с костром. Принцесса, ты знаешь, что делать — еда за тобой. А я пойду, пожалуй, осмотрюсь.

— Косю! Косю!

Ну что ты будешь делать с этим пацаном! Другие в его возрасте — «Мама, папа», и на своем языке, а этот — «кося»! И запомнил же! Айра с Волчонком этого слова отродясь не слышали, думают, лепечет малый нечто нечленораздельное. Принцесса, та заинтересовалась. Даже стала расспрашивать, что это значит, и в каких землях говорят такие странные слова. Что, прикажете, объяснять ей, «откуда у хлопца испанская грусть»? Лучше уж промолчу.

— Ладно, садись уже на косю, — говорю, взгромождая мальчишку себе на загривок. — Пойдем, прогуляемся.

Малыш проспал почти весь дневной переход в своей корзине, притороченной к седлу гнедой лошадки Принцессы. Теперь он, конечно, бодр и полон сил. На предыдущем привале он так расшалился, так расскакался, что едва не угодил в костер. Принцесса чуть не плакала над пролитой похлебкой. Айра разразился тирадой на своем диалекте. Лучше от греха подальше увести этого хулигана, не то кроме «коси» такого наберется!..

С этого пригорка обозревать окрестности представляется удобным. Посмотрим, где наши преследователи. Обшариваю

взглядом каждый камешек, каждую щель, но пока безрезультатно. Ушли? Очень сомневаюсь. Просто некоторые штатские мешают нормально осмотреться!

— Это тебе нельзя. Мал еще! Ну, ладно, посмотри, только руками подзорную трубу не трогать! Что, доволен? Хорошего — понемножку. Иди, пошвыряй камешками в птичек. Может, подобьешь какую-то из них на ужин — все польза. Эй! А ну-ка, «цурюк» от обрыва. Быстро, я сказал! Так ты у меня скоро полиглотом станешь.

Темнеет. Нужно возвращаться в лагерь. Стоп! А это что?

Хорошо, что в свое время сумел развить способность видеть инфракрасный участок спектра. Нелегкое было дело, упражнения сложные, и без генной медицины не обошлось. Зато теперь, если постараться настроиться, можно любую теплокровную гадину в кромешной тьме обнаружить. То-то, я гляжу, на фоне общей серости несколько выделяется красноватое марево — наверняка оттуда исходит теплый дым. А что такое дым? Дым — это костер. А костер — это наши «друзья». Может, конечно, быть и гейзер, но мы там проезжали не позже, чем вчера, и ничего подобного не наблюдали. Точно, они. Никуда-то не делись, идут след в след. Вопрос, зачем? Если кто-то хочет знать о наших перемещениях и действиях, не стоило слать целое отделение. Пара охотников справилась бы с этим заданием гораздо лучше и скрытее. Может, готовят нападение? Чего же до сих пор прячутся? Уже больше месяца на хвосте сидят. Ждут удобного случая? Сколько таких случаев уже было за этот месяц!

Ладно, пора, пожалуй, в лагерь. Эти ребята далеко. Если и решатся на ночную атаку, сделают это перед рассветом — раньше просто не доберутся.

— Эй, Ловец орлов, пошли домой. Баиньки пора.

Подзываю Волчонка и приказываю первому заступать в караул, оставляя за собой самое «рисковое» время перед рассветом. Парень изрядно вымотан за день, но перечить и показывать гонор уже разучился. Кивнул и пошел в шатер за оружием. Айра что-то начал бурчать в ответ на приказание караулить после Волчонка, но после моего «чего-чего?!», замолк и улегся дремать возле костра. Теперь и мне не мешало бы отдохнуть, я тоже не железный.

Но не успел как следует заснуть, как почувствовал прикосновение теплой ладони на своей щеке. Открываю глаза — Принцесса, приподнявшись на локте, гладит своей ручкой мою бороду.

— Что ты, девочка? — спрашиваю.

— Господин, зачем ты купил меня у батюшки, если не

обращаешь на меня никакого внимания? А я так стараюсь тебе угодить, понравиться…

— Принцесса, я взял тебя с собой для того, чтобы ты за нашим Малышом ухаживала. Мы — воины, это дело знаем плохо. А насчет «купил», не переживай, вернешься к своему батюшке.

— Но он же сказал, что ты можешь пользоваться мной, как заблагорассудится — в походе мужчине трудно без женщины.

Эх, девочка, как же ты права! Действительно, трудно. Но я не был бы самим собой, если бы поставил на первый план не выполнение задания, а собственные потребности. Волчонок на тебя глаз положил — это ясно, как божий день. Так на меня смотрит, будто разорвать на куски хочет. Зачем мне эти шекспировские страсти? И Айра поглядывает да облизывается. Мне за ними присматривать нужно, чтобы не перегрызлись до поры, до времени, а не самому масло в огонь подливать. Ну, и конечно, со счетов не спишешь ту единственную, что ждет за миллионы миров отсюда. Ждет и молится за своего вечного непоседу…

Мне и так перед ней бывает стыдно. Чего только не приходилось делать в командировках — и фаворитку местного царька соблазнять, и самому представляться посланником наместника Богов, путешествующего с немалым гаремом. Но, то была оперативная работа, необходимость, всегда стоявшая во главе угла всей моей деятельности. А сейчас необходимость другая. И слава богу! Хватит грехов на мою далеко не чистую душу.

— Какая ты женщина! Ребенок совсем еще. От Малыша недалеко ушла.

— Мне жена батюшки все рассказала… Знаю, не маленькая, а что не знаю — ты покажешь — на то ты и мой господин. А вернешь меня батюшке — он меня снова продаст. Может быть, даже тому толстому старому хану, что проезжал недавно через наши пастбища и разглядывал меня, будто овечку. Не хочу я другого господина — я тебя люблю.

И она прильнула к моим губам. Да, что же ты делаешь?! Я ведь не каменный!

Но помощь пришла, откуда не ждал. Раздалось недовольное всхлипывание, затем Малыш самым бесцеремонным образом перелез через девушку, расширил локтями и коленями себе жизненное пространство между нами и, уткнувшись носом мне в бок, снова умиротворенно засопел.

Перед рассветом уже я заступил в караул. Должен был менять Айру. Но, почему-то не он разбудил меня, а я его. Так сукин сын и продрых у костра весь свой срок — даже на другой бок не

перевернулся. Ну, получит у меня завтра. А пока обойдется пинком под зад.

Наши преследователи о себе не напоминали. И, слава богу! При таком часовом, перерезали бы нас, сонных. Но, видно и сами любители поспать. Не будь на моей шее такого табора, я бы сам к ним наведался в самое неподходящее время. Отбил бы охоту подглядывать.

Кстати о таборе… Через несколько часов — подъем. А дальше? Идти через перевал, а потом вдоль реки под названием Река к южному океану? Если бы я был один… Ну, на худой конец, с Волчонком… Тогда бы этих раздумий не было. Я кое-что разузнал у аборигенов о маршруте — они с поморами торгуют постоянно. Действительно — зимой по льду Реки к океану добраться можно. Другое дело — сейчас. Река протекает в глубоком каньоне, дно которого завалено каменными глыбами, которые она несет весною с гор. Проехать там на лошади — нечего даже мечтать. Ехать поверху — объезжать бесчисленные впадины и притоки, ущелья и каньоны. Мостов в тех краях не построили, и поэтому путь удлинится многократно. К тому же, это каменистая пустыня. Растительности почти нет. Если и растут мелкие колючие кустарники и каменные деревья, то скотине их лучше не скармливать — повыздыхает вся. В том числе, и наша коза. А за нею и Малыш. Да и Принцесса долго не протянет. Нет, прав был Пророк — незачем было впутывать ребенка в эту авантюру. Что же, Скиталец, имей смелость признать, что задание провалено. Вернее, выполнение его приостановлено. Наверное, стоит не на перевал идти, а отправляться восвояси на Побережье. Там можно будет надежно спрятать Малыша, а самому, отдохнув, вернуться сюда к зиме. И больше никакой благотворительности, никаких помощников и попутчиков! Ты — одиночка, так и будь им!

О! А это еще кого нелегкая несет?»

* * *

По гребню далекого холма двигался человек на маленькой лошадке. Или ослике? С такого расстояния трудно судить. Но сам факт появления одинокого всадника в этих диких безлюдных местах настораживал. Выжить здесь нелегко даже нескольким хорошо экипированным людям. Уж Скиталец это ощутил на своей шкуре. А каково одному? Видно, человек на ослике сильный и опытный. А такой всегда представляет определенную опасность. Им уже доводилось пару раз сталкиваться со странствующими

рыцарями местного разлива. А проще говоря, разбойниками-одиночками. Есть тут такие абреки — шляются по горам, наскакивают на одинокие селения, требуют дань, а то и просто грабят. Местных мужчин вызывают на поединок, тоже под немалую ставку. Между собой иной раз устраивают дуэли. Скиталец каждый раз предпочитал прятаться от подобных «паладинов». Бояться, он не боялся, но лишние конфликты были совершенно не нужны. А тем более, слухи о нем, как непобедимом воине. И пусть Волчонок презрительно кривил губы — мол, чего прятаться, мы ведь, мужчины! — Скиталец от своих правил не отходил. Вот и теперь, встречаться с этим всадником желания не возникало. Немного успокаивает то, что добраться к их лагерю одинокий путник сможет только через пару часов. Да и лагерь упрятан в ущелье надежно, сразу не увидеть. Можно будет избежать встречи. Зачем лишний риск?

Товарищи стали просыпаться, вылезать из шатра.

— Волк, душ принять не желаешь? — спросил Скиталец.

— Чего? — удивленно пробурчал тот, протирая заспанные глаза.

— Пошли, сон прогоняет неплохо. И мне не помешает взбодриться после караула.

В глубине оврага со скалы срывался небольшой ручеек — чем не душ? Скиталец первым, раздевшись догола, стал под ледяную струю.

— Давай, парень, не дрейфь! Сон — как рукой снимет.

Волчонок не очень-то желал с утра пораньше лезть в ледяную воду, но с командиром спорить — что головой пытаться скалу проломить. Ну, и выглядеть в его глазах «хлюпиком» тоже не хотелось. В конце концов, он-таки принял омовение, огласив при этом окрестности душераздирающим криком.

— Ну, как? Спать уже не хочется? — Скиталец хитро улыбался по дороге в лагерь. — Надо закаляться. Тебе, как воину, придется и водные преграды форсировать. Плавать, кстати, умеешь? Если нет — научим.

Впереди по тропинке в сторону лагеря шла Принцесса. Наверное, хотела умыться у ручья, но место оказалось занято. Интересно, видела ли она двух голых мужиков под струей водопада?

— Доброе утро, господин, — судя по опущенным глазам и стыдливому румянцу, заливщему лицо, видела.

— Доброе, Принцесса. Помешали тебе умыться? Мы уже уходим.

— Нет, господин. Я просто сказать хотела…

— Так, говори, я слушаю.

— Там едет бродячий певец.

— Это тот, что на ослике? Так он певец? И что?

— Господин, разреши, я накормлю его, — девушка умоляюще заглядывала в глаза Скитальца. — За это он нам споет древние песни о богах и героях, о ханах и их возлюбленных. Я еще никогда не слышала этих сказаний, но жена батюшки говорила, что это очень интересно. Можно, господин?

«Певец, говоришь, — подумал Скиталец. — Ну, хорошо, хоть не разбойник. Время… Надо бы ехать… Но куда, я все равно еще не решил — то-ли назад, в Страну, Окруженную Горами, то-ли на перевал, к Южному Океану. Ладно, уважим девчушку. Старательная, трудолюбивая, заслужила. Пусть послушает фольклор. Заодно, может, и я что-то новое узнаю».

* * *

Бродячий певец на представителя творческой интеллигенции совсем не походил. Парень был молодой и довольно крепкий. Даже рост его, по меркам горного народа, был выше среднего. В остальном он от горцев отличался мало — то же плоское скуластое лицо, те же усы и борода, заплетенные в косички, тот же шерстяной плащ с сине-бело-коричневым узором и меховой оторочкой. Разве что, на голове не меховая шапка, а конический колпак, увешанный бубенчиками.

— Доброе утро, уважаемый. Говорят, ты бродячий певец? — приветствовал Скиталец путника. — И нам что-нибудь споешь? Как, кстати, к тебе обращаться?

— Зови меня Ламаром, благородный. Это значит Горластый. Почему бы не спеть, если есть благодарные слушатели?

Скиталец краем глаза оглядел поклажу на ослике и складки одежды певца, но никакого оружия, кроме суковатого посоха, не увидел.

— Не страшно, уважаемый, в одиночку по горам гулять? — спросил он гостя. — Люди здесь, насколько я понял, попадаются разные. Не за понюшку табака зарежут.

— Что взять с бедного путника? Я сам только добротой людей и жив. Накормят — и, спасибо Кумуту и его божественному семейству. А добрых людей отблагодарю песней. А нет — мое брюхо будет петь громче, чем горло! — и бард огласил окрестности громовым хохотом.

«Интересно, — подумал Скиталец. — Что в репертуаре у этого оптимиста?»

А вслух сказал:

— Ладно, уважаемый, мы тебя накормим, а потом уж послушаем. Завтрак скоро будет готов, если верить нашей стряпухе.

— Великодушно прошу извинить, добрые господа. Но не разрешите ли мне немного поспать у вашего костра? За последнее время я не нашел достаточно топлива для костра. А без огня ночью лучше не спать. Попадается, знаете ли, такое зверье, отгрызет ноги — проснуться не успеешь. Огня, впрочем, боятся. Даже дымок учуют — близко не подойдут. Вот я и иду, большей частью, ночью, а днем мы с моим другом — жест в сторону ослика — отдыхаем. Благо, ночи нынче лунные. Но и холодные. Мне сейчас сон возле огня милее еды. А спою я вечером. Не возражаете?

— Пусть будет так, — сказал Скиталец. Похоже, появился повод не принимать немедленно решение, куда отправляться — на перевал или назад, на Побережье. Что же, подождем до вечера, а то и до утра. Еще раз все, как следует, обдумаем…

* * *

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Весь день на нервах! Заметил недалеко от ущелья двоих соглядатаев. Раньше они так близко не подбирались. Почему же сейчас осмелели? На что-то решились? Надо бы их культурно порасспросить, да боязно оставлять лагерь. Тем более, что возле костра спит незнакомый детина. Волчонок, конечно, тоже парень не промах, но, мало ли что может случиться? Хорошо, если с палицей — лицом к лицу, а если ножом, да в спину? Нет, лучше пока просто понаблюдать. Благо, мой «хвостик» нашел себе занятие — гоняется за ящерицами между камнями.

К ночи наблюдатели ушли, а новые их не сменили. Из-за знакомого холма снова выплыло красноватое марево. Похоже, ребята решили, что до утра мы никуда не денемся. Что же, и на том — спасибо! Тем более, что Принцесса запахом своей похлебки уже вызвала обильное слюновыделение. Даже певец уже потягивается и крутит своим плоским носом, что тот флюгер. Какова там у нас программа после ужина? Концерт, танцы?

Сказитель, не торопясь, готовился к выступлению. Музыкальные инструменты у него занятные. Я таких до сего дня не встречал. Ящик, обтянутый кожей и прилаженной к нему доской, похожий на средних размеров чемодан. Вдоль доски идут струны, скорее всего, из сухожилий каких-то животных. Ладов нет, зато сверху расположены рычажки — именно с их помощью

меняется натяжение струн. Та еще гитара! Или не гитара? Играет на ней артист костяным крючком: то дергает струны, то елозит по ним, а то и по ящику постучит, как по барабану. Еще у него имеется небольшая карусель — колесо на палке, а на нем навешены медные звоночки, ракушки, планочки из кости. По ним тоже крючок время от времени прохаживается. Да и шляпа с бубенчиками — тоже инструмент, если потрясти головой как следует. Плюс хриплый голос, как по мне, без малейшего намека на слух. (Впрочем, это мы — слушатели, а он — певец, ему-то слух на кой?). Прямо, человек-оркестр!

Песни тоже немало озадачили. Уж на что я — человек от искусства далекий! Но всю жизнь думал, что стихи — это когда есть рифма и ритм. Или хотя бы, что-то одно. Но если ни того, ни другого!.. А музыка? Ой, промолчу лучше! Помню, когда-то очень давно, гуляя по Андреевскому Спуску — это еще дома, в родной столице — затронул, на свою голову, одного художника-абстракциониста… Такого наслушался о мировосприятии творческой натуры и полном убожестве людей без фантазии и таланта… Не будем повторять прошлых ошибок и упрячем свои суждения подальше — мы нынче не дома. Тем более, что публика довольна. Принцесса смотрит на него, как юная фанатка на сэра Пола Мак-Картни — глазки горят, щечки пылают, хлопает в ладоши, и, того гляди, в пляс пустится. Да и Айра улыбается, подсвистывает, перстами щелкает. Волчонок в музыке такой же знаток, как и я — он больше на Принцессу пялится. Любуется, но зубами скрежещет — не на него девчонка смотрит, не им восхищается. Даже малышу передалась общая атмосфера — снова прыгает вокруг, всех дергает за одежду, цепляется за плечи, заливисто хохочет. Пусть себе. Похлебке уже бояться нечего — съедена, и котел вымазан остатками лепешек.

Пробую вникнуть в содержание песенки. Ага, у старого хана была молодая жена, а недалеко от его стана проезжал молодой красавец-воин… Вечная тема!

Ох, красивая жена
Хану старому досталась!
Много за нее овец
Было отдано, как выкуп
Уважаемому старцу
Что отцом был той девицы.
Ее брови — изгиб сабли,
Ее губы — терпкий мед!
Ноги стройны, грудь упруга
И как ягоды — соски.

Как плато над океаном
Плоским был живот красотки,
Как холмы в лугах цветущих
Выдавались ягодицы…

Ой-ой! Песенка, вроде как, детям до шестнадцати… Откуда, интересно, сказитель узнал такие интимные подробности о жене старого хана, которую тот, естественно, на всеобщее обозрение не выставлял? Угадал под бесформенным балахоном и шароварами величину сосков и округлость ягодиц? Или с натуры живописал? Но это были еще цветочки. Дальше было еще интереснее.

Прискакал гонец с предгорий
Весть тревожную принес он,
Будто враг жестокий жадный
Собирается отнять
Все стада старого хана,
Что паслись в его лощинах.

Это, оказывается, была военная хитрость молодого воина. Он подговорил друзей, и те сообщили хану, что на его пастбища готовится набег. Доблестный муж красавицы сразу же собрал войско — почти всех мужчин своего клана — и выступил навстречу врагу. Этого только и нужно было нашему герою. Он, подкупив стражника, вошел в шатер старого хана… И тут такое началось! Ай-да сказитель! Бокаччо отдыхает! Ему бы сценарии писать для фильмов определенного жанра. Без работы в Германии не остался бы. Даже неудобно слушать в присутствии детей. Принцесса то краснела, то бледнела, то прятала лицо в рукав, но хихикала, посмеивалась и, похоже, оскорбленной себя не чувствовала. А наш бард входил в азарт, пел все громче, да и пронизывающим взглядом черных глаз Принцессу чуть ли не раздевал. Ой, боюсь, отхватит он сегодня от Волчонка!

А сюжет песенки развивался все круче. Старый хан, вернувшись из похода, очень соскучился по своей женушке. Но появился не совсем вовремя, как тот муж — герой бородатых сальных анекдотов, вернувшийся из командировки. Наш герой-любовник, чтобы не быть застуканным на месте преступления, облачился в женские одежды и представился новой служанкой. Благо, был смазлив и не имел растительности на лице. Старый хан сперва вволю отвел душу со своей женой в присутствии нашего героя, а потом, отослав супругу готовить еду, возжелал и юную служанку. Бедный воин, который оказался не таким уже и

смелым, еле унес ноги от хана, который на деле оказался не таким уж и старым…

Нет, пожалуй, хватит этой порнографии. Не хватало еще мордобоя с участием Волчонка. Как бы наш юный Отелло не надумал вступиться за честь дамы.

— Уважаемый, — говорю этому менестрелю. — А что-нибудь посерьезнее есть в твоем репертуаре? О героях там, подвигах…

— Я знаю много таких баллад, — гордо отвечает сей Карузо. — Не желаете ли послушать о доблестном хане Белохвосте, покорителе Страны, Окруженной Горами? Или о смелом Таоке — охотнике за морским зверем?

Стоп! Это уже интересно… Охотнике за морским зверем? Что-то связанное с Южным океаном? Где еще здесь можно на морского зверя охотиться? Не зря, выходит, все не решался двинуться за перевал — подсознательно ждал дополнительной информации. И, кажется, дождался — спасибо, родная интуиция, вовремя меня надоумила!»

* * *

— Покорителе, говоришь? — сказал Скиталец с равнодушным видом. — Что-то не помню, чтобы Страну, Окруженную Горами, кто-то покорил. Сам сочинил?

— Нет. От Любимчика Урли слышал. Но не только от него.

— Такие же сказочники, как и ты! Давай-ка лучше об этом… как его… Таоке.

Баллада началась со ссылки на первоисточники. Певец в стихах (вернее, в том, что он считал стихами) стал воздавать хвалу своим предшественникам, память которых донесла до нас эту легенду. Список был довольно длинный и монотонный. Нашлось в нем место и для Любимчика Урли, и для целой череды других горластых и любимых. Айра начала повествования так и не дождался — захрапел возле костра. Принцесса загрустила, оперлась подбородком о ладони, но продолжала слушать, широко раскрыв глазки. Волчонок хоть и зевал, но представление покидать не собирался. Еще бы! Оставить девушку с этим представителем местной богемы? Боже упаси! Даже у Скитальца стали слипаться глаза. Один Малыш все никак не мог успокоиться — теперь его очень занимала карусель барда. Он несколько раз попытался ее покрутить в разные стороны, пока певец не замахнулся на него костяным смычком. Только после этого ребенок залез на руки Скитальца и стал умащиваться поудобнее, чтобы, наконец, уснуть.

Над Великим Океаном
Неба синего не видно.
Тучи серы, воды серы
И белеют только льды.
Что срываются на берег
С диким ревом громогласным
Из расщелин среди гор…

Нудная, надо сказать, баллада. Только описание климата заняло добрых четверть часа. Уже и девчонка позевывает, Малыш посапывает, да и Волчонок носом клюет… Когда же начнется, наконец, действие! А вот кажется, что-то интересное:

И народ у кромки моря
Жил своей нелегкой жизнью.
Добывал морского зверя
Рыбу жирную ловил.
Только раз взорвалось небо
Разметались мрачны тучи,
Страшный гром над океаном
Поверг в ужас людей бедных
А над миром бледно серым
Взошло новое светило
И затмило своим светом
Все, что на небе светилось…

Дальше шло описание этой катастрофы. Скитальцу показалось, что бард рассказывает о падении метеорита, на подобие Тунгусского. Яркий след на небе, еще более яркая вспышка, огненные куски «светила», разлетевшиеся в разные стороны, упавшие в горах, в океан, исчезнувшие за горизонтом. А потом начались несчастья — с гор понеслись потоки воды, грязи и камней, сметая деревушки охотников и рыбаков, океан тоже бросил на побережье волну высотой в гору. Те же несчастные, кто уцелел, долго болели и, в конце концов, умерли, от болезни, весьма похожей на лучевую.

Так познали люди моря
Страшную и злую силу.
Силу Звездного Меча,
Что с небес упал на землю.

Очевидно, чтобы подчеркнуть трагичность момента, сказитель стал упражняться на своих музыкальных инструментах. Как ни странно, эта какофония действительно вогнала на слушателей в какую-то мрачную прострацию. Даже у Скитальца ухудшилось настроение. Хотя, надо бы радоваться. Кажется, появилась возможность выяснить кое-какие детали о Звездном Мече. А это стоит и миски похлебки с лепешкой, и пиалы вина. Но почему-то надвинулось мрачное чувство полной безысходности и даже горя. Эх! Волшебная сила искусства! Что-то все-таки есть даже в этой непонятной абракадабре, что выжимает из своих инструментов местный лабух.

Побарабанив по ящику и потрусив своей звенящей шляпой, певец продолжал.

Много зим прошло над миром,
Над великим океаном.
Залечило время раны
Хмурых скал, огнем пожженных
Возвратился зверь в заливы,
Рыба снова появилась
В серых волнах океана.
И вернулись к морю люди.
Самым смелым среди равных
Был охотник и рыбак
Из селения близ устья
Горной речки, что с вершины
Падает на берег моря,
Вождь по имени Таока.

Дальше шло пространное жизнеописании славного вождя — удачлив был охотник, без добычи не возвращался. И племя его не бедствовало, еды и шкур было — хоть отбавляй, остальное покупали на Севере, отправляясь зимой вверх по Реке. И так далее, и так далее, в течение довольно длительного времени. Наконец, повествование снова привлекло внимание Скитальца.

Наш герой — Таока — однажды узрел довольно странную картину. Он шел вдоль глубокого ущелья, сплошь заполненного ледником, и увидел странный предмет, вмерзший в лед. Такого смелый вождь еще в своей жизни не встречал — угловатый блестящий шар, скорее, многогранник, на валун совершенно не походил. Ледник в ущелье двигался довольно быстро, и через пару лет странная сфера упала с обрыва на берег. Как Таоке удалось заглянуть внутрь — бард не уточнил. Но то, что он там увидел — было ужасным.

Дальше Скитальцу пришлось додумывать самому — уж очень запутанным был слог легенды, слишком непонятыми выглядели метафоры и прочие поэтические изыски, да и не все слова поддавались переводу. Скорее всего, автор и сам не знал, как описать увиденное. Вероятно, Таока нашел там два обгоревших скелета существ, на людей ни капли не похожих. Еще нашел полосу железа. Скиталец допустил, что эта полоса — единственное, что вождю удалось унести из сферы — остальное просто не откручивалось, не отламывалось. Ну, и еще пару обгорелых костей обитателей шара. А через несколько дней сильный шторм смыл сферу с побережья, будто ее и не было.

Так Таоке пришел в руки
Звездный Меч, богов подарок
На беду или на счастье
Был получен дивный дар?
Вниз сорвался дар небесный —
Пал с горы на мрачный берег
Звездный Меч — предвестник горя.
Да! Не знали еще люди,
Что сулит им этот знак!

Поначалу, вроде бы все складывалось очень даже неплохо. Местный мастеровой сделал Таоке из этого железа гарпун, рукоять которого инкрустировал костьми существ из сферы. И смелый вождь стал еще более удачливым охотником. Гарпун не гнулся, не ломался, прошивал насквозь даже панцири старых черепах, от которых отскакивали медные и железные наконечники. И это притом, что, сколько не пытался кузнец затачивать острие — ничего не вышло. Вообще ничего! Никакой обработке металл не поддавался. Удалось только вставить его в рукоятку. Хорошо еще, что один край его был скошен фаской, наподобие острия.

И зажил клан Таоки еще более богато, и разнеслась о вожде и его оружии слава по всей горной стране.

Это беднягу и погубило. Однажды зимой по Реке к океану пришли люди хана Руума. Вырезали много селений рыбаков и охотников, захватили много рабов, набили свои сани рыбой, костью, шкурами морских зверей, панцирями больших черепах, что так ценятся воинами и используются в качестве брони. Смелый Таока мужественно сражался, убил своим гарпуном много врагов, но все же был пойман и предан страшной смерти. Такой, что уж лучше не описывать. Хан Руума приказал переделать мирный гарпун в боевой меч, и отбыл восвояси.

И с тех пор народ несчастный
Проклинает Меч Богов,
Что несет так много горя,
Свергнувшись с небес на землю.

— Спасибо, уважаемый, — пробормотал Скиталец, стараясь придать голосу сонную интонацию. — Было очень интересно. Отдыхай. Вина, на сон грядущий?

Утром, в лагере не спали только певец и Скиталец. Первый укладывал свои пожитки и готовился в дорогу, второй нес караульную службу.

— Провожу, уважаемый. Вот тебе на дорогу немного мяса и лепешек. Вино тоже возьми. Извини, фуража твоему ослу не дам — у самого мало. Ну, пошли?

Когда вышли из ущелья, Скиталец остановил ослика.

— Послушай, Ламар, все хотел спросить… Это правда, то, что ты рассказал?

— О молодой жене хана? — засмеялся сказитель. — Истина! Сам знавал эту распутницу. Правда, ее еще тогда замуж не выдали. А воин…

— Так я и подумал. Уж больно красочно живописал, будто, с натуры. Но, я о мече хотел спросить.

— Ну… — замялся певец. — Давно было. Кто его знает, как Таока нашел этот меч. Да и существовал ли Таока вообще. По мне — так лучше бы его не было вовсе. От его находки одни распри да войны. Всякий хан желает иметь Звездный Меч. Говорят, он приносит военную удачу. А ради этого все готовы скалы кровью залить. Клан Руума уже давно не существует. Нескольких других знатных родов — тоже. Все из-за него, проклятого. Хоть бы он провалился под землю, к духам подземных королевств, да так, чтобы его никто никогда не достал!

— А у кого сейчас меч?

— После последней большой войны им владеет клан ханов Черный Полоз. Вроде бы, с ним уже лет пятьдесят не расставались.

— Спасибо, уважаемый. Прощай. Кстати, ты не иди по этой тропе — там за холмом прячется отряд разбойников.

К возвращению Скитальца весь лагерь, кроме Малыша уже был на ногах.

— Господин, — подошел к нему Айра. — Ну что, сегодня мы пойдем на перевал? Или еще денек отдохнем?

— Наотдыхались уже, — буркнул тот. — Собирайтесь. Пойдем. Но, только не на перевал.

Глава 8

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Хан Черный Полоз… Что-то о нем слышал. На карте его земли обозначены чуть южнее, чем земли хана Клык Вепря. Надо же, какой крюк сделали!

Такой осведомленный человек, как Пророк, оказывается, не знал, что Звездный Меч находится у него под боком? Любой пастух уже много лет это знает, а у него в видениях — Южный океан! Более чем странно. Теперь нужно возвращаться. Айра рассказал, что этот Полоз летом часто охотится в Долине Яфи. Эти самые яфи — небольшие антилопы размером с собаку средних размеров — как раз и населяют долину, названную в их честь. Юркие длинноногие твари, хорошо прячутся в кустарнике, высоко прыгают, неожиданно меняют направление бега… Короче говоря, охотиться на них нелегко — нужно быть очень хорошим лучником. Вот хан Черный Полоз весной и откочевывает сюда со своими приближенными поразвлечься. Стало быть, и нам туда».

* * *

— Думаешь, за нами еще кто-то идет? — спросил Волчонок

— Вчера видел дым. Думаю, идут. Слушай, я, пожалуй, съезжу на эту гору, — сказал Скиталец. — Осмотрюсь, может, дорогу разгляжу. Что-то мне подсказывает, что наш проводник и сам заблудился. Сусанин хренов…

— Чего? — удивленно протянул Волчонок.

— Ничего… Так, поговорка… Остаешься за старшего. Держи ухо востро. Меч пусть у тебя будет. За одно и потренируешься.

— А ремня? — это уже к Малышу, который с криком вцепился в штанину Скитальца. — Не хватало еще тебя тащить на склон вулкана. Быстро — к своей мамке, иначе гнев мой будет страшен! Р-р-р!

Малыш не больно-то испугался львиного рыка Скитальца, спрятался за спину Принцессы и уже оттуда стал, смеясь, показывать язык. Все дети одинаковы!

— Хозяин, возьми меня с собой, — попросил Айра.

— Это еще зачем? Вы что, сговорились?

— Хозяин, где-то там должен быть горячий источник. У меня все кости ломит. Полечиться хочу. Возьми, хозяин.

Не то, чтобы Скитальца интересовал горячий источник, но серу он искал давно и пока безрезультатно. Не исключено, что на

склонах вулкана, а тем более, возле гейзеров, удастся найти ее выход на поверхность. Бог с ним, пускай едет.

— Ладно, собирайся. Лопату и мешки возьми.

Горячий источник нашли, но воспользоваться им не удалось — он бил в узкой и глубокой трещине. Протиснуться в нее не было ни какой возможности. А где вытекал, и вовсе неизвестно, может, снова уходил под землю. Только и перепало — отдельные брызги кипятка на сапоги. Айра уговаривал, поискать на другом склоне горы, но Скитальцу не хотелось уходить далеко от лагеря и ночевать неизвестно где. Тем более, что они нашли несколько больших куч желтого песка. Местные муравьи изрыли проходами весь склон горы. Ай да, молодцы! Избавили от необходимости крошить скальный грунт.

Скиталец растер между пальцами несколько песчинок и удовлетворенно покивал головой. Серы в песке было немало.

— Айра, давай лопату и мешки.

— Господин, ты совсем глупый. Это не тот металл, из которого сделаны украшения жен богатых ханов. Смотри, я беру кусочек, ложу на камень. Если придавить — он рассыпается в порошок. Как ты собираешься делать из него кружочки для ожерелий? Не стоит тратить силы, тащить песок в лагерь, лошадей мучить.

— Слушай, Айра! Тебе сказали — выполняй. Чтобы эти мешки были наполнены, и точка!

Но даже эти кучи погрузить в мешки оказалось делом нелегким. Они слежались так, что без лома было не разбить. Хорошо, что Скиталец взял с собой копье — как-то удалось разворошить породу. Наверное, зря меч оставил в лагере. Он в качестве лома подошел бы больше. К тому же очень мешали хозяева куч: муравьи — не муравьи, скорее, какие-то сороконожки величиной с палец. Стоило хорошенько раскопать муравейник, этих тварей набегало столько, что приходилось перебираться к другой куче, чтобы не притащить в лагерь полмешка этих насекомых. И так несколько раз.

Еще не все мешки были наполнены желтоватым грунтом, как Скиталец почувствовал беспокойство. На такие предупреждения он реагировал всегда. Это не безосновательные предчувствия, а самая реальная тревога. А еще и лагерь с этой точки склона виден не был. Нет, пора возвращаться, и побыстрее.

— Айра, хватит. Давай, возвращаемся.

— Хозяин, ты-то куда? Меня подожди.

— Догоняй. Я вперед поскакал. Мешки заберешь.

Как только открылся вид на их стоянку, Скиталец убедился, что беспокойство было не напрасным. По ущелью к тому овражку,

где стоял шатер во весь опор неслись всадники. Их было человек десять, и до лагеря они доберутся быстрее, чем он. Что может сделать против них один Волчонок?

Скиталец пришпорил Серого и понесся наперерез врагам.

Он опоздал совсем немного — еще пыль от лошадей кочевников не успела осесть в ущелье, а ее снова поднимали копыта, на этот раз Серого.

За короткое время бешеной скачки Скиталец успел передумать многое. Никаких сомнений в том, что это тот самый отряд, последнее время шедший за ними по пятам, не было. Что за люди? Просто грабители, прельстившиеся поклажей их каравана? Безусловно, вино, мука, железные изделия, золото, которое Скиталец иной раз предлагал в качестве оплаты, цену имеют немалую. Возможно, ради этого стоило выслеживать добычу много-много дней. Но почему до сих пор не было попыток ограбления? Его боялись? А что его бояться? Скиталец еще ни разу за всю экспедицию ни с кем не вступал в открытое единоборство. Атаман — не считается. Хотя… Кто мог распространить о нем такую славу, которая бы испугала целый десяток бандитов? А может быть, цель у разбойников другая?

О! Похоже на то!

Скиталец заметил кочевника, который во всю прыть скакал в сторону от лагеря, намереваясь укрыться за грядой камней. Скакал он не один — поперек седла лежало маленькое тельце ребенка. Ага! Вот оно что! Вам Малыш понадобился?! Недаром, выходит, скотоводы так боялись его приютить! Ну, гад, держись!

Серый в три прыжка сократил дистанцию между собой и конем кочевника до расстояния броска копья, а уж Скиталец не промахнулся. Всадник вылетел из седла, но его лошадь еще продолжала бег, унося на себе ребенка. К счастью, по пронзительному крику Малыша Скиталец понял, что тот жив. Вскоре мальчишка уже сидел на холке у Серого, надежно привязанный к луке седла. Он не орал, а только сквозь слезы икал. Извини брат, твоей истерикой займемся позже. Теперь — в лагерь.

В небольшой овражек, где был установлен их шатер, Скиталец решил спуститься со склона пешим порядком. Не хотел подвергать опасности ребенка. Мало ли, что может случиться — случайная стрела, ранение и падение коня… Нет, лучше поостеречься. Давай-ка, дружище-Серый, беги отсюда подальше. Придешь, когда позовут. К тому же, отсюда нападения бандиты не ждали — один всадник находился под скалой у входа в овраг, и внимательно наблюдал за тропой. Лучше уж его обойти. Часовой стал второй жертвой этой войны. Скиталец прыгнул ему на плечи,

свалил с лошади и молниеносным движением кинжала перерезал сонную артерию.

Теперь, когда за спиной угрозы уже не было, он оглядел лагерь.

Принцесса отбивалась от двух негодяев, пытавшихся ее связать и закинуть на лошадь.

На Волчонка наседали сразу несколько бандитов, но тот оборонялся более или менее успешно. Блокируя щитом удары топоров и копей, сам неплохо действовал мечом. Один из нападавших уже вышел из боя, пытаясь зажать рукой обильно кровоточащую рану на запястье.

Остальные разбойники, предупрежденные предсмертным криком часового, выскакивали из шатра, бросая на ходу награбленное барахло и готовя к бою свое оружие.

Принцессу тоже оставили в покое при виде более грозного противника, Только Волчонок продолжал сражаться, не давая возможности врагам переключиться на товарища.

Пять горцев двинулись на Скитальца, построившись полумесяцем. В центре его стояли два мощных копейщика. Это, наверное, были самые сильные бойцы отряда. Невысокие, коренастые, чуть ли не квадратные. Но, скорее всего, не достаточно поворотливые. На флангах находились более поджарые вояки. Эти — более верткие. Вооруженные бронзовыми мечами, они уже сейчас потихоньку пытались зайти Скитальцу за спину. Приличная команда! А у него всего-то один кинжал. Но нет, ребята, рано радуетесь! Не на того напали!

Не дожидаясь полного окружения, Скиталец бросился вперед на увальней в центре шеренги. Одно копье он перепрыгнул, под вторым прокатился по земле. Два молниеносных движения рукой, и он уже бежит на помощь к Волчонку. А за его спиной валятся на землю оба силача-копейщика. Один, держась за кровоточащее горло, другой — не в силах устоять на ноге с перерезанным подколенным сухожилием.

Противники Волчонка тут же повернулись лицом к новому врагу. Видя это, парень вогнал меч в спину одного из них. Лучше бы он этого не делал — нанося удар, он сам открылся, и топор горца тут же врезался ему в плечо. Бандит, этот удар нанесший, уже занес топор, чтобы добить парня, и Скиталец с ужасом осознал, что достать злодея не успевает. Разве что… Он перехватил кинжал за лезвие и метнул во врага. Есть! Кочевник выронил свое оружие и, схватившись за шею, повалился на свою недавнюю жертву.

Все это, конечно, неплохо, но Скиталец теперь и вовсе безоружен, а перед ним воин со щитом и увесистой дубиной, а

сзади уже приходят в себя остальные разбойнички. Их больше, они опаснее.

Скиталец в прыжке всем своим весом налетел на бандита с дубиной. Удар ступни сбил того с ног, а тяжелый кулак и вовсе лишил чувств. Скиталец сорвал щит с руки кочевника и прикрылся им. Вовремя! В щит тут же впились две стрелы. А следом полетело тяжелое копье. Попади оно в щит, неизвестно, выдержал бы панцирь черепахи, из которого тот был сделан, такой удар. Скиталец поймал копье на лету и швырнул назад, нападавшим. Очевидно, оно вернулось адресату — раздался душераздирающий вопль, после которого кочевники предпочли убраться восвояси.

— Волк, ты живой? — Скиталец бросился к парню, стащил с него агонизирующего бандита и понял, что дело — дрянь. Меховая куртка Волчонка прямо на глазах набухала от крови. Нужно было что-то делать, и срочно.

Скиталец сорвал одежду с плеча товарища и погрузил пальцы в глубокую рану. Кажется, сосуд удалось нащупать и пережать. Теперь нужно напрячься и поделиться своей энергией с умирающим парнем, заставить тромбоциты активнее устремиться к месту разрыва сосудов, поддержать жизненные силы в товарище, пусть даже ценой своего самочувствия. Но для спасения Волчонка и этого мало.

— Эй! Кто-нибудь! Айра, Принцесса! Ко мне, быстрее!

— Я здесь, господин, — за спиной раздался слабый голосок девчонки.

Скиталец краем глаза взглянул на Принцессу и вздрогнул. Было от чего! Вся левая сторона ее лица была синего цвета, одежда разорвана и окровавлена. Да, досталось бедняжке… Но, к счастью, не смертельно. Волчонку хуже.

— Коня подзови, — крикнул Скиталец. — У меня руки заняты — кровь останавливаю. На шее под курткой серебряный свисток — подуй в него, и Серый прискачет.

— Я дую, господин, но он не свистит, — чуть не плача сказала Принцесса.

— Ты просто не слышишь. Но мой конь сейчас будет здесь. Там у седла — сумка кожаная. Небольшая такая, с костяной пряжкой. Ее — мне, и поскорее. Потом Малыша снимешь на землю.

— Все хочу спросить… — пробормотал Волчонок, не открывая глаз. — Как ты с Серым… Он тебя без слов… Колдовство?.. Расскажешь?..

— Потом, как-нибудь. А пока молчи, парень, — остановил его Скиталец. Сейчас не время и не место раскрывать секреты

дрессуры, основанной на глубоком проникновении в мозг животного, и разработанной далеко отсюда. — Тебе вредно говорить. Просто постарайся потерпеть боль. Слышишь ржание? Серый уже скоро будет здесь, и я тебя вытащу.

— Эта, господин? — девушка протянула Скитальцу кожаную аптечку.

— Открой ее, — сказал тот. — Все вытряхни сюда.

— Там Малыш… Он плачет.

— Так, давай к нему. Успокой. Где этот Айра?!

— Не знаю, господин.

Скиталец поднялся с колен и вытер руки обрывками рубахи, которую разорвал в клочья и использовал в качестве перевязочного материала. Перед ним на земле лежал товарищ, запеленатый, как древняя египетская мумия. Кроме раны на плече, ему проткнули правое бедро выше колена и рассекли кожу на лбу. Но, кажется, смерть и на этот раз ушла ни с чем, проклиная негостеприимного Скитальца. Правда, медикаменты были истрачены все без остатка. Если, не дай бог, снова случится передряга — рассчитывать придется только на свое умение мануального терапевта.

Он скомкал в ладони пустые тюбики биоклея, остатки упаковки шприцов и искусственного кожного покрова, бросил все в ручей. Через месяц от этого мусора не останется и воспоминаний — все распадется до молекул.

— О! Кого я вижу! Наш Айра собственной персоной! — Скиталец даже зарычал от негодования, увидев слугу, неторопливо подъезжающего к шатру. — Ты, как всегда, вовремя! Ноги от спешки не переломал?

— Я не виноват, господин, — начал подобострастно кланяться тот. Но не упустил случая и свое недовольство высказать — Лошадку ты мне дал ленивую, да еще нагрузил мешками с землей. Куда ей за твоим скакуном угнаться!

— Даже пешком быстрее можно было бы добраться, помощничек, — буркнул Скиталец.

В это время он заметил, что начинает приходить в себя разбойник, у которого был позаимствован щит. С трудом поднялся на локте и затрусил головой, прогоняя пелену, застилающую глаза.

— Смотри-ка, жив курилка! А я был уверен, что спровадил тебя к праотцам. Старею.

— Рыцарь, не убивай меня, — заскулил бандит. — Я буду тебе хорошим рабом. Все, что скажешь, буду делать. А мои родственники за меня дадут не меньше трех овец или даже коня.

— Трех овец? Не очень-то тебя ценят твои родственники. А

если мне большее удовольствие доставит перерезать тебе глотку? — рявкнул Скиталец, отчего горец чуть снова не лишился чувств. — Говори, сукин сын, кто тебя послал за нами, что вам было от нас нужно?

— Я…я… Не знаю. Мне десятник приказал. А кто ему?.. Это его дело, он с нами не делился… Говорил, тут вино, женщина…

— Врешь, негодяй! — Скиталец занес над головой разбойника свой кинжал.

— Нет, господин, — высунулся из-за спины Айра. — Он не врет. Посмотри на него — тупой вояка. Кто с ним будет планами делиться? Тем более, десятник.

— Где твой начальник?

— Ускакал, наверное. Схватил ребенка — и ускакал. Нам сказал, чтобы здесь заканчивали и быстро уходили, пока ты не вернулся. Боялся он тебя. Ты, господин, сильный. Ты его легко найдешь. Он все тебе расскажет.

— Вряд ли, — вздохнул Скиталец. — Да, не многого ты стоишь. Ладно, живи. Видишь этих бедолаг, что скоро начнут пованивать и привлекать сюда дикое зверье? Уберешь отсюда трупы — и можешь быть свободен, считай, что себя выкупил. А этот «герой» — жест в сторону Айры — за тобой присмотрит и поможет, если будет нужно.

* * *

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Итоги сегодняшнего дня:

Наши потери — один тяжелораненый, одна легкораненая, и у одного моральная травма и сильный испуг. И еще один сидеть не может после хорошего пенделя. Один бурдюк вина вытек полностью, один мешок муки разорван, часть муки просыпана на землю. Два барана убежали, одного пришлось зарезать.

Потери противника — четверо убитых, в том числе и главарь, трое раненых, и один получил по мордасам.

Вывод: думаю, больше не сунутся. И хорошо. Немедленно сниматься в дорогу с таким раненым нельзя никак. Денек, другой парню не мешает отлежаться.

Волчонка перенесли в шатер. Пусть отдыхает. Температура повышенная, но это, увы, неизбежно. Пульс вроде нормальный, хоть и слабый. Крови бы ему подлить, да нет никакой возможности. Стимуляторы, витамины и антибиотики тоже все закончились. Остается уповать на местных богов. Авось, помогут.

Малыша еле успокоил. Без гипноза не обошлось. Сейчас спит

рядом с Волчонком.

Как «успокоил» Айру, уже, помнится, говорил. Тоже дрыхнет, но возле костра — в шатер я его не пустил из-за Принцессы. По той же причине и сам устроился на свежем воздухе поближе к огню.

У девчонки вывихнута челюсть, кровоподтеки и разбиты губы. Но ее, похоже, больше беспокоит состояние одежды. До самой темноты стирала в ручье наши окровавленные шмотки, а потом, голая до пояса сидела в шатре с иголкой в руке, и при свете лучины и шила, штопала, латала свое и наше. Предлагал ей вина, чтобы сняла стресс и поспала — отказалась, много, мол, работы. Эх… это зрелище не для меня. Лучше уж у костра погреюсь. Да и присмотрю за обстановкой, на всякий случай. Береженого бог бережет».

Глава 9

Это место подходило для ночлега как нельзя кстати. Глубокий овраг весь заросший кустарником. Но самое главное — кустарник был совершенно сухой. Скиталец отломал несколько ветвей — ни грамма влаги в них не было. Отличное топливо. И костер виден не будет — надежно прикрыт от чужих глаз гранитными склонами. Пока товарищи обустраиваются, Скиталец решил осмотреться.

Нет, преследователей уже много дней, как не наблюдается. После схватки у подножия вулкана они как в воду канули. То-ли, понеся потери, ушли от греха подальше, то-ли удалось Скитальцу сбить их со следа, а самому уйти от погони.

Принцесса возилась возле костра, резала солонину, перебирала крупу, удаляя жучков, стругала соломку из жестких клубней, месила муку для лепешек. Волчонок прилег на попону — парню было все еще нехорошо. Такая кровопотеря даром не проходит. Он конечно, держится, но заметно, что к концу дневного перехода силы его оставляют. Ему бы питание получше, фрукты, молоко, свежее мясо… Но, чем богаты, как говорится.

Айра устанавливал шатер, бросая недовольные взгляды то на отдыхающего Волчонка, то на Скитальца, осматривающего окрестности. Да и на Принцессу что-то нехорошо поглядывает.

«Не хватало еще тут сцен ревности и прочих любовных страстей! — думал Скиталец. — Мутный парень… Не доверяю ему ни грамма. Мало того, что ленивый, так еще и высокомерный, будто он царь вавилонский, а все остальные — быдло. Сам факт его появления уже давно навевает сомнения, а инцидент у вулкана и вовсе укрепил уверенность в том, что это засланный казачок. Теперь, когда нет необходимости идти к Южному океану, надо от него избавляться. Проведет в земли хана… как его… Черного Полоза, награжу и отправлю восвояси. Иметь такого за своей спиной, как-то боязно».

Только Малыш, казалось, был доволен жизнью — смеясь, бегал между Скитальцем и Принцессой, отвлекая от дел обоих, громко смеялся и тикал, когда кто-то из них делал вид, что хочет отчихвостить его лозиной по попе.

Скиталец порылся в поклаже и выудил оттуда еще один медный котелок, купленный в Луэлресте. Как знал, что такая вещь лишней не будет. И угля мешок, что прихватил еще в имении Кота, тоже весьма кстати — на одном хворосте много не натопишь. Тем более, что температура нужна немалая — больше ста десяти градусов. Ладно, попробуем…

Он залил в казан воду, засыпал измельченную породу, что нашел в муравейнике вблизи вулкана. Кусок кожи в качестве прокладки и массивные булыжники на крышке превратят котелок в подобие автоклава. Ну, с богом!

Айра ходил вокруг и корчил дурацкие рожи за спиной Скитальца — ну и глупый же пришелец с Побережья — песок варит! Пришлось озадачить лодыря заготовкой топлива для костра. Он принес небольшую охапку, и после этого убрался с глаз долой. Наверное, снова дрыхнуть где-то в зарослях.

* * *

— Скиталец, ты что, не ложился еще? — утром Волчонок вышел из шатра и удивленно посмотрел на товарища. — Что это ты варишь? Запах не очень-то аппетитный. Мы что, дальше ехать не будем?

— Сегодня — нет. У меня еще дела — Скиталец кивнул на котелок — закончить нужно. Так что, отдыхай, восстанавливай силы. Я тут провел небольшую разведку, пока все спали — врагов не видать. Кстати, заодно и поохотился. Подстрелил какую-то мохнатую тварь. Принцесса говорит — вполне съедобная. Обещала приготовить что-то вкусненькое на завтрак. Сегодня сделаем выходной. Хочешь — сам пойди, постреляй. Только не напрягайся. И пока никакого спорта.

— А что, все-таки варишь?

— Много будешь знать — состаришься раньше времени. Лучше набери мне хвороста побольше, если есть желание.

Но Волчонок не спешил выполнять просьбу друга. Преждевременная старость его тоже не очень беспокоила. Подошел, повертел в руках выплавленные куски серы, пропустил между пальцами размолотый серный порошок, и одарил Скитальца точно таким же взглядом, что и Айра — мол, с ума сошел начальник.

Вскоре проснулась и Принцесса. Вернее, проснулся Малыш, а после этого сон пропал у всей компании. Даже Айра — уж на что соня, но выполз из шатра и стал тереть заспанные глаза, раздумывая, как бы сделать так, чтобы Скиталец не заметил, что им пропущен такой ритуал, как утреннее умывание.

Девушка этот ритуал не пропустила, потом подоила козу и принялась куховарить. Она так же с укором поглядывала на Скитальца — навонял своим варевом на весь лагерь, да еще и такой замечательный котел занял. Но вслух ничего не сказала и отправилась собирать хворост для костра. Айра, увидев строгий

взгляд господина, так же поплелся вслед за девушкой.

Вдруг до Скитальца донесся крик Принцессы.

— Ну, если эта сволочь — Айра — ее обидеть задумал, голову оторву! — он вскочил на ноги и бросился в колючие заросли кустарника.

Но тревога оказалась ложной. Девчонку никто не обижал. Больше того, она прыгала от радости на небольшой полянке и во весь голос то-ли кричала, то-ли пела — бог поймет это их искусство:

— Счастье будет! Будет счастье! Цветок Возрождения мне дано увидеть! Счастье будет! Будет счастье! — увидев Скитальца, она, не прекращая орать, бросилась к нему на шею. — Счастье! Счастье!

— Эй, девочка, полегче! Прекрати меня слюнявить, и расскажи понятным языком, чему ты так обрадовалась?

— Счастье мне будет! — будто не слыша, продолжала радоваться Принцесса. — И вам всем будет. Потому что, я увидела цветок Возрождения, цветок Мати! И вам всем счастье будет, потому что, и вы увидите. Всем покажу. И тебе, господин, и Волку, и ребеночку. И даже этому противному Айре — мне не жалко. Пусть счастье всем будет.

— Стоп, стоп, — насторожился Скиталец. — Рассказывай внятно. С чувством, с толком, с расстановкой. И не кричи так громко. Что ты увидела?

— Пойдем, — Принцесса схватила его за руку и потянула в глубь зарослей.

— Вот, смотри, господин — цветок Возрождения. Кто его увидит — тому будет счастье. Теперь оно будет и тебе.

Над бесконечным массивом сушняка возвышался на длинном бордовом стебле довольно крупный желтый цветок. Ничего особенного — цветок, как цветок, похожий на астру. Странно, конечно, что вырос в практически мертвых зарослях, но чего не бывает на свете.

— И что в нем такого особенного? Я слышал, ты произнесла слово Мати. Оно здесь причем?

— Так его называют некоторые племена горных людей. Это замечательный цветок — он счастье приносит.

— Ну, это я уже слышал. Ближе к делу. Чем, кроме счастья, он знаменит?

— Эти кустарники живут много-много лет, разрастаются от корней, не цветут никогда. Но рано или поздно приходит и их час, — девушка немного успокоилась и теперь говорила менее эмоционально, хотя глаза ее продолжали сиять, что те звезды на ночном небе. — Они начинают сохнуть, сохнуть, пока совсем не

засохнут. Люди вырубают их на топливо для своих костров. Небесный огонь выжигает их на целых плоскогорьях. И на много лет эти земли вымирают полностью. Но вдруг, в один прекрасный день из земли по-является темно-красный росток, а на нем распускается замечательный цветок Возрождения, или Мати, как его еще называют. Цветет он только один день, а потом небольшие зернышки падают на землю. И тогда из этих зерен кустарник снова начинает разрастаться. А к нему слетаются мушки, за ними — птички, приходят зверушки, чтобы поесть листиков и спрятаться от хищников, а те селятся недалеко, чтобы подкараулить их и накормить себя и своих деток. Жизнь снова возвращается на безжизненные камни. А кому доведется увидеть цветок, пока он не засох, и не выбросил зерна — того ждет счастье.

— Понятно. Теперь скажи мне такую вещь, — задал вопрос Скиталец, хотя ответ ему был уже почти ясен. — Кто из людей может носить имя Мати?

— Обычно, такое имя дают последнему мужчине в роду. Когда остальные погибли в боях с соседями, или их на охоте задрали дикие звери, или они умерли от болезней. С него должен возродиться весь клан.

Скиталец кивнул и отправился в сторону лагеря, расстроив девушку своим равнодушием к столь великому событию.

Кажется, все начинает становиться на свои места. Наш Малыш, оказывается, и есть тот самый хан Мати, ради которого он появился здесь, и которого по идее должен… Размечтались, господа начальники! Интересно, каким боком здесь пристегнут Пророк? Хочет стать регентом при будущем диктаторе? Ну, нет! Малыша ему не видать! И Звездного Меча тоже! Пророк пока не владеет этим артефактом, но кто помешает ему его добыть? Он-то под боком, им владеет сосед. Новая война, а может быть сговор — и цель достигнута. И понеслась! Можно начать объединение разрозненных племен. А там и готовить вторжение на Побережье. Кочевники поверят — они боятся своих богов и верят своим оракулам с пророками. Нужно помешать — для того-то Скиталец сюда и пришел. Потому, пожалуй, рассиживаться некогда. День отдыха — и снова по коням!

Глава 10

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«День начался с большой неприятности — пропал Айра. Судя по всему, сбежал, сукин сын. Ладно бы, просто смылся, так нет, еще и обворовал, скотина! Куда я смотрел, старый дурак! Ведь не доверял ему ни на грош! Никаких сомнений в том, что он засланный казачок, лазутчик Пророка у меня не было, а вот не уследил. Он ушел ночью, во время нахождения в карауле. Уехал на своей лошадке и прихватил все, что мог — посуду с остатками ужина, кое-какую одежонку, вывешенную для просушки, а главное, нашу козу. Принцесса очень огорчилась. Кажется, ее в меньшей степени волновало то, что Малыш остался без молока, чем расставание с любимым животным. Проревела все утро, Эсмеральда местная. Волчонок, немного поругавшись и наслав на голову вора немереное количество проклятий, сделал вывод, что нам еще повезло. Ведь негодяй побоялся стащить более ценные вещи, сложенные в шатре. Да и скакунов наших не увел.

— Серый бы ржать начал, — говорю. — Да и остальные лошади — тоже. Айрина кляча — самая смирная. К тому же, к нему привыкла, скандалить не стала. Осторожный, гад. И неглупый.

— Мы его еще сможем догнать, — снова завелся парень.

— Остынь. Он ушел несколько часов назад. К тому же, я догадываюсь, куда он подался. Потому нам тут рассиживаться нельзя. Собираемся, уходим.

Когда все было упаковано и загружено на оставшихся лошадей, огорчаю Волчонка необходимостью расставания.

— Волк, ты с картой обращаться умеешь? Нет? А как же ты собираешься войсками командовать? Эх! Скольким вещам я тебя еще не научил! Ладно, живы будем — нагоним. Смотри сюда… — и начинаю ему объяснять, что за линии нарисованы на бумаге, и что они означают, куда ему идти. — Синяя по-лоска — это река. Коричневым цветом обозначены горы. Чем выше, тем тем-нее. Приложи-ка сюда фалангу своего пальца. Это расстояние или около того можно пройти за день. Немного разобрался? Сейчас пойдете на юг вдоль это-го отрога. Так надо — наверняка вас будут искать, но не южнее этой гряды. Здесь свернете к реке. По правому берегу выйдете прямо к башне (вот она, кружком обозначена), той, что видели на пути сюда. Понял? Там и до ущелья Лиса — рукой подать. Мы там с тобой проезжали, так что, и без карты найдете. Меня не ждите, я — в другую сторону. Идите прямо домой. Смогу — догоню. Нет?.. Ну, нет — так нет! Малыша

берегите. Все. Разбегаемся».

* * *

Вот она, Долина Яфи — плоскогорье, поросшее травой и кустарником, протянувшееся на многие километры. А вот и сами животные — они видны, когда выпрыгивают из травы. Действительно, проворные твари. Подстрелить таких — нужно умение. Тут бы Волчонку свое искусство отполировать. Да, сейчас не об этом речь. Скоро должен появиться главный охотник — хан Черный Полоз со товарищи.

Вчера вечером Скиталец осматривал его лагерь в подзорную трубу, и понял, что пробраться туда почти невозможно. Дальние подступы к стану патрулировали конные разъезды, по периметру прохаживались пешие копейщики, и у шатра хана — тоже стража. Он очередной раз помянул «добрым словом» своих работодателей. Так переживают за чистоту акции, что запрещают брать с собой любые технические средства, нехарактерные для мест-ной цивилизации. А как бы облегчили ситуацию, скажем, генератор усыпляющих частот или «плюшевый мишка». Так нет! Разрешили только ограниченный список медикаментов в нестабильной упаковке. Ну, и на том спасибо! Думают, что он господь Бог? Безусловно, он превосходит аборигенов по части антропометрии — ростом, физической силой, потому как привык к другой, более высокой, чем на Ноле силе тяжести. Ну, опыт, жизненный, бое-вой, опять-таки — чего он только не вынес за свою прошлую жизнь, чего только не насовершал, на что только не готов!.. Другим решиться на такое… Ну, и экстрасенсорные навыки, отточенные при контакте с канвой — интуиция, телепатия, скорость реакции… Но, скажем прямо, эти навыки, если и дают преимущество, то не подавляющее. Он все равно остается обычным человеком, а не Суперменом из комиксов. Местные ребята тоже не промах. Схлестнуться с ними — стоит не раз подумать! Для них война — образ жизни. Некоторые ученые из Комитета Контактов вообще считают жителей Нолы его, Скитальца, земляками. И он с ними больше согласен, чем нет. А что касается экстрасенсов, на Ноле их тоже хватает — в этом он уже успел убедиться. Один Пророк чего стоит! Разговор с ним — сплошная борьба на мозговом уровне — и самому попытаться влезть в его мысли, и его не допустить в свои. То еще испытание! По итогам — полная ничья. Так что…

Да, «плюшевый мишка» не помешал бы. Скитальцу уже доводилось им пользоваться. Этот прибор действительно

напоминал карнавальный костюм медвежонка, в котором дети плясали вокруг елочки в Доме культуры металлургов в том мире, где Скиталец был не Скитальцем, а маленьким Алешей. Совсем крохой, чуть старше Малыша. Он восседал на сильных руках отца, а мама, красивая и молодая, стояла рядом…

Скиталец помахал головой, отгоняя щемящие душу воспоминания.

Так вот, «медвежонок», вернее, костюм активной маскировки — это тоже был глухой комбинезон, покрытый ворсом, только каждая ворсинка представляла собой оптическое волокно. Фактически наблюдатель видел экран, на котором было изображено то, что находилось за разведчиком. Нельзя сказать, что это была стопроцентная шапка-невидимка — при ярком освещении иной раз проявлялись эффекты аберрации, размытости, смещения изображения, блики и прочие накладки. Но при недостаточной яркости дневного света, в тени, в сумерках, а тем более, ночью, заметить человека в этом маскхалате было практически невозможно. Скиталец был уверен, что будь у него этот костюмчик, задание было бы выполнено еще вчера.

Теперь же приходится лежать в засаде в надежде подстеречь хана Полоза в высокой траве. Да и то, при условии, что Звездный Меч у него с собой. А если нет? Тогда — дело дрянь! План у него был и на этот случай, но очень уж не хотелось воспользоваться именно им.

Вот и наш хан в окружении свиты — человек десять лучников на конях. Охотники, загонщики, телохранители? Кто его знает, как на этих «кроликов» охотятся? Меча не видно ни на портупее, ни у седла лошади. Обидно… Но, даже если бы меч был на месте, при такой охране вряд ли удалось бы незаметно подобраться к хану. А тем более, уйти с трофеем. Что же, значит судьба такая…

Острие копья уткнулось между лопаток. Скиталец вздохнул и дал себя связать по рукам и ногам.

Его давно так основательно не били. Если бы он не напрягал вовремя мышцы, смягчая удары, все кости, наверное, переломали древками своих копий. Сам хан Черный Полоз внес свою лепту. Вот уж точно, бог шельму метит! Он и похож чем-то на змею — высокий, по меркам горцев, худой, лицо черное, что у того негра. И кожа на нем, что у крокодила — вся в морщинах. Подошел, снял свою меховую шапку, но о почтительном приветствии не было и речи. Хан начал крутить головой, что та стриптизерша у шеста. При этом его косица, собранная ближе ко лбу вращалась, как винт самолета. Скиталец еле успел отклониться от удара. Вплетенный в косу медный шар боль-но врезался в спину. Зато другие побрякушки, будто бантики торчащие из этой прически,

скользнули по лицу и шее. Крови пустили немало… Ну, да ладно, хоть голова цела. Остальное — заживет.

— Говори, где твои люди! Где ты их оставил! — хан умудрился выпучить свои узкие глаза и еще больше стал похож на какого-то мерзкого гада.

Скиталец почел за лучшее промолчать. Время разговора еще не пришло, лучше прощупать противника на предмет силы воли. Враг оказался не слабым — гипнозом такого не возьмешь. Но, в данный момент он находился в возбужденном состоянии, дал волю эмоциям и немного приоткрылся. И по-тому, кое-какие слабинки нащупать удалось.

— Что вытаращился? Говори! — и новая порция ударов.

Наконец, хан устал. Устали и его сатрапы. Да и Скитальцу было не сладко. Весь в крови, он симулировал потерю сознания — закатил глаза и постарался не шевелиться даже при сильных и болезненных ударах.

— Хватит! Еще сдохнет… Где тогда искать его людей? В яму его. Завтра им кат займется. А я охотиться хочу.

Яма была довольно глубокая. Сверху была закрыта решеткой из связанных деревянных жердей. Люк в решетке тоже был связан из толстых прутьев. Роль петель и замка выполняли кожаные ремешки. В самой яме стояла духота и вонь. Не мудрено — все углы были завалены испражнениями. Да и от двух уже имеющихся обитателей ямы исходил еще тот аромат! Ребята сидели, судя по всему, уже давненько. Грязные, босые, почти голые — в одних холщовых рубахах до колен. Ему же, скорее всего, долго сидеть не придется. Хотя бы потому что, не развязали ни рук, ни ног. Стало быть, кормежка в планы не входит.

Хмурые парни в относительно чистом углу пещеры зашушукались между собой. Скиталец насторожился — агрессию он ощутил явственно. Стоит, на-верное, прислушаться к их разговору, продолжая прикидываться бесчувственным телом.

— Гляди, у него куртка теплая. И сапоги, и штаны. Заберем? — зашептал один.

— А стража увидит? — ответил второй.

— Ну и что? Нам все равно конец. Хан от своего слова не откажется. Сказал — на кол, стало быть, так и будет.

— Я не хочу.

— Хочешь ты или нет, но избежать все равно не удастся. А вот, когда… Только бог Кумуту знает, когда хану захочется развлечься. Так чего мерзнуть оставшиеся дни? Решайся.

— Думаешь, удастся? Смотри, какой он здоровый.

— Он связан. Придушим его — и дело с концом.

— Кто бы меня придушил? Лучше, чем на кол… А увидит стража? Хан разозлится.

— Так быстрее нас казнят. Мне уже невмоготу ожидать. Да еще в такой холодине, да без одежды, без сапог…

«Э, нет, ребята. Это в мои планы не входит, — подумал Скиталец. — Только суньтесь!»

Когда ему связывали руки, Скиталец как можно сильнее напряг мышцы. Трюк старый, но кочевникам он был неизвестен. Теперь веревки так болтались на расслабленных запястьях, что приходилось прикладывать усилия, чтобы те сами не соскочили в неподходящий момент.

«Что же, добро пожаловать, босота! Встречу со всеми почестями!»

Пленники начали осторожно на корточках приближаться к Скитальцу. Но вдруг чья-то тень упала на дно ямы. Узники мгновенно снова оказались в своем углу, с опаской поглядывая вверх на нежданного гостя.

— Скиталец! Скиталец, ты жив?

— Айра? — засмеялся пленник. — Кто бы мог подумать! А я что, для тебя уже не господин?

— Скиталец, — обиженно протянул гость. — Не надо мной смеяться. Я при-шел тебе помочь.

— Да, ну? — не унимался тот. — И как же? Вытащишь меня отсюда?

— Я могу замолвить за тебя слово, и тебя не будут пытать. Просто задушат или копьем в сердце — как пожелаешь. Хан меня послушает.

— Благородно с твоей стороны. Наверное, я должен тебе ноги целовать, за твою доброту? Но «скажи-ка, дядя, ведь не даром?». Чего хочешь за столь высокую протекцию?

— Опять смеешься? А тебе плакать нужно. Завтра кат с тебя всю кожу сдерет. Он — мастер! Но, если ты, конечно, согласишься…

— Ну, и чего тебе нужно? — притворно зевнув, сказал Скиталец, чем снова разозлил Айру.

— Скажи, где разбил лагерь Волк. Ведь он ждет тебя где-то поблизости? Скажи — и умрешь быстро и безболезненно.

— А что тебе нужно от парня?

— Будто сам не знаешь! — Айра даже ногами затопал от возмущения. — У тебя в шатре бурдюки с вином и мешки с белой мукой! А сам Волк? У него отец — крупный землевладелец в Стране, Окруженной Горами. Знаешь, какой выкуп он даст за сына?! Девчонка, и та чего-то да стоит — хан Черный Полоз ее

мне отдаст. И на мальчишку у него тоже есть покупатель.

— Хочешь выслужиться перед ханом, предатель?

— Как ты смеешь! Я не предатель! Мой дед, мой отец, и я с братьями — все Айра из рода Айра были вассалами клана Черный полоз. Я его никогда не предам! И хан меня очень любит. Видишь, какой он мне подарил плащ? К тому же я теперь имею привилегию входить в его шатер в любое время, даже ночью. А еще он мне подарит пастбища и скот, потом, когда вернемся в свои стойбища. А если я найду стан Волка, я получу половину добычи и еще дочь хана в жены. И это не какая-нибудь полукровка, вроде Гаумлие — настоящая горянка, ханская дочь!

— Да, — согласился Скиталец, — толстая, плоскорожая, черная и кривоногая, как все горцы. Красивая. Мои поздравления. Только тебе не о женитьбе думать надо. Что-то мне подсказывает, что сегодняшний закат будет для тебя последним. Я бы, на твоем месте, пошел, полюбовался напоследок.

— Уж не ты ли меня убьешь, человек без кожи? — захохотал Айра. Только вот смех его звучал как-то фальшиво. Испугался, сукин сын, испугался!

— Айра, постой, один вопрос. Тебя с самого начала Пророк нанял, чтобы ты за мной следил?

— Что?! Пророк?! Слуга хана Клык Вепря?! Его люди меня работать заставляли, в пропасть хотели сбросить. Грязные свиньи и подданные грязной свиньи! — Айра разошелся вовсю, видно, был задет за живое.

— А разве не ты навел на наш лагерь тех мерзавцев, что чуть не убили Вол-ка? Сам-то спрятался, на помощь не пришел.

— Еще чего! Их было десять человек. Мне моя голова еще дорога. Не знаю, чьи это были люди. А были бы это люди хана Черный Полоз, мы бы с тобой сейчас не торговались.

«Интересно, — подумал Скиталец. — Ведь врет, как сивый мерин! Смысл? Боится, что все-таки когда-нибудь со мной встретится? И правильно делает!»

— А кто торгуется? Я тебе ничего продавать не собираюсь. Я не предатель и друзей не выдаю. Все, Айра, удачи! Береги голову, — засмеялся пленник вслед разъяренному бывшему слуге.

Снова грязные ребята начали на корточках подбираться к Скитальцу, и снова их замысел пришлось отложить. У края ямы появился стражник, вооруженный длинным копьем. Парни снова отползли в свой угол.

— Нужно темноты дождаться, — прошептал один из них.

— И кормежки, — так же шепотом ответил второй. — Я ослабел совсем, не знаю даже, смогу удержать его ноги или нет.

Дыра над головой стала темнеть. Снова появился стражник и

бросил в яму несколько костей. А сокамерники, пожалуй, скромничали, прикидываясь ослабевшими — кинулись к еде со скоростью пантеры. Скитальца чуть не стошнило от вида этой трапезы — кости упали на грязную землю, покрытую нечистотами, что впрочем, аппетита у узников не убавило. Они чуть не подрались, вырывая друг у друга уже до них обглоданные кости. С таким же рвением они отнимали друг у друга баклагу с водой, которую спустил на веревке страж.

Наконец звездный час узников настал. Пещера полностью погрузилась во тьму. Скиталец увидел красноватые теплые силуэты горцев, на ощупь подбирающихся к нему. Пора, пожалуй, освободиться от пут на руках. Ноги потер-пят, уже недолго осталось.

Один из парней ощупал ноги Скитальца и взгромоздился на них всей тяжестью своего тщедушного тела.

— Эй, ну как там? — прошептал он, обращаясь к своему товарищу.

Но тот ответить уже не мог — умирал в захвате Скитальца, не в силах из-дать ни звука передавленным горлом. А вскоре пришла очередь и узника, державшего ноги.

— Простите, ребята, — мысленно обратился к ним Скиталец. — Оставлять вас у себя за спиной чересчур опасно. Еще орать начнете, в надежде на помилование со стороны хана. Утешьтесь тем, что смерть к вам пришла быстрая и безболезненная. А иначе несколько дней умирали бы, пронзенные тупым суковатым колом.

Теперь нужно выбираться. Яма была довольно глубокая, с крутыми стенами, расширяющимися книзу. Низкорослому горцу выбраться из нее было невозможно, Скиталец же и ростом был выше, и привычен был к большей силе тяжести. Однако и ему не удалось с первого прыжка достать руками жерди решетки. Эх, места мало! Для разбега всего два шага. Прыжок, и пальцы только скользнули по шершавой коре прутьев. Ну, простите, ребята еще раз!

Оттолкнувшись от сваленных друг на друга тел узников, Скиталец подпрыгнул и ухватился, наконец, за решетку. Теперь подтянуться, зацепиться ногами, чтобы высвободить одну руку… Узел не сложный, развязать — раз плюнуть. А там и самому выползти, как змея, из приоткрытого люка.

В двух шагах от ямы мирно похрапывал, завернувшись в длинный тулуп, стражник. Спал он так крепко, что Скиталец решил его не убивать. Бедняга продрыхнет до утра и вряд ли проснется. А утром его казнят свои же за плохое несение караульной службы. Так что, нечего руки марать лишней кровью.

Страж даже не изменил тональность храпа, пока беглец обыскивал его на предмет оружия. Обыск не дал результатов — всего то и было при горе-стороже — длинное копье с медным наконечником. Ну, что же, наконечник тоже пригодится — он довольно длинный и острый, может быть использован в качестве заточки. Хоть что-то…

Теперь нужно поискать нашего друга Айру из рода Айра.

Лагерь был погружен в ночной мрак. Люди уже отправились на покой. Только от дальних шатров, на окраине стана слышались голоса. Скиталец решил поискать Айру там, и как всегда не ошибся. На пустыре догорал кос-тер, вокруг которого сидели изрядно пьяные мужчины. Запах блевотины, исходивший от посудин с молочной брагой — любимого пойла кочевых людей — распространялся на приличное расстояние. Впрочем, не исключено, что это был не только запах браги — в двух шагах от костра какой-то детина, стоя на четвереньках, издавал характерные звуки, очевидно, пугая диких зверей.

Айра сидел в центре и заплетающимся языком рассказывал о своих заслугах перед любимым ханом Черный Полоз в деле поимки опасного врага — Скитальца. Но его мало кто слушал. Кто-то обгладывал баранью кость, чавканьем заглушая рассказ героя. Два дюжих молодца затеяли потасовку, но спьяну огреть как следует друг друга у них не получалось — толкались, ругались, и только… Кто-то спал, сморенный спиртным, кто-то болтал с соседом, не обращая внимания на рассказчика. Только одного парня — почти подрост-ка еще можно было с натяжкой считать слушателем — он осоловевшими глазами смотрел на Айру и время от времени икал. Не исключено, что тоже опасался диких зверей и в данный момент раздумывал, не попугать ли их своим рыком.

За спиной раздалось грозное рычание. Скиталец обернулся и увидел горящие глаза крупной собаки. «Так, парень, только гавкать не надо! Уходи, приказываю! Правильно, хорошая собачка. И больше не возвращайся!»

Пес, заскулил и, поджав хвост, скрылся под пологом ближайшего шатра. Так-то лучше! Интересно, эти алкоголики что-то услышали или нет?

Нет, возле костра картина не изменилась. Те же чавканье, ругань, икота… Наконец и Айра устал молоть языком, поднялся и отошел на несколько шагов от костра, чтобы справить малую нужду. Здесь он и нарвался на кулак Скитальца. Бедняга отключился, не издав ни звука. Возле костра никто ничего не заметил. Праздник продолжался.

— Кто? Что? — пролепетал Айра, приходя в себя и хватая

ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— Тихо, мерзавец, иначе повторю.

— Господин, это ты? — с ужасом прошептал мгновенно отрезвевший плен-ник.

— О! Я для тебя снова — господин? Приятно слышать. Конечно, это я. А ты думал, что предал меня, и все? Пропал Скиталец?

— Не убивай меня, господин.

— Что, так жить хочется? Может, и не убью. Если будешь делать то, что я прикажу. И без глупостей. Обещаешь или?.. — Скиталец пощекотал шею своего недавнего слуги острием наконечника копья.

— Клянусь, господин! Великий Кутуму — тому свидетель!

— Ты мне не врал, что хан позволяет тебе входить в его шатер в любое время? Даже ночью?

— Он так говорил.

— А ты в его шатре уже побывал?

— Два раза, господин.

— Что же, рассказывай, где шатер, как устроен, кто охраняет. Да не дрожи ты, трусишка, говори внятно.

* * *

Из ненаписанного дневник Скитальца:

«Шатер хана Черный Полоз был довольно большой и крепкий. По словам Айры, пробраться в него с тыла, прорезав отверстие в стене невозможно. Она была многослойная, теплая, укрепленная деревянными жердями, связанными крест-накрест. Изнутри тоже увешена циновками, коврами, звериными шкурами. Говорят, шатер перевозили на четырех больших и сильных скотинах местного происхождения, которых кочевники называли хоско. Возможно, мой пленник говорил правду. К тому же и разрезать полог у меня было нечем — наконечник копья для этих целей подходил мало, а у мерзавца Айры оружия с собой не было.

Что же, придется пускаться в самую большую авантюру за всю командировку. Если, конечно, саму командировку не считать самой большой авантюрой.

По пути к шатру хана несколько раз натыкаемся на стражников. Да, без Айры пройти было бы трудно. Я плотнее закутываюсь в плащ своего заложника, прячу лицо под надвинутым капюшоном. Пленник начинает замедлять шаг. Боится, сукин сын. А бояться нужно не стражу, а меня. Незаметно подталкиваю его острием своего оружия, чтобы лишить сомнений

по поводу дальнейшей своей участи, в случае очередного предательства.

— Куда?! — у входа в шатер два стражника направляют на нас копья.

— Я Айра из рода Айра. — невнятно бормочет мой заложник. — Я иду к Подобному Богам. Он подарил мне привилегию навещать его в любое время. У меня есть, что сказать Подобному Богам.

— Откуда я знаю? — проревел один из охранников, наверное, старший.

— Вот! — Айра полез за пазуху и извлек оттуда костяной медальончик. Ах, скотина! И словом об этом пропуске не обмолвился! А я его видел, когда обыскивал, и за оберег принял. Как бы это упростило мои действия! Ну, погоди, мерзавец, ты за это ответишь! Но, позже…

— А этот? — страж кивнул в мою сторону.

— Он со мной.

Охранники без слов расступились и копьями указали на вход в шатер.

Заходим и натыкаемся на еще пару стражников. Айра снова дрожащим голосом пропел свою партию, а очередной старший взял его медальон и скрылся за тяжелой портьерой. Через минуту он вернулся:

— Айра может зайти. А ты — кивок в мою сторону, — будешь ждать, пока Богам Подобный не позовет.

Все ясно. Ну, теперь мой выход.

Коленом — в пах, левый хук в висок, и охранник улетает куда-то вбок, увлекая за собой и напарника. Теперь — вперед, на рандеву с Богам Подобным. То, что происходит за моей спиной, волнует меня мало. Главное — добраться до шеи хана. Прием не оригинальный, но действенный — уже не раз приносил мне определенный успех. Должен и сейчас сработать. Только с некоторыми вариациями. Если мой зондаж его психики верен, договориться с ним удастся. Мне есть, что ему предложить — жизнь. Смерти он боится панически. А кто не боится, спросите вы? Боятся-то все, но некоторые — особенно. И к этим некоторым принадлежит хан Черный Полоз.

В центре шатра на возвышающемся помосте вижу три головы, торчащие из-под цветастого одеяла. Две из них принадлежат молодым наложницам, а третья — самому хану. Признаться, в первое мгновение принял его за старуху — коса расплетена, морщинистое лицо, ниточки косичек-усов почти незаметны при неярком освещении от двух коптилок.

Девчонки с диким визгом разбежались по углам. Хан вскочил

и поначалу стал махать головой. Но, вспомнив, что коса расплетена и к бою не готова, попытался проскочить мимо меня к выходу.

— Не так быстро, Богам Подобный, или как тебя там… — шепчу ему, намотав волосы на руку и приставляя заточку к горлу.

— Ты… Ты… — только и смог выдавить из себя хан.

— А ты думал, кто? — усмехаясь, почесываю ему горло острием, будто кота ласкаю.

— Ты умрешь! Стража! — хрипит от страха мой новый пленник.

— Кто бы сомневался! Все мы смертны. Только я твою смерть увижу, а ты мою — нет!

В это самое мгновение портьера упала, и в шатер вбежали воины, человек десять. Но остановились, увидев своего вождя голого, на коленях и с при-ставленным к горлу острием.

— Скажи им, чтобы уходили. Иначе прикончу — помолиться не успеешь.

Не то, чтобы хан полностью сдался на милость победителя — мою, то есть. Гипноз на него не очень действовал, но мне все же удалось внушить ему панический ужас, и он правильно оценил ситуацию:

— Вон! Все вон! — заорал неожиданным фальцетом.

Стражники попятились и стали покидать шатер.

— Прекрасные дамы — говорю, — тоже могут уходить. Я не задерживаю.

Второй раз повторять не пришлось. Толстушки похватали какую-то одежонку и бросились прочь, тряся на бегу своими прелестями.

— Что ты хочешь? — испуганно залепетал хан.

— Сущую мелочь — Звездный меч.

— Откуда? Я про него и не слышал, у меня его нет.

Врет, сволочь. Для меня его сознание — открытая книга. Полностью под-чинить его себе не удается, но понять, что он меня дурачит, особого труда не составляет. Зарядил ему локтем в ухо, не сильно, так, для острастки и усиления эффекта внушения.

— А вот врать мне не нужно. Иначе обижусь.

— Ты все равно умрешь! — снова заводит старую песню хан, своим шипением полностью оправдывая змеиное имечко. — Говорили мне, нужно тебя убивать при первой же возможности.

— А тебе захотелось наложить лапу еще и на мои товары? Да, жадность хана и сгубила. Ну, хватит болтать! — колю его острием в щеку в сантиметре от глаза. — Не жадничай, Подобный. Все равно, раз я здесь, мечом тебе уже не владеть. Или он останется у тебя, но мертвого, или его у тебя не будет, но у живого. Выбирай.

Похоже, моя тактика сработала — испугался хан не на шутку. Губы трясутся, весь в поту… Но еще окончательно не сдается, борется. Сильная все же личность, уважаю.

— Там. Висит, — хан показывает на стену шатра за моей спиной.

Точно. На стенке обитой коврами и звериными шкурами висит немало оружия, черепов врагов, голов местных чудищ и прочих охотничьих трофеев. Прямо, музейная экспозиция какая-то! Нашлось место и для моего имущества.

— Подколодный, а воровать-то нехорошо! — срываю с ковра свою подзорную трубу, кинжал и серебряный манок своего коня.

В центре на шкуре какого-то крупного зверя висят целых пять мечей. По бокам — так себе — бронзовые, корявые с грубыми костяными рукоятками. Зато в центре — красавец! Изогнутый клинок, борозда, расписанная всевозможными узорами, в том числе и звездами, эфес выполнен в виде расходящихся от клинка лучей, гравировка, инкрустация, золото, серебро… Красивое оружие, что и говорить.

— Ну, и который здесь Звездный? — спрашиваю.

— Этот, — хан кивает на центральный экспонат и тут же валится на пол от моего удара.

— Я, ведь тебя предупреждал — мне врать не нужно! Жизнь тебе, я вижу, не дорога? — отбрасываю в сторону медную заточку и подношу к горлу хана свой острый как бритва кинжал. — Этот меч выкован на Побережье — там такие имеются у каждого уважающего себя рыцаря. Все! Пожалуй, разговаривать с тобой бесполезно. Сдохни, скотина!

— Нет! — снова взвыл Полоз. — Не убивай. Я отдам.

— Умница! Давно бы так.

Хан с обреченным видом начинает сбрасывать со своего спального места одеяла, подушки, перины. Потом пытается оторвать одну из досок помоста. Когда ему это удается, запускает в подполье обе руки. Я его вижу насквозь, его замыслы цвета собственного имени для меня — более, чем прозрачны. Думает, змея подколодная, меня Звездным Мечом достать. Он еще не успел даже выпрямиться, а оружие уже оказалось в моих руках.

Кажется, это то, что я искал. Ошибка исключена. Во-первых, вес. Не знаю, можно ли отнести это к достоинствам холодного оружия, но меч был очень легким. Если бы не толстая рукоятка из рога какой-то местной твари и массивный медный эфес в виде полусферы, он бы в руках и не ощущался. Что за материал? Алюминиевый или титановый сплав, композит? (Нужно будет взять соскоб для анализа) А само лезвие? Меньше всего оно было похоже на клинок оружия. Начать с того, что в сечении это был

уголок, говоря техническим языком, одна полка которого была совсем узкой — миллиметров пять, не более, а вторая — пошире, где-то около сорока-сорока пяти. Длина клинка была около метра, а толщина — не более трех миллиметров. Острие представляло собой скос градусов под сорок пять. Подобная фаска, но узкая, проходила по всему периметру лезвия. Плюс к этому, отверстия разной формы — круглые, прямоугольные, овальные, в форме восьмерки — без видимой системы располагались на всем полотне меча. Похоже, именно эту железку унес смелый Таока из нутра своей странной находки.

— Спасибо, дорогой! — угощаю хана оплеухой, чтобы впредь не баловался. — Ножны доставай, для полного комплекта.

Ага, вот они и рыбки, вырезанные из костей пришельцев и переплывшие на ножны с рукоятки гарпуна все того же Таоки. Что же, легенда пока подтверждается на все сто.

— Одевайся, Преподобный. В горах холодно, отморозишь свое хозяйство — девочки обижаться будут.

— Я тебе уже все отдал? Чего тебе еще надо? Ты обещал!

— Конечно! Я хозяин своего слова, хочу — даю, хочу — назад забираю. Да не бойся, Подколодный, шучу. Твоя жизнь мне не нужна. Для меня главное — чтобы твои головорезы не помешали мне спокойно уйти. Так что, проводишь меня подальше от лагеря, и иди на все четыре стороны.

Хан уже понял, что со мной спорить бесполезно, начал натягивать на себя одежду. Я же приладил за спиной щит из панциря крупной черепахи — вдруг какая-то сволочь задумает стрельнуть вдогонку…

Перед шатром — аншлаг. Одних только воинов — человек тридцать, нацелили на нас все, что только можно — копья, луки, мечи… Из-за их спин выглядывали прочие обитатели стана — слуги, рабы, женщины. От этих больше крика, чем угрозы, тем более, что кидаться камнями в своего хана никто не решается. Да и сам хан — умница. Отогнал толпу подальше с дороги. И вовремя — ржание Серого слышно уже отчетливо.

Вот и он, дружище, ждет, копытом топает. Впрыгиваю в седло сам, затаскиваю за патлы Богам Подобного.

— Эй, разбойнички! — кричу группе поддержки. — Если увижу, что кто-то едет за нами, найдете своего хана мертвым в ущелье. А если кто-то надумает пустить в меня стрелу или бросить камень — назад прилетит голова вашего вождя. Понятно? Давай, Змеюка, подтверди им.

— За мной не ехать! — послушно кричит, чуть ли не срывая голос, мой пленник. — Утром вернусь.

И вдруг, когда я на мгновение отвлекся, осматривая путь

отступления, он вырвался из-под влияния моего сознания и еще громче орет:

— Убейте предателя Айру! Он привел в мой шатер врага!

Пришпориваю своего четвероногого друга, в душе надеясь, что у Айры хватило ума уже «сделать ноги» из лагеря, воспользовавшись переполохом. Да и мне неплохо бы поторопиться. Все же на душе спокойнее, когда друзья рядом, под моим присмотром. Вот только эту змеюку выброшу где-то подальше, и — к ним».

Глава 11

— Дрянь-дело, Волк, — сказал Скиталец, подавая парню подзорную трубу. — Нам пути отступления отрезали. Глянь-ка, по плато сюда скачут человек двадцать, не меньше.

— Откуда только узнали, что мы будем уходить через ущелье Лиса, дети паршивой овцы! — выругался Волчонок. — Предупредили? Слышал, у них птички такие есть — вести переносят. Но я в это не очень-то верю.

— Почему?

— О птичках слышал, а вот о том, что кто-то из горцев читать-писать умеет — никогда. Может, какой-то условный знак принесут, если к лапке привязать…

— Да… По нашему хану Черный Полоз не скажешь, что он умеет что-то еще, кроме как людей истязать. Думаю, все проще… Или, наоборот, сложнее. Пророк — он и есть Пророк. Это его люди, и он предвидел, куда мы пойдем.

— Перед нами — два десятка, а за спиной сам хан Черный Полоз с таким же числом негодяев, — вздохнул Волчонок. — Что будем делать?

— Башня. Давно хотел ее осмотреть — самый подходящий момент.

— Шутишь, Скиталец? Во-первых, я уже говорил, что это проклятое место. Во-вторых, и ее охраняют. Ты же сам видел!

— Ну и что, что охраняют? Нам ли, смелым воинам бояться небольшого отряда? Мы воины или нет? Или мы — трусы? — подначивал парня Скиталец.

— Воины, воины. Ты прав. Но я их не вижу. А ну, как нападут неожиданно?

— Конечно, не помешало бы сначала осмотреться, разведать. Но, боюсь, выбора нет. Нам не сладить с таким количеством воинов. И удрать не получится — кони у кочевников не очень быстрые, но выносливые. К тому же, и сменные есть. А мы с Малышом да Принцессой… Да и скакуны наши местный климат и корм плохо переносят, ослабели. На равнине враги нас рано или поздно догонят.

Волчонок хотел снова что-то возразить, но Скиталец не стал слушать. Только скомандовал: «За мной!» — и пришпорил Серого.

Река, которая в начале их путешествия была бурная и полноводная, теперь напоминала чахлый ручеек. Перебраться через него ничего не стоило. Труд-нее было по камням выбраться из каньона. К тому же на верху ждал небольшой отряд охранников — человек пять с луками. Они немного опоздали —

были бы порасторопнее, имели бы возможность расстрелять всю компанию Скитальца на дне речного русла. А теперь сами превратились в мишени — Волчонок и Скиталец своими стрелами ранили двоих, а одного и вовсе уложили наповал — стрела попала прямо в глаз. После этого охранников и след простыл.

— Ну, а дальше? — Волчонок задрал голову вверх, оглядывая мрачные стены башни. — Как нам в нее попасть? Ни тебе ворот, ни даже окошка.

— А это, по-твоему, что? — Скиталец указал на узкие бойницы.

— Высоко.

— Не очень, забраться можно. Вопрос только, что за стеной. Вдруг там ни-чего нет — провал? Поэтому полезу я. А ты займи оборону — вдруг охранники вернутся…

До самой нижней бойницы было метров десять- двенадцать. Стена была не вертикальная, сужающаяся к верху. Уже лучше… И камни, из которых она сложена, были шершавые и кое-где выветренные — зацепиться за них пальцами рук и опереться краем стопы, было возможно. По крайней мере, внизу это удавалось, а как будет выше… Не тяжелее, чем на скалу карабкаться. Господь не выдаст — свинья не съест! Скиталец привязал к поясу конец веревки, посетовав, что она коротковата, сбросил сапоги, куртку и пополз по стене, прижимаясь всем телом к неровным камням.

Подъем затянулся. Прямого пути к нижней бойнице не получилось — слишком плотно были подогнаны друг к другу камни стены. Скиталец сместился влево и даже забрался немного выше заветного проема, и только тогда удалось, наконец, поставить ногу на нижний край окна. Но и это было еще не все. Бойница была настолько узкая, что, будь Скиталец хоть чуть-чуть габаритнее — застрял бы, как Вини-Пух в норе кролика.

Внутри, к счастью, не было никакого провала, а была винтовая лестница, ограниченная внешней и внутренней стенами. Конструкция типа «труба в трубе»? Разберемся, но позже. Преследователи уже приближаются.

— Волк, цепляй мальца, — крикнул он, высунувшись из окошка.

Малыш испугался не на шутку — весь путь до бойницы он орал так, что можно было оглохнуть. И только оказавшись в крепких руках Скитальца, немного успокоился и только шмыгал носом.

— Принцесса, твоя очередь.

С девчонкой хлопот было меньше, хотя испуга в ее глазах тоже было более чем достаточно.

— Волк, давай!

— А вещи? — с сомнением возразил юноша.

— Ими я займусь. Быстрее!

— А теперь, парень, — сказал Скиталец, когда Волчонок был благополучно втянут в бойницу. — Я пошел вниз, а ты принимай нашу поклажу. И поглядывай вокруг. Увидишь воинов — кричи. А лучше — стреляй. Лук далеко?

Привязывая к концу веревки поклажу, Скиталец одновременно прикиды-вал шансы на удачный исход ситуации. Крупы и муки немного, но на некоторое время хватит. Вина остался один бурдюк, да и тот не полный. С водой — хуже. Тоже один бурдюк, но это ведь не вино. Без того можно обойтись, а вода нужна всем и всегда. Запастись не успели. Надо бы набрать из ручья, да нет времени — враги уже рядом. Сушеного мяса и рыбы почти не осталось. Немного дров, остатки угля, соль, одежда, оружие. Вроде все. Нет, не все. Скиталец снял с лошадей уздечки, но оставил седла.

— Ну, Серый, дружище, — Скиталец погладил коня по лбу, заглянул в умные глаза. — Давай, родной, до встречи. Не давайся никому из этих разбойников. По-оше-ел!

Серый потрусил по тропинке в сторону от башни. Гнедой Волчонка и лошадь Принцессы двинулись за ним. Последняя из лошадок, подаренных Ко-том сыну, с места не двинулась. Ну, что же, ты сама выбрала себе судьбу.

— Волк, опусти мне мешки и меч. Раз прошу — значит надо! И Малыша убери от окна. Нечего ему на это смотреть.

* * *

— Ну, а дальше что? — спросил Волчонок, разглядывая толпящихся у подножия башни кочевников. — Нас, конечно, не достанут. Но и уйти не дадут.

Они стояли на самом верху башни. Внизу расстилалось горное плато — унылый красновато-серый пейзаж с немногочисленными буро-зелеными пятнами кустарника и травы. Под самой башней змеилось русло реки, от которой в данный момент остался только неглубокий ручеек. На горизонте вставала горная гряда. Где-то там между огромными скалами и провалами прячется ущелье Лиса — их узенькая дорожка к дому и конец нелегкого путешествия. Но попасть туда не получилось. А виновники этого стоят полу-сотней метров ниже у подножия башни и грозят осажденным своим нехитрым оружием. Ну, и пусть себе. Они пока мало интересны. Вот башня — другое дело!

На редкость странное сооружение. Плотно подогнанные камни, казалось, вросли друг в друга — ни тебе зазоров, ни слоя раствора. Как только залезть удалось — самому не понятно. А верхняя площадка? Не плиты перекрытий — единый монолит. Сколько лет его забрасывает снегом, сковывает льдом, печет солнце, заливают дожди, обдувают ветра, а нет ни трещин, ни сколько-нибудь заметных следов песчаной эрозии. И весит многие тонны — как его только подняли на такую высоту? Сам материал тоже весьма интересен. Сколько доводилось скитаться по горам и равнинам этого мира, но ни-где он не встречал такой породы. Гранит — не гранит, базальт — не базальт… Плотнейшая структура темно серого цвета без разводов, оттенков и пятен, на которой острие ножа не оставляет ни царапины. Умели древние строить! Вопрос, для чего? Чем она служила древним строителям? Храмом? Обсерваторией? Стартовой площадкой? В центре площадки каменные блоки огораживают круглое жерло уходящего вглубь башни колодца. Фундамент давно сгнившей лебедки или лифта? Эхо от брошенного вниз камня показало, что глубина колодца значительно больше высоты самой башни. Что там внизу? Может быть, подземный ход, который выведет к свободе? Проверить бы…

— Еды у нас хватит на пару-тройку недель — спасибо твоей лошадке, и да простит она меня! Так что, еще не известно, кто дольше продержится. Не заметил я, чтобы у наших преследователей был сколько-нибудь серьезный обоз. А отсутствием аппетита полсотни здоровых мужиков явно не страдают. Думаю, проголодаются и уйдут, оставив небольшую охрану. А с ними мы уж как-нибудь справимся. Верно, воин? Только вот вода меня волнует. Ее почти нет. Не приучать же наших детей с самого детства к алкоголю!

— У нашего Малыша явно кавалерийские замашки — не удивлюсь, если он и вино уже пробовал? — улыбнулся Волчонок.

— А я не только его имею в виду, — рассмеялся в ответ Скиталец и потрепал парня по волосам. — Ладно, шучу, не обижайся. Нужно спуститься на самый низ, в подвалы башни — возможно, там найдем ручей или хотя бы лужу. Пойду, пожалуй, на разведку.

Скиталец стал спускаться по винтовой лестнице вниз, считая ступени. Кто бы не построил эту каменную громаду — рост его был примерно такой же, как у него самого. Во всяком случае, по ступеням было спускаться вполне комфортно. Да и рука ложилась на каменные перила, вырубленные во внешней стене, не испытывая какого-либо неудобства. Судя по всему, древние строители были людьми.

Стоп! Приехали. Дальше пути нет — весь лестничный пролет был завален камнями и щебенкой. И завален, судя по всему, очень давно — пробка слежалась, стала плотнее бетона. «Так, сколько ступенек я насчитал? И при сред-ней высоте каждой миллиметров сто шестьдесят… Итого… До подножия не дошел метра два-два с половиной. Стало быть, если преследователи захотят проломить стену тараном, наткнутся на завал. И это неплохо. Но и я не попал в подвал, не нашел ни воды, ни подземного хода. А это уже не есть хорошо. Конечно, остается еще центральный колодец, но без длинной веревки туда не спуститься. А это уже и вовсе ни к черту!».

— Все спокойно? — спросил Скиталец Волчонка. Парень, похоже, службу усвоил. Внимательный взор, лук на изготовке, стрела на тетиве.

— Не совсем, — ответил юноша. — Затевают что-то.

— И что же?

— Посмотри.

Внизу, действительно, было заметно какое-то движение. Кочевники под-тянулись к подножию и смотрели вверх. Из-за шатра появились два толстяка, тащившие объемистый мешок.

— Да, что-то зашевелились… Посмотрим.

Через минуту все стало на свои места. Увальни вытряхнули из мешка свернутый в бухту канат и стали над ним колдовать. Один из кочевников взял в руку конец каната с привязанной к нему железной «кошкой» и стал его раскачивать, как маятник. Амплитуда маятника все увеличивалась, и вскоре «кошка» уже описывала круги над головой кочевника, ускоряя свое вращение.

— Я его сейчас… — прошептал Волчонок, поднимая лук.

— Отставить! — рявкнул Скиталец. — Я побежал.

И кинулся вниз по лестнице к нижней бойнице. Похоже, сам хан Черный Полоз своей тактикой собирается помочь решить осажденным их проблемы. Только бы вояка не промахнулся!

Но у воина ничего не получалось. Уже который раз «кошка» звякала о стену довольно далеко от бойницы. Хан наорал на непутевого метателя, и надавал ему пенделей под зад. А за конец каната взялся второй из увальней. У этого получилось немного лучше — во всяком случае, после его броска «кошка» звякнула немного выше бойницы. Терпение Скитальца кончилось — он высунулся как можно дальше из проема и поймал канат. Это так удивило метателя, что тот застыл, разинув рот. Пока он выходил из ступора, приличный кусок веревки уже оказался в башне. Когда же окрик хана привел воина в чувство, и тот вцепился, наконец, в веревку, Скитальцу пришлось попотеть. Он подтянул грузного кочевника на несколько метров вверх и, раскачав канат,

грохнул того о стену. Только после этого сразу три человека бросились к изрядно «похудевшему» мотку. Но тут в дело вступил Волчонок. Его стрелы дали возможность затащить еще изрядный кусок веревки, пока какой-то более сообразительный воин не подскочил под прикрытием щита и не об-резал злосчастный канат. Но и того, что удалось затащить в бойницу, должно было хватить, чтобы спуститься и в каньон, и в центральный колодец.

Воины разразились угрозами и проклятьями. Десятки стрел и камней по-летели в бойницу и на верхнюю площадку башни. Но Волчонок сообразил быстро, и увел Принцессу с Малышом вниз на лестницу.

— Давайте, давайте, ребята! — хмыкнул под нос Скиталец. — Лишние стрелы нам не помешают, а при случае мы их вам вернем.

* * *

Ночью Скиталец первым встал в караул, дав возможность Волчонку от-дохнуть после напряженного дня. Впрочем, не только это заставило его уединяться на верху башни. Хотелось проверить еще одну возможность выхода из этой тупиковой ситуации. Если бы удалось войти в контакт с канвой и переправить всю компанию куда-нибудь в Метрополию или еще куда… Главное, чтобы вырваться из этого поднебесного плена, а там уж как-нибудь удалось бы вернуть своих спутников домой. Да, вот беда, что-то не клеится. Контакт наладить не удается. Только мозг начинает что-то нащупывать, как тонкая ниточка взаимопроникновения обрывается, растворяется в пространстве, и все нужно начинать сначала. Нелегкая работенка — голова болит, руки трясутся. Уж лучше штангу тягать или, там, маршбросок на десяток кэмэ…

Скиталец встал, сделал пару кругов вдоль парапета, взглянул вниз. У подножия башни осаждающие возле костров ели жареное мясо, пили свою молочную брагу. До его ушей доносились заунывные песни, больше напоминающие звериный вой. С другой стороны, на берегу полу-высохшей реки то-же горел костер, тоже ужинали воины. Интересно, если они напьются и заснут, спуститься и удрать удастся? Вряд ли… Те два человека, что прогуливаются над обрывом, внимательно следят за башней.

Что же такое! Никак не удается войти в контакт с канвой. Что мешает? Атмосферное электричество? Не исключено. Быть грозе, это точно! Над горами зарницы так и пылают. Небо затянуло тучами — ни тебе звезд, ни единой луны. Не хочется, но

компанию придется будить. Здесь, на расстоянии вытянутой руки от неба, риск угодить под его горячую руку вполне реален. Недаром, некоторые камни парапета хранят следы действия высокой температуры.

Гром грянул, казалось, над самым ухом. Из палатки раздался плач Малы-ша, потом выглянул Волчонок.

— Что такое? — произнес он заспанным голосом.

— Ничего особенного. Просто гроза. Волк, буди Принцессу, и идите-ка вниз. Здесь вверху не самое безопасное место.

— Палатка не промокнет, — обиженно попытался спорить парень, но, махнул рукой и снова нырнул под полог выполнять приказ.

Скиталец подхватил на руки Малыша и пару мешков с травой, служивших матрасами и отправился вниз по лестнице. Следом спустились Волчонок с Принцессой.

— Там сейчас такое начнется! — девушка испуганно схватилась за щеки. — Так гремит, так страшно!

— Дождь — это неплохо. Я пошел, — Скиталец отправился вверх, по пути буркнув Волчонку. — Обустраивайтесь тут. Сам управлюсь.

Все, что имело хоть какое-то подобие дна, было извлечено на свет божий и расставлено в ожидании дождя — котелки, кружки, пустые бурдюки… Даже палатка была аккуратно растянута с помощью подручных средств таким об-разом, чтобы в ней, как в мешке скопилось немного влаги. Дождь пока не разыгрался — только чуть моросил. Зато гром гремел так, что уши закладывало.

Черт побери! Сумасшедшая мысль мелькнула в голове Скитальца. Наверняка, во время дождя, кочевники попрячутся в свои шатры. Даже часовые, и те укроются в каком-нибудь закоулке среди камней. Если сейчас спуститься, их можно застать врасплох и убрать. А потом Волчонок поможет спуститься Принцессе с Малышом и…

Ужасная вспышка вместе с неимоверным грохотом на мгновение парализовала Скитальца. Когда же он пришел в себя, оторопел еще больше — на расстоянии вытянутой руки пылал ярко оранжевым светом теннисный мяч. Шаровая молния! А вот вторая! Третья поменьше… Если сейчас ветер подует в его сторону… А он туда и дует! Конец? Но молнии описали круг возле головы и медленно поднялись вверх.

«Нет, похоже, сегодня не самый удачный день для побега. В другой раз…» — подумал Скиталец, спускаясь в недра каменной громады.

Но сюрпризы еще не закончились. Не успели осажденные прикорнуть на неудобных ступенях, как башня начала «петь». Ее

голос звучал негромко на низкой ноте, и должен был разве что, убаюкивать, но в душу начал закрадываться страх. Ветер наверху крепчал, усиливался и звук, а страх переходил в неконтролируемый ужас.

— Я говорил, что это проклятое место! — выпучив глаза, шептал Волчонок. — Это духи подземных королевств! Мы все умрем. Нужно бежать.

Скиталец еле успел его схватить за одежду.

— И это говорит будущий воин? Спокойно! Заткни уши немедленно! Принцесса — ты тоже. Шапки натяните. Головы накройте. А ну, малый, нечего орать. Давай, ко мне, лезь под куртку. Это просто инфразвук, — последнюю фразу Скитальца уже никто не слышал.

Только под утро ветер стих и удалось немного поспать, скрючившись в три погибели на неудобных ступеньках. Наверху светило солнце, и день обещал быть приятным. От ночных хлопот проку оказалось немного — воды набралось всего на пол бурдюка. Ну, хоть что-то… Зато приятно было сознавать, что не одни они мучились ночью. Кочевников у подножия не было, хотя шатры никуда не делись. Сбежали герои. Далеко — чуть ли не на горизонте топчутся, подойти боятся. Но, упорные! Шли бы уже, оставили нас в покое.

— А это еще кто? — Волчонок указал на плато за оврагом, прорытым речкой.

Скиталец приблизил подзорную трубу к глазу и оглянул долину. По ней двигалось несколько телег в окружении десятка всадников. Во главе обоза на высокой скотине, то-ли рогатом верблюде, то-ли мохнатой горбатой корове, что называлась хоско — восседала в седле, напоминающем царский трон, знакомая фигура, замотанная в одеяло и с завешанным накидкой лицом.

— Пророк. Эка неожиданность! Кто бы мог подумать? — злобно буркнул себе под нос Скиталец. — Наше положение ухудшается. В подводах наверняка харчи. И немало. Надо было вчера попытаться прорваться. Грозы он испугался!.. Точно, стареешь, Скиталец!

На подводах оказались не только продукты питания, но и компоненты осадных орудий. Воины, долго не раскачиваясь, тут же начали сколачивать две длинные лестницы. С других подвод выгружали тяжелое бревно, с железным наконечником, и деревянную конструкция для его удержания.

— Серьезно за нас взялись, Волк. Что же, вот тебе и настоящая практика. Выйдешь живым из этой передряги — получишь от меня медаль.

— А не выйду? — с сомнением покачал головой юноша.

— Значит, судьба такая, как говорил твой отец. Но, не переживай. Еще не вечер.

Волчонок оглянулся на светило, не поняв идиомы Скитальца, но ничего не ответил. Было видно, что он напуган. Ситуация и правда, казалась безвыходной.

Скиталец смотрел, как Пророка, будто индийского раджу, снимали вместе с креслом с его рогатого транспортного средства. Ясновидящего усадили на расстоянии полета стрелы от башни, и сам хан Черный Полоз подошел вы-разить свое почтение кивком головы. Его вельможи и полевые командиры тоже по очереди приближались к вновь прибывшему, и оказывали почтение поцелуями рук и полы плаща.

После продолжительного совещания, объединенного с трапезой, Пророк подозвал одного из своих людей и отдал какое-то распоряжение. Тот бегом помчался к башне. Скиталец узнал гонца — это был тот самый атаман, который пытался обчистить их шатер в стане Пророка, и нос которого с тех самых пор стал еще более приплюснутым.

Воин подбежал к подножию башни и разразился неимоверной руганью с угрозами. Он махал своим кистенем, подпрыгивал, будто хотел оказаться возле бойницы, плевался в сторону осажденных, больше попадая, впрочем, на свою бекешу. Это было так нелепо, что даже Волчонок не вспомнил о своем луке, а только с любопытством наблюдал за спектаклем. Надо пола-гать, атаман не совсем точно выполнил задание Пророка, потому что, спустя некоторое время к нему подскочили два стражника и надавали все тех же пенделей, прогнав от башни.

А на место парламентера-неудачника прибыл другой. Этот был и лучше одет — в чистом плаще с характерными узорами клана Клык Вепря и начищенном медном шлеме, речь его была более разборчивой и вежливой.

— Уважаемый! — с поклоном обратился парламентер к смотревшему из бойницы Скитальцу. — Не обращай внимания на этого сумасшедшего — он ранен в бою. Слушай меня. С тобой хочет поговорить Великий Пророк. Ты можешь спуститься для разговора?

— Пусть лучше он поднимется ко мне, — улыбнулся Скиталец.

— Это невозможно, уважаемый, — сказал с трагическими нотами в голосе, почти плача, гонец.

— Весьма сожалею. Я тоже вниз спускаться пока не намерен. Так и передай Пророку.

— Уважаемый, — не унимался парламентер. — Пророк добр и не желает ни-кому зла. Тем более, тебе — вассалу славного

вельможи из Страны, Окружен-ной Горами. Он с тобой поговорит и отпустит на все четыре стороны.

— А иначе? — Скитальцу надоели эти препирательства, и он решил побыстрее закончить пустопорожний разговор. Тем более, что Малыш снова раскапризничался, а Принцесса все никак не могла его успокоить.

— А иначе, — просящий тон голоса парламентера превратился в грозный крик. — Наши воины сровняют башню с землей, а все вы подохните на кольях!..

И дальше его речь уже мало отличалась от речи обхаянного атамана.

— Ну-ну, — только пожал плечами Скиталец, схватил подмышку Малыша и отправился наверх, где уже парило варево, приготовленное Принцессой. — Эй! Господа хорошие! Всем обедать. Похоже, через полчаса будет жарко.

Через полчаса осаждающие, действительно, зашевелились. Одни устанавливали козлы и подвешивали бревно, другие пытались прислонить длинные лестницы к стенам под двумя самыми нижними бойницами.

— Волк, становись к верхнему окну. Бойницы с другой стороны башни меня не волнуют — к ним лестницу не подставить. Но иногда, поглядывать все же стоит. Пусть этим Принцесса займется. Справишься, девочка? Да не волнуйтесь, вы! Посмотрите на этих увальней! У них задница шире бойницы раза в два. Застрянут. Но все же, не особенно высовывайтесь — наверняка лучники снизу будут постреливать по окнам, прикрывать. Волк, за щитом прячься, действуй больше пикой — старайся сбросить с лестницы. Ну, а это тебе на всякий случай, — Скиталец протянул ему свой меч.

— А ты? — спросил парень. — «Звездный» решил опробовать?

— Предпочитаю это, — усмехнулся Скиталец, вращая между пальцами свой кинжал.

Лестницы уже были установлены, и лучники стали на изготовку, положив стрелы на тетивы. К тому же снизу послышался ритмический лязг железа о камень — заработал таран. Воины, зажав в зубах ножи, полезли на более длинную лестницу к бойнице, охраняемой Волчонком. Возле короткой снова начался концерт одного актера. Атаман снова начал орать проклятия, размахивая кистенем, пытаясь довести себя до исступления. Берсеркер кривоносый! Ну-ну!

Наконец, войдя в раж, он бросился вверх по перекладинам, причем, до-вольно резво. Тут же в окно влетело две стрелы и камень из пращи, еще не-сколько звякнули о стену снаружи. Скиталец укрылся за откосом, поджидая своего старого

знакомого. Судя по несущимся снизу проклятиям, встреча уже приближалась. Наконец, в проеме показалось плоское лицо в обрамлении усов, заплетенных в косички и рука, размахивающая медным кистенем.

Скиталец, не долго думая, захватил запястье кочевника, вывернул его и что было силы, рванул на себя. Кистень со звоном поскакал вниз по ступенькам, а воин, похоже, застрял-таки в проеме бойницы. Он пытался высвободиться, но ничего не получалось, застрял основательно.

— Пан атаман! Вот мы и встретились! Как ваше драгоценное? Не хвораете?

Раж у берсерка куда-то испарился. В глазах застыл ужас. Когда Скиталец вытащил из-за голенища сапога свой кинжал, он попытался закричать, но голос от страха тоже куда-то подевался. Однако, и у Скитальца решимости здорово поубавилось. Велика ли заслуга перерезать горло беззащитному человеку, пусть даже врагу? К тому же этот полудурок вызывал у него, скорее смех, чем ненависть.

— Что-то вы плохо выглядите, обросли… Ваши усы вам, ну совсем не идут. Доверьтесь мастеру.

Скиталец намотал косички на палец и резким движением задрал голову врага вверх. Холодный клинок прижался к горлу, отчего атаман завыл на высокой ноте. Молниеносное движение, и косички остались на пальце Скитальца.

— Ну, вот и все. А вы волновались. С вас два-пятьдесят за услуги брадобрея. Ну, пожалуй, с вами закончили. Получите свое имущество и пригласите следующего клиента, — Скиталец со злой улыбкой, больше напоминающей оскал зверя, запихнул косички в рот кочевнику.

В это время наверху раздался крик.

«Волчонок! — пронеслось в голове Скитальца — Не дай бог!»

Сверху донесся странный стук, будто что-то катилось по ступеням.

— Волк, ты жив? Все в порядке? — но ответа не было.

Скиталец хотел было кинуться вверх, но источник звука появился сам — по ступеням к его ногам катилась голова. Немного отлегло от сердца — голова явно еще совсем недавно принадлежала кочевнику. Паренек осваивает-таки свою будущую профессию!

— Видишь, сукин сын, — Скиталец сунул отрубленную голову под нос застрявшему воину. — У моего подмастерья опыта бритья еще мало, иногда лишнего отрежет. Так что радуйся, что попал ко мне. Как, кстати, носик? Не беспокоит?

И Скиталец что было силы врезал кочевнику в и без того уже

сломанный нос. За окном послышались крики. Атаман летел вниз с лестницы, сбивая с нее своих товарищей. В конце концов, лестница переломилась пополам и упала на груду людских тел. Здесь пока все. Теперь — к Волчонку.

Парень стоял с мечом в руках, дрожа всем телом, а из проема свисало обезглавленное тело кочевника. У парня, похоже, шок. Не мудрено. Видеть такое, а тем более, совершить! Когда-то он сам точно так же застыл над те-лом товарища, которого казнили совсем другие враги в совсем других горах…

— Спокойно, Волк, спокойно! Очнись! — Скиталец вкатил парню две пощечины и стал трясти за плечи.

— Я…Я… одного — копьем… — забормотал, еле выговаривая сквозь слезы слова, Волчонок. — Он упал с лестницы и копье у меня вырвал… А этот… С ножом… Что мне было делать?

— Ты успокоишься, наконец? — пара новых оплеух особого облегчения не принесла. Юноша уронил меч на пол, сел на ступеньку и закрыл лицо рука-ми. Плечи его сотрясались от тихих рыданий.

— Первый раз вижу плачущего воина! — соврал Скиталец. — А как ты думал, это, по-твоему, легко — убить человека? Одно дело — стрелу пустить, а вот так, лицом к лицу, своими руками. Ты же этим хотел всю жизнь заниматься, или я ошибаюсь? Это же лучше, чем в земле ковыряться? Это — удел сильного?! Это ведь ты сильный, а твой отец просто пахарь? Я правильно говорю, герой? Эй, Принцесса, сюда не ходи, и малого не пускай!

Скиталец совсем не хотел стыдить Волчонка и унижать его перед лицом зазнобы. Просто вид обезглавленного тела, точащего из бойницы и кровоточащего, как водопроводный кран, могло неприятно отразиться на психике девушки и ребенка. Но, уже одно упоминание о Принцессе привело парня в чувства гораздо лучше, чем оплеухи.

— Все, — сказал он, поднимая меч. — Прости. Скиталец. Я готов. Что там кочевники?

— Думаю, дадут нам передышку. Оставайся у бойницы, я тебе копье при-несу.

Скиталец выглянул из своего проема. Воины, кряхтя, поднимались из-под обломков лестницы. Двое кочевников волокли под руки беднягу-атамана. С длинной лестницы тоже спрыгивали воины, отчаявшись пробиться в бойницу, закупоренную их мертвым товарищем. Хан Черный Полоз бегал между ними, пытаясь истошными криками и пенделями вдохновить их на геройские дела. Но получалось плохо — кочевники просто убегали от распоясавшегося господина, прячась за спины друг друга. Чтобы еще больше «поднять» боевой дух

воинов, Скиталец швырнул прямо под ноги хану отрубленную голову его человека. После этого даже Полоз махнул рукой и ушел в свой шатер.

Ночь прошла спокойно. Ветра почти не было, и башня не «пела». Осаждающие на изрядном от нее расстоянии проводили обряд кремации своих погибших товарищей. До утра слышались песни, сначала заунывные, а по мере употребления браги, все более громкие и неистовые, переходящие в воинственные танцы. Эти фольклорные угрозы не волновали Скитальца и его товарищей. Они, наконец, смогли как следует выспаться. И не сидя на неудобных ступенях, а в палатке под звездным небом Нолы.

Утро третьего дня осады тоже было вполне спокойным. Враги отсыпались после ночного буйства, и на штурм не спешили. Таран тоже не лязгал у подножия башни. Скиталец решил этим воспользоваться, чтобы обследовать внутренний колодец башни. Если бы удалось найти воду, это было бы не-плохо. Но основные надежды он возлагал на то, что удастся обнаружить подземный ход. Как-то ведь попадали древние в саму башню? Не карабкались же, как он сам, по стенам, обдирая в кровь пальцы и ступни.

Веревка была достаточно прочная — такая и тонну выдержит, не только поджарого альпиниста. И «кошка» крепкая. Не медяшка какая-нибудь — на-стоящая сталь. Бедный хан Черный Полоз! Такие убытки! Скиталец пристроил ее в щель между каменными блоками и опустил конец каната в темный провал колодца. Но спуститься не успел. Снизу снова раздался призывный крик.

— Кто там? Глянь, Волк.

— Опять посланник тебя требует, — сказал юноша.

Пришлось спускаться к нижней бойнице.

— Ну, чего тебе еще? — зло рявкнул Скиталец на кочевника в начищенном шлеме.

— Уважаемый, — поклонившись, вежливо начал посланник. — Пророк хочет с тобой поговорить.

— Опять старая песня? Я не собираюсь спускаться к нему.

— Не вежливо с твоей стороны. Ну, да ладно. Разговор может состояться прямо под стенами башни. Пророк настолько добрый и мудрый, что согласен сам подойти к стене и поговорить с тобой. Он даже согласен на то, что будет слушать тебя, задрав голову. Хоть это оскорбительно по отношению к такому уважаемому человеку, как Великий.

— Ну, хорошо, — согласился Скиталец. — Пусть приходит — поговорим.

— А ты обещаешь, что не причинишь ему зла? Что не выпустишь в него стрелу и не сбросишь на голову камень?

— Обещаю.

— Поклянись!

— Чтоб я сдох!

— Нет, не так. Клянись верховным богом Кумуту, что не причинишь вреда Пророку.

Пришлось Скитальцу прочитать длинную молитву под диктовку послан-ника. Только после этого тот стал, кланяясь, пятиться назад в расположение своего лагеря. Скиталец подождал немного, но Пророк что-то не торопился. Он уже собирался отправиться наверх, и только тут заметил длинноногую мохнатую скотину и восседающую на ней фигуру, закутанную в плащ. Странного всадника окружали воины, вооруженные луками и пращами. Впрочем, к самому подножию они не пошли, а остановились на расстоянии. К башне приблизился один Пророк. Он долго управлял своим транспортным средством, выбирая место, откуда была хорошо видна бойница. Заметив в проеме Скитальца, он поднял руку в приветствии и произнес, напрягая свой хриплый с придыхом голос:

— Ну, здравствуй, Акробат!

Вот это да! «Предчувствие его не обмануло». Пророк его узнал. Узнал, не смотря на его отсутствие на Ноле в течение стольких лет. Кто он? Где они встречались? Нужно что-то отвечать, нельзя давать противнику преимущество в словесном поединке. Вспомнить! Вспомнить немедленно — время идет.

Он, казалось, увидел вращающиеся в голове шестеренки и колесики, пересеивающие далекие воспоминания и выискивающие нужные эпизоды. Но, тщетно — память молчала. Ни голос, ни манера говорить, ни фигура в целом знакомы Скитальцу не были. Да и какая фигура? Он все время видел Пророка сидящим на своем троне и закутанным в одеяло. Даже со своего рогатого верблюда он спускался, не покидая кресла. Не царское дело — своими ногами ходить? Или, может быть, калека? Нужно отвечать… Но, что? Сознание молчит. А что скажет интуиция? И Скиталец произнес фразу, которая его самого изрядно удивила. Из каких дебрей подсознания только выцарапал ее мозг!

— Здравствуй…, король Луэл!

Глава 12

Полукорова-полуверблюд дернулся в сторону, и Пророк еле успокоил скотину, натянув повод.

«Угадал! Точно, угадал! — отметил про себя Скиталец. — Скотинка у Про-рока чувствует своего седока не хуже, чем Серый его самого. Ей передалось волнение Пророка, вот она и дернулась. Иначе бы, наверное, и не удалось бы узнать, с кем имеешь дело. Король Луэл! Живой! Кто бы мог подумать!»

— Узнал-таки, — угрюмо произнес Пророк. — Ну, что же, по крайней мере, теперь будем говорить без обиняков. Не возражаешь, если перейдем на язык Метрополии? А то твой оруженосец сейчас из бойницы выпадет — так ему интересно. Думаю, лишние уши ни тебе, ни мне не нужны.

— Как скажешь.

— Вот уж не думал, что ты меня узнаешь, — продолжал Пророк. — Как тебе это удалось, если не секрет? Ты меня и видел-то всего один раз, и не меня даже, а скорее мой силуэт через крошечное окошко тюремной камеры. По голосу узнал? Тоже вряд ли…

— Считай, что я тебя вычислил — усмехнулся Скиталец. — Тебе-то чего удивляться? И сам умеешь разные штуки проделывать. Я, например, всегда был уверен, что спровадил тебя к праотцам.

— Тебе это почти удалось. Ты тогда из своего оружия повредил генератор моей пушки, и он пошел в разнос. Если бы я хоть мгновение промедлил и не выпрыгнул в окно, сгорел бы заживо. А так — ожоги кожи и легких, от голосовых связок почти ничего не осталось, лицо — что печеный фрукт. Перелом позвоночника и обеих ног. Не говоря о таких мелочах, как полная спина металлических осколков. Можно сказать, легко отделался. Моя личная охрана, которая состояла целиком из кочевников, увезла меня в эту страну. Здесь я, как видишь, не пропал. Хотя, без посторонней помощи не в состоянии даже в ближайшие кусты сходить.

— Рад за тебя. Врачи Метрополии такие травмы за месяц вылечивают. И позвонки выращивают, и спинной мозг регенерируют. Может, стоило повиниться и сдаться, чем так мучиться?

— И провести остаток жизни на каторге? Уж твой хозяин — Тор Висми — об этом позаботился бы. Уж лучше быть калекой на троне, чем здоровым рабом в каменоломне. Ладно, дело уже прошлое. Так, может быть, скажешь, как ты умудрился

выстрелить первым? Понятно, что ты подобрался в серебряном шлеме, экранировавшем биополе, но все равно, ты не мог меня видеть. Неужели почувствовал? Допускаю. Но этого мало. Я тебя в последний момент увидел на гребне стены. Но сам-то находился в окне темной комнаты. А таких окон на фасаде… Раскроешь секрет?

— Ну, если тебе так интересно… Не помнишь, индикаторная лампочка, красненькая такая, на твоем оружии была?

— Да, но закрыта щитком. Со стены она не видна.

— А зеркала в комнате были?

— Проклятье! — Пророк с силой треснул кулаком по луке своего седла. Корова снова дернулась в сторону. — Такая мелочь погубила замечательный проект!

— Проект? — усмехнулся Скиталец. — Мое убийство — это твой проект?

— Много ты понимаешь, ты, раб Тора Висми! Считаешь меня преступником, думающим только о власти и богатстве?

— Тут ты прав на все сто. Я действительно так считаю.

— Святая простота! Ты — зашоренная лошадь! Тебе известно только то, что наплел твой хозяин — Тор. И не более. А мнение другой стороны узнать не интересно? Если желаешь, я расскажу тебе всю подоплеку этой истории. Это много времени не займет.

— Что же, послушаю. Как говорится, больше знаешь — хуже спишь. Валяй, если времени не жалко.

— А куда нам спешить? Ты ведь не сбежишь куда-нибудь через каверну?

— Ты в этом уверен?

— Да, Акробат, уверен. Здесь, под этой долиной находится огромное месторождение железной руды. И не только железной. Здесь и серебра очень много, радиоактивные, хоть и в меньшем количестве, но имеются. Разрабатывать эти богатства местные племена не смогут еще многие века — очень уж глубоко залегают, но эти руды создают серьезные помехи для мозга таких ребят, как мы с тобой. Я предполагал, что будет нелегко заманить тебя на эти поля. Даже перекрыл все возможные пути к отступлению, за исключением этого. И ты сам залез в ловушку. Так что, слушай мою историю, может быть, найдем взаимопонимание.

«Черт возьми! — подумал Скиталец. — Вот, оказывается, почему не удалось войти в резонанс. А я на атмосферное электричество грешил. А Пророк — молодец! Умудрился-таки загнать меня в угол».

— Так вот, Мы с Тором, которого ты называл Доком, знакомы с самого университета. Мы с самого первого дня с ним соперничали во всем — на сессиях, на стадионе, на вечеринках.

На все призы, будь то спортивные состязания или олимпиады по всевозможным наукам, первыми претендентами были мы. Даже одной девушки, самой красивой, вместе добивались. Без ложной скромности скажу, что чаще первым был я. И даже первая красавица университета выбрала меня. Это потом она стала женой моего врага. Но, не будем отвлекаться. Тор мне постоянно завидовал. Не мудрено, что самым серьезным оппонентом моей диссертации был именно он.

Моя диссертация касалась исследования роли личности в развитии цивилизаций. Я разработал методику, согласно которой, можно серьезно продвинуть многие цивилизации по пути прогресса. Предлагал подготавливать эмиссаров, которые займут ключевые посты в отсталых колониях, и в дальнейшем будут проводить политику ускоренного развития этих цивилизаций. Он же возражал против всех моих выводов. Хорошо излагал — сам себя превзошел. И ученый совет убедил. Провалил меня-таки, сволочь!

Что мне оставалось делать? Естественно, доказать свою теорию практикой. Я нашел одну немногочисленную тупиковую колонию на дальней планете. Ее жители — потомки религиозных сектантов — не желали приобщаться к благам цивилизации, считая ее источником всего наихудшего во Вселен-ной, этакими кознями сил зла. Я занял место их верховного вождя, и вскоре на планете начали добывать металл. До этого же они обходились только каменными, костяными, деревянными изделиями и орудиями труда.

Как ты думаешь, что предпринял Тор? Подвел меня под статью закона о вмешательстве в дела цивилизаций. И спровадил, на каторгу. Так я стал уголовником. А ты говоришь…

— Слышал я об этой истории, — покачал головой Скиталец. — Ты ведь о планете Пирис говоришь? Место верховного магистра их религиозной общины ты занял, устранив существующего. И не совсем чистыми, скажем так, методами. Кстати, если тебе интересно, после твоего ареста, металлургия на Пи-рисе признана одним из смертных грехов. Так что, прогресс там сдвинется с мертвой точки еще ой, как не скоро!

— Плевать! Я говорил, что цивилизация тупиковая. Если не удалось мне — не удастся никому. А вот Нола — это совсем другое дело. Здесь и население больше, и уровень развития выше. Идеальное место для воплощения моих идей в жизнь. Мне удалось сбежать с каторги. Да еще и своего друга прихватить. Интересный был парень. Я с ним еще на Пирисе сошелся. Он и там был моей правой рукой. Очень полюбил металлы. Особенно, драгоценные. К нему даже кличка прилипла — Серебряный. А

больше металлов любил власть. Я ему все это обеспечил, а он мне был верен, что тот сторожевой пес. Это ты его убил? Можешь не отвечать — я и так знаю.

Так вот, я был не самым плохим правителем Страны, Окруженной Гора-ми. Рассказать, что я смог сделать, пока занимал ее трон? Не хочешь? Зря! Мне есть, что записать в свой актив. А мог бы сделать больше, значительно больше, если бы Тор признал свою ошибку и оставил меня в покое. Но он не признал. Начал за мной охоту, и ты — самый удачливый из его гончих — достал таки меня. И погубил перспективное научное направление. Вот, что я называю проектом, а не твое уничтожение. Такой вот я уголовник и властолюбец!

— Я сейчас расплачусь. Может быть тебе напомнить, за что я поквитался с тобой и твоим «крокодилом»?

— Знаю, знаю! Дикарь, движимый инстинктом размножения… Любовь…

— Ну, хватит! — Скитальцу изрядно надоела эта пустопорожняя беседа. — Ты о чем-то со мной поговорить хотел? Что-то предложить, или просто воспоминаниям предаться?

— Да, конечно, — по интонации Пророка было видно, что он разочарован столь резким окончанием разговора. Наверное, даже ему изредка было необходимо излить душу, поделиться наболевшим. Пусть даже и с врагом. Тем более, что друзей и вовсе нет. Есть подданные, рабы, стража. Но, даже про-сто собеседников… Он немного помолчал, будто собирался с мыслями, и, наконец, выдохнул приказным тоном. — Верни меч, отпусти ребенка, и я не задерживаю ни тебя, ни твоих людей.

— Луэл, не пора ли угомониться? Сколько еще нужно смертей, чтобы ты отказался от своей дурацкой идеи? Думаешь, я не знаю, что ты сеешь раздор между кланами кочевников? Я сам был тому свидетелем. Что ты такого насоветовал тому старику, которого принял передо мной? Тому, что дочь замуж выдавал и не мог определиться с женихом? Чем ты его так обрадовал? И ради чего? Чтобы в огне междоусобицы выжил какой-нибудь последний бедолага, которого ты приблизишь, вооружишь блестящей железкой, и будешь дергать за ниточки, как кукловод марионетку? Уж лучше бы первым посетителем оказался я. Может быть, судьба старика сложилась бы лучше, узнай ты, что кандидат на роль Мати уже появился в ваших землях.

— Кочевники и без моих советов друг друга режут, как овец. Род твоего найденыша уничтожили без моего вмешательства. Так что, не стоит считать меня таким уж кровожадным. Пойми, Акробат, чем скорее прекратить рас-при, резню, кровную месть, тем лучше для них. Горцев необходимо приструнить и примирить

друг с другом. А думаешь это легко? Они — люди вольные, никакой власти не признают. Начнешь на них давить, они — оп! — и только их и видели. Пока в горах есть ущелья, а в ущельях есть трава, а на траве пасется скот — заставить их действовать по приказу просто нереально. Даже спорить не станут — повернутся и уйдут. Ищи их потом по бесчисленным долинам и урочищам. Ими движет только одна цель — жир их баранов. Только ради этого они готовы воевать. Ничто другое они не примут. Разве что, мистическую идею. Они суеверны на генном уровне, своих богов боятся панически, всяких оракулов почитают даже больше правителей. Я мог бы на этом сыграть. Пророчество о хане Мати как нельзя кстати. С помощью этого ребенка я смог бы повлиять на горцев и заставить их подчиниться моей воле. Сплотить их, усмирить их воинственность. Да! Направить в нужное русло.

— На Побережье?

— Конечно. Там тоже воюют друг с другом. Тоже льется кровь. Я с моим кочевым воинством мог бы присмирить гордое дворянство, заставил бы благородных забыть о претензиях и сложить оружие. Это пойдет только на пользу простому народу.

— Ну, да! Хороша будет польза, если эти немытые ребята пройдутся саранчой до самого моря, грабя, насилуя, убивая. Ты — страшный человек, Луэл.

— А ты лучше? Уже побывал на побережье? Видел плоды трудов своих? Понравилось?

— Нет. Не понравилось! Потому и собираюсь помешать тебе в воплощении твоих планов в жизнь. Нет ничего хуже, чем силой принуждать людей быть счастливыми. Уж будь уверен — я знаю. Люди сами разберутся, что для них хорошо, а что плохо. Десять раз ошибутся, но, в конце концов, придут к истине.

— Но, обязательно ли учиться на ошибках? Акробат, мы с тобой в данный момент самые умные и цивилизованные люди на этой планете. Представь, сколько полезного мы могли бы совершить? Остановить гражданские войны, успокоить и подчинить себе островитян, отвоевать западный континент у чужих, наконец! Какой скачок в развитии могла бы совершить Нола! Давай объединимся, и, увидишь — моя теория принесет счастье этой планете.

— Подчинить, отвоевать, покорить… Нет. Не надейся. Я у тебя на поводу идти не собираюсь. И меча ты не получишь, и ребенок тебе не достанется.

— Ты убьешь невинного младенца? Это не я, это ты — страшный человек, Акробат.

— А сколько убьешь ты, когда под знаменами хана Мати

двинешь орду завоевателей на плодородные равнины побережья? Можешь не сомневаться, моя рука не дрогнет.

«Хорошо сказал, — подумал Скиталец. — Только бы не допустить этого жулика в свое сознание, чтобы, не дай бог, не прочел бы в моих мыслях правды. А правда состоит в том, что я и сам не знаю, как буду поступать в данной ситуации. Пока не знаю. Не исключено, что придется принимать совершенно неожиданные решения. Но убить Малыша… Уж лучше самому умереть. По крайней мере, в агонии сам себе смогу соврать, что совесть чиста».

— Ясно, — прошипел бывший король. — Договориться не получилось. Ну, и ладно! Сказать по правде, я смогу обойтись и без меча, и без ребенка. За золото или железо мне любой оружейник моей бывшей страны сделает подделку, да так, что никто и не отличит настоящий Звездный Меч от не на-стоящего. Тем более, кто его кроме меня и Черного Полоза видел? А ребенок… Эти дикари так успешно режут друг друга, что появления одного-двух Мати — дело времени. Конечно, время — это тоже важный фактор. Можно прождать и год, и десять… У этих скотоводов весьма разветвленные родственные связи — родичи могут обнаружиться в самом неожиданном месте и в самый неподходящий момент. Твой же Малыш, по моим данным, кандидатура подходящая. Но…

— Именно поэтому ты послал людей, чтобы его похитить? — перебил короля Скиталец.

— Я его спасал от идиота, задумавшего тащить младенца в мертвую пусты-ню, где и взрослому не выжить.

— Куда ты же меня и отправил. За идиота — спасибо. Неплохой комплимент… Но вот что интересно, пока я собирался на перевал, твои люди держались от меня на приличном расстоянии. Но стоило мне изменить маршрут — сразу нападение. Допустим, ты хотел спасти ребенка. Но почему не делал этого, когда я собирался на перевал? И чем провинились остальные? Что-то ты темнишь, бывшее величество! Если бы я не успел вовремя…

— Я предупреждал, чтобы с тобой не связывались.

— Это твой засланец в нужный момент утащил меня подальше от лагеря?

— Не мой. В отряде были и люди моего друга — хана Чорного Полоза. Они того лентяя и мне и подсунули. Впрочем, ты прав, всю операцию разработал я. И даже инсценировал его казнь. Так и знал, что ты клюнешь. При всей твоей кровожадности, ты все же натура довольно сентиментальная — пожалеешь несчастного обреченного на смерть. А тот дурак поверил — так

испугался, что сыграл свою роль так, что любой актер позавидует. Согласись, задумка была неплохая. Но мы заболтались. Выбирай сам. Если тебе, мой сентиментальный враг, дорога жизнь мальчишки — отдай его мне. Докажи, что способен на самопожертвование. Но, если не жаль ребенка, я решу проблемы и без не-го, можешь быть уверен. Так что, счастливо оставаться. Когда вы все сдох-ните с голоду или съедите друг друга в этом каменном склепе, я приду, по-грущу над телом своего самого хитрого врага.

Скиталец ничего не ответил, только покачал головой. Проговорился Про-рок. Все обстояло так, как он и думал. И Малыш, и меч — не самое важное в этой истории. Главное — это он сам. Стоило ему появиться в стане Пророка — и все. Он засветился. Если чего-то и боялся бывший король, то это только то-го, что в ведомстве его «друга» Тора Висми узнают, что он не погиб. Потому и атаман лез с ножом в их шатер, и отправил его Пророк к черту на кулички, где выжить более чем проблематично. Людей его хотел уничтожить только «с благородной целью» — развязать руки и все же подтолкнуть в безжизненную пустыню. И сейчас он Скитальца не отпустит, а его предложение — всего лишь очередная ловушка. Ну-ну!.. Еще не вечер, мы еще «пабэгаэм»!

Глава 13

— Это правда? — Волчонок смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Что именно? — удивился Скиталец.

— То, что ты — Акробат. Тот самый?

— Тихо, не ори! Подслушивать — нехорошо. Разве мать с отцом не говори-ли?

— Ответь, прошу, — настаивал юноша.

— Ну, допустим. И что это меняет?

— Все! Нам теперь сами духи подземных королевств не страшны! — радостно зашептал парень. — А уж кочевники и вовсе — тху! Мы обязательно вы-рвемся из этой ловушки. Надо же! Рассказать кому — нипочем не поверят. Я — и ученик того самого Акробата, который убил самого великого короля Луэла!

— На счет короля… Со слухом у тебя как? Ладно, проехали. А вот насчет духов подземных королевств… Заболтался я с тобой. Факела готовы?

— Ну…почти.

— Так чего же ты мне тут зубы заговариваешь? Когда я тебе о них сказал?

— Я тебя подстраховывал, — смутился Волчонок.

— А я просил? Иди, работай.

* * *

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Спускаться по веревке с такой высоты было совсем не легко. Особенно, без альпинистских приспособлений. Прямо, как в песне — «надеемся только на крепость рук…». Не хотелось бы сорваться вниз, обдирая в кровь ладони о грубый канат. Особенно, когда неизвестно, сколько осталось до низа, пара-тройка метров или целая сотня. Веревки оставалось не так уж и много, но черное пятно провала не меняло оттенка. Уже пару раз отдыхал, смастерив из веревки подобие петли, но, облегчения это почти не принесло. К счастью, наконец, внизу засерел обломок плиты торчащей из стены. Но это был не конец пути — от нее вниз тянулась спираль ступеней, тоже изрядно попорченных временем.

Передохнув на площадке, снова продолжаю движение, прижимаясь спи-ной к стене и стараясь не смотреть в черную дыру под ногами и не думать о ветхости ступенек. Будет когда-нибудь дно у этого колодца? Где я сейчас? Длина веревки, плюс

ступени… уже метров на тридцать- сорок под землей, ниже русла реки, а лестничная спираль все не кончается.

Но конец приходит всему, даже бесконечному пути в преисподнею. Кажется, прибыли. Темно, свет сюда практически не доходит. Нужно зажечь факел. Итак, что мы имеем? Куда я попал?

Круглый зал со сферическим потолком. Не очень большой, не очень высокий. Но в него выходят восемь арочных проемов. Что за ними? Если бы хоть один из них вел к свободе!

Нет, надеждам не суждено было сбыться — все восемь проходов были завалены породой. Не повезло и с водой. Стены, конечно, сырые. С потолка иной раз срывается капля-другая, но тут же прячется между крупной галькой, которой усыпан пол. Можно будет подставить горшки и за сутки что-то да наберется. Еще — протереть тканью мокрые камни и выкрутить в тот же горшок. А это что?

Из щелей между камнями вылезали бесцветные грибы, напоминающие перевернутые груши-дички, такой же величины и на таких же тоненьких стебельках-ножках. Если придавить их лезвием ножа, и на стену брызнет струй-ка жидкости. В них полно воды. Интересно, ядовитые или нет? Девчонка должна знать — она много чего знает. Нарежу, пожалуй, немного.

За час, проведенный в исследованиях местной архитектуры и микологии, воды в горшках почти не прибавилось. Если что-то и наберется — не раньше завтрашнего утра. А значит, придется снова карабкаться по веревке, до изнеможения напрягая мускулы. И так каждый день, пока хватит сил. Веселая перспектива…

«Уже уходишь?» — голос раздался прямо в голове. От неожиданности остановился. Может быть, лет двадцать назад, услышав подобные голоса, принял бы их за признак приближающейся шизофрении. Но с тех пор много воды утекло. Что такое телепатия, знаю хорошо. Но это не избавило от неожиданного нахлынувшего страха. Кто пытается со мной связаться? Какие опасности это за собой повлечет?

— Кто здесь? Духи подземных королевств? — подумал в ответ, пытаясь придать своим мыслям более бодрую интонацию. Получилось не очень убедительно, потому что невидимый собеседник, похоже, видел меня насквозь.

— Да не старайся ты произвести впечатление. Страх — нормальное чувство при встрече с непонятным или опасным. Так что, не стесняйся своего страха.

— С чего вы взяли, что я боюсь? — попытаюсь им возразить, но сам пони-маю, что невидимые собеседники правы — ужас проникает в душу.

Знакомое ощущение. Я никогда не был героем, этаким рыцарем без страха и упрека. Я боялся всегда. Перед выходом на ринг, перед высадкой на кара-ванных тропах, при переходе через каверну… Обычно этот страх полностью исчезал, стоило ввязаться в драку и начать действовать. Может быть, из-за этого меня и считали храбрым и даже отважным парнем. Вроде бы даже к медали одноименной представили… Правда, получить не успел, заблудились документы в где-то канцеляриях. Но это ничего не меняет — я обычный чело-век, который ценит свою драгоценную жизнь и боится ее потерять. А кто не боится? Инстинкт самосохранения — он присутствует у всех, от бактерии до человека. Другое дело, что есть другие чувства — совесть, долг, дружба, любовь, самоуважение, наконец… А ради этого можно все перебороть, даже ужас приближающейся смерти. Вот и теперь нужно взять себя в руки. Ради тех, кто ждет меня наверху.

— Ну, ладно. Считайте, что напугали. Так с кем все-таки имею честь общаться?

— Считай, что угадал, — невидимые собеседники, похоже, пытаются говорить со мной на моем языке. Вернее, копируя мой развязно-самоуверенный стиль мысленной беседы. Пытаются расположить к себе? Убедить, что опасности не существует? Интересно… — В какой-то степени — да, духи. Духи или души, существенного значения не имеет.

— И что вы хотите, духи?

— Ну, скажем, помочь тебе. Устраивает?

— Более чем. Покажете подземный ход?

— Увы, выбираться тебе придется самому.

— Тогда в чем же заключается помощь?

— Мы хотим помочь тебе выполнить твое задание.

— Да я, в общем-то, его уже выполнил. Почти. Осталось только уйти от преследователей.

— Ты в этом уверен?

— Вы что-то знаете о моем задании?

— Мы все о тебе знаем. Успели изучить.

— Даже так?

— Можешь не сомневаться. Кстати, как к тебе обращаться? Скиталец, Элл, Акробат… Или Алексей Корогод?

— Понятно. Осведомлены вы хорошо. Пусть будет Скиталец. А с кем я имею дело? Имена у духов есть?

— Давно нет. Как и тел, и разделения на отдельные личности. Мы — это коллективный разум древнего народа.

— И где же делись ваши тела? Кочевники уничтожили? — пытаюсь вывести их из состояния душевного равновесия. Это духов-то! Зачем — сам не знаю. Скорее всего, это

подсознательное сопротивление. А нужно ли оно?

— С чего ты взял?

— Да так, легенды, сказания…

— Не стоит верить всему подряд.

— Да? Как скажете, и все же, почему же решили мне помочь?

— Потому что, мы раньше были людьми. Да, Скиталец, мы одной с тобой расы. Как у вас говорят — все мы люди, все мы человеки. Много тысяч лет назад мы первыми начали колонизировать эту планету. А было это еще до гибели Планеты-Матери. Мы знали, что планета погибнет, и начали готовить плацдармы для эвакуации. Но катастрофа оказалась более сильной и не-предсказуемой, чем предполагалось, и наша колония оказалась в изоляции. С тех пор мы медленно вымирали, как обычно происходит с немногочисленными замкнутыми группами. Но выход нашли. И теперь можем разговаривать с тобой, Скиталец.

— Стали духами? Интересно. И каково оно в загробном царстве?

— Не стоит упрощать. А тем более, иронизировать. Если желаешь, объясним.

— Желаю.

— Кто бы сомневался! Ты парень любопытный, хотя уверенности, что сможешь понять, нет. Но, слушай. Что такое, по-твоему, сознание? Или, если хочешь, душа? С физической точки зрения? Это энергетическое поле, произведенное клетками мозга посредством химических реакций. Правильно? Любая твоя мысль, высказывание или поступок обусловлены работой химических лабораторий в твоей голове. А как ты думаешь, разве энергию можно черпать только из химических реакций? Разве излучение Светила — не энергия? А космические лучи? Атмосферное электричество? Магнитное поле самой планеты?

— Но, как же…

— Да, энергия — это и есть жизнь. Без энергии жизни не будет, как не будет вообще ничего. Для связи с базой мы построили информационную сеть, которую впоследствии использовали, как среду своего обитания. Мы — порождение информационных технологий. Трудно понять? А вспомни, сетевых призраков.

— Да, помню. Были случаи… Человек общался в сети со знакомыми, спорил, обращался с просьбами, обменивался мнениями… А потом оказывалось, что собеседник-то умер несколько лет назад. Действительно, я сам общался с таким в сети. Как ни странно, никогда не возникало сомнение в том, что со мной разговаривает реальный живой человек.

— Никакой метафизики, Скиталец. Просто частотная матрица нашего мозга накладывается на общую энергетическую сетку информационной сети и модулирует ее. Пока поддерживается энергия этой самой сети, живы и наши энергетические матрицы. А об энергии мы только что говорили. Конечно, после того, как реактор выработал весь свой ресурс, наши возможности заметно сузились, но, и того, что может дать нам планета, хватит на тысячелетия. Да что мы тебе объясняем! Ты же сам сколько раз путешествовал по канве — механизм родственный.

— Понятно, — говорю. Вернее, думаю. Что в данном случае одно и то же. — И как вам такая жизнь?

— Другой нет. Но и в этой есть своя прелесть. Свои радости и разочарования, свои победы и поражения, свое познание, свое творчество. Хотелось бы тебе, скажем, разрисовать небо красками северного сияния? Или испытать восторг, спустившись с небес атмосферным электрическим разрядом? Или водить хоровод шаровых молний?

— Так это были вы… — не то спрашиваю, не то констатирую факт. — Неплохо пляшете. А попутно и в мое нутро заглянули?

— Мы же должны были знать, с кем имеем дело, — прозвучало в ответ.

— И как результат?

— Положительный. Мы готовы помочь тебе выполнить твое задание.

— Я же говорил, единственная помощь, в которой я нуждаюсь — это убраться подальше от кочевников. Все остальное уже сделано.

— Что сделано?

— Последний из рода Длиннорогов находится здесь, в башне. И Звездный Меч тоже у меня.

— О ребенке твой оппонент тебе, вроде бы, разъяснил. А Звездный Меч… Думаешь, обломок лонжерона от спасательной шлюпки инопланетного корабля — это то, что ты ищешь?

— Вы знаете больше?

— Конечно.

— Так расскажите.

— Тогда садись и слушай. Отдыхай — тебе еще карабкаться метров двадцать вверх по веревке. А вверх — это не вниз скользить.

— Да, неужели? Вам ли судить! Я не дух — массой обладаю. Нельзя было вверху провести переговоры?

— Можно. Но не хотелось смущать твоих спутников. Как бы они удивились и испугались, увидев тебя, застывшего, будто истукан, со странным выражением на лице! Лучше уж

побеседовать без свидетелей. Но, не будем тратить время на необязательные разговоры. Итак, бродячий сказитель в своей балладе изложил все более или менее верно. Около тысячи лет назад над южным полюсом Нолы потерпел крушение инопланетный космический корабль. Вернее, катастрофа произошла в космосе вблизи планеты. Нолу астронавты выбрали в качестве объекта эвакуации. На скалы южного побережья упала и погибла одна из спасательных шлюпок, которую, спустя много столетий на-шел смелый Таока. Еще три спасательных шлюпки более удачно приземлились на Западном Континенте. Их пилоты выжили и стали родоначальниками того племени, которое вызывает такое беспокойство у местных народов. Да и у твоего начальства тоже. Откуда они прилетели, не знаем даже мы. Проникновение в их сознание ничего не дало — настолько оно отлично от сознания человека. Но, мы теперь знаем, что они не воспользовались струнами, кавернами и прочими пространственно-временными аномалиями, а прилетели на корабле, использующие совершенно другой принцип движения.

— Откуда это следует? — сразу как-то вспомнился профессор Саут.

— Дело в том, что в ущелье, сплошь заполненное льдом — ледник который сейчас аборигены называют Гарстиг или Ледяной дракон — упало еще кое-что. А именно — двигатель космического корабля. То, что двигатель упал именно на ледник, возможно, спасло всю планету. Не исключено, что его специально приземлил в нужном месте экипаж погибшей шлюпки. Двигатель был разогрет до огромной температуры и продолжал разогреваться. Если бы ледяной массив не отобрал на себя часть теплоты, то от планеты, скорее все-го, осталась бы только опаленная скала. Глетчер испарился почти полностью. Огромные селевые потоки уничтожили несколько поселений охотников за морским зверем. Люди в тех местах не селились до самого последнего времени. Да что там селевые потоки! Волна землетрясений и извержений вулканов прокатилась по всей планете.

— Не проще было этот двигатель в океане утопить?

— Мы думали над этим вопросом. Возможно, его еще надеялись использовать. А Южный океан очень глубокий. А ледник — это все-таки суша. Но, видимо, этим планам не суждено было сбыться. Потомки неизвестных астронавтов с тех пор деградировали почти до первобытного состояния. Им двигатель не восстановить. Но нам удалось исследовать этот механизм. Мы разобрались в принципе его действия, полностью восстановили конструкцию, и поняли, что такой технологии люди еще не знали.

По крайней мере, на то время, когда наша колония потеряла связь с базой. А если учесть, что новые человеческие миры должны были немного замедлиться в своем развитии, и даже несколько регрессировать, думаем, эта технология неизвестна им и сей-час.

— Интересно, — говорю. — Пророк намекнул, что мне нужно отправиться за Звездным Мечом на южное побережье континента. То есть, в те самые края, о которых говорите вы. Значит ли это, что он знал о крушении корабля?

— Наверняка. В бытность свою королем Страны, Окруженной Горами, он собрал в своем дворце немалую библиотеку. Наверняка, там были и свидетельства очевидцев катастрофы. Теперь это уже не узнать — при пожаре дворца библиотека сгорела полностью. Но не будем отступать от темы. Если подсчитать скорость движения ледника, учесть точку падения двигателя, сделать поправку на время, затраченное на восстановление глетчера — мы ведь говорили, при катастрофе он практически перестал существовать, испарился… Да, думаем, можно было бы уже ожидать, что остатки конструкции будут выброшены на побережье в ближайшее время.

— Его можно использовать в качестве оружия?

— Не думали об этом. Но… Принцип действия двигателя таков: он разрежает пространственно-временной континуум в одной точке и уплотняет в другой. За счет этого происходит перемещение и в пространстве, и во времени. Это для тебя сложно?

— Разберусь.

— Ну-ну! Ладно, представь, что пространство исчезло там, где стоят войска неприятеля. При этом даже подумать страшно, что произойдет со всей плане-той. Судя по мощности установки… Лучше, чтобы в ненадежные руки этот агрегат не попал.

— А Пророк надеялся, что я его найду? Понятно. Действительно, задание не выполнено. Думаю, он не оставит попыток заполучить двигатель. А это угроза не только планете, как я понимаю?

— На этот счет не переживай. Восстановить двигатель не удастся. Его и достать не получится. При падении он расплавил не только ледник, но и базальтовое основание русла. Он сейчас находится в той же точке, где приземлился тысячу лет назад, но на глубине более восьмисот метров под дном ледяной реки. Но даже если его и достать, то на всей Ноле по крупицам собирать и не собрать материалы, необходимые для ремонта. Мы уже не говорим о технологии их обработки.

— Стоп, стоп! Не вы ли только что говорили, что восстановили конструкцию? А теперь вдруг заявляете, что он

находится вплавленным в толще горных пород?

— Мы восстановили конструкцию виртуально. Повторили все расчеты, выполнили все чертежи механизма.

— Интересно! Я так понял, что к нему нельзя было добраться, пока он не остыл. А остыл — вмерз в камень.

— Тебе это трудно понять. Температура и радиоактивное излучение для нас — все равно, что пища для тебя. Думаю, упади ты в бассейн с молоком, утонул бы вряд ли. Зато выбрался бы вполне сытым. Да и горные породы для нас не преграда. Так что, не волнуйся — вся документация — в твоем распоряжении.

— Допустим. Но не ясны ваши мотивы. Почему решили передать сведения именно мне? И вообще, зачем это вам?

— Какой ты недоверчивый! Уже было сказано, что мы — представители человеческой расы. А существа, заселившие Западный континент — не люди. Они чужды нам даже на уровне биологии, не только сознания. Даже деградировав до первобытного состояния, они смогли уничтожить людей на всем материке. А если произойдет контакт между их цивилизацией и человеческой? Будет ли этот контакт дружеским? Не ждет ли другие людские колонии участь поселений на зеленом континенте? Нам не безразлична судьба наших потомков. Врага нужно знать. Думаем, на основании этой конструкции, вашим ученым удастся спрогнозировать концепцию развития технической цивилизации пришельцев. А в дальнейшем и противостоять возможной агрессии с их стороны.

Теперь о тебе. У нас нет выбора. За последние столетия ты единственный представитель властей Метрополии — самой высокоразвитой цивилизации среди всех человеческих цивилизаций — который появился в наших краях. Мы ведь говорили, что после остановки реактора наши возможности несколько ограничены. Эта башня — концентратор, антенна, улавливающая энергию. Здесь мы существуем. А дальше — все значительно труднее. Конечно, есть еще Пророк. Но он находится в оппозиции властям. Ну, и его цели нам чужды. К кому же мы должны были обратиться? И еще. Может быть, для тебя это прозвучит и обидно, но ты не сможешь использовать в своих целях ни одну из идей, заложенных в принцип действия механизма. Просто не хватит образования. И передать своим соплеменникам с планеты Земля тоже не сможешь. А как курьер, ты нас вполне устраиваешь. Как видишь, мы с тобой полностью откровенны.

— Спасибо, благодетели вы мои… Ладно, потерплю ваши издевки.

— Потерпи. Потому что, есть и еще одна причина. И она

самая главная. Мы рассчитываем на дальнейшее сотрудничество с Метрополией. Она нам наиболее импонирует с точки зрения морали и целей. Мы же — древняя цивилизация, объем наших знаний громаден. Мы можем быть полезны друг другу.

— Ясно. Растолковали мне, сирому… Впрочем, подобные переговоры я вести не уполномочен. Курьер, так курьер. Ну, допустим, я получу от вас документацию…

— Уже.

— Что?

— Ты уже ее получил, Скиталец. Она надежно впечатана в твое сознание. Ученые Метрополии выудят ее у тебя — они это сумеют.

— Что же, благодарствую! Как говорится, без меня, меня женили.

— Не обижайся. На карту поставлена судьба цивилизации. Если не сейчас, то в будущем.

— Ладно, что уже сделаешь. Но не думаете ли вы, что вся ваша игра пойдет насмарку, если вы не поможете мне убраться отсюда?

— Увы, мы тебе не можем помочь. Все коммуникации давно уничтожены, проходы засыпаны. Частично из-за природных катаклизмов — землетрясений, наводнений, частично, местные жители постарались. Мы никогда с ни-ми не воевали по той простой причине, что перестали быть людьми задолго до их появления на планете. Но наше материальное наследие так пугало новых обитателей планеты, что они уничтожили или испортили все, до чего смогли добраться. На сегодняшний день у нас только и осталось, что этот накопитель — башня. Да и ту кочевники уже ковыряют тяжелым бревном. Надо бы их пугнуть инфразвуком, да вас жалко, не выдержите. Даже каверну для тебя мы раскрыть не сможем, сам знаешь почему. Короче, решай свои проблемы, Скиталец. Есть у нас, почему-то уверенность, что все у тебя получится. Только поспеши, Пророк вскоре получит подкрепление от некоторых местных князьков. Всадники уже в пути. Ну, прощай.

«Как они во всем все уверены, — подумал я, подтягиваясь на веревке. — Духи, Волчонок. Мне бы их уверенность! Но, в данный момент я нуждаюсь не-сколько в другом — в хитрости и удаче».

Глава 14

— Слава великим Богам! — Волчонок вознес руки к небесам, и кинулся обнимать Скитальца. — Мы уже думали, что не увидим тебя больше, что духи подземных королевств тебя пленили или даже извели. Что ты там так долго делал? Ушел еще утром, а уже вечер.

Принцесса тоже бросилась на колени перед Скитальцем и принялась целовать его руку, бормоча молитвы и вытирая слезы о его ладонь. Этого раболепия Скиталец вытерпеть уже не мог. Он вообще никогда не был особенно сентиментален, что бы не говорил Пророк, а сейчас и вовсе, не время, и не место. Тем более, что Волчонок уже не прыгает от радости, что учитель, наконец, вернулся, а смотрит хмуро, будто его оскорбили. Эх, женщина на корабле!..

— Ну, все, успокоились! — сказал он, поднимая еще одного ликующего поклонника на руки. — Эй, прекрати дергать меня за бороду! А то не посмотрю, что ты хан! А вы собирайтесь. Уходим сегодня ночью. Или не уходим никогда. Похоже, выбора уже нет. Волк, берем самое необходимое — оружие и еду. Принцесса, соберешь Малыша и все, что ему понадобится — одежонку потеплее, что там еще нужно… Придется нести тебе. Так что, не набирай. Все. По местам!

Друзья кинулись выполнять приказания. Сам же Скиталец подошел к парапету башни и осмотрел окрестности. С одной стороны башни возле костров сидят человек тридцать воинов. Плюс Пророк и хан Черный Полоз с личной охраной. Тоже человек десять. С другой стороны — за рекой — тоже костер. Там почти столько же кочевников. Если точнее, то… раз, два… двадцать два. Еще двое постоянно патрулируют по краю обрыва, смотрят на башню, не отрывая глаз. Если уж прорываться, то лучше через речку. Врагов меньше. Но к ним подобраться гораздо труднее. Как действовать? Скрытно спуститься самому, когда в стане все улягутся спать и снять дозор, по возможности тихо. Потом вместе с Волчонком придется схлестнуться с остальной группой, если проснутся. Ничего другого пока на ум не приходит.

— Скиталец, шатер берем? — Волчонок нарушил его раздумья.

— Оставь. Не дотащим. Нам сражаться придется, а не о ночлеге думать. Если повезет прорваться, как-то перебьемся.

— А эти отцовы удобрения? На кой мы их таскаем всюду?

— Берем. Сам понесу.

— Господин, у тебя нет мешка? Сложить одежку Малыша… —

это уже Принцесса вмешалась в мыслительный процесс.

— Возьми, тот, что я брал вниз. Стой, подожди. Там я грибов набрал. В них полно жидкости. Их есть можно?

— Ой! — девушка снова схватилась руками за щеки и сделала «испуганные глаза» — Господин! Это плохие грибы. Если ты съешь только один самый маленький грибок, то начнешь прыгать, как дурачок, горланить песни, танцевать. Потом станешь злым, начнешь бить Волка, меня и даже Малыша. А по-том, когда нас убьешь, упадешь, где стоишь, и заснешь. Но редко после этих грибов просыпаются. Не ешь их, господин. Плохие люди перед боем бросают ма-а-аленький кусочек гриба в брагу, и потом в бою не чувствуют ни боли, ни страха. Но ты, ведь, и так смелый. Зачем тебе эти грибы? Брось их назад в колодец.

— Да, не тарахти ты! Принеси чашку.

Скиталец выложил грибы в глубокую пиалу и стал размалывать их плоским камнем.

— Волк, тащи-ка наше вино. Сколько там его осталось?

— Неполный бурдюк. Около ведра.

«Так, план вроде бы начинает вырисовываться. Теперь нужно дождаться ночи».

* * *

— Смотри, Хоско, что это? — Ривеси указал пальцем на башню. Там по стене, как паук на паутине, спускалась на веревке темная фигура.

— Великий Кумуту! Они пытаются удрать! Бежим.

Стражники выкарабкались на берег русла и подняли свои луки.

— Стрелять неудобно, отойти бы подальше, — покачал головой грузный толстяк Хоско. — А дальше не отойдешь — в реку свалимся.

— Ну и ладно, — оскалился безбородый Ривеси. — Я и отсюда не промахнусь.

Он действительно не промахнулся. После того, как оба воина выпустили по нескольку стрел, со стены раздался сдавленный крик. Даже в темноте было видно, что человек уже не ползет по стене, а раскачивается на веревке, будто висельник на ветру. Рядом о камни что-то звякнуло. Ривеси бросился под стену и тут же издал восторженный крик — в руке у него был меч. Настоящий стальной рыцарский меч! Такие имеют только очень знатные ханы. Да и то, если они или их предки совершили удачный набег на побережье. Ривеси тоже бросился к подножию.

И вовремя — ему чуть ли не на голову свалилось два мешка.

— Ривеси! Здесь вино! — вскричал толстяк. — А тут кусок солонины!

— Вино? Дай мне попробовать, — тот бросился к товарищу.

— Еще чего! Мой трофей. Могу на меч с тобой поменяться.

— На меч?! Ты видно меня дураком считаешь? Я его хану Клык Вепря продам. Или кому другому. За него можно столько пастбищ и скотины получить!

— И вино тоже трофей ценный.

— Ну, дай хоть глоток! Я его в жизни еще не нюхал! — Ривеси вцепился в бороду Хоско, но ту же отлетел к самой стене башни — кулак у товарища был увесистый.

— Ах, ты толстый вонючий верблюд! — Ривеси схватил свой трофей и стал подбираться к Хоско. Тот, не торопясь, достал из-за пояса боевой молот и, прикрывшись щитом, ожидал приближения противника.

— Эй! — раздался крик с другого берега русла. — Что это вы там нашли? А ну, тащите сюда!

— Это наши трофеи! — рявкнул безбородый. — Я застрелил врага нашего ха-на — четыре стрелы выпустил, и все в него!

— Да? И где же он?

Стражники подняли глаза вверх. На стене никого не было.

— Эх вы! Убили они! Хватит врать!

— Мы не врем. Я тоже в него целых пять стрел вогнал! Его, наверное, назад в башню затащили. Уже мертвого. Так что, вино мое! — поддакнул толстяк.

— Что? Вино? — уже не один голос, а целый хор огласил округу. И друзьям стало ясно, что с тучные стада на их пастбищах так и останутся мечтами.

* * *

— Что там? — спросил Скиталец, извлекая последнюю стрелу и зажимая пальцами обильно кровоточащую рану. Сукины дети! Стреляют неплохо. Четыре стрелы вогнали. И это в почти полной темноте! Одна, к счастью, застряла в тулупе, который пришлось одеть в качестве доспехов, но три кровь все-таки пустили. Ногам досталось изрядно. Хоть и обмотал их всем, что нашлось — мешками, одеялом — в икру и, стыдно сказать еще куда, стрелы все же угодили. Теперь скакать в седле какое-то время будет больно. Третья стрела даже тулуп прошила и вошла под кожу на спине, упершись в ребро. Тоже не смертельно. Жаль, медикаменты закончились. Придется заживлять раны

наложением рук. Кровь остановится быстро, но боль еще долго будет терзать израненное тело.

— Поют, пляшут вокруг костров, — крикнула Принцесса, стоя у парапета.

— Тише, девочка, кричать не надо. Волк, что у тебя?

— Все готово. Зря ты меч им бросил. Вдруг схлестнуться придется…

— Для натурализма. С такой дорогой вещью просто так не расстаются. А стало быть, и остальные трофеи сомнений не вызовут. Правильно? Учись, студент. Военная хитрость — вещь для солдата необходимая.

— Господин, — зашептала Принцесса. — Они дерутся. Хотят отобрать друг у друга твой меч. Двоих, кажется, уже убили.

— Все. Приготовиться! — Скиталец взвесил в руке Звездный Меч и засунул назад в ножны. — Первым спускаюсь я. Потом ты, Волк, поможешь Принцессе с Малышом. Сам спустишься последним. А вас, ваше ханское величество, просим в мешок. И не орать, а не то, по одному месту схлопочете.

— Чуть не забыл! — Скиталец достал свой беззвучный серебряный свисток и, что есть силы, дунул в него. — Ну, Серый, дружище, не подведи!

* * *

Серый, как всегда, не подвел.

Время сейчас играет решающую роль. Им легко удалось прорваться через охранение на берегу реки — сопротивления не было, все валялись спящие или мертвые.

— Эх, ребята, предупреждал вас Минздрав, предупреждал, что пить вред-но… Что же, пеняйте на себя. Волк, что ты там делаешь, давай к лошадям скорее!

Но Волчонок, несмотря на окрик Скитальца, разыскал его меч. Все про-шло уж больно гладко. Это-то и настораживало. Где гарантия, что караул не проверят в ближайшее время? Тогда погоня неизбежна. А мохнатые лошадки кочевников, захваченные в стане, выносливые, но явно не скакуны. Тут-то из темноты и появился маленький табун, возглавляемый Серым.

* * *

Скиталец осматривал в подзорную трубу недавно покинутую равнину. Башня еле видна на горизонте. Чуть ближе — туча пыли.

Вот она, погоня. Что-то уж больно много всадников. Конечно, у каждого кочевника имеется еще и вторая лошадь, но все равно, много. Правы были духи — это подкрепление. Серьезно за них взялись! Благодаря сумасшедшей ночной скачке удалось оторваться, но это еще не спасение. Их кони еле ноги переставляют, а скакать еще много дней. Догонят, черти, как пить дать, догонят.

— Волк, давай родимый. Здесь останавливаться нельзя. Нужно к водопаду идти и там заночевать. Знаю, что уже от усталости с ног валитесь, и вы и лошади, но нужно через «не могу». Если, конечно, жить хотим. Ночью нам ущелье не пройти. А люди Пророка будут здесь через несколько часов.

Волчонок спешился и повел своего гнедого на поводе — скакуны к горным тропам привычны не были. Всегда оставался риск, что взбрыкнут. Скиталец тоже пошел пешком, ведя за повод лошадь, на которой ехала Принцесса с Малышом. Только Серый в поводыре не нуждался и самостоятельно плелся позади каравана.

Трудная дорога. Мало того, что узкая — два всадника с трудом разъедутся — так еще и завалена камнями. Время от времени приходилось оставлять лошадей и скатывать в пропасть увесистые валуны. Особенно труден был последний участок непосредственно у водопада. Здесь пришлось тащить на руках всю поклажу. Принцесса, измученная многочасовой скачкой тоже не могла двигаться и бессильно привалилась скале. Волк хотел было предложить свои услуги, но и сам был настолько измучен, что пришлось довольствоваться Малышом. То-ли спящую, то-ли потерявшую сознание девушку взгромоздил на спину сам Скиталец. Не желательно бы это делать, тем более, что Принцесса уж очень нежно обняла за шею и прижалась щекой к его бороде (все же, сознания, скорее всего не теряла). Но Волчонок так устал, что не обратил на это внимания. А может, сделала вид…

— Нет, Волк, дружище, я тебя очень прошу, не нужно засыпать, — Скиталец потряс парня за плечо. — Еще шагов двести вверх.

— Великие Боги! Скиталец, ты же сказал, что у водопада заночуем…

— Подними голову, парень. Эта скала еле держится. Помнишь, когда мы только спускались в долину, я залезал на нее? Она не сегодня, так завтра об-валится. И я хочу, чтобы вы в это время были отсюда подальше. Подъем, дорогой, бери мальца и потрудись еще совсем-совсем немного.

Наконец, муки этого долгого дня закончились. Завернувшись в одно одеяло, спят его товарищи. Лошади накормлены, напоены и тоже замерли под скалой, впав в свою конскую дремоту. Только

Скитальцу пока не до сна. Дел еще немало. Нужно смешать все компоненты адской смеси товарища Шварца — азотное удобрение, серу, перемолотый древесный уголь. Хорошо, что Волчонок спит — черт его знает, как бы рассудили люди в сером факт передачи местным жителям секрета пороха. Отдыхайте, ребята, пока есть возможность. Завтра разбужу ни свет, ни заря. Да и самому поспать бы не мешало, но нужно до конца продумать, прочувствовать комбинацию.

Меч… Кусок железа. Не простого железа, да и не железа вовсе. Но кто здесь смыслит в химсоставе сплавов? Так что, прав Пророк, сделать подделку — раз плюнуть. И он ее сделает, можно не сомневаться. Как помешать?

Малыш… Что с ним делать? Его будут искать по всему миру. Хотя, так ли он будет нужен? Да нет, теперь, пожалуй, нужен. Засветился парень рядом со Скитальцем. Очень многие воины видели последнего из рода Длиннорога в компании людей, за которыми так охотились влиятельные ханы и сам Великий Пророк. Теперь, пойди, убеди людей гор, что хан Мати — это именно тот сирота, которого нынче обхаживает Пророк, а не тот, который ушел от погони через Ущелье Лиса много лет назад. Потребуются доказательства? Наверное. И Пророк постарается их предоставить. Удастся ему это? Не хоте-лось бы…

Что там пел лохматый бард? Надо бы снова припомнить пророчество — именно в нем может скрываться решение. Уж больно верят в него горцы.

Нет, утро вечера мудренее, тем более, что он не спал уже больше суток. Додумывать придется после пробуждения.

* * *

— Вставайте, господа. Вас ждут великие дела! — сказал Скиталец.

Волчонок уже привык к странностям своего товарища, тем более, что фокус с отжиманием, стоя на руках — не такой уж и сложный. У него и самого это уже неплохо получается. Выдрессировал Скиталец — учись, мол, и силы в руках прибавится, и координация, опять-таки.

Парень потянулся и тоже стал разминаться после неудобной ночевки на голых камнях.

— Эй, Принцесса, вставай.

Девушка удивленно протерла глаза — гимнастические упражнения друзей казались ей странными до сих пор. А скиталец говорил, не переставая опускаться и подниматься,

задрав ноги кверху.

— Там у нас немного хвороста — распали костер и нагрей бульона Малышу. Накормишь его и собирайся. Чтобы через час вас здесь не было.

Теперь они с Волчонком взгромоздили себе на плечи тяжеленные валуны и то садились на корточки, то вставали.

— Я боюсь одна ехать. Дорога страшная, всюду камни. Сверху падают, проехать мешают. Как я буду тропинку расчищать, если будут завалы, как вчера? Я без вас никуда не поеду.

— А людей Полоза не боишься? Эти не пощадят. Здесь оставаться — верная смерть и тебе и Малышу. Смелее, девочка, ты уж постарайся. До выхода из ущелья не так уж много. И дорога теперь будет немного лучше. Лошадка твоя — умная, вывезет. Вдруг повезет. А мы тебя наверху догоним.

Спорить со Скитальцем — бесполезно. Это она давно поняла. Эх, зачем только отец продал ее этому человеку! Теперь она его раба до конца своих дней. Но, даже если бы и не продал? Все равно, от этого рабства ей уже ни-куда не деться. С того самого момента, как он появился в их шатре — уже тогда она это поняла. И вот теперь он ее прогоняет. Наверное, она его больше не увидит. Только что это меняет? Даже если его не будет рядом, он все равно останется ее хозяином, господином и самим Богом! Наверное, это и есть та любовь, о которой пел сказитель. Споет ли он когда-нибудь о судьбе бед-ной Гаумлие и ее любви к великому благородному рыцарю по имени Скиталец?..

Девушка умылась возле ручья и принялась возиться с костром.

— Я ей помогу? — Волчонок с надеждой в глазах обратился к Скитальцу.

— Нет, парень, тебе будет другое задание. Будешь держать оборону, чтобы кочевники не прорвались наверх. На верхнем плато они нас непременно до-гонят. Так что, нужно их задержать. Как будешь действовать?

— Тропу завалю камнями. Там, в самом узком месте.

— Правильно. Но они начнут разбирать завал.

— А я в них — из лука!

— Тоже верно. Но если сделать завал чуть ближе, то стрелять можно из-за этой скалы. Тогда сам ты будешь прикрыт от их лучников. А стрелять в тебя с тропы они не смогут — неудобно. Понял? Учись, пока я живой. И приступай.

— А ты?

— У меня другие дела. Я, пожалуй, вверх слазаю. Гляну что, да как. А ты тоже наверх поглядывай. Как только меня увидишь, сразу же сматывайся от-сюда на всем скаку. Если увидишь, что

врагов не удержать, тоже зря не рис-куй. На Серого — и дёру, как можно быстрее.

— На Серого? Он меня к себе и близко не подпустит.

— Подпустит. Иди сюда, — Скиталец подошел к своему коню, погладил его, поднес горсть соли ко рту. Потом взял ладонь Волчонка в свою и положил на лоб животного. — Все. Теперь это твой конь. Будешь у нас Волком-на-Сером, ха-ха! Шучу, не обижайся.

— Волк-на-Сером… Ты шутник. Кстати, все хотел спросить…

— Как я его выдрессировал? Чересчур долгая история. А у нас со временем не очень…

— Ну, скажи хоть, почему такое имя? Он ведь вороной.

— Считай и это шуткой. Была у меня когда-то коняга… Старая, но верная. Впрочем, тебе-то какая разница. Верь ему, заботься, и он тебя не подведет. Но мы заболтались. Пора.

— Это похоже на прощание, — сказал юноша.

— Не дождетесь! — улыбнулся скиталец. — Свисток возьми, на всякий случай. Все. По местам.

* * *

Из ненаписанного дневника Скитальца:

«Наверху дул сильный ветер. Такой сильный, что с ног сбивал. Даже страшно ступать на край ущелья — сдует вниз, и пишите письма! Подползаю на четвереньках к обрыву и заглядываю в пропасть. Бесполезно. Тучи клубятся вокруг меня, не давая ничего разглядеть на дне ущелья. Даже проклятый ветер против них бессилен. Клубятся вокруг, будто материализовавшиеся призраки, забивают легкие противной вязкой влагой, застилают глаза мрачной пеленой. Как узнать, что там внизу, если не видно кончиков собственных пальцев? Держится ли Волчонок, не пора ли действовать мне самому? У меня все готово. Мешок с порохом забит в трещину в скале, факел подожжен и только того и ждет, чтобы и самому отправиться вслед за мешком.

Нужно бы встать в полный рост и махать руками. Но, что толку?! Меня никто не видит — ни товарищ, ни враги. А надо бы! Весь план строился толь-ко на этом.

Эх, рассеялись бы тучи и выглянуло Светило! Ну, хоть на минутку! Можно было бы солнечный зайчик пустить. Звездный Меч позволит — блестит, как зеркало, хоть глядись в него. Эй! Духи подземных королевств! Или, как вас там? Хоть в чем-то мне поможете или нет? Или лучше местным богам помолиться?

Но небо, укрытое темными свинцовыми тучами меня не слышало. Равно-душно взирало на человечка, стоящего на скале. Швыряло в лицо комья тумана вперемежку с мелкой острой, как бритва снежной крупой. Человечек, ты такой маленький! Куда тебе, мелкому, отвлечь бесконечный свинцовый простор от его извечного распорядка. А ты еще считал себя покорителем космических расстояний, скитальцем среди миров… А на деле — крошечный мурашка, копошащийся где-то внизу. Ты бессилен против этого огромного неприветливого каменного мира.

Но вдруг, как по мановению волшебной палочки, ветер стих, облака расступились, и яркое солнце осветило гребни скал, заглянуло вглубь ущелья.

И на том спасибо, друзья!»

* * *

«Проиграл, проиграл, — думал Пророк. — Ну, хитрая лиса, этот Акробат, ну, бестия! Уже почти в руках был, и на — тебе! Ушел. Споил, вернее, умудрился отравить весь караул, и ушел. Хорошо еще, что я заставил-таки этого дурака — Полоза — почаще посты проверять. Иначе его лодыри до полудня дрыхли бы, а беглецы уже дома отдыхали. Может быть, еще не все потеряно? Может, удастся нагнать на верхнем плато. Если не получится, страшно подумать, что будет. Снова Тор начнет подсылать убийц, похитителей. В по-кое не оставит. О планах и вовсе говорить не приходится. Их придется пересматривать кардинально. Уходить в глубокое подполье, вернее, в дальние глухие селения. Может быть, снова инсценировать свою смерть. А это серьезно осложнит выполнение замысла. Проблемы, проблемы…»

Узкая тропа вдоль обрыва привела к небольшой расщелине. Здесь с высокого уступа срывался в круглое блюдечко-озерцо небольшой ручей. Всадники тут же начали спешиваться и вести своих лошадей на водопой. Напоив скотину, они и сами устроились на привал, достав из мешков еду и брагу.

— Полоз! — рявкнул Пророк. — Может им еще и колыбельную спеть?! Поднимай их — и вперед! Или хочешь без своего меча остаться?

Хана самого уже немало утомила долгая скачка и подъем по ущелью. Он удобно расположился на попоне близ озерца и уже успел приложиться к глиняной баклаге. Приказ Пророка ему очень не понравился, но в открытую вы-сказывать недовольства не посмел — еще, чего доброго, нашлет проклятье — и конец! Нет на этом свете хана Черного Полоза. Он подозвал своего визиря, и

прошамкал забитым ртом приказание воинам. Стража кинулась пинать нога-ми и стегать плетьми отдыхающих воинов. Получалось плохо. Те, вроде бы и поднимались, шли к лошадям, но, как только нукеры переходили к другой группе, снова усаживались на землю и принимались за прерванную трапезу. Только через полчаса удалось, наконец, растормошить усталых всадников и принудить их снова двинуться вверх по узкому карнизу.

Пророк смотрел на унылую процессию и качал головой. Такими темпами эти лентяи достигнут верхнего плато, хорошо, если к завтрашнему вечеру. А тут еще и заминка произошла — колонна почему-то остановилась. В самом ее авангарде Пророк разглядел какую-то возню, кто-то сорвался в пропасть.

— Что там такое? — спросил он у Полоза.

Тот ответить ничего не смог, так как в этот момент сладко посапывал на своей попоне. Но после более громкого окрика нехотя поднялся, потянулся и снова подозвал визиря.

— Тропа вверху завалена камнями, о, Богам Подобный, — с поклонами отрапортовал тот.

— Так чего ждете! — не выдержав, встрял в разговор вельмож Пророк. — Пусть спешиваются и разбирают завал. У самих, что ли ума не хватает?

— О, Великий, — испросив разрешения у хана, ответил визирь. — Из-за скалы стреляют лучники. К тому же, всадникам очень трудно спешиться — кар-низ узок. Две лошади, одна с всадником уже упали вниз и разбились.

— Так отведите лошадей, и разбирайте завал, прикрывшись щитами! Ну что я вас учить должен?

— О, Великий, — снова стал отбивать поклоны визирь. — Лошадей очень трудно отвести. Они плохо двигаются хвостом вперед. А развернуть их не получается — узко.

— Так сбросьте их в пропасть, к духам подземных королевств! — Пророк заорал так, что даже хан почесал свое ухо. — Приказываю! Бегом!

Визирь отбил еще несколько поклонов, но потрусил отдавать распоряжения, только дождавшись утвердительного жеста своего сюзерена. При этом на лице его отразилась довольно кислая гримаса — заставить кочевника добровольно сбросить в пропасть свое главное имущество — лошадь — это нужно еще очень постараться!

Но все же дело начало сдвигаться с мертвой точки. Кое-как всадники начали спускаться с карниза. Нижним удалось развернуть лошадок, те, кто по-выше спешились и аккуратно погоняли свою скотину задним ходом к более широкому участку

тропы. Спуск осложнялся тем, что на карнизе было гораздо больше лошадей, чем всадников. Наступления явно затягивалось.

Вдруг мрачное до сих пор небо неожиданно прояснилось и ущелье осветилось яркими лучами Светила. Это, казалось бы, счастливое предзнаменование совсем не улучшило настроение Пророка. Скорее, наоборот. Он заметил, что воины задрали головы вверх и заворожено уставились в небо. Про-рок и сам поднял голову. То, что он увидел, сразу испортило настроение и даже вызвало прилив… Нет, не страха — грусти. Грусти от предчувствия полного краха, разочарования во всем, ради чего он жил последние годы.

На гребне скалы стоял его противник и размахивал Звездным Мечом. Блики от него прыгали по всему ущелью, наслав на воинов какое-то оцепенение.

— Звездный Меч, Звездный Меч! — послышался ропот среди кочевников.

Человек на верху скалы еще какое-то время размахивал мечом, а потом, когда не было уже ни одного воина, который не смотрел бы вверх, размахнулся и швырнул свое оружие со скалы. Меч, выделывая в воздухе замысловатые пируэты медленно, как показалось Пророку, опускался в ущелье и, на-конец, погрузился в озерцо, войдя в каменистое дно, будто в кусок масла. Над поверхностью воды осталась торчать только рукоятка из рога хоско.

— Звездный меч упал с небес! Звездный меч упал с небес! — зашумела тол-па. — Ужасное знамение! Мы погибли! Спасаемся! Бежим!

— Что?! Куда?! Мерзавцы! — заорал хан Черный Полоз. — Кто мне меч достанет?

Но его никто не слушал. Даже личная стража бросилась к выходу из расщелины, стараясь первыми втиснуться на узкую тропу. Хан Полоз схватил за грудки первого пробегавшего мимо воина, но тот вырвался и бросился к своему коню. То же произошло и со следующим кочевником.

— Чего испугались?! Трусы, мерзавцы, на кол! — орал Черный Полоз, но результата это не принесло никакого. Испуганные всадники, расталкивая друг друга, опрометью убирались от неприветливого озера. На карнизе и вовсе началась паника — в пропасть срывались лошади и всадники.

— Мой меч! Дети шелудивой ослицы! Повешу! На кол посажу! — продолжал кричать хан, но, видя, что помощи ждать не приходится, сам полез в воду.

— Куда ты, дурашка? — не то сказал, не то подумал Пророк. — Это западня. Эх, не имел ты дела с Акробатом!

Он обреченно махнул рукой и стегнул плетью своего хоско. Сильное высокое животное легко растолкало низкорослых лошадей кочевников, и двинулась вниз из ущелья.

За спиной раздался гром, а потом гораздо более громкий грохот и гул. Пророка это даже не удивило. Он прекрасно знал, что происходит, но ситуация требовала внимания, а не вращения головой. Что бы, да сберегут боги, не оказаться в пропасти! Когда же он смог, наконец, обернуться, то не увидел ни озера, ни тропы, ни вообще ущелья.

Глава 15

Малыш залился веселым смехом. Он начал прыгать и скакать, дергать Принцессу за шаровары, показывая куда-то вдаль. Точно так же он вел себя позавчера, когда заметил Волка.

Принцесса оторвалась от не желавшего разгораться костра и вгляделась вдаль. Там на фоне темнеющей гряды гор с трудом удалось разглядеть еще более темную точку, которая, кажется, двигалась. Скиталец? Не ошибся ли Малыш? Да и Серый начал волноваться… А вдруг враги?

— Чего он? — Волк протер заспанные глаза и уставился в ту сторону, куда мальчишка тянул свою ручку.

— Скиталец! Живой! — в следующее мгновение сон с парня, как рукой сняло.

Это действительно был он. Спокойный, как всегда, одним движением руки пресек проявления радости, и только буркнул:

— Чего вы здесь торчите?

— Тебя ждали, — ответил Волчонок.

— Меня не ждать нужно. Нужно мои приказы выполнять. А если Пророк отправил отряд нам на перехват через Ущелье Южного Ветра?

— Ладно, — сказал Скиталец уже более миролюбивым тоном, увидев насупившиеся лица друзей. — По любому — не успеют. Устал я. Столько протопать… Я посплю, пожалуй. А вы времени не теряйте — собирайтесь в дорогу. Разбудите меня, когда будете готовы отправляться.

Но, как ни старались Волчонок с Принцессой сидеть тихо, будто мышки, как ни пытались угомонить расшалившегося Малыша и не пускать его к отдыхающему Скитальцу, сон того был недолгим.

— Что, готовы? — он потянулся, и прошелся к лошадям. — Эй, одеяло забирайте. Я уже спать не буду. И уберите все следы. Мало ли, вдруг погоня еще продолжится.

Пока Волчонок заканчивал ликвидацию лагеря, Скиталец жестом отозвал Принцессу в сторону.

— Ну, девочка, будем прощаться. Дальше вы с Волком поедете к Побережью, к его родителям. Отсидишься там какое-то время, пока все уляжется в Горной Стране. А нам с Малышом — в другую сторону.

— Возьми меня с собой, господин, — у девушки задрожали губы и глаза на-полнились слезами. Как хотелось броситься к нему на шею, обнять, осыпать поцелуями, или упасть к ногам и умолять не прогонять ее, ту, которая будет любить его до самой

своей смерти. Но нет. Он не позволит. Просто покачает головой, погладит по щеке, постарается успокоить, но скажет, как отрежет.

— Прости, милая, — Скиталец, действительно, покачал головой и погладил ее по щеке. — Там, куда я иду, ты жить не сможешь.

— Но Малыша ты забираешь. Он сможет? Я тоже смогу, как и он. Обещаю, тебе не будет со мной тяжело.

— Малыш — ребенок, а ребенку всегда легче приспособиться к новым условиям. К тому же, останься он в этом мире, прольется много крови. И еще, Малыш рано или поздно вернется — он ведь хан Мати — повелитель этого на-рода. Его предначертание никто не отменял. Тебе же будет многократно труднее — уж я-то знаю. Не нужно оно тебе, поверь. И места там, рядом со мной нет.

— Разве тебе помешает еще одна жена?

— У нас другие верования, другая жизнь. Один мужчина — одна женщина. Так что, извини. Не нужно плакать. Ты ведь смелая девочка, и я очень благодарен тебе за ту помощь, что ты мне оказала. Я хочу тебя отблагодарить.

Скиталец извлек из сумы три большие желтые монеты, подобные тем, что носят на шее и лбу жены богатых и влиятельных господ. Только гораздо более крупные.

— Вот твое приданое. Этого хватит, чтобы вернуть те пастбища, которые у вашего рода отняли соседи. Ты будешь настоящей принцессой — хозяйкой в своих владениях. Только мой тебе совет, сама ничего не предпринимай. По-мощь тебе будет, ой, как нужна! Оглянись вокруг, и увидишь рядом с собой преданного друга, который будет верен тебе до конца. А теперь прощай, сестренка, не поминай лихом.

Он привлек ее к себе и поцеловал в щеку. Девушка прильнула к его губам и долго не могла прервать этого последнего их поцелуя. Наконец, Скиталец, краем глаза взглянув на Волчонка, отстранил девушку.

— Все. Долгие проводы — лишние слезы. Поцелуй лучше Малыша. Не волнуйся, уж с ним-то ты когда-нибудь увидишься. И Волка позови мне.

Волчонок, смущенный подсмотренным прощанием Скитальца с Принцессой, насупившись, подошел к своему товарищу.

— Не ревнуй, парень, — усмехнулся тот. — Я тебе не конкурент, да никогда им и не был. Лучше давай свою руку.

— Зачем?

— Хочу попрощаться с тобой по обычаям моего народа — пожатием рук. Это чисто мужская дань уважения верному другу. А ты был верным другом все это время.

— Попрощаться? — Волчонок удивленно взглянул на

Скитальца. — Я думал, ты к нам поедешь, отдохнешь… А потом, когда будешь уезжать, и с отцом попрощаешься.

— Я с ним уже простился. Я всегда прощаюсь, будто навсегда. Жизнь у меня такая, что следующая встреча не гарантирована. Но, от меня ему — привет. И еще кое-что.

Скиталец вытащил из недр висящей через плечо сумы горсть монеток — золотых, серебряных и даже медных — и положил в руку Волчонка.

— Что это?

— Я у него товар брал, и не расплатился.

— Тот товар и половины не стоит…

— Проценты набежали. И для тебя кое-что есть. Я, помнится, обещал тебе медаль — держи.

Он вытащил из того же кармана пять больших золотых монет, которые знать называет «грандами».

— Этого хватит для того, чтобы купить патент офицера. Да и на много чего еще.

— Ничего себе, наторговали в Горной Стране! На меч хватит? На броню?

— Меч возьмешь мой, пику, Серого — все забирай. Броня? Это мелочи. К тому же, я ведь тебе сколько талдычил, что лучшая броня — воинское умение. И оно у тебя уже есть.

— А как же ты? Без коня, без оружия? И где Звездный? — Волчонок только сейчас заметил, что меча при Скитальце нет.

— О нем забудь. Его теперь не достать. Остались только ножны, которые ты спрячешь так надежно, что их сможет найти только один человек в мире. Потом, когда вырастет. Оружие… Сам знаешь, чему я больше доверяю, — он хлопнул себя ладонью по голенищу. — А конь… Тут недалеко, пешком дойдем.

— Перебил ты меня своим вопросом… — вздохнул Скиталец. — Так вот, этих денег хватит на многое — можешь даже небольшую армию нанять. Вот только запомни: самая выгодная работа — работа на себя самого. Чем проливать кровь за расфуфыренного индюка, не лучше ли самому занять достойное место под небом? Оглянись вокруг, осмотрись, но с выводами не спеши. В общем, ты парень не глупый, разберешься. И о девочке позаботься. Девчонка хорошая. Ну — прощай!

Волчонок незаметно смахнул рукавам слезу и сказал, стараясь подавить дрожь в голосе:

— А ведь славно мы с тобой прокатились, Скиталец! Жаль, никому об этом нельзя рассказать — не поверят.

— Почему же нельзя? Можно. И даже нужно. А поверят или нет — там вид-но будет.

— Ну, что, ваше ханское величество, — обратился он к

Малышу, усаживая того себе на шею. — Прошу в седло, на косю. Только, чур, шпорами не пинаться, и за гриву не смыкать! По-о-ехали!

Черная точка становилась все незаметнее на темно-сером фоне дальней гряды скал, пока окончательно не растворилась в ней.

Эпилог

Визирь пошевелил пальцами ног, затем ступнями. Было больно. Но уже что-то! Несколько месяцев назад он не мог даже этого. Видно спинной мозг потихоньку восстанавливается. Улучшение уже чувствуется, особенно после массажа в «горячем шатре». Две юные врачевательницы долго терзали его тело, мяли мышцы спины, топтались по нему ногами, щипали острыми ноготками, терли щетками из грубой шерсти морского зверя. Плюс неимоверный жар от очага, в котором пылал жир все того-же морского зверя и до красна раскалились округлые камни. Визирь истекал потом, почти терял сознание — так трудно было дышать. Да и боль давала о себе знать, спину после подобных процедур ломило, чуть ли не неделю. Однако, нельзя сказать, что процедура совсем уж неприятная — жара в шатре стояла такая, что врачевательницы работали полностью обнаженными. Смотреть на них было приятно, если, конечно, не принимать во внимание лица. Они, как у всех представительниц этого народа, не впечатляли — плоские, скуластые, со щелками-глазами и приплюснутым носом, обрамленные гривами черных жестких волос. Зато все остальное — плотно сбитые тела, широкие бедра, узкие плечи, полные груди… Да, жаль, не только ноги не работают, но и вся нижняя половина тела. Впрочем, раз появилось желание смотреть на красоток — уже неплохой симптом.

— О, Достойный! — в шатер зашел стражник главы рода Поморника. — У нас большая радость. Пришел бродячий певец, и теперь будет жить с нами до самой зимы. А потом, когда застынет река, вместе с обозом отправится на север.

«Да уж, великое счастье! — подумал Визирь. — Будет блеять, бездельник, всеми вечерами кряду, а его за это корми».

Визирь не любил бродячих певцов. Искусство называется! Декламация больше похожая на бормотание. Ни тебе рифм, ни ритма. А музыка? Шумовое сопровождение без намека на какую-либо гармонию. Но аборигены от этих бездельников в восторге. Готовы слушать часами. И уж миска похлебки с куском рыбы для сказителя всегда найдутся в любом шатре. А может, про-сто не привык он к подобному фольклору? Даже в Стране, Окруженной Горами, музыка была музыкой, а стихи — стихами. Не спутаешь. Но это…

Какая превратность судьбы занесла Визиря в этот приморский поселок охотников за морским зверем — знает только он. Но другого выхода просто не было. Кто вообще слышал

об этом племени? Членов клана всего-то несколько сотен. Их деревни разбросаны по побережью всего океана. В ином селении обитателей по пальцам перечесть можно. С остальными племенами контактируют только зимой, когда отправляют обозы со шкурами, панцирями, бивнями и рыбой на север для продажи и закупки муки. В остальное время года сюда и вовсе не доберешься. Да и места безлюдные — каждый чужак бросается в глаза. Появление такого, обычно, молва опережает на много дней. Так что, зашли Тор Висми нового шпиона — будет время подготовиться к встрече. А уж Тор, скорее всего, от своих планов не откажется. После того, как его псу — Акробату — удалось уйти из западни, тайна Пророка таковой быть перестала.

К тому же, ледник Гарстиг — в нескольких днях пути. Охотники мимо не-го на промысел отправляются, мимо него возвращаются с охоты. Всегда рас-скажут о том, что повидали, какие подвиги совершили на своей охоте. И диковинками, замеченными по дороге, не упустят случая похвалиться.

— О, Достойный, Не желаешь ли послушать сказителя? Он сейчас будет петь в шатре Главы Рода. Поморник приглашает тебя послушать.

— Как этот певец из себя выглядит? — Визирь о нем давно слышал и даже ждал его появления в стане, но береженого боги охраняют. Вдруг это очередной охотник по его, Визиря душу? — Высокий, низкий, молодой, старый?

— Маленький сухонький старикашка, полуслепой, с мальчишкой-поводырем.

— Ладно, зови моих носильщиков.

* * *

Старичок уселся посредине шатра и стал готовиться к выступлению. Мальчишка подсунул ему инструмент и нагромоздил на голову колпак, с на-шитыми медными звоночками. Потом поставил карусель с трещотками и вложил в руку костяной крючок.

— Что вам спеть, о, уважаемые? — проблеял он далеко не музыкальным тенором.

— А что ты знаешь? — спросил Поморник.

— Хотите — про доблестного воина Перо Орла, победителя темных сил из подземных королевств? Или о прекрасной Кииte, руки» которой добивались славные ханы, и которые погибли в войне из-за нее? О бедной Гаумлие, которая полюбила Воина-На-Черном-Коне? Или о хане Мати — надежде горно-го народа?

Тугодум Поморник начал чесать голову, обдумывая столь сложную для него альтернативу.

— О хане Мати? — Визирь даже вздрогнул от неожиданности. Неужели о событиях, происшедших всего несколько лет назад, уже успели легенды сложить? — Это интересно. С удовольствием послушаем. Правду я говорю, о Глава Рода?

Худой, болезненного вида вождь клана Поморник возражать не стал, и сказитель приступил к своему рассказу. Для начала раскрутил свою карусель, потом подставил под крутящиеся звоночки с трещотками свой смычок, выдав тем самым замысловатую трель, и, наконец, запел препротивным козлетоном, нажимая на рычажки своего инструмента и подергивая головой:

Мне поведал эту песнь
Соловей страны высокой
Славный и сладкоголосый
Морри, что живет в предгорьях,
Гор скалистых, гор соленых,
Названных, к Богам Ступени.
Он услышал эту сагу от…

«Да, это надолго, — подумал Визирь. — Но послушать не мешает. Хотя бы, для того, чтобы узнать, откуда ноги растут у этой легенды».

Певец долго на первоисточники не ссылался. Очень скоро выяснилось, что легенда родилась где-то на северо-западе Горной Страны, откуда ее раз-нес по станам кочевников «Горластый Ламар».

Это почему-то не удивило Визиря. До прибрежных деревень уже доходили слухи, что в северо-западные земли вернулась дочь захудалого хана по имени Шестилап, рожденная от рабыни. И вернулась не одна, а с отрядом железной конницы под командованием фаворита — опытного и смелого офицера с Побережья. Это воинство быстро восстановило в правах байстрючку (впрочем, все ее теперь зовут Северной Принцессой), вернуло ей отнятые в свое время у отца пастбища, а так же, отвадило женихов, претендовавших на ее руку по праву сильного. Больше эти «сильные» на северо-запад не суются. Кого-то эти персонажи Визирю напоминают… Надо будет послушать еще и легенду о Гаумлие. Что-то имя знакомое. Но, это позже. Старичок же пере-шел непосредственно к жизнеописанию хана Мати:

Где цветут цветы медовки,

Где трава сочна и свежа
Чистых вод хрусталь сверкает
С гор срываясь на долины,
Жило племя Длиннорога —
Смелые лихие люди
Славные к труду любовью
И геройством в ярой схватке.

Старичок довольно долго перечислял достаток племени — тучные стада, полные борти меда, красивые наряды женщин, дорогое оружие мужчин. На-конец, перешел к самому вождю

Правил этим славным людом
Мудрый и лицом красивый
Статный, сильный и везучий
Хан по имени Мати.

Итак далее, и так далее… Пророк в нетерпении поерзал на своей подушке. Когда уже этот сказитель перестанет сыпать комплиментами, а перейдет, наконец, к делу?! Рассказ обещал быть интересным.

Но пришла беда нежданно.
Черной тучей налетело
Злое воинство Чикама.
Хана — подлого убийцы,
Жадного к добру чужому.

Славно дрался Мати смелый,
Много душ врагов коварных
Он отправил в королевства
Подземелий. К духам мертвым
Духам страха.

Не прошло и четверти часа, а певец уже поведал, что хан Чикама все же одержал победу. Он вырезал всех мужчин, забрал себе в качестве добычи пастбища, стада и молодых женщин рода Длиннорога. Сам же израненный Мати, не желая сдаваться врагам, бросился со скалы в глубокое ущелье. Тут бы бедняге и умереть, но Ангел на крылатом черном скакуне спустился с небес и не дал Мати разбиться о камни.

«Вот так! Наемник и убийца стал в поверьях этого народа

ангелом, посланником Богов, спасающим несчастного обиженного героя. Ай да, Акробат!» — подумал Визирь.

Далее шло многочасовое описание приключений хана Мати и его войны со своими врагами. Визирь слушал вполуха. Эти события ему были известны из первых уст, в большинстве своем они действительности не соответствовали. Клан Чикама, который согласно преданию, доблестный Мати вырезал под корень, существует и поныне. И его вождь жив и здоров. Никакой жестокой сечи при захвате Звездного меча тоже не было, да и Мати к этому руку не приложил — все сделал Ангел- Акробат, провались он к духам подземных королевств!

А вот развязка заинтересовала и разозлила Визиря одновременно. Враги окружили смелого хана на вершине одинокого утеса, откуда ему ну совершенно некуда было деться. И тогда:

Поднял хан Мати к Светилу
Меч Великий, Небом Данный
И наслал свое проклятье
На врагов, внизу стоящих.
Обратил свой взгляд горящий
К людям гор хан справедливый
«— Я вернусь — вскричал он громко.
— Я вернусь, вы только ждите.
Добро будет людям горным,
Будет мир и будет благо.
Кровь несчастного народа
Окроплять не будет скалы.
Я вернусь, вы только ждите!
Ждите, и себя любите,
Не прольется кров народа
Гор на бедную скупую землю.
Не прольется — мой завет вам,
Люди Гор, народ мой славный.
И меня любой узнает
Ножны лишь Меча увидит.
Это — знак мой! Знайте, люди.
А сам Меч, враги, берите
Вместе со знамением смерти!
Вниз сорвавшись с небес грозных
Принесет он сто несчастий
Всем врагам моим коварным.
А теперь прощайте, люди.
Ждите! Я вернусь не скоро,

Но вернусь я непременно».
И швырнул Мати оружие
Вниз с высокого утеса.
В то же миг взорвалось небо
И обрушило осколки
На врагов Мати коварных.
Ни один из них не выжил
Не сбежал от гнева неба,
Перед смертью лишь увидев
Всадника на коне черном,
Коне быстром и крылатом
Что унес Мати с собою
В мир, где нет злобы и чванства,
Где любовь царит и верность
И добро, и жизнь, и счастье.
Он вернется, ждите люди,
Он вернется непременно!
И добудет Меч свой Звездный —
Лишь ему это под силу —
Под скалой, с небес упавшей
И заставит негодяев
Чтить любовь и добро и веру.
Ждите, люди, будет Счастье!

Собравшиеся в шатре охотники радостно закричали. Баллада им понравилась. Только визирь скрежетал зубами. Все наметки его будущего плана по-теряли актуальность. О них теперь можно попросту забыть. Не будет ни Мати? 2, ни подделки Звездного Меча, раз уж эта легенда гуляет по Горной Стране. Ничему другому кочевники просто не поверят. Не иначе, сам Акробат приложил руку к ее созданию. Поэт! Два слова связать не в состоянии, а туда же, в поэты. Или его друзья просто выполнили заказ? А! Какая разница!

Теперь ему остается только ненависть. И она прибавляет сил.

Визирь, превозмогая боль, согнул ногу в колене. Этого до сих пор ему еще не удавалось. Что же, борьба еще не закончена! Ты еще меня вспомнишь, Акробат!